

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ДЕРЖИ МАРКУ!

Going Postal

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

Annotation

«Занимательный факт об ангелах состоит в том, что иногда, очень редко, когда человек оступился и так запутался, что превратил свою жизнь в полный бардак и смерть кажется единственным разумным выходом, в такую минуту к нему приходит или, лучше сказать, ему является ангел и предлагает вернуться в ту точку, откуда все пошло не так, и на сей раз сделать все правильно».

Именно этими словами встретила Мокрица фон Липвига его новая жизнь. До этого были воровство, мошенничество (в разных размерах) и, как апофеоз, – смерть через повешение.

Не то чтобы Мокрицу не нравилась новая жизнь – он привык находить выход из любой ситуации и из любого города, даже такого, как Анк-Морпорк. Ему скорее пришлось не по душе должность Главного Почтмейстера. Мокриц фон Липвиг – приличный мошенник, в конце концов, и слово «работа» – точно не про него! Но разве есть выбор у человека, чьим персональным ангелом становится сам патриций Витинари?

Книга также выходила под названием «Опочтарение» в переводе Романа Кутузова

- [Терри Пратчетт](#)
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава седьмая с половиной](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)

- [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Терри Пратчетт

Держи марку!

Terry Pratchett

Going Postal

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2004

First published as Going Postal by Transworld Publishers

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

9000 лет назад

Флотилии мертвецов дрейфуют в подводных реках.

Мало кому известно о них. Хотя в теории все очень просто.

То есть море, если так подумать, – всего лишь очень влажный воздух. А воздух, как известно, чем ниже спускаешься – тем плотнее, и чем выше взлетаешь – тем реже. И когда подхваченный бурей корабль разбивается и идет ко дну, рано или поздно он достигает той глубины, где вода становится достаточно вязкой, чтобы остановить падение.

В общем, он прекращает тонуть и плывет по подводной глади, глубоко под бушующими штормами и высоко над океанским дном.

Там царит спокойствие. Мертвенное спокойствие.

На некоторых затонувших кораблях еще есть такелаж. На некоторых даже паруса. На многих остались моряки, запутавшиеся в такелаже или привязанные к штурвалу.

Но плавание продолжается – без цели, без места назначения, – потому что подводные океанские течения носят мертвые корабли со скелетами моряков по свету. Они дрейфуют над затонувшими городами, между ушедшими под воду горами, пока гниение и древоточцы не изъедят их до основания и они не прекратят существовать.

Иногда во тьму и ледяную безмятежность глубоководной равнины падает якорь и нарушает вековую неподвижность, вздымая облако ила.

Один такой якорь чуть не задел Ангхаммарада, который сидел и смотрел на корабли, проплывавшие высоко над его головой.

Он запомнил, потому что это было единственным интересным происшествием за последние девять тысяч лет.

Месяц назад

Эта... зараза, косящая семафорщиков.

Она была сродни тропической лихорадке, которой моряки заболевали после долгих недель штиля под палящим солнцем – когда им начинало мерещиться, что их корабль окружен зелеными полями и они шагали за борт.

Семафорщикам иногда начинало казаться, что они умеют летать.

От одной клик-башни до другой было около восьми миль, и стоя на самом верху, вы находились в полутора футах от земли. Говорили, что, если пробыть там слишком долго без головного убора, ваша башня станет выше, а соседняя – ближе, и человеку начинало казаться, что он мог бы даже допрыгнуть туда или прокатиться на невидимых посланиях, скользящих между башнями, – а может, у него возникала мысль, что *он и есть* послание. А некоторые считали, что это было обычное повреждение мозга, вызванное шумом ветра в арматуре. Точно никто не знал. Люди, которые шагают в воздух на высоте ста пятидесяти футов от земли, нечасто имеют возможность обсудить это впоследствии.

Клик-башня слегка покачивалась на ветру, но это было нормально. В *этой* башне было много разных новых штук. Она использовала ветер для работы своих механизмов, она гнулась, но не ломалась, и была скорее похожа на дерево, нежели на крепость. Ее можно было всю собрать на земле и потом возвести на нужном месте в течение часа. Она была образцом изящества и красоты. И могла отправлять клики до четырех раз быстрее, чем старые башни, благодаря новой системе заслонок и цветных огней.

По крайней мере, сможет, когда удастся решить небольшие технические вопросы...

Молодой человек проворно взбирался на самый верх башни. Из липкого серого марева он вылез на ослепительный солнечный свет, а утренний туман у него под ногами простирался до самого горизонта, как море.

Пейзаж мало интересовал юношу. Он никогда не мечтал о полетах. Он мечтал о механизмах и изобретениях, которые будут работать лучше, чем все, что существовало до них.

А сейчас он хотел разобраться, из-за чего новые заслонки *опять* заело. Он смазал задвижки, проверил натяжение проводов, а потом высунулся еще дальше, навстречу холодному воздуху, чтобы проверить сами заслонки. Делать так было нельзя, но любой семафорщик знает, что это единственный способ починить неисправность. Да и потом, это совершенно безопасно, если...

Что-то звякнуло. Он обернулся и увидел, что карабин его страховочного троса лежит на полу, увидел тень, ощутил пронзительную боль в пальцах, услышал крик и упал...

... якорем вниз.

Глава первая

Ангел

В которой герой получает величайший дар: Надежду – Сочувственный сэндвич с беконом – Неутешительные размышления палача о тяжких наказаниях – Славные последние слова – Наш герой умирает – Ангелы и рассуждения об оных – Избегайте неуместных предложений, в которых фигурируют метлы – Неожиданная поездка – Мир без честных людей – Прыг-скок – Выбор есть всегда

Бытует мнение, что перспектива быть наутро повешенным необычайно помогает человеку собраться с мыслями. К сожалению, собравшись, они неизбежно сосредотачиваются на том, что голова, в которой они собрались, наутро окажется в петле.

Человека, который должен был оказаться в петле, при рождении недалёковидные, но любящие родители нарекли Мокрицем фон Липвигом, и он не собирался очернять это имя (хотя, казалось бы, куда уж дальше), будучи под ним повешенным. В миру вообще и в приказе о смертном приговоре в частности он значился Альбертом Стеклярсом.

К ситуации он подошел с самой оптимистической стороны и, собравшись с мыслями, думал о том, как бы в петле *не* оказаться и, в частности, как бы при помощи ложки соскрести крошащийся цемент вокруг камня в стене его камеры. Он корпел над этим уже пять недель, и ложка теперь больше походила на пилку для ногтей. На его счастье, тюремщики ни разу не меняли ему постель – иначе они обнаружили бы в камере самый тяжелый на свете матрац.

Все внимание Мокрица было сосредоточено на увесистом булыжнике и на пригвожденной к нему железной скобе – для крепления кандалов, в частности.

Мокриц уселся лицом к стене, уперся в нее ногами, обеими руками ухватился за железное кольцо и потянул.

Его плечи вспыхнули огнем, перед глазами поплыл алый туман, но камень сдвинулся и пополз, почему-то слабо позвякивая. Мокрицу удалось высвободить камень из стены, и он заглянул в дыру.

На том конце крепко сидел еще один камень, и цемент вокруг него выглядел подозрительно прочным и свежим.

Прямо у стенки лежала новая ложка. Лежала и сверкала.

Мокриц так и стоял, уставившись на нее, пока не услышал из-за спины хлопки. Он обернулся, и его натянутые жилы так и взвыли от боли. Через решетку камеры за ним наблюдали тюремщики.

– Отличная работа, господин Стеклярс! – воскликнул один из них. – Рон теперь должен мне пять долларов! А я говорил ему, что ты упрямый! Говорил я?

– Твоих рук дело, Вилкинсон? – обессиленно спросил Мокриц, глядя на отражение света в ложке.

– О нет, куда мне. Приказ лорда Витинари. Он считает, что всем смертникам нужно предоставлять перспективу свободы.

– Свободы? Да тут же камень опять, черт подери!

– Да, все так, тут ты прав, все так, – согласился тюремщик. – Так ведь речь-то только о *перспективе*, вот оно что. А не о настоящей свободе, когда ты *на свободе*. Хе-хе, это было бы глупо с нашей стороны, да?

– Ну, видимо, да, – сказал Мокриц. И не добавил: «Скотины вы этакие». Минувшие полтора месяца тюремщики обращались с ним очень даже по-божески, и вообще он всегда предпочитал находить с людьми общий язык. Это ему очень, очень хорошо удавалось. Навыки общения были важной частью его арсенала – практически составляли этот арсенал целиком.

К тому же у тюремщиков были большие дубинки. Поэтому Мокриц осторожно добавил:

– Кто-то мог бы сказать, что это жестоко, Вилкинсон.

– Да, мы тоже так подумали, но Витинари сказал, что нет, мы не правы. Он сказал, это... – он наморщил лоб, – труда-ти-рапия, физзарядка, и вообще, не дает затосковать и дарует величайшее из всех сокровищ, каковое есть Надежда.

– Надежда, – проворчал Мокриц.

– Ты не расстроился, а, господин Стеклярс?

– Расстроился? Я? С чего бы, Вилкинсон?

– Да вот, твой предшественник ухитрился вылезти в эту трубу. Такой маленький был. И юркий.

Мокриц глянул на небольшую решетку в полу. Этот вариант он отбросил сразу.

– Труба хоть ведет к реке? – спросил он.

Тюремщик ухмыльнулся.

– Все так думают. *Как он был огорчен*, когда мы его выловили. Приятно видеть, что ты уловил суть, господин Стеклярс. Нам всем с тебя только пример можно брать. Как ты все это провернул! Песок в матрац?

Как умно, как аккуратно. Как *опрятно*. Нам было в радость наблюдать за тобой. Кстати, жена моя сердечно благодарит за корзину с фруктами. Такая солидная корзина. Даже кумкваты есть!

– Не за что, Вилкинсон.

– Смотритель, правда, чуток обиделся из-за кумкватов, у него-то были одни финики, а я так и сказал ему, что фруктовая корзина – она как жизнь: никогда не знаешь, что попадет. Он тоже передает спасибо.

– Рад, что ему понравилось, Вилкинсон, – ответил Мокриц рассеянно. Несколько его бывших квартирных хозяек приносили гостинцы «бедному, сбившемуся с пути мальчику», а Мокриц всегда делал ставку на щедрость. В конце концов, в его профессии все держалось на стиле.

– И вот еще что, – сказал Вилкинсон. – Мы тут с ребятами подумали, вдруг ты все-таки решился облегчить душу на предмет адреса того самого места, где расположено местонахождение, где, чтобы не ходить вокруг да около, ты спрятал деньги?..

В тюрьме стало тихо. Даже тараканы прислушались.

– Нет, на это я пойти не могу, Вилкинсон, – громко ответил Мокриц, театрально выдержав паузу. Он похлопал себя по карману сюртука, поднял вверх палец и подмигнул.

Тюремщики усмехнулись в ответ.

– Прекрасно тебя понимаем. А сейчас я бы на твоём месте отдохнул, потому что тебя повесят через полчаса, – сказал Вилкинсон.

– Эй, а завтрак мне не положен?

– Завтрак только после семи, – отозвался тюремщик с сожалением. – Но знаешь, я сделаю тебе сэндвич с беконом. Только ради тебя, господин Стеклярс.

До рассвета оставались считанные минуты, когда его провели по небольшому коридору в каморку под эшафотом. Мокриц заметил, что наблюдает за собой как бы со стороны, словно он уже частично покинул свое тело и парил, как воздушный шарик, который только и ждет, чтобы оторваться от нитки.

В каморку через щели помоста у него над головой и вокруг дверцы люка, ведущего на эшафот, просачивался свет. Человек в капюшоне усердно смазывал петли означенного люка.

Когда в каморку вошли, он прервался.

– Доброе утро, господин Стеклярс! – он учтиво снял капюшон. Это я, господин, Даниэль «И-Раз» Трупер. Я твой палач на сегодня. Не волнуйся, я вздернул уже не один десяток человек. Мы быстро со всем разберемся.

– Скажи мне, Даниэль, правда ли, что, если человека не повесят с трех попыток, ему дается помилование? – поинтересовался Мокриц, пока палач тщательно вытирал руки тряпкой.

– Слышал я о таком, слышал... Но меня, знаешь, тоже не просто так прозвали «И-Раз». Желает ли господин черный мешок на голову?

– А это поможет?

– Кто-то считает, что так будет выглядеть презентабельнее. И потом, не видно, как глаза выкатываются из орбит. Короче, это скорее для публики. Сегодня, кстати, весьма многочисленной. Неплохую про тебя тиснули статейку в «Правде». Писали, какой ты хороший человек, и все такое. Кхм... не изволишь подписать веревку перед повешением? В том смысле, что *после* уже вряд ли получится.

– *Подписать веревку?* – удивился Мокриц.

– Ага, – отвечал палач. – Это как бы традиция. Люди покупают использованные веревки. Коллекционеры узкого профиля, так сказать. Странновато, конечно, но чего только не бывает, да? А с автографом, понятное дело, стоит дороже, – он расчеркнул пальцем в воздухе по всей длине веревки. – У меня и специальное перо есть, которое пишет на веревке. По автографу на каждые пару дюймов, ладно? Только подпись. Никаких эпиграмм. А мне денежка. Буду премного благодарен.

– Может, в знак благодарности не будешь меня вешать? – спросил Мокриц и взял у него перо.

Все откликнулись на это одобрительным смешком. Трупер наблюдал, как Мокриц выводит автографы на веревке, и радостно кивал.

– Замечательно, это фактически мой пенсионный фонд у тебя в руках. Итак... все готовы?

– Я не готов! – быстро ответил Мокриц, к всеобщей радости.

– Ты такой забавный, господин Стеклярс, – сказал Вилкинсон. – Без тебя тут будет совсем не так, честное слово.

– Для меня-то уж точно, – заметил Мокриц, что снова было расценено как тонкая острога. Он вздохнул. – Скажи, Трупер, ты и впрямь считаешь, что такие меры предотвращают преступления?

– Ну, в общем и целом, я бы сказал, сложно судить однозначно, ведь непросто обнаружить доказательства еще не совершенного преступления, – ответил Трупер, в последний раз дернув дверцу люка. – Но *в частном и конкретном*, я бы сказал, чрезвычайно действенно.

– И что это значит?

– Да то, господин, что я еще никогда не видал, чтобы сюда возвращались дважды. Приступим?

Они поднялись наверх, под прохладное утреннее небо, и толпа зашевелилась: раздались улюлюканья и даже редкие аплодисменты. Люди странные существа. Укради мешок капусты – и тебя посадят в тюрьму. Укради тысячи долларов – и тебя посадят на трон или провозгласят героем.

Мокриц смотрел прямо перед собой, пока со свитка зачитывали список его преступлений. Он не мог отделаться от мысли, как все это было *нечестно*. Он в жизни руки ни на кого не поднял. Он даже дверей никогда не ломал. Ему *случалось* отпирать их отмычкой – но он всегда закрывал за собой. Не считая всех этих банкротств, конфискаций и непредвиденных разорений, что он сделал настолько *дурного*? Он просто манипулировал цифрами, и только-то.

– Какая толпа собралась, – Трупер перекинул веревку через перекладину и завозился с узлами. – Сколько журналистов. «Новости с эшафота», конечно, куда без них, «Правда», «Псевдополис Геральд» – это, наверное, из-за банка, который там у них прогорел, а еще вроде приехал журналист из «Биржевика равнины Сто». У них очень хороша финансовая рубрика – я там слежу за ценами на веревки б/у. Видать, многие хотят посмотреть на твою смерть.

Мокриц заметил, как к хвосту толпы подкатила карета. Непосвященному могло показаться, что на ее дверцах не было герба – тут нужно было знать, что герб лорда Витинари представлял собой изображение черного щита. На черном фоне. Приходилось признать: у негодяя был стиль...

– А? Что? – спросил Мокриц, почувствовав легкий толчок локтем.

– Я спросил, не желаешь ли ты произнести последнее слово, – повторил палач. – Так заведено. Есть у тебя что на уме?

– Я вообще-то не собирался умирать, – сказал Мокриц. И это была правда. Действительно, не собирался. Даже сейчас. Он был уверен, что *каким-нибудь* все образуется.

– Хорошо сказано, – одобрил Вилкинсон. – У тебя все?

Мокриц прищурился. Занавеска в окне кареты дернулась. Дверца распахнулась. Величайшее из всех сокровищ – Надежда слабо замаячила перед ним.

– Да нет же, это не было мое *последнее* слово, – сказал он. – Э-э-э... дайте подумать...

Из кареты вышел худощавый человек секретарского вида.

– М-м-м... я не делал ничего... э... такого уж страшного...

Ага, все становится на свои места. Витинари просто решил припугнуть его. Это было бы вполне в его духе, исходя из того, что

Мокриц о нем слышал. Сейчас будет помилование!

– Я... пф... это...

Там, внизу, секретарь с трудом протискивался через людскую массу.

– Ты не мог бы немного ускориться, господин Стеклярс? – попросил палач. – Перед смертью не надьшишься.

– Я собираюсь с мыслями, – высокопарно заявил Мокриц, не спуская глаз с секретаря, который как раз обогнул крупного тролля.

– Надо же и честь знать, – заметил Вилкинсон, недовольный таким нарушением этикета. – А то так можно, э, м-м-м, кхм, и *на год* это дело растянуть! Коротенько и бодренько, господин, в таком духе.

– Да, да, – отозвался Мокриц. – Кхм... о, гляди-ка, видишь, там человек тебе машет!

Палач заметил секретаря, почти пробившегося в первые ряды.

– У меня сообщение от лорда Витинари! – прокричал тот.

– Да! – воскликнул Мокриц.

– Он велит кончать побыстрее, утро уже наступило!

– Эх, – сказал Мокриц и перевел взгляд на черную карету. А чувство юмора у этого Витинари было прямо как у тюремщиков.

– Ну же, господин Стеклярс, ты ведь не хочешь, чтобы у меня из-за тебя были проблемы? – сказал палач, похлопывая его по плечу. – Пару слов – и мы все сможем снова заняться своими делами – за исключением некоторых, конечно.

Значит, это *был* конец. Как ни странно, это в известной степени раскрепощало. Не надо больше бояться самого страшного из возможных последствий, потому что – вот оно, и оно уже почти позади. Тюремщик был прав. В этой жизни нужно миновать ананас во фруктовой корзине, подумал Мокриц. Он тяжелый, колючий, шишковатый, но под ним могут оказаться персики. С такой идеей стоило идти по жизни – и значит, сейчас от нее не было ни малейшего проку.

– В таком случае, – сказал Мокриц фон Липвиг, – я вручаю свою душу любому богу, который сможет ее отыскать.

– Класс, – одобрил палач и потянул за рычаг.

Альберт Стеклярс умер.

Все сошлись во мнении, что это были славные последние слова.

– А, господин фон Липвиг! – послышался отдаленный голос, постепенно приближаясь. – Очнулся? И все еще жив – на данный момент.

Последняя фраза была произнесена с такой интонацией, что Мокриц сразу понял: продолжительность данного момента всецело зависела от воли

говорящего.

Мокриц открыл глаза. Он сидел в удобном кресле. За столом напротив, поджав губы и в раздумье сложив ладони перед лицом, сидел Хэвлок Витинари, под чьим экстравагантно деспотичным правлением Анк-Морпорк стал городом, в котором по какой-то неведомой причине хотел жить каждый.

Древний животный инстинкт подсказал Мокрицу, что за удобным креслом стояли какие-то люди, и любое резкое движение может причинить ему крайнее неудобство. Но люди эти вряд ли были страшнее смотревшего на него в упор худосочного, облаченного во все черное человека с маленькой пижонской бородкой и руками пианиста.

– Рассказать тебе об ангелах, господин фон Липвиг? – любезно предложил патриций. – Я знаю о них два занимательных факта.

Мокриц захрипел. В поле его зрения не было пути к спасению, а о том, чтобы оглянуться, он даже не помышлял. Шея болела со страшной силой.

– Ах да. Тебя же повесили, – сказал Витинари. – Повешенье – очень точная наука. Господин Трупер в ней большой знаток. Толщина веревки, ее гладкость, узел, затянутый *там*, а не *тут*, пропорции веса и расстояния... о, он мог бы написать об этом целую книгу. Тебя повесили в полудюйме от смерти, насколько я могу судить. Только специалист мог бы это заметить – и в данном случае таким специалистом был наш друг господин Трупер. Нет, Альберт Стеклярс умер, господин фон Липвиг. Триста человек могут поклясться, что видели это воочию, – он подался вперед. – И вот сейчас я хочу поговорить с тобой об ангелах.

Мокриц сдавленно засипел.

– Первый занимательный факт об ангелах, господин фон Липвиг, состоит в том, что иногда, очень редко, когда человек оступился и так запутался, что превратил свою жизнь в полный бардак и смерть кажется единственным разумным выходом, в такую минуту к нему приходит или, лучше сказать, ему *является* ангел и предлагает вернуться в ту точку, откуда все пошло не так, и на сей раз сделать все *правильно*. Господин фон Липвиг, я бы хотел, чтобы ты воспринимал меня... как ангела.

Мокриц уставился на патриция. Он чувствовал хватку веревки, удушье петли! Он помнил, как накатила чернота! Он *умер!*

– Я предлагаю тебе работу, господин фон Липвиг. Альберт Стеклярс покоится с миром, но у Мокрица фон Липвига есть *будущее*. Которое может оказаться совсем коротким, если он поведет себя неразумно. Я предлагаю тебе работу. И жалованье. Я понимаю, что тебе может быть незнакома такая система.

Только как разновидность ада, подумал Мокриц.

– Предлагаю тебе должность главного почтмейстера анк-морпоркского Почтамта.

Мокриц продолжал таращиться на него.

– Позволю себе лишь добавить, господин фон Липвиг, что позади тебя есть дверь. Если в какой-то момент ты решишь, что хочешь уйти, тебе достаточно лишь переступить порог, и больше ты никогда обо мне не услышишь.

Мокриц пометил эту ремарку: «крайне подозрительно».

– Продолжу. Твои обязанности, господин фон Липвиг, включают ремонт здания, возобновление деятельности городской почты, обработку международных доставок, обслуживание Почтамта – и так далее, и тому подобное...

– Может, мне еще метлу в задний проход вставить и пол вам подмести? – произнес голос, и Мокриц осознал, что этот голос принадлежал ему. В голове была каша. Большим потрясением было обнаружить, что жизнь после смерти – это та же самая жизнь.

Лорд Витинари посмотрел на него мучительно долгим взглядом.

– Ну, если ты настаиваешь, – ответил он и повернулся к вездесущему секретарю. – Стукпостук, у нас есть чулан на этом этаже?

– Конечно, милорд, – ответил секретарь. – Мне принести?..

– Я же пошутил! – выпалил Мокриц.

– О. Прошу прощения. Я не понял юмора, – сказал Витинари, поворачиваясь обратно к Мокрицу. – Дай мне знать, если почувствуешь необходимость сделать это снова.

– Слушайте, – сказал Мокриц. – Я не очень понимаю, что здесь сейчас происходит, но я не имею *никакого* понятия, как работает почта!

– Господин Мокриц, еще этим утром ты не имел понятия, как работает виселица, и тем не менее, если бы не мое участие, ты бы уже показал в этом класс, – резко парировал Витинари. – Что лишний раз доказывает: не попробуешь – не узнаешь.

– Но когда вы приговорили меня...

Витинари поднял бледную ладонь.

– Да?

Мозг Мокрица, слава богам, сообразивший, что пора поработать, включился в разговор и поправился:

– Гм... когда вы... приговорили... Альберта Стекляrsa...

– Замечательно. Продолжай.

– ...вы назвали его прирожденным преступником, мошенником по

призванию, прожженным лжецом, злым гением и исключительно не заслуживающим доверия!

– Ты принимаешь мое предложение, господин фон Липвиг? – прервал его Витинари.

Мокриц посмотрел на него.

– Минуточку, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Я только кое-что проверю.

За креслом стояли двое мужчин, одетых в черное. Это не было элегантное черное, скорее такое, которое надевают, чтобы не оставлять следов на одежде. Их можно было принять за клерков – если только не заглядывать им в глаза.

Они пропустили Мокрица, когда он направился к двери, которая, как и было обещано, обнаружилась позади. Очень осторожно Мокриц открыл ее. За дверью ничего не было, даже пола. Как человек, привыкший во всем искать малейшие лазейки, он вытащил из кармана огрызок ложки и бросил вниз. Прошло немало времени, прежде чем ложка, наконец, звякнула.

Тогда он вернулся и уселся в кресло.

– Перспектива свободы? – уточнил Мокриц.

– Именно, – согласился лорд Витинари. – Выбор есть всегда.

– Вы считаете... я мог выбрать верную смерть?

– Какой-никакой, но выбор, – ответил Витинари. – Или, лучше сказать, альтернатива. Видишь ли, я верю в свободу, господин фон Липвиг. А верят в нее немногие, хоть и кричат об обратном. И никакое определение свободы на практике не будет полным без свободы отвечать за свои поступки. Это и есть та свобода, на которой держатся все остальные. Итак... принимаешь ли ты мое предложение? Никто тебя не узнает, не беспокойся. Похоже, тебя никто никогда не узнаёт.

Мокриц пожал плечами.

– Ну ладно. Конечно, принимаю, как прирожденный преступник, прожженный лжец, мошенник и безнадежно ненадежный злой гений.

– Решено! Добро пожаловать на государственную службу! – сказал лорд Витинари, протягивая ему руку. – Я горжусь тем, что выбрал правильного человека. Оклад – двадцать долларов в неделю, и почтмейстеру в пользование предоставляются скромные апартаменты в основном здании Почтамта. И, кажется, форменный головной убор. Буду ждать регулярных отчетов. Всего хорошего.

Он погрузился в чтение бумаг. Потом поднял глаза.

– Ты еще здесь, почтмейстер?

– И это все? – удивился Мокриц. – То вы меня вешаете, то в

следующий момент нанимаете на работу?

– Дай-ка подумать... да, так и есть. Ах нет. Ну конечно. Стукпостук, отдай господину фон Липвигу его ключи.

Секретарь сделал шаг вперед и вручил Мокрицу увесистую проржавленную связку ключей, после чего протянул ему бумагу.

– Распишись в получении, почтмейстер.

Погодите-ка, пришло Мокрицу в голову, это просто город. В нем есть ворота. И от ворот в разные стороны расходятся десятки путей для побега. Какая разница, что подписывать?

– С удовольствием, – сказал он и нацарапал имя.

– *Настоящее* имя, – сказал лорд Витинари, не отрываясь от бумаг. – Что он написал, Стукпостук?

Секретарь вытянул шею.

– Э... Этель Змейг, милорд, насколько я могу разобрать.

– Постарайся сосредоточиться, господин фон Липвиг, – устало сказал Витинари, продолжая читать документы.

Мокриц расписался еще раз. В конце концов, какая разница, если пускаться в долгие бега? А бега будут долгие, особенно если ему не удастся раздобыть лошадь.

– Остается только решить вопрос с твоим надсмотрщиком, – сказал лорд Витинари, все еще погруженный в разложенные перед ним бумаги.

– Надсмотрщиком?

– Да. Я же не совсем идиот, господин фон Липвиг. Он будет ждать тебя через десять минут напротив здания Почтамта. Всего хорошего.

Когда Мокриц удалился, Стукпостук вежливо откашлялся и спросил:

– Вы думаете, он там объявится, милорд?

– Всегда нужно учитывать особенности мышления индивидуума, – сказал Витинари, исправляя грамматические ошибки в рапорте. – Я поступаю так всегда, а ты, увы и ах, нередко упускаешь это из виду. Вот почему он вышел отсюда с *твоим* карандашом в кармане.

Всегда передвигайся быстро. Никогда не знаешь, что следует за тобой по пятам.

Через десять минут Мокриц фон Липвиг был уже далеко за пределами города. Он купил лошадь, за что ему должно было быть стыдно, но времени было в обрез, и он успел только прихватить сбережения из единственного тайника да урвать по уценке дряхлую клячу из конюшен Гобсона. Зато никто не хватится и не побежит заявлять в Стражу.

Никто не остановил его. Никто не задержал на нем свой взгляд – как и

всегда. И городские ворота были распахнуты настежь. Перед ним расстилались равнины, полные возможностей. А уж в том, чтобы сделать из ничего кое-что, ему не было равных. Например, в первом же городе, который попадется ему на пути, он возьмется за старушку-лошадку и при помощи элементарных средств и приемов сделает так, что за нее дадут вдвое больше – по крайней мере, в течение двадцати минут или до первого дождя. Но двадцати минут будет более чем достаточно, чтобы продать ее и, если повезет, купить новую, получше, за которую возьмут не слишком дорого. Те же манипуляции он повторит и в следующем городе и дня через три-четыре будет владельцем лошади, которой не стыдно обладать.

Это станет прелюдией, разминкой для восстановления формы. У Мокрица с собой были три почти что бриллиантовых кольца, зашитых под подкладку сюртука, одно настоящее – в потайном кармашке в рукаве – и один почти что золотой доллар, ловко вшитый под воротничок. Для него это было то же, что пила с молотком для плотника. Средства примитивные, но они позволяют ему вернуться в седло.

Есть такое высказывание: «Нельзя обдурить честного человека», – его особенно любят повторять те, кто неплохо устроился, обдуривая честных людей. Мокриц, однако, этим не промышлял – по крайней мере, осознанно. Если ты обдуришь честного человека, он, скорее всего, сообщит местной Страже, а в эти дни от нее стало непросто откупиться. Дурить нечестных людей было куда как безопаснее и, кстати, азартнее. Не говоря уж о том, что их было намного больше. Днем с огнем искать не приходилось.

Полчаса спустя после прибытия в Вырчай, откуда большой город виднелся столбом дыма на горизонте, Мокриц подошел к трактиру, понурясь, не имея ни гроша за душой, кроме подлинного бриллиантового кольца ценой в сотню долларов, и больше всего на свете желая вернуться домой, в Орлею, где его бедная старушка-мать помирала от комаларии. Еще одиннадцать минут спустя он в ожидании стоял перед ювелирной лавкой, в которой ювелир рассказывал отзывчивому горожанину, что кольцо, которое путник был готов продать за двадцать долларов, на самом деле стоило все семьдесят пять (ювелирам тоже ведь нужно на что-то жить). И спустя еще тридцать пять минут Мокриц уже скакал на приличной лошади с пятеркой долларов в кармане, оставив позади довольного собой отзывчивого горожанина, которому хоть и хватило ума внимательно следить за каждым движением Мокрица, но вот-вот предстояло войти в ювелирную лавку с намерением продать за семьдесят пять долларов медное колечко со сверкающей стекляшкой, которое стоило не больше пятидесяти пенсов в базарный день.

Слава богам, мир был лишен честных людей и сказочно богат теми, кто был уверен, что уж он-то всегда отличит честного человека от мошенника.

Мокриц похлопал себя по карману сюртука. Тюремщики стянули его карту, скорее всего тогда, когда он свыкался с ролью покойника. Это была хорошая карта. Изучая ее, Вилкинсон сотоварищи многое узнают о криптографии, географии и картографии. Однако они не обнаружат на ней местонахождения ста пятидесяти тысяч анк-морпоркских долларов в разных валютах, потому что карта была совершенной – в обоих смыслах слова – выдумкой. Но Мокрица грело и забавляло прекрасное чувство, что на некоторое время тюремщики станут обладателями величайшего из всех сокровищ – Надежды.

Мокриц считал, что тому, кто не в состоянии элементарно *запомнить*, куда он запрятал огромное состояние, стоит его лишиться. Но пока нужно было держаться от клада подальше и иметь в виду на будущее...

Мокриц даже не потрудился запомнить название следующего города у него на пути. Там имелся трактир, и этого было довольно. Мокриц снял комнату с видом на безлюдный переулок, убедился, что окно легко открывается, поужинал как следует и сразу лег спать.

Не так уж плохо, подумал он. Еще утром он стоял на эшафоте, вокруг его шеи самым настоящим образом была затянута самая настоящая петля, а к вечеру – он снова в деле. Оставалось лишь отрастить бороду и полгода держаться подальше от Анк-Морпорка. Хотя хватит и трех месяцев.

У Мокрица был талант. Вдобавок он так освоил свое ремесло, что оно стало его второй натурой. Он *научился* быть представительным, но что-то в его внешности делало Мокрица незапоминающимся. У него был талант оставаться незамеченным, быть просто лицом в толпе. Попытки описать его вызывали у людей затруднения. Мокриц был... он был весь «примерно». Примерно лет двадцати или примерно тридцати. В рапортах Стражи по всему континенту его описания колебались от... ох, боги... примерно шести футов двух дюймов до примерно пяти футов девяти дюймов роста, упоминались волосы всех оттенков от каштанового до светло-русого, а отсутствие особых примет распространялось на весь облик целиком. Мокриц был весь какой-то средний. Что люди *запоминали*, так это мелочи вроде очков и усов, поэтому у него при себе всегда было по набору. Еще люди запоминали имена и повадки – их у Мокрица насчитывались сотни.

Ах да: еще они помнили, что до встречи с ним у них было больше денег.

В три часа ночи дверь с грохотом распахнулась. Грохот был что надо. Щепки полетели во все стороны. Но Мокриц уже выскочил из постели и нырнул в окно прежде, чем хоть одна из них успела упасть на пол. Он проделал это на автомате, даже не задумавшись. Кроме того – и это он проверил перед тем, как лечь спать, – под окном стояла большая бочка с водой, которая должна была смягчить его падение.

Сейчас ее там не было.

Но кто бы ни стащил бочку, он не стащил из-под нее землю, на которую Мокриц и упал, подвернув себе ногу.

Он вскочил, тихо причитая от боли, и поковылял по переулку, опираясь о стену. Трактирная конюшня находилась прямо за углом. Ему нужно было просто вскочить на лошадь, на любую лошадь...

– Господин Фон Липфиг? – пророкотал зычный бас.

О боги, это был тролль, это звучало как тролль, да еще и не самый маленький. Мокриц и не знал, что они встречаются за пределами больших городов...

– Тебе Не Убежать И Не Спрятаться, Господин Фон Липфиг!

Стоп, стоп, стоп – он же никому здесь не называл свое имя. Но эта мысль мелькнула на задворках его сознания. Его преследовали – он бежал. Даже хромя на одну ногу.

У самого входа в конюшню он рискнул оглянуться. В его комнате что-то мерцало красным. Неужели кто-то сожжет тут все дотла из-за пары долларов? Какая глупость! Если уж тебе всучили добротную подделку, нужно скорее сбить ее на руки другому лопуху, что тут непонятного? Некоторые люди безнадежны.

Его лошадь была единственной в конюшне и не очень-то обрадовалась при виде Мокрица. Прыгая на одной ноге, он натянул на нее уздечку. Возиться с седлом смысла не было. Он умел ездить верхом и без него. Да что там: однажды ему пришлось скакать без штанов, но, к счастью, смола и перья крепко прилепили его к лошади. Если нужно было поспешно покинуть город – тут Мокриц был чемпион.

Он уже собирался вывести лошадь из стойла, но вдруг что-то звякнуло.

Мокриц посмотрел вниз и разгреб ногой солому.

Две короткие цепочки, скрепленные между собой ярко-желтым брусом, крепко обхватывали ноги лошади. Теперь она могла передвигаться только прыжками, совсем как он.

Ее «обули». Ее, черт возьми, «обули».

– Ох, Господин Фон Липппффиг! – прогремело с конюшенного

двора. – Зачитать Тебе Правила, Господин Фон Липфиг?

Он лихорадочно огляделся. Поблизости не было ничего, что сошло бы за оружие, да и все равно, от оружия Мокриц нервничал, потому никогда и не имел его при себе. Оружие делало ставки слишком высокими. Куда приятнее было полагаться на собственный талант решать проблемы методом заговаривания зубов или, в случае провала, на удобные башмаки и фразу: «Ой, смотри, что это там!»

Но что-то ему подсказывало, что, как бы он сейчас ни распинался, слушать его не станут. А давать деру придется еще и вприпрыжку.

В углу он нашел метлу и деревянное корыто. Пока тяжелые шаги громыхали, приближаясь к конюшне, Мокриц сунул палку от метлы под мышку, приспособив ее вместо костыля, и схватил корыто за ручку. Когда дверь открылась, он со всей мочи выбросил корыто вперед и *почувствовал*, как оно разбивается вдребезги. Щепки разлетелись по воздуху. Секунду спустя послышался глухой стук тела, рухнувшего наземь.

Мокриц перепрыгнул через него и, пошатываясь, нырнул в темноту.

Что-то крепкое и твердое охватило его здоровую ногу, как кандалы. На мгновение он повис на метле – и упал.

– Я Не Желаю Тебе Ничего Дурного, Господин Фон Липфиг! – успокоил раскатистый бас.

Мокриц застонал. Метла, видимо, играла декоративную роль, потому как по назначению она здесь явно не использовалась. С одной стороны, именно поэтому он упал на мягкое. С другой – именно поэтому он упал во *что-то* мягкое.

Кто-то схватил его за сюртук и вытащил из навозной кучи.

– Подъем, Господин Фон Липфиг!

– Тупица, это произносится «Липвиг», – простонал он. – Там «вэ», а не «фэ»!

– Подъем, Господин Вон Липвиг! – повторил бас, и Мокрицу под мышку сунули метлу-костыль.

– Да кто ты такой, в конце концов? – выдавил Мокриц.

– Я Твой Надсмотрщик, Господин Вон Липвиг!

Мокриц заставил себя обернуться и посмотреть вверх, и еще вверх, в пряничное лицо существа с горящими красными глазами. Когда оно говорило, во рту виднелись отблески адского пламени.

– Голем? В самом деле? *Голем?*

Существо взяло его в охапку и перекинуло через плечо. А потом нагнулось в стойло, и Мокриц, перевернутый вверх тормашками и прижатый носом к кирпичному туловищу голема, догадался, что другой

рукой тот подбирает его лошадь. Она откликнулась коротким ржанием.

– Нам Нужно Поторопиться, Господин Вон Липвиг! У Тебя Назначена Встреча С Лордом Витинари На Восемь! А Служба Начинается В Девять!

Мокриц застонал.

– А, *господин фон Липвиг*. Увы, мы снова встретились, – произнес лорд Витинари.

Было восемь часов утра. Мокрица качало. Нога болела меньше, но о других частях тела этого нельзя было сказать.

– Оно шло всю ночь! – выпалил он. – Всю ночь, черт возьми! С лошадью под мышкой!

– Присаживайся, господин фон Липвиг, – сказал Витинари, оторвавшись от своего занятия, и устало указал ему на кресло. – «Оно», кстати, на самом деле «он». В знак уважения – я возлагаю на господина Помпу большие надежды.

Мокриц увидел мерцание на стене напротив – это у него за спиной улыбнулся голем.

Витинари снова опустил взгляд, как будто потеряв интерес к Мокрицу. Большую часть стола занимала каменная плита. Она была заставлена маленькими резными фигурками гномов и троллей. Было похоже на какую-то игру.

– *Господина Помпу?* – переспросил Мокриц.

– М-м? – Витинари склонил голову, чтобы посмотреть на доску под другим углом.

Мокриц нагнулся к патрицию и большим пальцем ткнул в сторону голема.

– *Это*, – повторил он, – называется *господин Помпа*?

– Нет, – ответил лорд Витинари и подался навстречу Мокрицу, всецело и бесповоротно сосредотачивая все внимание на нем. – *Его* зовут господин Помпа. Господин Помпа – должностное лицо. Господин Помпа никогда не спит. Господин Помпа никогда не ест. И господин Помпа, почтмейстер, *никогда не останавливается*.

– И что конкретно это означает?

– Это означает, что, если тебе приспичит, скажем, сесть на корабль до Четвертого континента, на том основании, что господин Помпа-де большой, тяжелый и путешествует только по суше, – господин Помпа последует за тобой. Тебе нужен сон – господину Помпе нет. Господину Помпе не нужен воздух. Глубоководные океанские бездны не преграда для господина Помпы. Четыре мили в час равно шестьсот семьдесят две мили в

неделю. Простая арифметика. И когда господин Помпа достигнет тебя...

– Вот здесь, – вмешался Мокриц, подняв палец, – позвольте прервать вас. Потому что големам *нельзя* причинять людям вред!

Лорд Витинари вскинул брови.

– Святые угодники, где ты такое слышал?

– Это написано... на чем-то, что у них там в голове. На свитке, что ли. А что, это не так? – неуверенно спросил Мокриц.

– Ох-ох-ох, – вздохнул патриций. – Господин Помпа, просто сломай господину фон Липвигу палец. Только аккуратно, пожалуйста.

– Слушаюсь, Ваше Сиятельство.

Голем двинулся вперед.

– Эй! Что?! Нет! – Мокриц замахал руками и опрокинул игрушечные фигурки. – Стоп! Стоп! Есть же *правило*! Голем не может причинить вреда человеку или допустить, чтобы человеку был причинен вред!

Лорд Витинари поднял палец.

– Подожди минутку, господин Помпа. Допустим, господин фон Липвиг. А помнишь ли ты, как там дальше?

– Дальше? Какое «дальше»? – спросил Мокриц. – Нет там никакого «дальше»!

Лорд Витинари поднял бровь.

– Господин Помпа? – сказал он.

– Если Только Это Не Приказ, Исходящий От Вышестоящего Лица, – сказал голем.

– Я никогда не слышал *этой* части, – возмутился Мокриц.

– Неужели? – удивился лорд Витинари. – Представить не могу, как можно было такое упустить. Не дело молотка – отказываться забивать гвоздь в голову, или пилы – выносить моральные суждения о характере пиломатериала. В любом случае, у меня в подчинении есть господин Трупер, палач, с которым ты уже успел познакомиться, Городская Стража, войска и время от времени... иные специалисты, которые всецело уполномочены убивать в целях самозащиты – или защиты города и его интересов, – Витинари стал подбирать упавшие фигурки и заботливо расставлять их на доске. – Почему господин Помпа должен чем-то отличаться от них на том лишь основании, что он сделан из глины? По существу, все мы таковы. Господин Помпа проводит тебя до места твоей службы. По легенде у тебя будет телохранитель, как и подобает высокопоставленному лицу. Только нам будет известно о... дополнительных указаниях. Големы по своей природе высоконравственные создания, господин фон Липвиг, но тебе это может показаться слегка...

старомодным.

– Дополнительные указания? – уточнил Мокриц. – А вас не затруднит сообщить мне, в чем именно состоят эти дополнительные указания?

– Отнюдь. – Патриций сдул пылинку с маленького каменного тролля и поставил его на нужную клетку.

– Ну так? – спросил Мокриц, выждав паузу.

Витинари вздохнул.

– Отнюдь, меня *затруднит* сообщить тебе, в чем именно они состоят. Это вне твоей юрисдикции. К слову, мы конфисковали твою лошадь, поскольку ее использовали с целью совершения преступления.

– Это жестокое и странное наказание, – сказал Мокриц.

– В самом деле? – удивился Витинари. – Я предлагаю тебе непыльную конторскую работу, относительную свободу передвижения, свежий воздух... нет, я согласен, что это и правда необычное предложение, но – жестокое? Что ты. В подземельях у нас еще остались древние приспособления для *действительно* жестоких наказаний, и зачастую более чем странных, если захочешь сравнить. Ну и конечно, всегда есть возможность станцевать сизалевый тустеп.

– Чего? – не понял Мокриц.

Стукпостук наклонился и прошептал что-то на ухо патрицию.

– О, я прошу прощения, – извинился Витинари. – Я, конечно, имел в виду пеньковое фанданго. Тебе решать, господин фон Липвиг. Выбор есть *всегда*. Да, кстати... хочешь знать *второй* занимательный факт об ангелах?

– Каких еще ангелах? – окрысился ничего не понимающий Мокриц.

– Ох, люди вечно пропускают мимо ушей, – сказал Витинари. – Факты об ангелах. Я вчера рассказывал. Видимо, ты тогда отвлекся. Так вот, *второй* занимательный факт состоит в том, господин фон Липвиг, что *ангел является лишь однажды*.

Глава вторая

Почтамт

*В которой мы знакомимся с персоналом – Ни лода, ни мак ночи –
Рассуждение о рифмованных диалектах – «Вы бы только видели!» –
Мертвые письма – Житье голема – Устав*

Ко всему есть подход. У всего есть цена. Всегда есть выход.

Рассуждая таким образом, Мокриц решил: верная смерть была заменена вероятной, и это уже был шаг вперед. Он хотя бы мог свободно перемещаться... правда, пока что прихрамывая. И существовала вероятность того, что где-то во всем этом была выгода. Ведь могла бы быть. Он умел видеть возможность там, где другие видели лишь бесплодную землю. С него же не убудет, если несколько дней поиграть по правилам, верно? Нога тем временем заживет, он выяснит ситуацию, он составит *план*. Он даже может проверить, насколько несокрушимы големы на самом деле. Они ведь гончарные изделия, в конце-то концов. Вещи иногда ломаются.

Мокриц фон Липвиг окинул взглядом свое будущее.

Анк-морпоркский Центральный Почтамт производил удручающее впечатление. Здание было возведено в сугубо практических целях и в общих чертах представляло собой большую коробку, куда помещались сотрудники, с двумя флигелями буквой «П», окружавшими конный двор позади здания. К фронту прилепили располовиненные дешевые колонны, вырезали ниши для аляповатых гипсовых нимф, расставили вдоль парапета несколько каменных урн – и так появилась на свет сия Архитектура.

Выказывая свое почтение к художественному замыслу зодчего, добрые горожане, а вероятнее всего, их детишки покрыли стены здания разноцветными граффити на высоту шести футов.

Наверху вдоль всего фронтона, где камень пошел зелеными и бурными пятнами, бронзовыми буквами были выложены слова.

– «НИ ДОЖДИ НИ ЛОДА НИ МАК НОЧИ НЕ ПОМЕША Т ОНЦАМ В ИСПОЛНЕНИИ ИХ ДОЛГА», – прочитал Мокриц вслух. – Что за бред?

– Почтамт Прежде Был Важным Учреждением, – отозвался Помпа.

– А это тогда что? – указал Мокриц. На дощечке намного ниже облупившейся краской были выведены менее торжественные слова:

НИ СПРАШЫВАЙТЕ ПРО:

камни

тролев с палками

Всяких там драконов

Госпожу Торт

Большых зеленых зубастых тварей

черных собак с оранжевыми бровями

Дождь из спаниэлев

туман

госпожа Торт

– Я Сказал, *Прежде Был Важным Учреждением*, – пророкотал голем.

– Кто такая госпожа Торт?

– Боюсь, Мне Нечего На Это Ответить, Господин Вон Липвиг.

– Ее, кажется, побаиваются.

– Похоже На То, Господин Вон Липвиг.

Мокриц огляделся по сторонам, рассматривая этот суетный уголок суетного города. Люди не обращали на него внимания, разве что голем время от времени удостаивался беглого и отнюдь не дружелюбного взгляда.

Все это было слишком странно. В последний раз его называли настоящим именем – когда? – в четырнадцать лет. И одним богам известно, когда в последний раз он выходил на люди без накладных особых примет. Мокриц чувствовал себя раздетым. Раздетым и незаметным.

Не возбудив ровным счетом ничьего интереса, он поднялся по облезшим ступеням и вставил ключ в скважину. К его удивлению, ключ легко провернулся, и заляпанные краской двери распахнулись, даже не заскрипев.

У себя за спиной Мокриц услышал размеренный, гулкий стук. Это господин Помпа похлопал в ладоши.

– Поздравляю, Господин Вон Липвиг. Твой Первый Шаг На Пути К Личному И Общественному Процветанию Сделан!

– Ага, как же, – буркнул Мокриц.

Он ступил в просторный мрачный вестибюль, куда свет проникал только через большой закопченный свод потолка. Даже в яркий полдень здесь стоял полумрак. Художники граффити поработали и тут.

В полутьме Мокриц разглядел длинный сломанный прилавок, а за ним – какие-то дверцы и ряды почтовых ящиков-скворечников.

А лучше сказать *голубятен*. Потому что в скворечниках гнездились настоящие голуби. Кислый и едкий запах застарелого помета стоял в

воздухе. Шаги Мокрица по мраморным плитам отдались гулким эхом, и сотни голубей сорвались с насиженных мест и в панике взвились в воздух, устремляясь к прорехе в стеклянной крыше.

– Вот же дерьмо, – произнес он.

– Мы Не Поощряем Сквернословие, Господин Вон Липвиг, – отозвался господин Помпа у него из-за спины.

– Как так? Здесь это на стенах написано! И вообще, я говорил описательно. Птичий помет. Здесь целые тонны этой дряни! – возмутился Мокриц, слыша, как его собственный голос эхом отражается от дальних стен. – Когда закрылась почта?

– Двадцать лет тому назад, почтмейстер!

Мокриц огляделся по сторонам.

– Кто это? – спросил он. Голос раздавался сразу отовсюду.

Послышалось шарканье шагов и цоканье клюки, и в сером неживом пропыленном воздухе возникла согбенная фигура старика.

– Грош, сэ, – проскрипел он. – Младший почтальон Грош. К вашим услугам, сэ. Только скажите, и я *ринусь*, сэ, *ринусь*, говорю, в бой. – Старик прервался и зашелся в долгом приступе кашля, с таким звуком, будто мешком камней били по стене. Мокриц разглядел, что у старика была короткая встопорщенная бородка, которая наводила на мысль, что ее обладателя отвлекли от поедания ежика.

– *Младший* почтальон Грош? – переспросил он.

– Так точно, вашеблагородь. По той причине, что здесь никто надолго не задерживался и не успевал меня повисить, сэ. А то был бы старший почтальон Грош, сэ, – добавил старик выразительно и опять зашелся неистовым кашлем.

Уж скорее бывший почтальон Грош, подумал про себя Мокриц, а вслух сказал:

– И ты здесь работаешь?

– О да, сэ, а как же. Теперь только я да мальчонка. Бойкий он парнишка, сэ. Мы содержим здесь все в чистоте, сэ. Все по Уставу.

Мокриц не мог отвести глаз. Грош носил тупей. Если где-то на свете и существовал человек, которого красит тупей – ну вдруг, – Грош этим человеком определенно не был. Парик был каштанового цвета, не той формы, не того размера, не того фасона, и вообще *не такой*.

– А, вижу, вам нравится моя прическа, сэ, – заметил Грош с гордостью, и тупей слегка перекосялся. – Все свое, родное. Ни разу не сироп.

– Э... сироп? – не понял Мокриц.

– Извиняйте, сэр. Не стоило говорить на жаргоне. «Сливовый сироп», я имел в виду, на дурвильском жаргоне «парик» значит^[1]. Вы, небось, думаете, что немногим в моем возрасте посчастливилось сохранить такую шевелюру. Чистота и порядок, внутри и снаружи, вот что способствует.

Мокриц обвел глазами крутые горы птичьего помета, вдохнул зловонный воздух.

– Молодец, – пробормотал он. – Что ж, господин Грош, где тут мой кабинет? Или что мне полагается?

Видимая поверх щетинистой бороды часть лица Гроша вдруг стала смахивать на морду загнанного зайца.

– О да, сэр, *тхничски*, – затараторил он. – Но мы туда стараемся не соваться, ни-ни, потому что пол, сэр, очень плохой. Совсем плохой. Грозит провалиться в любую минуту, сэр. Пользуемся гардеробом для сотрудников, сэр. Ступайте за мной, сэр, я провожу.

Мокриц чуть не расхохотался.

– Ну что ж, – согласился он и повернулся к голему. – Хм... господин Помпа?

– Слушаю, Господин Вон Липвиг.

– Тебе разрешено помогать мне или ты просто ждешь, пока снова нужно будет ткнуть меня по кумполу?

– Зачем Говорить Обидные Вещи, Господин Вон Липвиг. Да, Мне Позволено Оказывать Надлежащую Помощь.

– Можешь вычистить отсюда голубиный помет и впустить немного света?

– Разумеется, Господин Вон Липвиг.

– *Можешь?*

– Голем Не Чурается Физического Труда, Господин Вон Липвиг. Я Схожу За Лопатой. – Помпа направился к прилавку, и бородатый младший почтальон задергался.

– Нет, – взвизгнул он, припустившись за големом. – Оставьте эти кучи в покое, это плохая идея!

– Что, полы провалятся, господин Грош? – весело поинтересовался Мокриц.

Грош перевел взгляд с Мокрица на голема и обратно. Открыл рот и снова закрыл, тщетно подыскивая слова. Он вздохнул.

– Спускайтесь в гардеробную. Нам сюда, господа.

Следуя за Грошем, Мокриц не мог не чувствовать исходящий от старика запах. Он был не то что плохой, просто... странный. Слегка

химический, с разъедавшей глаза примесью ароматов всех мыслимых микстур от кашля и с едва уловимыми нотками гнилой картошки.

Небольшая лесенка вела вниз в подвал, где полы, видимо, не представляли опасности, так как проваливаться было некуда. Там и обнаружился гардероб. Это было длинное и узкое помещение. В дальнем его конце громоздилась печь, которая, как Мокриц узнал позднее, в свое время служила частью отопительной системы, ведь Почтамт был современно оборудованным зданием для своей эпохи. Теперь же рядом с печью примостилась небольшая круглая плитка, раскаленная докрасна. На ней закипал огромный черный чайник.

Воздух намекал на присутствие носков и дешевого угля и на отсутствие вентиляции. Вдоль одной стены выстроились обшарпанные именные деревянные шкафчики. Некогда яркая краска надписей выцвела и облезла. Через закоптелые окошки под самым потолком не без труда проникал свет.

Но каково бы ни было изначальное предназначение комнаты, сейчас здесь жили люди – два человека, которые ладили друг с другом, но тем не менее имели четкие представления о том, где «мое» и где «твое». Пространство было поделено пополам, и с обеих сторон у стен стояло по койке. Граница была краской проведена по полу, стенам и потолку: моя половина – твоя половина.

Не стоит забывать об этом, говорила линия, и тогда не возникнет никаких... разногласий.

Посередине, перекинувшись через разделительную линию, стоял стол, а на нем, с каждой стороны, – две чашки и две жестяные миски. Посередине была солонка. В этом месте разделительная линия превращалась в кружок, обозначая нейтральную территорию.

С одной стороны комнаты располагался громоздкий неприбранный верстак, заваленный банками, склянками и бумагами, – так могло бы выглядеть рабочее место алхимика до или после взрыва. С другой – старый карточный стол, на котором с настораживающей скрупулезностью выстроились стопки коробочек и ряды черных суконных свертков. На подставке красовалось увеличительное стекло – самое большое, что Мокрицу доводилось видеть.

Эта половина комнаты была чисто выметена. На другой же царил бардак, грозивший перевалить за полосу. А вон тот листок бумаги на замусоренной стороне или изначально был такой причудливой формы, или же кто-то заботливый и щепетильный вооружился острыми ножницами и отрезал уголок, который зашел слишком далеко.

Посреди чистой половины стоял юноша. Он тоже ждал появления Мокрица, но в отличие от Гроша не вполне отточил искусство стоять по стойке смирно или, скорее, лишь отчасти понимал ее значение. Его правый бок стоял гораздо более *смирно*, чем левый, и в результате целиком он напоминал банан. Но на лице у него блуждала беспокойная улыбка до ушей, большие глаза горели, и весь он так и искрился рвением, не исключено что граничащим с неадекватностью. Возникало отчетливое ощущение, что в любой момент он может укусить. К тому же на нем была голубая хлопковая рубашка с надписью «СПРОСИ МЕНЯ О БУЛАВКАХ!».

– Гм... – растерялся Мокриц.

– Ученик почтальона Стэнли, сэр, – пробубнил Грош. – Сирота, сэр. Печальная история. К нам пришел из богадельни братьев в Оффлере. Родители скончались от комаларии у себя на ферме где-то в глуши, сэр, и Стэнли рос с горошком.

– Рос горошком?

– С горошком, сэр. Редкий случай. Хороший парнишка, если его не расстраивать, но имеет обыкновение виться на солнышке, если понимаете, о чем я, сэр.

– Э-э-э... ну допустим, – ответил Мокриц и быстро повернулся к Стэнли. – А ты, значит, знаешь толк в булавках? – поинтересовался Мокриц бодрим, как он надеялся, голосом.

– Никакнетсэр! – выпалил Стэнли и разве что честь не отдал.

– Но у тебя написано...

– Я *знаю* все о булавках, сэр, – сказал Стэнли. – Все, что только можно!

– Что ж, это... – начал было Мокриц.

– Каждую мельчайшую деталь о булавках, сэр, – не унимался Стэнли. – Нет такого факта о булавках, которого бы я не знал. Спросите меня о булавках, сэр. Что вас интересует? Спрашивайте, сэр!

– Я... – Мокриц запнулся, но годы тренировок пришли ему на выручку. – Интересно, сколько булавок было выпущено в этом городе в прошлом го...

Он осекся. В лице Стэнли произошла перемена: оно разгладилось и утратило выражение, намекающее, что его хозяин вот-вот прыгнет на тебя и откусит ухо.

– За минувший год мастерскими (или «булавочными мануфактурами») Анк-Морпорка в сумме было выпущено двадцать семь миллионов восемьсот восемьдесят тысяч девятьсот семьдесят восемь булавок, – выдал Стэнли, уставившись в свою собственную переполненную булавками вселенную. – Включая булавки с восковыми головками, железные,

латунные, с серебряными головками (и просто серебряные), удлиненные, машинного и ручного производства, копии и оригиналы, но не считая лацканные булавки, которые не должны стоять в одном ряду с настоящими, потому что технически относятся к разряду «значков», сэр.

– Да, да, кажется, видел я однажды какой-то журнальчик, – перебил Мокриц отчаянно. – Как же он назывался... «Ежемесячные булавки».

– О-о-ох, – вздохнул позади него Грош, а лицо Стэнли исказилось гримасой, уподобившись кошачьей филейной части с носом посередине.

– Это же для *любителей*, – зашипел Стэнли. – Не для настоящих «булавочников»! Им там до булавок дела нет! Они могут что угодно себе думать, но у них в каждом номере целый разворот посвящен иголкам. Иголкам! Да кто угодно может коллекционировать иголки! Это же булавки с дырочками! Для этого, в конце концов, есть «Популярные иголки»! Но нет, они же самые умные!

– Стэнли – редактор «Всех булавок», – шепотом подсказал Грош у Мокрица за спиной.

– Мне, кажется, не попадался на глаза... – начал Мокриц.

– Стэнли, не пойти ли тебе с помощником господина фон Липвига и не показать ему, где у нас лопата, – громко перебил его Грош. – Потом можешь сесть и перебирать свои булавки, пока не полегчает. Господину фон Липвику не нужно видеть твоих... *эпизодов*, – он покосился на Мокрица.

– ...в прошлом году там была статья о *подушечках для булавок*, – проворчал Стэнли и ушел, топая ногами. Голем вышел следом.

– Он хороший парень, – сказал Грош. – В голове только немного чайник не в порядке. Дайте Стэнли его булавки, и никаких с ним хлопот. Иногда немного... перенапрягается, делов-то. Ах да, вот и третий член нашего дружного коллектива...

В комнату вошел большой черно-белый кот. Не обращая внимания ни на Мокрица, ни на Гроша, кот неторопливо побрел к потрепанной корзинке. Мокриц стоял у него на пути. Кот шел, пока его голова мягко не уткнулась в ноги Мокрицу. Тогда он остановился.

– Это Пис-Пис, сэр, – сказал Грош.

– *Пис-Пис?* – переспросил Мокриц. – Это в самом деле его кличка? Ты не шутишь?

– Не столько кличка, сколько описание, – ответил Грош. – Вы бы отошли в сторону, сэр, а то он так весь день с места не сойдет. Ему уж двадцать лет, и он в некотором смысле раб своих привычек.

Мокриц сделал шаг в сторону. Как ни в чем не бывало, кот продолжил путь и свернулся калачиком в своей корзине.

– Он что, слепой? – спросил Мокриц.

– Нет, сэр. Но он так привык и не изменяет своим привычкам, сэр, ни на секундочку. Очень спокойное животное. Не любит перестановок. Вы к нему привыкнете.

Чувствуя, что сказать что-то надо, но не зная, что именно, Мокриц кивнул на собрание склянок на верстаке Гроша.

– Алхимией балуешься? – спросил он.

– Нет, сэр! Я практикую народную медицину. Не верю я этим докторам, сэр. Ни дня не болел за всю свою жизнь! – Он громко хлопнул себя по груди с хлюпающим звуком, не свойственным живой плоти. – Байка, гусиный жир и горячий хлебный пудинг, сэр! Лучшая защита для бронхов против пагубных воздействий. Каждую неделю накладываю новый слой, и за всю жизнь даже не чихнул ни разу, сэр. Полезнее некуда, все только натуральное!

– Э... похвально, – сказал Мокриц.

– А хуже всего, – продолжал, понизив голос, Грош, – мыло. Ужасная гадость, сэр, смывает такие полезные соки. Я вам так скажу: оставьте вы все как есть. Берегите бронхи, кладите серы в носки и не забывайте о теплом нагруднике, и все вам будет нипочем. А вот вы, сэр, – такой молодой человек, как вы, должен беспокоиться о здоровье своего...

– Для чего вот это? – торопливо перебил Мокриц, взяв в руки горшочек с зеленоватой кашицей.

– А, это? От бородавок, сэр. Замечательное средство. Совершенно натуральное, совсем не то, что доктора прописывают.

Мокриц принялся.

– Из чего оно?

– Из мышьяка, сэр, – невозмутимо ответил Грош.

– Из мышьяка?

– Натуральный продукт, сэр. Еще и зеленый.

«Итак, – подумал Мокриц, осторожно вернув горшочек на прежнее место, – в стенах Почтамта и во внешнем мире понятия о нормальности явно не совпадают по вектору. Как бы не запутаться. Пожалуй, здесь стоит примерить роль увлеченного, хотя и озадаченного управляющего», – решил он. Впрочем, за исключением «увлеченности», играть ничего и не приходилось.

– Поможешь мне тут разобраться во всем, Грош? Я ничегошеньки не смыслю в работе почты.

– А чем вы занимались раньше?

Воровал. Облапошивал. Подделывал. Жульничал. Но никогда – и это

важный момент, – никогда не причинял никому боли. Никогда. Мокриц был очень тверд в этом вопросе. Он даже никуда не вламывался, если можно было обойтись. Покажется подозрительным, если тебя застукают в час ночи в банковском хранилище в черном костюме с кучей маленьких кармашков, так зачем рисковать? Распланировать все как следует, показать нужные документы, правильно одеться и, самое главное, правильно держаться – и тебя впустят туда среди белого дня, а управляющий еще и дверь придержит, когда ты будешь выходить. Сбывать кольца и использовать тупую сельскую жадность приходилось, просто чтобы не заржаветь.

Все дело заключалось в лице. У Мокрица было честное лицо. И он ничего не имел против тех, кто внимательно всматривался в его глаза, стараясь разглядеть его внутреннее «я», потому что у него было хоть отбавляй внутренних «я», на все случаи жизни. Что до крепких рукопожатий, за годы тренировок он выработал себе такое, что можно было лодки швартовать. Обычные навыки общения. Особые навыки общения. Прежде чем продавать людям стекляшки под видом бриллиантов, нужно устроить так, чтобы они захотели увидеть бриллианты. Вот в чем трюк, самый главный трюк. Ты заставляешь людей иначе взглянуть на мир. Помогаешь им увидеть его таким, каким они хотят его видеть...

Откуда, черт возьми, Витинари прознал его имя? Он раскусил фон Липвига как орешек! А Стража здесь... сущие дьяволы. И кто направляет голема на живого человека?..

– Я был клерком, – ответил Мокриц.

– С бумагами, что ли, работали? – спросил Грош, внимательно глядя на него.

– Да, сплошная бумажная работа.

Что было честным ответом, если считать карты, чеки, рекомендательные письма, банковские бланки и купчие.

– Эх, еще один, – сказал Грош. – Что ж, делать тут особо нечего, мы можем потесниться и освободить вам место, нам не в тягость.

– Но мне поручено наладить работу почты, как раньше, господин Грош.

– Ну да, ну да, – ответил старик. – Тогда ступайте за мной, господин фон Липвиг. Сдается мне, не все вам о нас рассказали.

Грош повел его обратно в запустелый холл, оставляя за собой дорожку желтоватого порошка, сыплющегося из обуви.

– Мой папаша приводил меня сюда, когда я был еще совсем мальцом, –

рассказывал он. – Тогда на почте работали целыми династиями. На потолке висели такие большие стеклянные штуки капельками, позвякивали так и горели. Знаете, да?

– Люстры? – предположил Мокриц.

– Может быть, – согласился Грош. – Две штуки. И везде были латунь и медь, начищенные, и горели как золото. А еще, сэр, были балконы, вокруг всего центрального холла, на всех этажах, из железа, узорчатые как кружево! А все прилавки были из редкого дерева, как отец сказывал. А людей-то! Тьма! Двери хлопали без конца. Даже по ночам... о, сэр, по ночам на заднем дворе, вам бы там побывать! Огоньки! Почтовые кареты приезжали, уезжали, лошади в мыле... вы бы только видели, сэр! Кто-нибудь отдавал распоряжения почтальонам... было у них такое устройство, сэр, что можно было впустить и выпустить карету со двора за минуту, сэр, за *минуту*! Беготня, сэр, кругом беготня и гомон! Говорят, можно было прийти на почту из Сестричек Долли или аж из самых Теней, отправить письмо самому себе, и пришлось бы бежать во весь опор, сэр, просто сломя голову, чтобы опередить почтальона! А униформа, сэр, темно-синяя и с медными пуговицами, ох, вы бы только видели! А...

Мокриц посмотрел неугомонному старику за плечо, на ближайшую гору птичьего помета, где застыл начавший было копать Помпа. Голем потыкал лопатой в смердящую громадину, потом выпрямился и, держа что-то в руках, направился к Мокрицу.

– ...а когда приезжали большие кареты, сэр, из самых гор, их гудки были слышны за мили отсюда! Вы бы только *слышали*, сэр! А если им попадались разбойники, на почте были специальные люди, они шли и...

– Да, господин Помпа? – сказал Мокриц, оборвав воспоминания Гроша.

– Любопытное Открытие, Почтмейстер. Я Ошибался. Горы На Самом Деле Состоят Вовсе Не Из Голубиноного Помета. Голуби Не Наложили Бы Столько И За Тысячу Лет, Господин Вон Липвиг.

– Из чего же тогда?

– Из Писем, Господин Вон Липвиг, – ответил голем.

Мокриц перевел взгляд на Гроша, который неловко поежился.

– Ах да, – сказал он. – Я как раз собирался вам рассказать.

Письма...

...им не было конца и края. Они переполняли все помещения Почтамта и лезли во все коридоры. Кабинет почтмейстера действительно был непригоден к использованию из-за состояния полов: они утопали в

двенадцатифутовой толще писем. Они перекрывали целые коридоры. Ими были до отказа набиты шкафы. Стоило неосторожно открыть дверь – и ты мог быть погребен под лавиной желтеющих конвертов. Половицы подозрительно прогибались. Сквозь трещины в оседающих гипсовых потолках торчали бумажные углы.

В сортировочном отделении, которое было немногим меньше центрального холла, образовались дюны, местами достигавшие двадцати футов. То там, то сям айсбергами посреди бумажного моря торчали картотечные шкафы.

После получасового осмотра Мокрицу требовалось принять ванну. Он как будто прошелся по заброшенному склепу. Он задыхался от запаха старой бумаги, горло саднило от желтой пыли.

– Мне сказали, здесь у меня будет квартира, – просипел он.

– Да, сэр. Мы со Стэнли ходили вчера ее искать. Я слышал, будто она рядом с вашим кабинетом. Малец рвался туда что есть сил, сэр. Дверь-то он нащупал, да только увяз в письмах футов на шесть, и мучился, сэр, как он мучился... Вот я его и вытащил.

– Здесь *все* завалено недоставленной почтой?

Они вернулись в гардеробную. Грош долил в черный чайник воды из кастрюли – тот как раз закипал. В дальнем углу комнаты за своим прибранным столиком сидел Стэнли и перебирал булавки.

– Почти что так, сэр, за вычетом подвала да конюшен, – ответил старик, споласкивая две жестяные кружки в тазу с водой сомнительной чистоты.

– То есть даже кабинет почтм... *мой* кабинет забит старыми письмами, но в подвале пусто? Где тут логика?

– О, нельзя же бросать их в подвал, сэр, только не туда, – возмутился Грош. – Там же такая сырость, письма испортятся в два счета.

– Испортятся, – бесцветно повторил Мокриц.

– Ничто так не портит вещи, как сырость, сэр, – добавил Грош и деловито кивнул.

– Испортятся. Письма от мертвецов к мертвецам, – повторил Мокриц все тем же бесцветным тоном.

– Это только наши с вами догадки, сэр, – возразил старик. – У нас же нет *доказательств*.

– Действительно. Конечно, ведь этим конвертам всего-то сто лет! – сказал Мокриц. От пыли болела голова, а от сухости саднило горло, и что-то в этом старичке действовало на его расшатавшиеся нервы. Чего-то Грош недоговаривал. – *Для некоторых* это никакой не срок! Зомби и вампиры

небось до сих пор не отходят от почтового ящика в ожидании писем!

– Не нужно горячиться, сэр, – сказал Грош примирительно. – Не нужно горячиться. Письма нельзя *уничтожить*. Просто нельзя, сэр, и все тут. Это же Препятствование Работе Почты, сэр. Не просто преступление, сэр. Это, это...

– Грех? – подсказал Мокриц.

– *Хуже*, чем грех, – ответил Грош почти с ехидством. – За грехи отвечаешь только перед богами, а за нарушения на почте в мои дни приходилось отвечать перед самым старшим почтовым инспектором Ропотамом. Во! А это *большая* разница! Боги-то *прощают*.

Мокриц взгляделся в морщинистое лицо старика в поисках здравого смысла. В его лохматой бороде встречались посторонние вкрапления – то ли грязь, то ли чай, то ли шальной каприз природы. Грош *похож на отшельника*, решил он. *Только отшельнику взбрело бы в голову напялить такой парик*.

– Минуточку, – сказал Мокриц. – То есть, по-твоему, запихнуть чужое письмо под половицу и оставить его там на сто лет – это не препятствование работе почты?

Грош вдруг принял глубоко несчастный вид. Борода его задрожала. Потом он зашелся кашлем, сухим, жестким, трескучим порывистым кашлем, от которого задрожали склянки, а от его штанин взвилось облачко желтой пыли.

– Извиняйте, сэр, – просипел Грош между приступами и извлек из кармана поцарапанную и помятую жестянку.

– Пососете, сэр? – спросил он сквозь слезы, текущие по щекам, и протянул Мокрицу коробочку. – Это «троечки», сэр. Мягчайшие. Моего собственного изготовления. Натуральное средство из натуральных продуктов, таков мой метод, сэр. Надо прочищать бронхи, а не то они зададут тебе жару.

Мокриц вынул из жестянки большую фиолетовую таблетку и принялся. Слегка отдавало анисом.

– Спасибо, господин Грош, – поблагодарил он, но на тот случай, если это могло быть сочтено взяткой, добавил уже строже: – Вернемся к разговору о почте. Засовывать неотправленные письма, куда боги на душу положат, это не препятствие почте?

– Это скорее... *задержка*, сэр. Отставание по графику. Незначительное. У нас же нет *намерения* так никогда ничего и не доставить.

Мокриц уставился на взволнованного Гроша. Он испытал то чувство

уходящей из-под ног почвы, когда понимаешь, что имеешь дело с человеком, чей мир совпадает с твоим лишь по касательной. *Не отшельник, подумал он, скорее потерпевший бедствие моряк, обосновавшийся в этом здании как на необитаемом острове, пока мир за стенами живет своей жизнью, а здравый смысл испаряется.*

– Господин Грош, мне ни в коем случае не хочется тебя расстраивать, но там сейчас тысячи писем, погребенных под толстым слоем птичьего помета... – медленно произнес он.

– Тут, сэр, дела не так плохи, как кажутся, – сказал Грош и прервался, чтобы сочно причмокнуть таблеткой собственного изготовления. – Голубиный помет – исключительно сухая штука, сэр, от него конверты покрываются крепкой защитной коркой...

– Почему они здесь, господин Грош? – спросил Мокриц. Он напомнил себе о навыках общения. Нельзя трясти людей за плечи.

Младший почтальон опустил глаза.

– Ну, вы же знаете, как оно бывает... – начал он.

– Нет, господин Грош, понятия не имею.

– Положим, у человека дел невпроворот, положим, в Страшдество, полным-полно открыток, да, и инспектор стоит над душой и дергает, потому что время, время, время, ну, положим, он и запихнул полмешка писем под стол... но он их потом разошлет, обязательно. Он же не виноват, что письма так и валят, сэр, *валят* без остановки. Потом наступает завтра, и приходит писем еще больше прежнего, потому что они все *валят*, и он думает, ну, сброшу сегодня еще парочку, раз уж у меня выходной в четверг, вот тогда-то и наверстаю, но оказывается, что к четвергу он отстает уже больше чем на день, потому что они валом *валят*, а он так устал, устал, как собака, и он говорит себе, что скоро отпуск, но настает отпуск – ну, к тому моменту картина получается очень некрасивая. Случались... недоразумения. Мы слишком много на себя взяли, сэр, вот в чем дело, мы слишком старались. Иногда, когда вещь разбивается на мелкие кусочки, лучше так все и оставить, чем пытаться собрать осколки. Я в том смысле, что... с чего начинать-то?

– Я понял общую картину, – сказал Мокриц. *Ты врешь, господин Грош. Чего-то недоговариваешь. Умалчиваешь о чем-то важном, да? Ложь для меня целое искусство, господин Грош, а ты лишь небесталанный любитель.*

Грош, не ведая об этой внутренней тираде, выдавил улыбку.

– Но проблема в том... как тебя зовут, господин Грош? – спросил Мокриц.

– Толливер, сэр.

– Замечательное имя... проблема в том, Толливер, что картина, которую ты обрисовал, лишь – развивая выбранную метафору – *миниатюра*, тогда как *это все*, – Мокриц взмахнул рукой, обозначив жестом здание и его содержимое, – монументальный триптих, живописующий исторические сюжеты, сотворение мира и низвержение богов. К нему также прилагаются соборная потолочная фреска, изображающая великолепие тверди небесной, и эскиз барышни с непонятной улыбкой в придачу! Толливер, сдаётся мне, ты недостаточно откровенен со мной.

– Прошу меня извинить, сэр, – ответил Грош, поглядывая на него с каким-то нервным вызовом.

– Я бы мог тебя и уволить, – сказал Мокриц, понимая, что делать этого не следует.

– Могли бы, сэр, отчего бы и не мочь, – ответил Грош тихо и неторопливо. – Но кроме нас с вами да мальчонки никого здесь нет. А вы ничегошеньки не знаете о Почтамте, сэр. И вы ничегошеньки не знаете об Уставе. Кроме меня никто не знает, что и как нужно делать. Вам и пяти минут одному не продержаться, сэр. Вы бы даже о чернильницах не позаботились, а их нужно каждый день наполнять!

– Чернильницы? Наполнять чернильницы? – переспросил Мокриц. – Это же развалины, здесь полно... полно... мертвой бумаги! У нас нет клиентов!

– Чернильницы всегда должны быть наполнены, сэр. Так сказано в Уставе Почтамта. Устав – прежде всего, сэр, – сообщил Грош решительно.

– Но зачем? Судя по всему, мы не получаем почту и не отправляем ее! Мы тут просто отсиживаемся!

– Нет, сэр, мы не просто отсиживаемся, – терпеливо объяснял Грош. – Мы соблюдаем Устав. Заполняем чернильницы, полируем медь...

– Но не убираете птичий помет!

– Понимаете, какая штука, сэр, об этом в Уставе ни слова, – сказал старик. – А по правде сказать, никому мы больше не нужны. Сейчас повсюду сплошные клики, треклятые клики: клик, клик, клик. Повсюду клик-башни, сэр. Они на пике популярности. Говорят, они быстрее скорости света. Ха! Бессердечные, бездушные машины. Ненавижу... Но мы ко всему готовы, сэр. Приди к нам какое письмо, мы бы его пристроили. Мы бы ринулись в бой, сэр, *ринулись* бы, говорю, в бой. Но писем-то нет.

– Откуда же им взяться! В городе все давно успели усвоить, что чем нести свои письма на Почтамт, их можно с тем же успехом выкинуть вовсе!

– Нет, сэ, опять вы ошибаетесь. Мы ничего не выбрасываем. Мы все оставляем так, как есть, сэ, вот что мы делаем. Стараемся не *нарушать* здесь ничего, – тихо добавил Грош. – *Ничего* не нарушать.

Мокриц обратил внимание на его тон.

– Что именно – «ничего»? – поинтересовался он.

– А, пустяки, сэ. Мы просто... ведем себя осторожно.

Мокриц обвел комнату взглядом. Здесь что, стало теснее? А тени – длиннее и темнее? Повеяло холодком?

Нет, ничего такого. А ведь вполне могло бы. Волоски на шее Мокрица встали дыбом. Он где-то слышал, это бывает потому, что человек произошел от обезьяны, и значит, что позади находится тигр.

На деле же позади находился господин Помпа, и глаза его горели ярче, чем у любого тигра. Он был даже хуже: тигры не будут преследовать жертву по морям, и им нужно спать.

Мокриц сдался. Господин Грош пребывал в своем собственном странном заплесневелом мирке.

– И ты называешь это жизнью? – спросил он.

Впервые за весь разговор Грош посмотрел Мокрицу прямо в глаза.

– Куда лучше смерти, сэ, – ответил он.

Господин Помпа прошел за Мокрицем по центральному залу, вышел с ним на улицу, и тогда Мокриц не выдержал и развернулся.

– Так, все, какие у тебя правила? – требовательно спросил он. – Ты собираешься *повсюду* ходить за мной по пятам? Ты же знаешь, что мне не сбежать.

– Тебе Позволена Свобода Передвижений В Черте Города И Его Окрестностях, – прогремел голем. – Но Пока Ты Не Обустроишься, Мне Велено Сопровождать Тебя В Целях Твоей Же Безопасности.

– Безопасности? Вдруг кто-то сильно рассердится из-за того, что письмо его прадеда задержалось на почте?

– Не Могу Знать, Господин Вон Липвиг.

– Мне нужно подышать. Что здесь происходит? Почему там так... жутко? Что *случилось* с Почтамтом?

– Не Могу Знать, Господин Вон Липвиг, – повторил Помпа невозмутимо.

– Как это? Это же *твой* город, – сказал Мокриц с насмешкой. – Ты что, последние сто лет под землей провел?

– Нет, Господин Вон Липвиг.

– Так почему...

– Двести Сорок Лет, Господин Вон Липвиг, – продолжил голем.
– Что двести сорок лет?
– Столько Я Провел Под Землей, Господин Вон Липвиг.
– О чем ты? – не понял Мокриц.
– О Времени, Которое Я Провел Под Землей, Господин Вон Липвиг, О Чем Же Еще. Помпа – Это Не Имя. Это Описание. Помпа Девятнадцать, Если Быть Точным. Я Стоял На Дне Стофутового Колодца И Качал Воду. Двести Сорок Лет, Господин Вон Липвиг. Теперь Я Передвигаюсь И Вижу Солнце. Это Куда Лучше, Господин Вон Липвиг, Куда Лучше!

Ночью Мокриц лежал и смотрел в потолок. Который был в трех футах от него. Немного поодаль с потолка свисала свеча в противопожарной лампе. Стэнли запретил ему пользоваться свечами без ламп, и правильно сделал: все здание могло вспыхнуть, как спичка. Сюда Мокрица проводил сам Стэнли – Грош остался где-то дуться. Он был прав, черт его дери. Без Гроша он пропадет – Грош фактически *был* самим Почтамтом.

День выдался нелегкий, да и прошлой ночью, вверх тормашками за плечом Помпы, под лягание ошалевшей лошади выспаться толком не удалось.

Небеса свидетели, спать здесь ему совсем не хотелось, но других мест для ночлега на примете у Мокрица не было, да и гостиницы в этом кишачем людьми городе драли втридорога. Гардеробная была исключена – категорически, без возражений. Так что он попросту вскарабкался на груды мертвых писем в предположительно своем кабинете. Ничего страшного. Предприимчивый человек вроде него умеет спать в любых условиях, нередко и тогда, когда целая толпа народу ищет его за стеной. Гора писем хотя бы была сухой и теплой и не грозила холодным оружием.

Бумага под ним зашуршала, когда Мокриц попытался устроиться поудобнее. Он лениво вытащил наугад конверт. Он был адресован некоему Антимонию Паркеру, проживавшему в доме № 1 по Лоббистской улице, и на обороте большими буквами было выведено «З.Л.П.». Ногтем Мокриц вскрыл конверт. Бумага внутри чуть не рассыпалась от прикосновения.

Мой Драгоценный Тимони!

Да! К чему Женщине, когда она Прекрасно Понимает, какую Честь Оказывает ей Мужчине, играть Кокетку в такую минуту! Мне известно, что Ты говорил с Папенькой, и разумеется, Я даю свое согласие стать Супругой Добрейшего, Замеча...

Мокриц взглянул на дату под письмом. Оно было написано сорок один год назад.

Он не любил разглагольствований и считал их помехой в своей сфере деятельности, но сейчас невольно задался вопросом: вышла ли в итоге – он перевел взгляд на письмо – «Твоя любящая Агнатея» за Антимония, или же их роман почил с миром прямо здесь, на этом бумажном кладбище.

Мокриц содрогнулся и засунул письмо в карман сюртука. Нужно будет поинтересоваться у Гроша, что означает это «З.Л.П.».

– Господин Помпа! – крикнул он.

Из угла комнаты, где по пояс в письмах стоял голем, донесся раскатистый голос:

– Да, Господин Вон Липвиг?

– Можно тебя попросить как-нибудь закрыть глаза? Я не могу уснуть, когда на меня смотрят два горящих красных глаза. Это у меня с детства.

– Прости, Господин Вон Липвиг. Я Могу Повернуться Спиной.

– Ничего не выйдет. Я же буду знать, что они открыты. Да и свет будет отражаться от стены. Слушай, ну куда я отсюда денусь?

Голем обдумал его слова.

– Я Выйду В Коридор, Господин Вон Липвиг, – решил он и с этими словами начал пробираться к двери.

– Хорошо, – согласился Мокриц. – А с утра расчисти мне место, ладно? В некоторых кабинетах еще осталось немного пространства под потолком, можно распихать письма туда.

– Господину Грошу Не Нравится, Когда Письма Перекладывают, – прогрохотал голем.

– Почтмейстер здесь не господин Грош, а я.

О боги, до чего заразительно безумие, подумал Мокриц, когда красное мерцание глаз голема растворилось во мраке за дверью. Я не почтмейстер, я жалкий пройдоха, который пал жертвой дурацкого... эксперимента. Что за место! Что за положение! Кто вообще мог поставить известного преступника во главе важной правительственной службы? Кроме разве что обычного избирателя».

Он пытался найти подход, придумать выход... но всякий раз в голове всплывал и прокручивался их разговор.

Вообрази колодец, полный воды, в сто футов глубиной.

Вообрази мрак. Вообрази на дне этого колодца, в густой его черноте, фигуру примерно человеческих очертаний, каждые восемь секунд качающую тяжелый насос.

Пом... Пом... Пом...

Двести сорок лет.

– И ты не возражал? – спросил Мокриц.

– Ты спрашиваешь, Не Затаил Ли Я Недовольства? Но Я Же Выполнил Полезное И Нужное Дело! К Тому Же Мне Было О Чем Подумать.

– На дне стофутowego колодца с грязной водой? О чем там думать?

– О Водокачке, Господин Вон Липвиг.

А потом, рассказал голем, все остановилось, загорелся тусклый свет, опустились рычаги, загремели цепи, его подняли наверх, окунули в мир света и цвета... и других големов.

Мокриц кое-что знал о големах. Их выпекали из глины тысячи лет тому назад и пробуждали к жизни, закладывая им в головы какие-то свитки. Големы никогда не ломались и работали беспрерывно. Кто-то мел улицы, кто-то занимался тяжелым трудом на лесопилках и в литейных цехах. Большинство из них не попадались людям на глаза: они приводили в движение скрытые шестеренки города – в темноте, под землей. Тем-то интерес к големам и ограничивался. Они были практически по определению честными созданиями.

Но теперь големы получали свободу. Это была самая тихая и социально ответственная революция в истории. Они были рабами, поэтому они копили деньги – и *выкупали* сами себя.

Господин Помпа покупал свою свободу ценой сурового ограничения свободы Мокрица. Вполне себе повод для огорчения. Уж конечно, свобода должна работать несколько иначе!

Но боги, думал Мокриц, возвращаясь к настоящему моменту, понятно, почему Грош беспрестанно грызет свои конфеты от кашля – от здешней пыли недолго и задохнуться!

Он пошарил в карманах и вытащил ромбовидный леденец, который получил от старика. Выглядела конфета вполне безобидно.

Минутой позже, когда Помпа ворвался в комнату и сильно хлопнул Мокрица по спине, дымящийся леденец выскочил и прилип к стене напротив, где к утру разъел изрядное количество штукатурки.

Грош отмерил ложку перечно-ревенной настойки для бронхов и нащупал отсохшую бородавку, которая болталась у него на шее, чтобы отвадить внезапное нашествие докторов. Всем известно, что от них одни болезни. Природные снадобья – вот ответ на любые беды, а не какие-то дьявольские микстуры, невесть из чего сготовленные.

Он смачно причмокнул губами. Этим вечером он как раз положил в

носки свежую серу и прямо чувствовал, как та идет ему на пользу.

В бархатистом полном бумага мраке сортировочного отделения мерцали две свечи в лампах. Свет проходил через наружное стекло, наполненное водой, чтобы свеча погасла, если лампа вдруг разобьется. От этого лампы смахивали на фонарики какой-нибудь глубоководной твари из стальной илистой пучины.

Из темноты донеслось слабое бульканье. Грош закупорил пузырек с эликсиром и приступил к делу.

– Чернильницы все наполнены, ученик почтальона Стэнли? – нараспев произнес он.

– Так точно, младший почтальон Грош! Ровно на треть дюйма от горлышка, как предписано в Уставе Работников Почтамта, в главе Заведования Хозяйством, параграф С-18, – отрапортовал Стэнли.

Грош зашелестел страницами огромного фолианта, водруженного на пюпитр.

– Можно посмотреть картинку, господин Грош? – попросил Стэнли с благоговением.

Грош улыбнулся. Это было частью их ритуала, и он дал юноше свой обычный ответ.

– Так и быть, но это в последний раз. Ни к чему зазря смотреть на лик божий, – сказал он. – И на другие части тела.

– Но, господин Грош, ты же говорил, что в холле раньше стояла его статуя, вся из золота. Люди, наверное, постоянно на нее смотрели.

Грош замялся. Но Стэнли был растущим юношей. Рано или поздно придется все ему рассказать.

– По правде сказать, не припомню, чтобы люди обращали особое внимание на его лик, – сказал он. – Они все больше заглядывались на... крылья.

– На фуражке и туфлях, – подхватил Стэнли. – Чтобы лететь на них и рассылать почту со скоростью... почты.

Капелька пота скатилась со лба Гроша.

– На фуражке и туфлях, да, и там тоже, – ответил он. – Но... не только там.

Стэнли пригляделся к рисунку повнимательнее.

– Ах да. Не замечал раньше. У него крылышки на...

– На фиговом листе, – быстро перебил Грош. – Так мы это называли.

– Но зачем ему тут лист?

– О, в старину все такие носили, потому что это был классицизм, – ответил Грош с облегчением, радуясь, что разговор ушел в сторону от

каверзной сути. – Это фиговый лист. С фигового дерева.

– Ха-ха, вот дураки-то, откуда же у нас фиговые деревья! – воскликнул Стэнли, словно обнаружил прореху в давно устоявшейся догме.

– Верно подмечено, юноша, но лист все равно был из железа, – терпеливо ответил Грош.

– А крылья? – спросил юноша.

– Ну-у, вероятно, тогда думали: чем больше крыльев, тем лучше, – ответил Грош.

– Да, но если крылья на фуражке и на туфлях перестанут работать, удержат ли его...

– Стэнли! Это всего лишь статуя! Не перевозбуждайся! Успокойся! Ты же не хочешь огорчать... их.

Стэнли свесил голову.

– Они снова шептали мне что-то, господин Грош, – сознался Стэнли тихим голосом.

– Да, Стэнли. Мне тоже.

– Я помню, как это было в прошлый раз, господин Грош. Они разговаривали ночью, – произнес Стэнли дрожащим голосом. – Я зажмурился, но строчки так и стояли передо мной...

– Да, Стэнли. Не переживай. Постарайся не думать об этом. Это все господин фон Липвиг виноват, он разворошил их. Я говорю: оставьте вы их в покое. Но кто меня слушает? Никто – и вот результат. Все узнают на собственном горьком опыте.

Стэнли начало потряхивать.

– Кажется, только вчера караульные белым мелом обводили господина Тихабля. Вот кто узнал на своем опыте!

– Ну-ну, успокойся, – Грош легонько похлопал его по плечу. – Ты их вспугнешь. Думай о булавках.

– Но какая несправедливость, господин Грош, что они так быстро погибают и не успевают повисить тебя до старшего почтальона!

Грош шмыгнул носом, лицо его стало мрачнее тучи.

– Ну все, довольно, Стэнли. Это не имеет значения.

– Но господин Грош, ты уже очень, очень старей, – настаивал Стэнли, – а все еще младший почта...

– Я сказал, довольно, Стэнли. Теперь, будь добр, поднеси лампу поближе... так-то лучше. Зачитаю страничку Устава, они от этого всегда притихают. – Грош прочистил горло. – Сейчас я прочитаю Устав, главу «Правила Доставки» (Столица) (Воскресенья и осьмицы – выходные дни), – объявил он в пространство, – которая гласит: «Все доставляемые

письма должны быть доставлены по домам адресатов в черте города Анк-Морпорк в указанные часы: ночная доставка до восьми часов пополудни, первая смена. Утренняя доставка до восьми часов утра, вторая смена. Утренняя доставка до десяти часов утра, третья смена. Утренняя доставка до полудня, четвертая смена. Дневная доставка до двух часов, пятая смена. Дневная доставка до четырех часов, шестая смена. Вечерняя доставка до шести часов, седьмая смена». Таковы часы доставки, и я их огласил, – Грош на секунду склонил голову, а потом захлопнул фолиант.

– Зачем мы это делаем, господин Грош? – робко спросил Стэнли.

– Все из-за претенциозности, – ответил Грош. – Вот в чем все дело. Про-танцы-возность сгубила Почтамт. Про-танцы-возность, и жадность, и Чертов Тупица Джонсон, и Полный Пи.

– Полный Пи, господин Грош? Но что это...

– Не спрашивай, Стэнли. Там все очень сложно, и нет ни слова о булавках.

Они потушили свечи и удалились.

Как только они ушли, послышался слабый шепот.

Глава третья

Своими силами – и никак иначе

В которой наш герой окунается в мир булавок – Зеленик & амперсанды – З.Л.П. – Навстречу судьбе – Девушка и ее големы – Бизнес как бизнес и очередное обсуждение сути свободы – Клерк Брайан старается

– Пора Вставать, Господин Вон Липвиг. Труба Зовет. Начинается Новый День На Должности Почтмейстера.

Мокриц разлепил одно веко и зыркнул на голема.

– Ты что же, еще и мой личный будильник? – спросил он. – А-а-ах! Мой язык! Как будто мышеловкой прижало.

То ползком, то кубарем Мокриц выбрался со своего ложа на толще конвертов и смог встать на ноги только у самых дверей комнаты.

– Мне нужна новая одежда, – сообщил он. – И еда. И зубная щетка. Так что я пойду на улицу, господин Помпа. А ты *оставайся* здесь. Займись чем-нибудь. Приберись. Сотри наскальную живопись со стен. Пусть здесь хотя бы на вид станет почище.

– Как Прикажешь, Господин Вон Липвиг.

– То-то же! – ответил Мокриц и зашагал прочь – точнее, сделал ровно один шаг и вскрикнул от боли в ноге.

– Осторожнее, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа.

– И вот еще что, – сказал Мокриц, прыгая на одной ноге. – Откуда ты знаешь, где меня искать? Как ты меня выслеживаешь?

– По Кармическому Следу, Господин Вон Липвиг, – ответил голем.

– Это еще что значит? – не унимался Мокриц.

– Это Значит, Что Я Всегда Точно Знаю, Где Ты Находишься.

Глиняное лицо не выражало эмоций. Мокриц сдался.

Прихрамывая, он вышел на улицу навстречу тому, что в этом городе вполне могло сойти за свежее утро. За ночь подморозило, и воздух был слегка кусачим, отчего у Мокрица разыгрался аппетит. Нога еще болела, но терпимо, и уже можно было обойтись без костыля.

Мокриц фон Липвиг шел по городу. Неслыханное дело. Покойный Альберт Стеклярс мог себе это позволить, а также Мунд Смит, и Эдвин Донитки, и еще полдюжины личин Мокрица (ох уж это имечко, каких только шуток он о нем не слышал), которые он сам придумывал и сам же от

них избавлялся. Да, за каждым из них стоял Мокриц, но снаружи всегда были *они*, пряча его ото всех.

Эдвин Донитки был его шедевром. Неуверенный в себе жулик, который из кожи вон лез, чтобы на него обратили внимание. До того явно и безнадежно плохо пытался он мошенничать при игре в наперстки и прочих уличных трюках, что люди выстраивались в очередь, чтобы надуть неуклюжего жулика, и покидали его с улыбкой на устах... которая сползала с их лиц, когда они пытались потратить с такой легкостью доставшиеся монеты.

У искусства подлога есть свой секрет, и Мокрицу он был знаком: в спешке или от переизбытка чувств чужое воображение доделает вашу работу за вас. Люди так захотят облапошить такого простофилю, что *их собственное зрение* само дорисует все нюансы, которые даже не проработаны на вожделенных монетах. От вас требуется лишь... намекнуть.

Но и это были цветочки. Некоторым вовсе не суждено было узнать, что они прятали в кошелек фальшивые монеты, потому что так они подсказывали бестолковому Донитки, в каком кармане его держали. Позже они обнаруживали, что, хоть Донитки и не умел обращаться с колодой карт, этот недочет с лихвой искупало его мастерство карманника.

Теперь же Мокриц чувствовал себя очищенной креветкой. словно он вышел на улицу голым. Но никто так и не обращал внимания. Никто не окликал его: «Эй, ты!», никто не кричал: «Вот же он!» Он был просто человеком в толпе. Странное, непривычное ощущение. Никогда прежде ему не приходилось быть самим собой.

Он отпраздновал это покупкой карты города в Гильдии Купцов, съел сэндвич с беконом и запил его кофе, жирным пальцем водя по списку городских кабаков. Там Мокриц не нашел того, что искал, зато нашел это в списке парикмахерских и довольно улыбнулся. Он любил оказываться прав.

Заодно он нашел адрес «Булавочной биржи Дэйва» в Сестричках Долли, в переулке между домом терпимости и массажным салоном. Там скупали и продавали булавки ценителям.

Мокриц допил кофе с тем выражением лица, по которому люди, хорошо его знавшие – каковых, честно говоря, не существовало в природе, – распознали бы, что он что-то замышляет. Люди... в конечном счете, все всегда сводится к людям. И раз уж ему предстояло здесь задержаться на время, стоило устроиться с комфортом.

Мокриц отправился к самопровозглашенной «Обители акуфилиста!!!!».

Как будто он приподнял неприметный булыжник и обнаружил вход в совершенно иной мир. «Булавочная биржа Дэйва» была из числа тех магазинчиков, где владелец знает всех покупателей по имени. О, этот дивный мир – мир булавок, увлечение длиною в жизнь. Об этом Мокриц узнал, купив за доллар «Булавки» Джея Волосатика Олсбери – якобы исчерпывающий материал на тему. Мокриц ничего не имел против всяких безобидных чудачеств, но среди людей, которые при виде девушки в шляпке обратят внимание на шляпные булавки, ему было как-то не по себе. Покупатели прохаживались вдоль книжных полок («Зацепки», «Стрелки и дефекты», «Булавки Убервальда и Орлеи», «Булавки для новичков», «Забавы акуфилиста») и жадно глазели на ряды булавок, разложенные под стеклом, иногда с такими серьезными выражениями лиц, что Мокрицу было страшновато. Они все чем-то напоминали Стэнли. И все были мужчинами. Видимо, женщины и булавки были несовместимы.

Он нашел «Все Булавки» в самом нижнем ряду. Смазанный текст свидетельствовал о домашней печати, мелкие буквы тесно жались друг к другу, недосчитываясь таких мелочей, как абзацы, а в большинстве случаев и пунктуации – запятые видели выражение лица Стэнли и решали лишний раз его не беспокоить.

Мокриц положил тонкий журнальчик на прилавок, и продавец – косматый бородатый здоровяк с булавкой в носу и пивным животом, которого хватило бы на троих, с татуировкой «Булавки или Смерть» на предплечье – подобрал журнал и презрительно бросил обратно.

– Может, что-нибудь другое, господин? У нас тут «Ежемесячные булавки», «Булавочные новинки», «Практические булавки», «Современные булавки», «Булавки Экстра», «Булавки Интернешнл», «Говорящие булавки», «Мир булавок», «Булавочный мир», «Булавки и мир», «Булавки и булавочники»... – Мокриц ненадолго отключился, но вовремя встрепенулся, – ...«Дайджест акуфилиста», «Экстремальные булавки», «Штифте!» – это убервальдский, очень полезная вещь, если собирать иностранные булавки, – «Булавки для начинающих» – а это журнал-коллекционер, новая булавка в каждом номере, – «Время булавок» и, – здоровяк подмигнул, – «Булавки красных фонарей».

– Этот я видел, – сказал Мокриц. – Там в основном иконографии молоденьких женщин в кожаных нарядах.

– Это да. Но все они демонстрируют булавки... почти все. Ну что, тебе точно «Все булавки»? – уточнил он, словно желая дать дураку последний шанс одуматься.

– Да, – ответил Мокриц. – А что с ним не так?

– Да все так, – Дэйв задумчиво почесал брюхо. – Просто их издатель чутка... того...

– Чутка чего? – спросил Мокриц.

– Ну, в общем, нам кажется, он чутка повернут на булавках.

Мокриц посмотрел по сторонам.

– Неужели? – удивился он.

Мокриц зашел в кафе поблизости и принялся листать журнал. В прежней жизни он хорошо поднатерел в том, чтобы запоминать о любом предмете ровно столько, чтобы казаться сведущим в вопросе человеком – по крайней мере, людям несведущим. Закончив, он вернулся в магазин.

У всех были свои кнопочки. Для многих это была жадность. Старая добрая жадность служила Мокрицу верой и правдой. Для других – гордыня. Например, для Гроша. Он отчаянно грезил о повышении, это у него на лбу было написано. Найди кнопочку – и все пойдет как по маслу.

Что же до Стэнли... с ним будет просто.

Когда Мокриц вошел, здоровяк Дэйв рассматривал под лупой булавку. Час пик булавочной торговли, видимо, подходил к концу, поскольку магазинчик почти опустел, и лишь несколько бездельников продолжали околачиваться около витрин с булавками и полок с журналами.

Мокриц проскользнул к прилавку и откашлялся.

– Слушаю, господин? – здоровяк Дэйв оторвался от своей работы. – А, снова ты? Запало в душу, да? Приглянулось что?

– Пачку перфорированной бумаги для булавок и пакет карамелек за десять пенсов, – громко объявил Мокриц. Остальные посетители на мгновение повернули головы в его сторону, пока Дэйв снимал товары с витрины, и тут же отвернулись обратно.

Мокриц перегнулся через прилавок.

– Хотелось бы узнать, – зашептал он, – нет ли у тебя здесь чего-нибудь... поострее?

Здоровяк посмотрел на него настороженно.

– В каком смысле поострее? – спросил он.

– В этом самом, – ответил Мокриц. Он прочистил горло. – Чего-нибудь... колючего.

Звякнул колокольчик, когда последний посетитель, наглядевшись на булавки, покинул магазин. Дэйв проводил его взглядом и сосредоточил внимание на Мокрице.

– А ты, я погляжу, эксперт, да? – сказал он и подмигнул.

– Прилежный ученик, – ответил Мокриц. – Все, что я вижу на витрине,

ОНО...

– Никаких гвоздей! – отрезал Дэйв. – Им не место в моем магазине! Не дам порочить свое доброе имя! Сюда же дети ходят!

– О, нет! Я исключительно по булавкам, – торопливо заверил Мокриц.

– Вот и славно, – сказал Дэйв и расслабился. – Как нарочно, есть у меня пара вещиц, достойных истинного коллекционера. – Он кивнул на занавески из бус, отгораживающие внутреннюю часть магазина. – Не всякий товар можно выставлять всем на обозрение – такая молодежь пошла, сам понимаешь...

Мокриц направился с ним за шуршащую штору и очутился в тесной комнатенке, где Дэйв подозрительно огляделся по сторонам и только после этого снял с полки маленький черный ящичек и приоткрыл его прямо под носом у Мокрица.

– Такое не каждый день увидишь, верно? – сказал Дэйв.

О боги, да это же булавка», подумал Мокриц, но вслух сказал «Ого!» мастерски отработанным тоном искреннего изумления.

Несколько минут спустя он вышел на улицу, борясь с искушением отвернуть воротник сюртука. Вот чем было опасно подобное безумие. Оно могло обрушиться на тебя в любой момент. В конце концов, не он ли только что потратил семьдесят анк-морпоркских долларов на треклятую булавку?!

Мокриц уставился на маленькие свертки у себя в руках и тяжело вздохнул. Бережно спрятав их в карман сюртука, он нащупал там что-то бумажное.

Ах да, письмо З.Л.П. Он уже хотел снова сунуть его поглубже в карман, как краем глаза заметил на другой стороне древний указатель с названием: Лоббистская улица. Мокриц окинул узкую улочку взглядом и на первой же лавке увидел вывеску:

№ 1 А. ПАРКЕР & СЫН

ЗЕЛЕННАЯ

ПЕРВОКЛАСНЫЕ ФРУКТЫ & ОВОЩИ

Почему бы не взять и не доставить письмо прямо сейчас? А что! Почтмейстер он или не почтмейстер? С него не убудет.

Он нырнул в лавку. Мужчина средних лет выдавал морковь и

петрушку – или морковь & петрушку? – внушительных размеров даме с большой хозяйственной сумкой и волосатыми бородавками.

– Господин Антимоний Паркер? – деловито осведомился Мокриц.

– Одну минуту, господин, сейчас освобожусь & подойду, – начал он.

– Мне просто нужно знать, Антимоний ты Паркер или нет, – объяснил Мокриц. Женщина метнула на непрошеного гостя свирепый взгляд, и Мокриц одарил ее в ответ такой безупречной улыбкой, что она зарделась и на мгновение пожалела, что не сделала перед выходом макияж.

– Это мой отец, – сказал зеленщик. – Он сейчас во дворе & сражается с упертым кочаном капусты.

– Тогда это ему, – сообщил Мокриц. – Почта, – он положил конверт на прилавок и в спешке покинул зеленую.

Продавец и покупательница уставились на розовый конверт.

– З.&Л.&П.? – не понял зеленщик.

– О, какие это навевает мне воспоминания, господин Паркер, – сказала женщина. – В пору моей юности так мы подписывали письма своим кавалерам. Запечатано любящим поцелуем. Правда же? Были З.Л.П., а еще Л.А.Н.К.Р. и, разумеется, – она хихикнула и перешла на шепот, – К.Л.А.Ц. Помнишь?

– Это все прошло мимо меня, госпожа Пышнотел, – процедил продавец, – & если это значит, что молодые люди посылают моему отцу розовые письма в поцелуях, то оно & к лучшему. Вот времена пошли, а? – Он отвернулся и повысил голос: – Отец!

Вот и сделал за сегодня одно доброе дело, подумал Мокриц. Ну, по крайней мере, дело.

Похоже, господин Паркер так или иначе умудрился обзавестись потомством. И все же, было... странно думать обо всех письмах, скопившихся в этом старом здании. Они представлялись ему упакованной в конверты историей. Доставь конверт адресату – и история свернет в одно русло. Но урони его в щель между половицами – и она свернет в другое.

Хм. Он покачал головой. Можно подумать, один крошечный поступок одного маленького человека мог бы всерьез что-то изменить! История должна быть крепким орешком. Все возвращается на круги своя, разве не так? Он точно что-то такое где-то читал. В противном случае никто бы в жизни ничего не осмелился сделать.

Мокриц постоял на небольшой площади, где сходились восемь дорог, и решил отправиться домой через Рыночную улицу. Она была не хуже и не лучше других.

Удостоверившись, что Стэнли и голем расчищают почтовые завалы, господин Грош крался по лабиринту коридоров. Стопы писем громоздились до самого потолка, да так плотно, что ему едва удавалось протиснуться между ними, но наконец он добрался до шахты давно заброшенного гидравлического подъемника. Шахта была забита письмами. А вот аварийная лестница при шахте была пуста и вела на крышу. Имелась еще пожарная лестница снаружи, но то *снаружи*, а Грош и в лучшие-то времена недолго любил выходить за порог Почтамта. Он жил здесь как крошечная улитка в гигантской раковине. Он привык к темноте.

И вот, медленно и со скрипом, он на трясущихся ногах преодолел этажи писем и открыл люк в потолке.

Он заморгал, содрогнулся от непривычного солнечного света и выкарабкался на плоскую крышу.

Никогда Грош не был в восторге от этого дела, но что ему еще оставалось? Стэнли ел, как птенец, да и сам Грош перебивался чаем да сухарями, но все это стоило денег, даже если ходить на рынок прямо перед закрытием, а в какой-то момент, уже не один десяток лет назад, жалованье попросту перестало приходить. Грош слишком боялся пойти во дворец и разузнать причину. Боялся, что, если попросит денег, его уволят. Так что он придумал сдавать в аренду старую голубятню. А почему бы и нет? Почтовые голуби давно уже стали вольными птицами, а приличная крыша над головой в Анк-Морпорке – это вам не кот начхал. Даже если там немного и пованивало. Зато пожарная лестница и все такое. Целый дворец по сравнению со многими съемными комнатами.

К тому же ребята его заверили, что ничего не имеют против запаха. Они разводили голубей. Грош понятия не имел, что это значит, но, видимо, без установки небольшой клик-башенки им было не обойтись. Платили они исправно, и это было самое главное.

Грош обогнул ливневый колодец от неработающего подъемника и стал пробираться по крыше к голубятне. Он вежливо постучался.

– Это я, ребятки. Пришел за оплатой, – сказал он.

Дверь открылась, и до него донесся обрывок разговора:

– ...сцепления так не продержатся и тридцати секунд...

– А, господин Грош, проходи, – пригласил человек, открывший ему дверь. Это был господин Карлтон, чьей бороде позавидовал бы и гном – да что там, целых два гнома. Он казался сообразительнее обоих своих соседей, что само по себе было нетрудно.

Грош снял фуражку.

– Я за оплатой, господин, – повторил он, заглядывая в голубятню поверх его плеча. – А еще у нас новости. У нас, чтоб вы знали, новый почтмейстер. Так что постарайтесь вести себя потише некоторое время. Предупрежден – значит, вооружен, так?

– И насколько же его хватит? – спросил сидящий на полу человек, который копался в большом металлическом барабане, напичканном чем-то, что Грош принял за сложный часовой механизм. – К субботе ты уж спихнешь его с крыши, верно?

– Знаешь, господин Винтон, нечего надо мной так смеяться, – нервно ответил Грош. – Пусть проведет здесь несколько недель, пообживется, тогда я ему и... намекну про вас, ладно? Как дела у голубей? – Он увидел в камерке только одну птицу, спрятавшуюся в угол под потолком.

– Вышли полетать, – сказал Винтон.

– Ну и ладно, тогда у меня все, – сказал Грош.

– Мы сейчас все больше по дятлам, – сказал Винтон, извлекая из барабана изогнутую металлическую ленту. – Видишь, Алекс, говорил же я, что его погнуло. И эти две шестеренки ничего не держит...

– По дятлам? – переспросил Грош.

В комнате даже стало холоднее, как будто он сказал что-то лишнее.

– Верно, по дятлам, – раздался третий голос.

– По дятлам, господин Эмери?

Третий птицевод всегда действовал Грошу на нервы из-за его бегающих глазок, точно он хотел всегда видеть все и сразу. И в руках у него вечно была какая-нибудь дымящаяся трубка или какой другой прибор. Они вообще все были очень увлечены трубками и шестеренками. И вот ведь какая штука: Грош ни разу не видел, чтобы они держали в руках голубей. Грош, может, и не знал, как заводят голубей, но предполагал, что это должно быть на близком расстоянии.

– Да, дятлы, – сказал тот, а трубка в его руке сменила цвет с красного на синий. – Потому что... – тут он умолк и вроде призадумался, – ... мы изучаем, можно ли их научить... а, во, отстукивать сообщения, когда они прилетают. Куда до них голубям.

– Почему? – спросил Грош.

Господин Эмери с минуту посмотрел вокруг.

– Потому что дятлы смогут... передавать сообщения в темноте? – закончил он.

– Молодец, – пробормотал человек, разбиравший барабан.

– О, понимаю, понимаю, незаменимая была бы вещь, – сказал Грош. – И все равно не верю, чтобы они смогли одолеть клик-башни.

– Вот это мы и хотим узнать, – сказал Винтон.

– И мы будем очень признательны, если ты никому не будешь об этом рассказывать, – быстро добавил Карлтон. – Вот твои три доллара. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь своровал нашу идею, понимаешь?

– Мой рот на замке, ребятаки, – пообещал Грош. – Даже не беспокойтесь, на старика Гроша можно положиться.

Карлтон придержал дверь.

– Мы знаем. До свиданья, господин Грош.

Дверь за Грошем захлопнулась, и он засеменил по крыше обратно к лестнице. Ему показалось, что в голубятне назревала ссора.

– Вот надо было тебе взять и все рассказать, – услышал он.

Стало немного обидно, что они ему не доверяли. Спускаясь по высокой лестнице, Грош подумал про себя, не лучше ли было объяснить им, что дятлы не будут летать по темноте. Удивительно, что такие умные ребятаки, и такую простую вещь проглядели. Какие они все же наивные, подумал он.

В четверти мили оттуда – и сотней футов ниже – подобно летящему при свете дня дятлу шел навстречу своей судьбе Мокриц.

В данный момент судьба вела его улицами, которые вы бы предпочли избегать при покупке недвижимости. Повсюду здесь были граффити и мусор. Граффити и мусор, справедливости ради, были повсюду в городе, но в других местах мусор был лучшего качества, а граффити – чуть ближе к правильной грамматике. Весь район как будто находился на пороге грандиозного события – пожара, например.

Тут-то он и увидел ее. Это была одна из тех жалких лавочек, которые не протягивают на новом месте и нескольких дней, потому что у них «Скидки на весь товар!» и «Распродажа!» носков с двумя пятками, колготок с тремя ногами и рубашек с одним рукавом длиной в четыре фута. Окно было заколочено досками, но из-под граффити на них еще выглядывала надпись: «ТРЕСТ ГОЛЕМОВ».

Мокриц открыл входную дверь. Битое стекло хрустнуло у него под ногами.

– Держи руки на виду, господин, – раздался голос.

С опаской подняв руки вверх, он стал вглядываться во тьму. В руках у сокрытой мраком фигуры определенно был арбалет. Редкий свет, которому удалось протиснуться сквозь доски, отражался от наконечника стрелы.

– Хм, – сказал голос из темноты, несколько раздраженный тем, что нет повода в кого-нибудь выстрелить. – Тогда ладно. А то вчера приходили

тут...

– Окно разбили? – спросил Мокриц.

– Это случается примерно раз в месяц. Я как раз подметала. – Послышалось, как чиркнула спичка, а затем загорелась лампа. – На самих големов они уже не нападают с тех пор, как те стали свободно передвигаться. Но стекло-то сдачи не даст.

Лампа осветила фигуру высокой молодой женщины в узком шерстяном платье. У нее были черные как смоль волосы, прилизанные и туго стянутые в пучок на затылке, из-за чего она напоминала веревочную куклу. Судя по легкой красноте вокруг глаз, она плакала.

– Ты вовремя успел, – сказала она. – Я зашла только проверить, все ли на месте. Ты продаешь или нанимаешь? Руки уже можно опустить, – добавила она, убирая арбалет под стол.

– Продаю или нанимаю? – переспросил Мокриц, осторожно опуская руки.

– Големов, – пояснила она тоном, каким разговаривают с умственно отсталыми. – У нас здесь траст го-ле-мов. Мы покупаем и сдаем внаем го-ле-мов. Ты хочешь продать го-ле-ма или нанять?

– Ни то ни дру-го-е, – ответил Мокриц. – У меня уже есть го-лем. То есть он на меня ра-бо-та-ет.

– В самом деле? Где же? – поинтересовалась женщина. – И давай немного побыстрее.

– На Почтамте.

– О, Помпа 19, – сказала она. – Он говорил, что поступил на государственную службу.

– Мы зовем его *господин* Помпа, – парировал Мокриц.

– Да что ты говоришь? А на душе у тебя в это время становится тепло и приятно от собственного великодушия?

– Не понял? – переспросил сбитый с толку Мокриц. Ему показалось, она умудрилась посмеяться над ним, продолжая при этом хмуриться.

Она вздохнула.

– Извини, я сегодня немного взвинчена. Когда тебе на стол падает кирпич, это сказывается на настроении. В общем, големы видят мир совсем не так, как видим его мы, это понятно? Они по-своему умеют чувствовать, но их чувства отличаются от наших. Короче... чем я могу помочь, господин..?

– Фон Липвиг, – сказал Мокриц и тут же добавил: – *Мокриц фон Липвиг*, – чтобы разделаться с этим окончательно. Но дама даже не улыбнулась.

– Липвиг, небольшой городок в Ближнем Убервальде, – проговорила она, подобрала кирпич с груды осколков и щепок на столе, повернулась к ветхому картотечному шкафу и поместила кирпич в ячейку «К». – Главная статья экспорта – знаменитые собаки, на втором месте – пиво, не считая двух недель в течение Сектоберфеста, когда на экспорт поступает... пиво из вторсырья, я бы сказала. Правильно?

– Понятия не имею, – ответил Мокриц. – Я был маленьким, когда мы уехали отсюда. Для меня это просто смешное имя.

– Посмотрела б я на тебя, если б тебя звали Дора Гая Ласска.

– А вот это не смешно.

– Именно, – согласилась Дора Гая Ласска. – В результате я начисто лишена чувства юмора. Ну а теперь, когда мы обменялись всеми любезностями, что же тебе все-таки нужно?

– Дело в том, что Витинари взвалил на меня господина... кхм, Помпу 19 в качестве... ассистента, но я не знаю, как обращаться с... – Мокриц заглянул девушке в глаза в поисках политкорректного термина, и ограничился: – ... ним.

– То есть? Нормально с ним обращаться.

– Нормально по человеческим меркам или по меркам глиняного существа с огнем внутри?

К изумлению Мокрица, девушка выудила из ящика стола пачку сигарет и закурила. Неправильно расценив его реакцию, она протянула ему пачку.

– Нет, спасибо, – отмахнулся он.

Если не считать пары старушек с трубками в зубах, он никогда не видел, чтобы женщина курила. Это было... на удивление привлекательно, особенно с учетом того, что курила она так, будто у нее с сигаретой были свои счеты: втягивая дым в легкие и выдыхая его почти мгновенно.

– И тебя это напрягает? – спросила она. Когда госпожа Ласска не затягивалась, она держала сигарету на уровне плеча, правой рукой обхватив локоть левой. По виду Доры Гаи Ласски создавалось впечатление, что вся она кипит негодованием, которое еле-еле прикрыто крышкой.

– Конечно! То есть... – начал Мокриц.

– Пф! Та же история, что и с движением за равенство по росту, когда нам скармливали этот нравоучительный бред о гномах и о том, что нельзя использовать такие выражения, как «невысокого мнения» и «низкие показатели». У големов нет наших заморочек о том, кто я да почему я здесь, понимаешь? Потому что они это *знают*. Они были созданы инструментами, чтобы быть собственностью, чтобы работать. И они работают. Это их *суть*, если можно так сказать. И никаких

экзистенциальных метаний.

Нервозным движением госпожа Ласска затянулась и выпустила дым.

– А потом эти придурки берут и называют их «индивидуумами из глины», «господином Ключом» и так далее, что непонятно самим големам. Они понимают *идею* свободной воли. Еще они понимают, что у них ее нет. Хотя, конечно, когда голем принадлежит сам себе, это совсем другая история.

– Сам себе? – переспросил Мокриц. – Как может собственность принадлежать сама себе? Ты же говорила...

– Они копят деньги и *выкупают* себя, а как же еще! Индивидуальная собственность – это единственный путь к свободе, который они могут принять. Мы так и работаем: свободные големы поддерживают траст, траст покупает големов при любом удобном случае, и новые големы выкупают себя у траста. Дела идут успешно. Вольные големы круглосуточно зарабатывают деньги, и их число все растет и растет. Они не едят, не спят, не требуют одежды и не понимают идею праздности. А пачка гончарной глины стоит недорого. Каждый месяц они покупают все больше големов, платят жалованье мне и заоблачную арендную плату, которую дерет с нас хозяин этой помойки, потому что знает, что сдает големам. Они же никогда ни на что не жалуются. Такие *терпеливые*, что скулы сводит.

Пачка гончарной глины, подумал Мокриц. Он хотел было запомнить эти слова на всякий пожарный, но его мысли оказались заняты всепоглощающим осознанием того, до чего хорошо выглядят некоторые женщины в самых безыскусных платьях.

– Но их же никак нельзя повредить? – выдавил он.

– Еще как можно! Удар кувалдой в правильное место может сделать голему очень плохо. Големы, принадлежащие не себе, так и будут стоять и сносить удары. Трастовым големам разрешено обороняться, а когда существо в тонну весом вырывает кувалду у тебя из рук, отпустить ее придется *очень* быстро.

– Кажется, господину Помпе разрешено бить людей, – сказал Мокриц.

– Очень может быть. Многие вольные против этого, но другие считают, что инструмент нельзя винить за то, к чему его применяют, – сказала госпожа Ласска. – У них часто бывают дебаты по этому поводу. Нескончаемые дебаты.

Кольца на пальце нет, заметил Мокриц. С чего бы привлекательной девушке работать на стадо глиняных людей?

– Все это *ужасно* интересно, – сказал Мокриц. – Где можно узнать об этом подробнее?

– У нас есть буклет, – сообщила почти наверняка незамужняя госпожа Ласска, открыв ящик, и швырнула на стол листовку. – Пять пенсов.

На титульном листочке стоял заголовок: «Глина обыкновенная».

Мокриц вытащил доллар.

– Сдачи не надо, – сказал он.

– Нет! – ответила госпожа Ласска, роясь в ящике стола в поисках монет. – Ты что, не читал надпись на входе?

– Читал. Там написано «Грами уродафф», – сказал Мокриц.

Госпожа Ласска устало приложила ладонь ко лбу.

– Ах да. Маляр еще не приходил. Но под этим... вот, посмотри на обороте буклета...

, – прочитал Мокриц... по крайней мере, пробежал взглядом.

– Это их собственный язык. Он в некотором роде... сакральный. На нем якобы разговаривают ангелы. В переводе звучит как: «Своими Силами – И Никак Иначе». Они очень ценят независимость. Ты даже не представляешь.

«О-го-го, – подумал Мокриц. – Да она ими восхищается. И что это там про ангелов?»

– Спасибо за все, – сказал Мокриц. – Мне, пожалуй, пора. Я обязательно... в общем, спасибо.

– Чем ты занимаешься на Почтамте, господин фон Липвиг? – спросила она, когда Мокриц уже открыл дверь.

– Зови меня Мокриц, – сказал он, и частичка его внутреннего «я» содрогнулась. – Я новый почтмейстер.

– Да ладно? – удивилась госпожа Ласска. – Тогда хорошо, что у тебя есть Помпа 19. Говорят, последних почтмейстеров надолго не хватало.

– Кажется, я что-то такое слышал, – весело ответил Мокриц. – Похоже, туго им здесь приходилось в былые времена.

Госпожа Ласска нахмурилась.

– Былые времена? – переспросила она. – Это прошлый-то месяц былые времена?

Лорд Витинари стоял у окна. Когда-то из него открывался прекрасный вид на город – то есть, вид по-прежнему открывался, только сейчас городские крыши являли собой частокол клик-башен, перемигивающихся и переливающихся на солнце. Над Тумпом, старинным городищем за рекой, на высокой башне, откуда на две тысячи миль начинала петлять до самой Орлеи Гранд Магистраль, мерцал семафор.

Приятно было наблюдать за стройным течением жизненных соков

торговли, коммерции и дипломатии, когда в твоём подчинении находились первоклассные дешифровщики. Черные и белые днем, светлые и темные ночью, заслонки замирали только в туман и снегопад.

Так, по крайней мере, было еще несколько месяцев назад. Витинари вздохнул и сел обратно за стол.

На столе была открытая папка. В папке – рапорт от командора Городской Стражи Ваймса, в рапорте – много восклицательных знаков. Там же был и более сдержанный рапорт от клерка Альфреда, где лорд Витинари обвел в кружок раздел, озаглавленный «Дымящийся ГНУ».

В дверь мягко постучали, и в кабинет тенью юркнул Стукпостук.

– Пожаловали господ из семафорной компании «Гранд Магистраль», сэра, – сказал он и выложил перед ним несколько листков бумаги, испещренных убористыми замысловатыми черточками. Витинари бросил на стенограмму беглый взгляд.

– Пустая болтовня? – спросил он.

– Да, милорд. *Нарочито* пустая, можно сказать. Но я ручаюсь, что ушко переговорной трубы совершенно незаметно под лепниной, ваше сиятельство. Клерк Брайан искуснейшим образом спрятал его в рожке позолоченного херувима. Очевидно, прием звука там лучше, и рожок можно повернуть и направить на кого...

– Необязательно видеть что-либо, чтобы знать, что оно есть, Стукпостук, – Витинари постучал пальцем по бумаге. – Они не дураки. Точнее, не все они. Документы у тебя?

Лицо Стукпостука на мгновение исказилось болезненной гримасой человека, вынужденного пойти на предательство высоких идеалов делопроизводства.

– В некотором роде, милорд. На самом деле у нас нет ничего вещественного ни по одному из обвинений, вообще ничего. Мы готовы провести вердикторий в Продолговатом кабинете, но, увы, сэра, в нашем распоряжении только слухи. Есть... намеки... тут и там, но нам очень нужно что-то более существенное...

– Возможность еще представится, – сказал Витинари. Быть абсолютным правителем в эти дни стало не так-то просто, как могло показаться. Особенно если в твои планы входило оставаться на этом посту и завтра. Это был вопрос тонкий. Никто не запрещает посылать своих людей вышибать ногами двери и волочь народ в темницы без суда и следствия, но увлекаться подобными вещами – это крайне безвкусно, мешает бизнесу, вызывает зависимость и очень, очень вредно для здоровья. Витинари полагал, что разумному тирану приходится справляться с задачей

гораздо более сложной, чем правителю, пришедшему к власти посредством дурацкой системы «выбери сам», вроде демократии. Такой избранный хотя бы мог напомнить подданным, что они в нем сами виноваты.

– ...в обычной ситуации было бы рано заводить отдельные досье на каждого, – не находил себе места Стукпостук. – Видите ли, я лишь сослался на них в порядке...

– Твое беспокойство, как всегда, вызывает восхищение, – заметил лорд Витинари. – Однако я вижу, досье ты все же подготовил.

– Да, милорд. Я добавил им толщины за счет копий отчетов клерка Гарольда о производстве свинины в Орлее, сэра, – с несчастным видом Стукпостук передал патрицию картонную папку. Намеренная халатность в делопроизводстве скребла как железом по стеклу самого его естества.

– Очень хорошо, – Витинари сложил папки на свой стол, извлек из ящика стола еще одну, которую положил сверху остальных, и переложил несколько бумаг, чтобы прикрыть невысокую стопку. – Теперь можешь приглашать наших гостей.

– С ними господин Кривс, милорд, – сообщил секретарь.

Витинари улыбнулся улыбкой, в которой не было и тени веселья.

– Какая неожиданность.

– И господин Хват Позолот, – добавил Стукпостук, внимательно наблюдая за патрицием.

– Ну разумеется.

Когда через несколько минут финансисты стояли в кабинете Витинари, стол для переговоров был девственно пуст, если не считать блокнота и стопки папок. Сам же патриций снова стоял у окна.

– А, господа. Как любезно с вашей стороны заглянуть на пару слов, – сказал он. – Я как раз наслаждался видом.

Он резко обернулся и увидел перед собой ряд удивленных лиц за исключением двух. Одно, серое, принадлежало господину Кривсу – самому известному, высокооплачиваемому и уж точно самому старому законнику в городе. Уже много лет он был зомби, хотя разницы между его прижизненным и посмертным поведением замечено не было. Другое принадлежало человеку с одним глазом (другой закрывала повязка), и оно хищно улыбалось.

– Мне доставляет несказанное удовольствие видеть Гранд Магистраль снова в деле, – заявил Витинари, не обращая внимания на это лицо. – Вчера линия, кажется, простаивала весь день. Я как раз думал: Гранд Магистраль играет такую важную роль в нашей жизни, и какая жалость, что она у нас только одна. Увы, я в курсе, что вкладчики Новой Магистральной все

разбежались, что, бесспорно, делает Гранд Магистраль полноправным хозяином в этой сфере, без всякой конкуренции. Впрочем, что же это я? Присаживайтесь, господа, *присаживайтесь*.

Он дружелюбно улыбнулся господину Кривсу, когда тот уселся.

– Не думаю, что знаком со всеми здесь присутствующими, – сказал он. Господин Кривс вздохнул.

– Милорд, позвольте представить: господин Сдушкомс, представитель партнерства Анк-Сто, казначей компании «Гранд Магистраль»; господин Мускат из холдинга равнины Сто; господин Слыпень из анк-морпоркского Коммерческого кредитного банка; господин Стоули из «Анк-Фьючерсов», финансовый советник; и господин Позолот...

– ...сам по себе, – спокойно произнес одноглазый человек.

– А, господин Хват Позолот, – сказал Витинари, глядя на него в упор. – Ужасно... *рад* нашей встрече.

– Вы никогда не приходите на мои приемы, милорд, – сказал Позолот.

– Что поделать. Дела государственные отнимают слишком много времени, – бросил лорд Витинари.

– Всем необходимо развлекаться время от времени, милорд. От работы, как говорится, и конидохнут.

Некоторые из присутствующих задержали дыхание, услышав такие слова, но Витинари и бровью не повел.

– Любопытно, – сказал он.

Он перебрал бумаги на столе и открыл одну папку.

– Итак, мои сотрудники подготовили для меня кое-какие сводки на основе общедоступных данных с Барбикана, – сообщил он законнику. – Полномочия директоров, к примеру. Конечно, загадочный мир финансовых операций для меня, хм, клатчская грамота, но складывается впечатление, что некоторые ваши клиенты работают друг на друга.

– Это так, милорд, – сказал Кривс.

– Это нормально?

– О, для профессионалов такого уровня самое обычное дело состоять в дирекции нескольких компаний, милорд.

– Даже если это конкурирующие компании? – уточнил Витинари.

Многие за столом заулыбались. Финансисты устроились поудобнее в своих креслах. Патриций явно ни шиша не смыслил в бизнесе. Ну что он мог знать о сложных процентах, в самом деле? Он же получил классическое образование. Тогда они вспомнили, что свое классическое образование он получил в школе при Гильдии Убийц, и перестали улыбаться. А господин Позолот пристально посмотрел на Витинари.

– Есть способы – исключительно благородные способы – обеспечить конфиденциальность и избежать конфликта интересов, милорд, – сказал господин Кривс.

– Ах да, кажется, это называется... как же это... стеклянный потолок? – радостно подхватил Витинари.

– Нет, милорд. Это совсем другое. Полагаю, вы имеете в виду «агатянскую стену», – мягко поправил господин Кривс. – Этот способ бережно и надежно обеспечивает соблюдение полной конфиденциальности в тех случаях, когда, к примеру, в распоряжение члена одной организации поступает закрытая информация, которая теоретически может быть использована другим учреждением в бесчестных целях.

– Поразительно! Как же именно это действует? – спросил Витинари.

– Они договариваются так не делать, – ответил господин Кривс.

– Не понимаю. Вы же говорили, что там какая-то стена... – сказал Витинари.

– Это просто такое название, милорд. Договоренность так не делать.

– А! И все соглашаются? Какая прелесть. Даже если эта несуществующая стена рассекает мозг им напополам?

– У нас есть Кодекс поведения, знаете ли, – раздался голос.

Все взгляды, за исключением господина Кривса, обратились к говорящему, который беспокойно ерзал в своем кресле. Господин Кривс долгое время занимался патрициеведением, и когда предмет его изучения вел себя как несведущий чиновник и задавал невинные вопросы, было самое время наблюдать за ним во все глаза.

– Рад это слышать, господин... – начал Витинари.

– Криспин Слыпень, милорд, и мне не нравится ваш тон!

На мгновение показалось, будто даже стулья отпрянули от него. Господин Слыпень был молодежьавым человеком, не столько склонным к полноте, сколько устремленным, скачущим и рвущимся к ожирению. К тридцати годам он успел обзавестись впечатляющей коллекцией подбородков, которые теперь горделиво подрагивали^[2].

– У меня есть и другие тона, – спокойно сообщил лорд Витинари.

Господин Слыпень посмотрел на коллег, которые вдруг почему-то оказались за тридевять земель от него.

– Я просто хотел уточнить, что мы ничего не нарушили, – пробормотал он. – И все. Есть же Кодекс поведения.

– Кажется, я и не обвинял никого в нарушениях, – заметил лорд Витинари. – Однако я приму во внимание все, что ты хочешь мне сказать.

Он подтянул к себе лист бумаги и написал на нем аккуратным

каллиграфическим почерком: «Кодекс поведения». Из-под бумаги стала видна папка, озаглавленная «Хищение». Слово, конечно же, было перевернуто вверх ногами к собравшимся, и поскольку оно явно не предназначалось для их глаз, они его прочли. Слыпень даже вытянул шею, чтобы рассмотреть получше.

– Тем не менее, – продолжал Витинари, – раз уж господин Слыпень сам поднял вопрос о нарушениях, – он коротко улыбнулся в сторону молодого человека. – Уверен, все вы в курсе пересудов о предполагаемом заговоре среди вас с целью повышения цен и подавления конкуренции, – предложение прокатилось быстро и гладко, как змеиный язычок, острым кончиком которого прозвучало продолжение: – И разумеется, слухи о кончине юного господина Ласски месяц назад.

Шорох среди рассеявшихся полукругом мужчин подтвердил, что карты были выложены на стол. Им не нравились эти карты, но они ожидали их увидеть, и только что они с хрустом были открыты.

– Клевета – подсудное дело, – сказал Кривс.

– Ну что вы, мистер Кривс, простое упоминание о существующем слухе не подсудно – не сомневаюсь, ты об этом знаешь.

– Нет никаких доказательств нашей причастности к убийству мальчишки! – сорвался Слыпень.

– Вот видишь, и до тебя дошли разговоры о том, что его убили, – сказал Витинари, не сводя глаз с Хвата Позолота. – Такие слухи разлетаются в момент...

– Милорд, люди любят посудачить, – устало вздохнул Кривс. – Но факты таковы, что господин Ласка на башне был один. Никто не поднимался и никто не спускался. Его страховочный трос, видимо, не был пристегнут. Это был несчастный случай, они отнюдь не редкость. Да, мы знаем, говорят, у него были переломаны пальцы, но так ли это удивительно – удариться о башню, когда летишь с такой высоты? Увы, «Гранд Магистраль» переживает сейчас не лучшие времена, вот и появляются эти оскорбительные и безосновательные обвинения. Как справедливо заметил господин Слыпень, нет никаких доказательств, что произошедшее было чем-то иным, нежели трагической случайностью. И если мне позволено говорить откровенно, с какой именно целью нас здесь собрали? Мои клиенты – занятые люди.

Витинари откинулся назад и сложил ладони домиком.

– Вообразим себе ситуацию, в которой группа энергичных и в высшей степени изобретательных людей разработала систему коммуникаций, – начал он. – У них есть пылкий ум и оригинальность мышления. Нет только

денег. Они *непривычны* к деньгам. И вот они знакомятся с... людьми, которые знакомят их с другими, очень доброжелательными персонами, а те за какие-то, хм, сорок процентов от предприятия *предоставят* им столь необходимые средства, дадут важные, самые что ни на есть отеческие советы и сведут с ну *очень* хорошей бухгалтерской конторой. И вот они берутся за дело, деньги текут рекой и утекают рекой, но почему-то оказывается, что они вовсе не так финансово благополучны, как им казалось, и им даже нужны *еще* деньги. Ну, ничего страшного, ведь ясно как день, что рано или поздно предприятие должно стать золотой жилой, так какая разница, что они отпишут еще пятнадцать процентов? Это ведь всего лишь деньги. Это же не так *важно*, как семафорные механизмы, верно? Но вскоре они узнают, что да, *еще* как важно. Это *самое* важное. Внезапно мир переворачивается вверх тормашками, внезапно эти доброжелательные люди оказываются не такими уж доброжелательными, внезапно выясняется, что второпях подписанные бумажки, по совету тех самых людей, которые все время им улыбались, означают, что на самом деле им ничего не принадлежит – ни патенты, ни собственность, ничего. Даже содержимое мозгов. Даже мысли, которые приходят им в головы, оказывается, им не принадлежат. И почему-то у них *до сих пор* проблемы с деньгами. Тогда кто-то бежит, кто-то скрывается, а кто-то пытается бороться, что в высшей степени безрассудно, поскольку выясняется, что все это, ровным счетом все, совершенно легально. Кто-то соглашается на низкооплачиваемые посты на предприятии, потому что надо же на что-то жить, да и проект буквально снится им по ночам. Но как ни крути, ничего противозаконного не произошло. Бизнес есть бизнес.

Лорд Витинари открыл глаза. Люди за столом не сводили с него глаз.

– Просто мысли вслух, – сказал он. – Вы можете сказать, что это дело не государственного значения. Господин Позолот-то уж точно может. Однако, поскольку вы приобрели «Гранд Магистраль» за крохи от ее реальной стоимости, замечу, что возросло число поломок и скорость передачи сообщений упала, а услуги продолжают дорожать. На прошлой неделе Магистраль была закрыта почти трое суток. Нельзя было связаться даже со Сто Латом! Трудно назвать это «скоростью света», господа.

– Требовалось провести техническое обслуживание, – сказал господин Кривс.

– Нет, требовалось починить неисправности, – возразил Витинари. – Под предыдущим руководством сеть закрывалась на час ежедневно. Так проводится техническое обслуживание. Теперь же башни работают на износ. Что вы творите, господа?

– Это, ваше сиятельство, при всем уважении, совершенно не ваше дело.

Лорд Витинари улыбнулся. Впервые за все утро он улыбался с искренним удовольствием.

– А, господин Хват Позолот. Я ждал, когда ты подашь голос. Ты сегодня на удивление немногословен. С превеликим интересом прочел недавно статью о тебе в «Правде». Ты, оказывается, борец за права и свободы. Трижды ты использовал слово «тирания» и еще один раз – «тиран».

– Не читайте мне нотаций, милорд, – сказал Позолот. – Мы – хозяева Магистрали. Это наша собственность. Понятно? Собственность – основа свободы. Клиенты недовольны обслуживанием и ценами? Это же клиенты, они всегда чем-нибудь недовольны. Вне зависимости от цен у нас нет отбоя от клиентов. До появления клик-башен новости из Орлеи шли сюда не один месяц, а сейчас меньше суток. Это доступное каждому чудо. Мы отвечаем перед нашими акционерами, милорд. А не перед вами, при всем уважении. Это не ваш бизнес. Он наш, и вести его мы будем так, как того требует рынок. Надеюсь, здесь нет места тирании. При всем уважении, мы живем в свободном городе.

– Столько уважения – я польщен, – сказал патриций. – Но единственный *выбор*, который есть у ваших клиентов, – это или вы, или ничего.

– Именно, – спокойно согласился Позолот. – Выбор есть всегда. Они могут оседлать лошадь и проскакать несколько тысяч километров, а могут спокойно подождать, пока мы не передадим их сообщение.

Витинари наградил его улыбкой, мимолетной, как вспышка молнии.

– Или основать свою компанию, – сказал он. – Хотя я замечал, что молодые семафорные компании, которые в последнее время пытались составить вам конкуренцию, стремительно терпели поражение, зачастую при удручающих обстоятельствах. Падения с клик-башен, и так далее, и тому подобное.

– От несчастных случаев никто не застрахован. Стечение обстоятельств, – процедил господин Кривс.

– Стечение обстоятельств, – эхом отозвался Витинари. Он взял еще лист бумаги, попутно сдвинув документы так, что стали видны еще несколько имен, и записал: «Стечение обстоятельств».

– Полагаю, добавить тут больше нечего, – сказал он. – На самом деле целью нашей встречи было официально известить вас о том, что я снова открываю Почтамт, как и планировалось. Сообщаю это исключительно в

знак почтения к вам, ведь вы, в общем-то, занимаетесь тем же самым делом. Надеюсь, давешняя череда злоключений на этом подойдет к...

Хват Позолот хмыкнул.

– Минуточку, милорд, я правильно вас понял? Вы и впрямь намерены продолжать этот балаган? После всего случившегося? Почтамт? Когда все здесь прекрасно понимают, какой это был громоздкий, напыщенный, раздутый, монструозный пшик? Он же едва окупался! Типичный образчик государственного предприятия!

– Согласен, Почтамт никогда не был прибыльным, но в деловой части города почту разносили до семи раз за день, – сказал Витинари ледяным, как морские пучины, тоном.

– Ага! Особенно под конец! – фыркнул господин Слыпень. – Толку от него было ноль с хвостиком!

– Совершенно верно. Яркий пример прогнившей государственной структуры, которой лишь бы выпотрошить кошельки горожан, – добавил Позолот.

– Вот-вот! – вставил господин Слыпень. – Шутили даже, что если хочешь избавиться от трупа, нужно отвезти его на Почтамт, и больше его никто никогда не найдет!

– И что же? – спросил Витинари, вздернув бровь.

– Что – что же?

– Нашли или нет?

Взгляд господина Слыпня на мгновение сделался загнанным.

– Чего? Да мне-то откуда знать?

– Ах, так это была шутка, – сказал Витинари. – Тогда ладно.

Он пошелестел бумагами.

– К сожалению, к Почтамту стали относиться не как к нужной и выгодной структуре для эффективной доставки корреспонденции, а как к денежному мешку. И он рухнул, лишившись как почты, так и денег. Это должно бы стать всем нам уроком. Так или иначе, я возлагаю большие надежды на господина фон Липвига – молодого человека переполняют свежие идеи. И высоты он не боится, хотя не думаю, что ему придется лазить по башням.

– Надеюсь, это восстановление не скажется на наших налогах, – заметил господин Кривс.

– Уверяю тебя, господин Кривс, что кроме скромного начального взноса, чтобы, так сказать, задать ход, почтовая служба будет автономной структурой, какой она и была раньше. Не можем же мы потрошить

кошельки собственных граждан. Однако, господа, я прекрасно понимаю, что отрываю вас от очень важных дел. Надеюсь, «Магистраль» заработает в ближайшее время.

Все начали подниматься со своих мест, а Хват Позолот перегнулся через стол и сказал:

– Могу ли я вас поздравить, милорд?

– Мне приятно, что в тебе возник такой порыв, господин Позолот, – ответил Витинари. – Чем обязан столь уникальному обстоятельству?

– Этим, – Позолот указал на грубо отесанную каменную глыбу на небольшом столике в стороне. – Это же оригинальная тьфупфухфукунфусская плита? Ламедосский лазурный песчаник, верно? Базальтовые фигуры, чертовски сложный материал для резьбы. Ценный антиквариат.

– Так и есть, – ответил Витинари. – Подарок от гномьего Короля-подгорой.

– Я вижу, у вас начата партия. Играете за гномов?

– Да. По семафору со старой приятельницей из Убервальда, – ответил Витинари. – Мне повезло, и ваша давешняя поломка дала мне лишний день на обдумывание хода.

Их взгляды встретились. Господин Позолот громко рассмеялся. Витинари улыбнулся. Остальные, которым не терпелось, тоже рассмеялись. Вот видите, тут все свои, практически коллеги, ничего плохого *не произойдет*.

Смех неловко стих. Витинари и Позолот продолжали смотреть друг другу в глаза, не прекращая улыбаться.

– Нам с вами нужно будет сыграть, – сказал Позолот. – У меня тоже есть отличная доска. Сам я предпочитаю играть троллями.

– Безжалостные, изначально уступающие по численности, неизбежно терпящие поражение в руках неумелого игрока? – сказал Витинари.

– Именно. В то время как гномы полагаются на свою хитрость, маневренность и ловкость при смене позиций. Игра позволяет изучить все слабые места противника, – сказал Позолот.

– В самом деле? – Витинари вскинул брови. – Не полезнее ли изучить собственные?

– Ой, да это же просто «шмяк»! *Легкотня!* – вякнул кто-то.

Оба повернулись в сторону Слыпня, который от облегчения стал наглее.

– Я играл в детстве, – не затыкался он. – *Скукотища* же. Гномы всегда выигрывают.

Позолот и Витинари переглянулись. В этом взгляде читалось: хоть я и презираю тебя и все твои жизненные принципы с силой, которую не измерить никакими приборами, надо отдать тебе должное, ты хотя бы не Криспин Слыпень.

– Внешность бывает обманчива, Криспин, – радостно объявил Позолот. – Тролли ни за что не проиграют, если подойти к партии с умом.

– Помню, у меня в носу однажды застрял гном, и маме пришлось выковыривать его оттуда шпилькой, – сообщил Слыпень с гордостью в голосе.

Позолот положил руку ему на плечо.

– Какая интересная история, Криспин, – сказал он. – Не боишься, что это случится еще раз?

После их ухода Витинари стоял у окна и смотрел на раскинувшийся внизу город. Несколько минут спустя в кабинет заглянул Стукпостук.

– В приемной произошел короткий разговор, милорд, – сказал он.

Витинари не повернулся к нему – он только поднял руку.

– Дай угадаю... кто-то начал говорить что-нибудь вроде «Думаете, он...», а господин Кривс тут же заткнул ему рот. Это был господин Слыпень, полагаю.

Стукпостук сверился с листком в руках.

– Почти слово в слово, милорд.

– Несложно было догадаться, – вздохнул Витинари. – Ах, господин Кривс. Он у нас такой... надежный. Иногда мне даже кажется, что, если бы он уже не был зомби, его следовало бы таковым сделать.

– Велеть провести расследование первой степени по господину Позолоту, милорд?

– Только не по нему. Он слишком умен. Давай по господину Слыпню.

– В самом деле, сэръ? Но вчера вы сказали, что он обычный жадный дурак.

– Истеричный дурак, а это может пригодиться. Он продажный трус и жадина. Я видел, как он расправлялся с порцией жаркого с белой фасолью, и это было незабываемое зрелище, Стукпостук, которое я вряд ли когда-нибудь забуду. Брызги соуса были повсюду. И эти его розовые рубашки стоят больше ста долларов штука. О да, он тащит чужое – без риска, скрытно и не очень умно. Поручи это... пожалуй, поручи это Брайану.

– Брайану, сэръ? – переспросил Стукпостук. – Вы уверены? Ему нет равных в работе с механизмами, но в полевой работе он неуклюж. Его заметят.

– Знаю, Стукпостук, знаю. Я бы хотел, чтобы господин Слыпень...

занервничал еще *сильнее*.

– Понимаю, сэр.

Витинари отвернулся обратно к окну.

– Скажи мне, Стукпостук. А *ты* назвал бы меня тираном?

– Никак нет, ваше сиятельство, – ответил Стукпостук, убирая со стола.

– В этом-то и проблема. Кто же скажет тирану, что он – тиран?

– Действительно, милорд, ситуация сложилась бы щекотливая, – ответил Стукпостук, наводя порядок в бумагах.

– Буффон в своих «Размышлениях», которые мне всегда казались скверно переведенными, пишет, что вмешательство в целях предотвращения убийства – суть ограничение свободы убийцы, тогда как свобода по определению универсальна, естественна и безусловна, – сказал Витинари. – Вспомни его небезызвестный тезис: «Если есть на свете человек, который несвободен, то я пирожок с курицей», который привел к ожесточенным дебатам. Так, например, нам может казаться, что отнимать бутылку у пьяницы, убивающего себя алкоголем, – это хороший и даже похвальный поступок, но свобода, тем не менее, оказывается ограничена. Господин Позолот читал Буффона, но боюсь, не понял его мысли. Пускай свобода – естественное состояние человечества, но сидеть на дереве и жевать ужин, который еще вырывается, для нас так же естественно. С другой стороны, Фрайдеггер в своих «Контекстных модальностях» утверждает, что всякая свобода ограничена, искусственна и, следовательно, иллюзорна – что-то вроде коллективной галлюцинации. Ни один разумный смертный по-настоящему не свободен, ибо настоящая свобода так ужасна, что только безумец или бог осмелится столкнуться с ней лицом к лицу. Она обурекает душу, почти как состояние, которое он в другой своей работе называет *фоналлесфолкомменунверштандлихдасдаскайт*. С какой позицией согласился бы ты, Стукпостук?

– Я, милорд, всегда придерживался мнения, что этому миру нужны более прочные картотечные шкафы, – ответил Стукпостук после краткой паузы.

– Хм, – ответил лорд Витинари. – Эта мысль определенно заслуживает внимания.

Он остановился. На резных украшениях над камином с тихим скрипом начал медленно поворачиваться херувимчик. Витинари изогнул бровь и посмотрел на своего секретаря.

– Я сейчас же все передам Брайану, милорд, – сказал тот.

– Хорошо. Скажи, что ему надо чаще бывать на свежем воздухе.

Глава четвертая

Знак

Темные клерки и мертвые почтмейстеры – Вервольф в Страже – Чудесная булавка – Господин фон Липвиг читает слова, которых нет – Цирюльник Хьюго удивлен – Господин Паркер покупает финтифлюшки – Инструктаж по невинной лжи – Принцесса в башне – «Человек жив, пока не забыто его имя»

– Будет Тебе, Господин Вон Липвиг, Насилие До Добра Не Доведет, – прогремел Помпа. Он покачивался на своих огромных ногах, а Мокриц бился в его хватке.

Грош и Стэнли спрятались в дальний угол гардероба. Очередное целебное варево Гроша выкипало и убегало на пол, оставляя на половицах лиловые пятна.

– Все это были несчастные случаи, господин фон Липвиг! Сплошные несчастные случаи! – захлебывался Грош. – На четвертый раз Стража все здесь облазила! Они сказали, что это несчастные случаи!

– Ну конечно! – закричал Мокриц. – Четыре раза за пять недель? Для вас это что, обычное дело?! О боги, и вот он я, уже готовенький! Я ведь, считай, покойник, да? Только что еще не в гробу. Каков Витинари! Знает человек, как сэкономить на веревке! Да мне же крышка!

– Вам сейчас не помешало бы выпить чайку из висмута и серы, сэр, – дрожащим голосом предложил Грош. – Я как раз поставил чайник...

– Чаек меня не успокоит!

Мокриц взял себя в руки – по крайней мере, решил вести себя так, как будто взял, и театрально сделал глубокий вдох.

– Ладно, ладно, господин Помпа, можешь меня отпустить.

Голем убрал руки. Мокриц выпрямился во весь рост.

– Итак, господин Грош?

– Похоже, вы все-таки настоящий, – ответил старик. – Были бы из темных клерков, вряд ли бы так расказначились. Мы-то думали, вы из особых людей его сиятельства, – Грош завозился с чайником. – Не обижайтесь, просто жизни в вас побольше, чем в простом конторщике.

– Темных клерков? – переспросил Мокриц и тут же сообразил: – А-а-а, это такие коренастые ребятки в черных костюмах и котелках?

– Они самые. Некоторые учатся в Гильдии Убийц. Они, если захотят,

такого могут натворить...

– Ты же только что назвал их конторщиками.

– Ага, но я же не уточнил, в какой конторе, хи-хи. – Грош увидел лицо Мокрица и закашлялся. – Извиняюсь, просто пошутил, ничего такого не имел в виду. Мы думаем, наш последний почтмейстер, господин Хубльбери, был как раз темным клерком. Ничего удивительного, с такой-то фамилией. Так вот, он всюду совал свой нос.

– Интересно, зачем же? – спросил Мокриц.

– Ну, первым у нас был господин Тихабль, славный был человек – свалился с пятого этажа прямо на мраморный пол в главном холле – и шлеп, вот прямо *шлеп* головой вниз. Так все... забрызгал, сэр.

Мокриц взглянул на Стэнли, которого начинало трясти.

– Потом был господин Бакенбард. Он свалился с черной лестницы и свернул себе шею. Извиняюсь, сэр, сейчас сорок три минуты двенадцатого, – Грош подошел к двери и открыл ее. В комнату вошел Пис-Пис, и Грош закрыл за ним дверь. – В три часа ночи было дело. Пять пролетов падал. Переломал себе все, что можно, сэр.

– Он что же, ходил по темноте без свечки?

– Про свечку не знаю, сэр. Про лестницу знаю. Лампы на всех лестницах горят всю ночь. Стэнли зажигает их каждый вечер, а у него все минута в минуту, как у Пис-Писа.

– Часто пользуетесь черной лестницей? – спросил Мокриц.

– Совсем не пользуемся, сэр, только когда лампы зажигаем. Там же письма повсюду. Но так сказано в Уставе, сэр.

– А что следующий? – хрипловато поинтересовался Мокриц. – Очередное трагическое падение?

– О нет, сэр. Нам сказали, у господина Игнавии – это его так звали – было что-то с сердцем. Нашли его на пятом этаже, мертвее некуда, с такой физиономией, будто привидение увидел. Сказали, помер по естественным причинам. Мда, а Стража к тому времени уже все здесь облазила, уж будьте спокойны. Сказали, он был совсем один, и на нем, мол, никаких следов не нашли. Странно, что вы про это не слышали, сэр. В газетах ведь писали.

В камере смертников как-то не до новостей, подумал Мокриц.

– Неужели? – удивился он вслух. – И откуда же им знать, что он был один?

Грош нагнулся к нему поближе и заговорщически понизил голос:

– Так ведь известное дело: в Страже вервольф служит, а уж он-то может учуять, даже какого цвета на тебе одежда.

– Вервольф, – тупо повторил Мокриц.

– Ну да. А перед этим...

– Вервольф.

– Так я и сказал, сэр, – кивнул Грош.

– *Вервольф*, чтоб его.

– Все мы в этом мире разные, сэр. В общем...

– Вервольф, – Мокриц стряхнул с себя оцепенение. – И об этом не предупреждают приезжих?

– Как же вы себе это представляете, сэр? – беззлобно спросил Грош. – Повесить у ворот табличку: «Добро пожаловать в Анк-Морпорк, у нас есть вервольф»? В Страже полно и гномов, и троллей, есть голем – вольный голем, не при тебе будь сказано, господин Помпа, – пара лепреконов, зомби... и даже Шноббс.

– Шноббс? Что такое шноббс?

– Капрал Шнобби Шноббс, сэр. Вы еще не знакомы? *Уверяют*, что у него есть официальная расписка в том, что он человек, но вот скажите мне, разве человеку нужны такие расписки? По счастью, он такой только один, так что размножаться не может. В общем, у нас тут всех по чайной ложке, сэр. Все очень толерантно. А вы что же, вервольфов не любите?

Они узнают тебя по запаху, подумал Мокриц. *Они умны, как люди, и могут выследить тебя лучше любого волка. Они могут идти по позавчерашнему следу, даже если ты попытаешься замаскировать свой запах – особенно если попытаешься. Перехитрить их, конечно, можно, но только если знать, что у тебя на хвосте именно вервольф. Немудрено, что они меня поймали. Это должно быть запрещено законом!*

– Недолголюбиваю, – сказал он вслух и снова бросил беглый взгляд на Стэнли. Было полезно понаблюдать за ним во время рассказов Гроша. Сейчас, например, юноша так сильно закатывал глаза, что были видны практически только белки.

– А что насчет господина Хубльбери? – спросил Мокриц. – Говоришь, он проводил расследование для Витинари? Что с ним стало?

Стэнли трясся, как осиновый лист на ветру.

– Вам же выдали связку ключей, да? – спросил Грош дрожащим от простодушия голосом.

– Разумеется.

– Готов поспорить, одного ключа там недостает, – сказал Грош. – Стража конфисковала. Он был единственный. Некоторые двери лучше держать закрытыми, сэр. Что сделано – то сделано, былого не вернуть. Господин Хубльбери скончался от производственных травм, так нам сказали. Он был один. И не нужно вам туда ходить, сэр. Иногда что-то

ломается так сильно, что лучше просто уйти.

– Не могу, – ответил Мокриц. – Я же *главный почтмейстер*. Это – моя территория. И я буду решать, куда мне ходить, а куда нет, младший почтальон Грош.

Стэнли зажмурился.

– Конечно-конечно, – согласился Грош, разговаривая с ним, как с маленьким. – Но *туда* вам ходить не нужно, сэр.

– *Его голову размазало по стене!* – сорвался Стэнли.

– Ну вот, теперь вы его расстроили, – сказал Грош и подскочил к юноше. – Ну-ну, сынок, все будет хорошо, сейчас только принесу тебе твои пилюли...

– Стэнли, какая булавка, поступавшая в розничную продажу, была самой дорогой в истории? – быстро спросил Мокриц.

Словно кто-то щелкнул переключателем. Выражение мучительной тоски вмиг сменилось на лице Стэнли выражением научной сосредоточенности.

– В розничную? Если не считать булавок, выпущенных специально для торговых выставок и галерей, включая Великую Булавку 1899 года выпуска, тогда, полагаю, это будет «Петушок» номер три, экстра, с широкой головкой, выпущена для производства кружев знаменитым булавоочных дел мастером Джозайей Нытыком. Вытянуты вручную, с миниатюрным петушком, выгравированным на фирменной серебряной головке. Считается, что до его смерти таких булавок было выпущено меньше сотни, сэр. Согласно Булавочному Каталогу Хуберта Богомола цена за одну штуку колеблется от пятидесяти до шестидесяти пяти долларов, в зависимости от состояния. Булавка номер три, экстра, с широкой головкой стала бы украшением коллекции любого уважающего себя булавоочника.

– Просто... я тут нашел на дороге, – сказал Мокриц и извлек из-за лацкана одну из своих утренних покупок. – Шел по Рыночной улице, смотрю – лежит, прямо между двух булыжников на мостовой. Мне показалось, выглядит довольно необычно. Для булавки.

Стэнли оттолкнул причитающего Гроша и с трепетом взял булавку из рук Мокрица. В другой руке словно по волшебству у него оказалось увеличительное стекло. Люди в комнате затаили дыхание, пока булавка подвергалась тщательному обследованию. Потом Стэнли посмотрел на Мокрица с восхищением.

– Вы *знали*? – сказал он. – И это просто валялось на *дороге*? Я думал, вы ничего не смыслите в булавах!

– Ну, не совсем. Так, баловался мальчишкой, – сказал Мокриц и горько

махнул рукой, как бы сознаваясь в собственной глупости, потому что не сделал из школьной забавы увлечения длиной в жизнь. – По мелочи... пара старых медных «Империалов», случайная диковинка, вроде неразломанной пары или двухконечной булавки, дешевый пробный пакетик булавок ассорти...

Хвала богам, подумал он, за искусство скорочтения.

– Там никогда не попадается ничего путного, – ответил Стэнли и вновь заговорил тоном ученого: – Хотя большинство булавочников действительно начинают с привлекательных сувенирных булавок, за которыми следует содержимое бабушкиных булавочных подушечек – ха-ха, – секрет поистине достойной коллекции кроется вовсе не в том, чтобы оставить большую сумму денег на прилавке ближайшего булавочного склада, вовсе нет. При большом бюджете любой дилетант может стать «булавочным королем», но для настоящего булавочника самое большое удовольствие доставляет процесс поиска: булавочные ярмарки, домашние распродажи и, быть может, даже случайный отблеск в канаве, который на поверку окажется «Дубльшвом» в прекрасном состоянии или целехоньким двухконечником. Как совершенно верно сказано: «Мальчик шел-шел, булавочку нашел, и теперь у него есть булавка».

Мокриц чуть не заплодировал. Стэнли слово в слово процитировал введение к монографии Джея Волосатика Олсбери. А самое главное, в лице Стэнли Мокриц только что приобрел верного друга. Вернее будет сказать, – поправила его темная сторона, – Стэнли считал себя его другом.

Юноша, в котором булавочная радость возобладала над паникой, поднес новоприобретенное сокровище к свету.

– Красота! – прошептал он, и все кошмары вылетели у него из головы. – Блестит, как новенькая! У меня для нее найдется особое местечко в моем альбоме для булавок, сэр!

– Даже не сомневаюсь.

Его голову размазало по стене...

Где-то здесь была закрытая дверь, а у Мокрица не было от нее ключа. Четверо его предшественников представились в этом самом здании. И бежать было *некуда*. Должность главного почтмейстера присуждалась пожизненно – со всеми вытекающими. Вот почему Витинари упек его сюда. Ему нужен был человек, который *не сможет* отказаться и которым в то же время легко пожертвовать. Ничего страшного, если Мокриц фон Липвиг погибнет. Он уже мертв.

А еще он пытался не думать о господине Помпе.

Сколько еще големов зарабатывали себе свободу служением

обществу? Был ли господин Пила, выбравшийся из ямы с опилками, где провел последние сто лет? Господин Лопата? Или господин Топор?

А когда этот бедняга обнаружил ключ к закрытой двери или нашел подходящую отмычку и вот-вот собирался отпереть замок, не стоял ли за ним некто по имени, предположим, господин Кувалда – *о да, точно*, – который и занес свой кулак для неожиданного сокрушительного удара?

С ним никого не было? Но големы и не были «кем-то», они были... инструментами. Вполне подходит под определение производственной травмы.

Его голову размазало по стене...

Я докопаюсь до правды. Другого выбора нет, иначе меня ждет та же участь. Все хотят меня обмануть. Но здесь я чемпион по развешиванию лапши.

– А? – переспросил он, сообразив, что что-то упустил.

– Говорю, можно я схожу и пополню свою коллекцию, почтмейстер? – спросил Стэнли.

– Что? А. Да. Конечно. Да. И отполируй ее там хорошенько.

Юноша вприпрыжку – в самую настоящую припрыжку – бросился на свою половину, и Мокриц поймал на себе недобрый взгляд Грош.

– Вы молодец, господин фон Липвиг, – сказал он. – Молодец.

– Благодарю, господин Грош.

– Прекрасное у вас зрение, – не унимался старик.

– На нее просто солнце попало...

– Да нет, я к тому, что увидеть булыжники на Рыночной улице – это надо умудриться, она же вся кирпичом вымощена.

Мокриц ответил на его непроницаемый взгляд еще более непроницаемым.

– Кирпичи, булыжники – не все ли равно?

– И то верно. Какая разница? – согласился Грош.

– А теперь, – сказал Мокриц, испытывая сильную потребность выйти на воздух, – мне нужно кое-что сделать. Я бы хотел, чтобы ты пошел со мной, господин Грош. У вас здесь найдется лом? Принеси его, пожалуйста. И ты мне тоже понадобишься, господин Помпа.

Вервольфы и големы, подумал он, големы и вервольфы. Деваться некуда. Почему бы не отнестись к этому серьезно.

Я покажу им знак.

– Есть у меня одна привычка, – говорил Мокриц, пока они петляли по городским улицам. – Связана она со знаками.

– Со знаками, сэр? – спросил Грош, стараясь держаться поближе к стенам.

– Именно, младший почтальон Грош, со знаками, – подтвердил Мокриц, обратив внимание на то, как коробит старика слово «младший». – Особенно когда на этих знаках не хватает букв. Вижу такой знак – и сразу читаю, что складывается из выпавших букв.

– И как же вы это делаете, сэр, когда букв-то нету? – спросил Грош.

А, так вот почему ты до сих пор просиживаешь штаны в этих обшарпанных стенах, день-деньской заваривая чай из камешков да корешков, подумал Мокриц. А вслух сказал:

– Это талант. И я, конечно, могу ошибаться, но... ага, здесь налево...

Они вышли на шумную улицу и встали прямо напротив здания. Все как Мокриц и рассчитывал.

– Вуаля, – провозгласил он, а затем вспомнил, к кому обращается, и добавил: – В смысле, полюбуюсь.

– Это парикмахерская, – неуверенно сказал Грош. – Дамская.

– А ты тертый калач, Толливер, все-то подмечаешь, – сказал Мокриц. – А на окне большими сине-зелеными буквами написано какое название...?

– «XdЮГО», – ответил Грош. – И что из этого?

– Именно, «ХЬЮГО», – сказал Мокриц. – Только мягкий знак смотрит в другую сторону, потому что... не стесняйся, рассуждай вместе со мной...

– Э... – Грош в отчаянье вылупился на буквы, умоляя их открыть ему свой смысл.

– Почти угадал, – сказал Мокриц. – Мягкий знак развернут в другую сторону, потому что во вдохновенном лозунге, украшающем наш несравненный Почтамт, нет и никогда не было мягкого знака, зато была буква «Р», господин Грош, – он подождал, пока до него дойдет. – Эти огромные железные буквы были украдены с нашего фасада. С лицевой части здания, я имею в виду. Это из-за них у нас там «мак ночи», господин Грош.

Потребовалось время, чтобы озарение наконец снизошло на Гроша, но когда это свершилось, Мокриц оказался готов.

– Нет-нет-нет, – сказал он, вцепившись рванувшемуся было с места старику в засаленный воротничок, чем чуть не сшиб Гроша с ног. – Мы решим эту проблему другим путем.

– Да это ж собственность Почтамта! Это ж хуже воровства! Это ж государственная измена! – вопил Грош.

– Совершенно верно, – согласился Мокриц. – Господин Помпа, сделай одолжение, поддержи пока нашего друга, вот так, а я пойду и... со всем

разберусь.

Мокриц сдал беснующегося младшего почтальона на руки голему и отряхнулся. Он выглядел немного помятым, но решил, что и так сойдет.

– А вы что собираетесь делать? – спросил Грош.

Мокриц улыбнулся ему своей лучезарной улыбкой.

– То, в чем мне нет равных, господин Грош. Общаться с людьми.

Он пересек улицу и открыл дверь в парикмахерскую. Звякнул колокольчик.

Зал внутри был разделен на множество кабинок, а в воздухе витал сладкий, липкий и даже какой-то розовый запах. Прямо у входа стояла конторка, на которой лежал толстый журнал. Вокруг везде были цветы, и девушка за конторкой бросила на Мокрица надменный взгляд, который еще влетит ее работодателю в копеечку.

Она ждала, пока Мокриц что-нибудь скажет.

Тот принял строгий вид, нагнулся к ней и произнес голосом, который по всем приметам был шепотом, но отчего-то слышался и на изрядном расстоянии:

– Могу ли я видеть господина Хьюго? По очень важному делу.

– По какому именно?

– Это... деликатный вопрос... – сказал Мокриц. Он заметил, как разворачиваются в их сторону причесанные макушки. – Но можешь ему передать, что у меня хорошие новости.

– Если они хорошие, то...

– Передай ему, что я надеюсь уговорить лорда Витинари не доводить дело до суда. Скорее всего, – сказал Мокриц, понижая голос ровно настолько, чтобы возбудить любопытство окружающих, но не так, чтобы остаться не услышанным.

Девушка в ужасе уставилась на него.

– Надеешься? Ой... – Она схватилась за узорную переговорную трубу, но Мокриц мягко забрал ее у девушки из рук, непринужденно насвистел в нее мотивчик, приложил раструб к уху и ослепительно улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он. И *неважно*, за что. Улыбайся, говори правильные слова с правильной интонацией, и всегда, всегда излучай уверенность, как солнце – свет.

У него в ухе раздался голос, слабый, как писк паучка, застрявшего в спичечном коробке.

– *Цыцыць вуб набнаб?*

– Хьюго? – сказал Мокриц. – Спасибо, что уделил мне минутку. Это Мокриц, Мокриц фон Липвиг. Главный почтмейстер, – он взглянул на

переговорную трубу. Она исчезала в потолке. – Мы так признательны тебе за помощь, Хьюго. Я насчет пропавших букв. Числом пять штук.

– *Скрик? Шабдабавик? Крич вит батараф!*

– С собой у меня этого нет, Хьюго, но если угодно, можешь выглянуть из окна, там стоит мой личный помощник, господин Помпа. Прямо через дорогу.

А еще в нем восемь футов роста и в руке огромный лом, добавил Мокриц мысленно. Он подмигнул барышне за конторкой, которая наблюдала за ним с каким-то благоговением. Никогда нельзя давать заржаветь навыкам общения.

Через потолок он услышал приглушенный поток ругани. Пройдя переговорную трубу, она превратилась в:

– *Вабз нибибл!*

– Согласен, – сказал Мокриц. – Я, пожалуй, поднимусь, и мы обсудим все лично.

Десять минут спустя Мокриц осторожно перешел дорогу и улыбнулся своим подчиненным.

– Господин Помпа, будь другом, иди вон туда и выдери оттуда наши буквы, – сказал он. – Постарайся ничего не поломать. Господин Хьюго охотно пошел нам навстречу. А ты, Толливер, ты же давно здесь живешь, верно? Знаешь, где тут можно нанять рабочих с веревками, верхолазов или как это называется? Хотелось бы, чтобы к полудню буквы вернулись на положенное место. Это можно устроить?

– Это дорого обойдется, – заметил Грош, восхищенно глядя на Мокрица. Мокриц вытащил из кармана кошелек и потряс им, звеня монетами.

– Ста долларов должно хватить за глаза, – сказал он. – Господин Хьюго очень, очень хотел загладить свою вину. По его словам, он купил эти буквы много лет назад в каком-то кабаке и рад заплатить за то, чтобы они вернулись на законное место. Поразительно, как доброжелательны бывают люди, если найти к ним верный подход.

На той стороне улицы раздался лязг. Удалить «Х», по-видимому, господину Помпе не составило особого труда.

Будь вежлив и зови на помощь здоровяка с ломом, подумал Мокриц. *Может, все выйдет не так уж и плохо.*

Блеклый солнечный свет падал прямо на водруженную наверх букву «О». Собралась внушительная толпа. Жители Анк-Морпорка всегда

уделяли повышенное внимание людям на крышах – вдруг повезет и удастся увидеть интересное самоубийство. Когда последнюю букву приколотили на положенное место, слышались оживленные восклицания – ради приличия.

Четыре трупа, подумал Мокриц, глядя на крышу. Интересно, будет ли Стража меня допрашивать. Знают ли обо мне в Страже? Или считают меня мертвым? Хочу ли я разговаривать с полицией? Нет! Черта с два! Единственный способ выпутаться из этой передраги – мчаться вперед и не оглядываться назад. Ох, Витинари, чтоб ему пусто было. Но еще можно выйти победителем.

Можно заработать.

Был он государственным служащим или не был, в конце концов? А государство берет с людей деньги. Для того оно и существует.

Он же умел находить подход к людям. Он умел убедить любого, что медь – это слегка потускневшее золото, что стекло – это бриллиант, что завтра будут наливать дармовое пиво.

Он их всех обведет вокруг пальца! Он не будет пытаться сбежать, еще не время! Если голем может купить себе свободу, то и он сможет! Он засучит рукава, будет хлопотать, создавать видимость занятости и направлять все счета прямо Витинари, ведь это *государственная служба*. Разве патриций сможет возразить?

И если он, Мокриц фон Липвиг, не сумеет нагреть на этом руку, и даже обе, а если повезет, то и другие части тела, то значит, он этого и не заслуживает! А потом, когда все будет идти как по маслу, а деньги – течь рекой... тогда придет пора задуматься об игре по-крупному. За большие деньги можно заручиться поддержкой многих людей с кувалдами.

Рабочие вскарабкались обратно на плоскую крышу. По толпе прокатились редкие одобрительные возгласы тех, кто счел, что развлечение вышло неплохим даже несмотря на то, что никто не свалился.

– Что скажешь, господин Грош?

– Загляденье, сэр, загляденье, – отозвался Грош, когда толпа рассосалась, и они двинулись обратно к Почтамту.

– Значит, все в порядке?

К изумлению Мокрица, Грош похлопал его по руке.

– Не знаю, почему его сиятельство выбрал именно вас, сэр, понятия не имею, – прошептал он. – У вас благие намерения, я же вижу. Но послушайте моего совета, сэр, и унесите отсюда ноги подобра-поздорову.

Мокриц посмотрел в сторону входа. Там стоял господин Помпа. Просто стоял, свесив руки. Угольки в его глазах тускло тлели.

– Не могу, – ответил Мокриц.

– Очень мило с вашей стороны, сэр, но нечего здесь делать человеку, у которого вся жизнь впереди, – сказал Грош. – Стэнли дай его булавки, и ему везде будет хорошо, но вы-то, вы можете далеко пойти.

– На самом деле нет, – ответил Мокриц. – Честное слово. Мое место здесь, господин Грош.

– Да помогут вам боги за такие слова, сэр, помогут вам боги, – сказал Грош. Слезы покатались по его лицу. – Когда-то мы были героями, – сказал он. – Нас *обожали*. Все нас ценили. Все нас знали. Раньше это было великое место. Раньше мы были *почтальонами*.

– Эй, господин!

Мокриц обернулся. К нему навстречу бежали трое человек, и Мокриц усилием воли подавил порыв дать деру, особенно когда один из них воскликнул:

– Это он!

Мокриц узнал лавочника, с которым повстречался сегодня утром. За ним кое-как поспевала пожилая пара. Старик с решительным лицом и твердой поступью человека, который ежедневно дает отпор кочанам капусты, остановился в паре сантиметров от Мокрица и прорычал:

– Это ты здесь почтальон, юноша?

– Да, полагаю, речь обо мне, – ответил Мокриц. – Чем могу...

– Ты доставил мне письмо от Эгги! Я Тим Паркер! – прогремел старик. – Кто-то может & скажет, что с этим ты мальчика припозднил.

– А, – сказал Мокриц. – Что ж, я...

– & хватило же духу!

– Мне очень жаль, что... – начал Мокриц. От умения ладить с людьми было мало толку в случае с господином Паркером. Он принадлежал к тем непрошибаемым людям, чье умение контролировать собственную громкость находится примерно на одном уровне с пониманием чужого личного пространства.

– Жаль? – кричал он. – Тебе-то чего жаль? Ты ни в чем не виноват, сынок. Тебя тогда еще & на свете не было. Сам дурак, раз решил, что ей на меня наплевать, верно говорю? Эх, сынок, я был в таком раздрае, что так прямо пошел & вступил... – его покрасневшее лицо нахмурилось. – В это самое... где верблюды & шляпы смешные & песок... куда уходят, чтобы забыться...

– Клатчский Иностраный Легион? – подсказал Мокриц.

– Он самый! А потом я вернулся & встретил Сэди, а Эгги встретила своего Фредерика, я женился, она вышла замуж & мы забыли друг о друге

напрочь & тут, разрази меня гром, письмо от Эгги! Мы с сыном с ног сбились, пока ее нашли! Короче говоря, сынок, женимся мы с ней в субботу! & все благодаря тебе!

Господин Паркер был из тех людей, которые с возрастом превращаются в дубы. Когда он хлопнул Мокрица по спине, тому показалось, что его стукнули табуреткой.

– А Фредерик и Сэди не будут против? – прохрипел Мокриц.

– Это вряд ли! Фредерик помер десять лет тому назад, а Сэди уже пять как покоится на кладбище Мелких богов! – радостно прогремел господин Паркер. – Мы скорбим, конечно, но, как говорит Эгги, все оно так & было суждено & тебя нам послали высшие силы. А я говорю, это какое же нужно мужество, чтобы взять & доставить это письмо после стольких-то лет. Другие бы взяли & выбросили его, мол, велика важность! Ты очень обрадуешь нас с будущей второй госпожой Паркер, если согласишься быть у нас на свадьбе почетным гостем & уж я-то не приму отказа! А еще в этом году я & возглавляю Гильдию Купцов! Мы, может, & не такие шишки, как Убийцы с Алхимиками, зато нас много & я за тебя замолвлю словечко, уж можешь мне поверить! Мой сын Джордж еще вернется попозже разослать приглашения, раз уж почта снова работает! Уважь старика, сынок, пожмем друг другу руки...

Он протянул к нему свою огромную ладонь. Привычка оказалась сильнее его, и Мокриц протянул свою. Крепкое пожатие, твердый взгляд...

– Честный ты парень, сынок, – сказал Паркер. – Я никогда не ошибаюсь! – он хлопнул Мокрица по плечу, и у того хрустнуло колено. – Как тебя звать, сынок?

– Фон Липвиг, господин. Мокриц фон Липвиг, – ответил Мокриц. Он начинал переживать, что оглох на одно ухо.

– Фон, говоришь, – протянул Паркер. – Ну так для иностранца ты отлично справляешься & плевать мне, кто меня слышит! Ну все, мне пора. Эгги хочет закупить финтифлюшек!

Женщина приблизилась к Мокрицу, встала на цыпочки и чмокнула его в щеку.

– Хорошего человека сразу видно, – сказала она. – Есть у тебя дама сердца?

– Кто? Нет! С чего... нет! – растерялся Мокриц.

– Обязательно будет, – сказала женщина, ласково улыбаясь. – И мы тебе, конечно, очень признательны, но мой тебе совет: делай предложение лично. Мы очень надеемся увидеть тебя в субботу.

Она удалилась вслед за своим вновь приобретенным кавалером, и

Мокриц проводил ее взглядом.

– Вы доставили письмо? – в ужасе спросил Грош.

– Да, господин Грош. Не специально, просто проходил мимо...

– Вы взяли старое письмо и *доставили* его? – повторил Грош, как будто сама идея никак не укладывалась у него в голове.

Его голову размазало по стене...

Мокриц сморгнул.

– Доставлять почту наша *обязанность*, приятель! Это наша работа! Забыл?

– Вы доставили письмо... – прошептал Грош. – Какая дата на нем стояла?

– Не помню я! Лет сорок или больше.

– Какое оно было из себя? В хорошем состоянии? – не унимался Грош.

Мокриц сердито посмотрел на дряхлого почтальона. Вокруг уже собралась небольшая толпа, как и положено в Анк-Морпорке.

– Это было письмо сорокалетней давности в дешевом конверте! – огрызнулся он. – Такое оно и было из себя! Его так и не доставили по адресу, и это перевернуло жизни двух человек. Но я его доставил, и оно принесло этим людям много радости. В чем *проблема*, господин Грош... да, что такое?

Последнее было обращено к женщине, которая тянула его за рукав.

– Правду говорят, что старую почту заново открывают? – спросила она. – Там работал мой дедушка!

– Поздравляю, – сказал Мокриц.

– Он говорил, что это место проклято! – продолжала женщина, как будто подобная перспектива ее очень радовала.

– Неужели? – сказал Мокриц. – Что ж, хорошее *проклятие* сейчас пришлось бы как нельзя кстати.

– Оно живет в подполе и сводит людей с ума-а-а-а! – продолжала она, до того упиваясь этим словом, что ей никак не хотелось с ним расставаться. – С у-ма-а-а-а!

– Очень интересно, – сказал Мокриц. – Правда, мы на почтовой службе в такое не верим, верно, господин Грош... – Он умолк. Выражение у господина Гроша было в точности как у человека, который в такое верит.

– Ах ты, глупая курица! – закричал Грош. – Кто тебя за язык тянул!

– Господин Грош! – оборвал его Мокриц. – Предлагаю продолжить этот разговор за закрытыми дверями!

Он схватил старика за плечо, чуть ли не на себе пронес его сквозь заинтересованную толпу, втоптал за собой в здание и захлопнул дверь.

– С меня хватит! – крикнул он. – Хватит этих таинственных бормотаний и намеков, ясно? Никаких больше тайн. Что здесь творится? Что здесь *творилось*? Отвечай немедленно, а не то...

Глаза старичка исполнились страха. *Я не такой*, подумал Мокриц. *Так не пойдет. С людьми нужно ладить.*

– Отвечай немедленно, *старший* почтальон Грош! – прикрикнул он.

Старик выпучил глаза.

– Старший почтальон?

– Я ведь почтмейстер в этих краях, – сказал Мокриц. – Значит, могу повышать кого хочу. Так что да, старший. С испытательным сроком, разумеется. Теперь ты мне ответишь или...

– Не обижайте господина Гроша, сэр! – раздался у него за спиной звонкий голос.

Грош заглянул через плечо Мокрица куда-то в полумрак.

– Все в порядке, Стэнли, ничего не происходит, нам же не нужен еще один эпизод, – и прошептал Мокрицу: – Вы меня лучше тихонько поставьте обратно, сэр...

Мокриц так и сделал, подчеркнуто бережно, и обернулся.

Юноша стоял прямо за ним с остекленевшим взглядом и занесенным над головой чайником. *Увесистым* чайником.

– Нельзя обижать господина Гроша, сэр, – хрипло повторил он.

Мокриц вытащил из-за лацкана булавку.

– Ну конечно нельзя, Стэнли. Кстати, это, случайно, не подлинный «Глинопёр» средней колкости?

Стэнли выронил чайник, мгновенно потеряв из поля зрения все, кроме дюйма серебристого металла в пальцах Мокрица. Одной рукой он уже лез за увеличительным стеклом.

– Покажите, покажите, – сказал он взвешенным, задумчивым голосом. – Ах да. Ха-ха. Извините, нет. Очень распространенная ошибка. Обратите внимание на отметки на подголовнике, вот здесь. Видите? И сама головка не обвита. Это машинное производство. Скорее всего, братьев Хоппилли. Думаю, ограниченный тираж. Но их эмблемы нет. Возможно, изготовлено талантливым подмастерьем. Особой ценности, увы, не представляет, разве что для коллекционера, специализирующегося строго на изделиях Хоппилли.

– А я пока пойду заварю нам чайку, – сказал Грош и подобрал чайник, катавшийся взад-вперед по полу. – Вы опять-таки молодчина, господин фон Липвиг. Э... *старший* почтальон Грош, верно?

– Стэнли, ты тоже ступай со старшим – да, на испытательном сроке –

почтальоном Грошем, – сказал Мокриц добродушно, насколько хватило сил. Он посмотрел наверх и строго добавил: – Мне нужно кое-что обсудить с господином Помпой.

Стэнли обернулся и прямо позади себя увидел голема. Удивительно, до чего бесшумно могут передвигаться эти создания. Он тенью пересек комнату и теперь неподвижно стоял с занесенным, как божья кара, кулаком.

– О, господин Помпа, а я и не заметил, что ты тут стоишь, – беззаботно сказал Стэнли. – А почему у тебя рука задрана?

Юношу озарило красным светом из дырок на лице голема.

– Я... Хотел Задать Почтмейстеру Вопрос? – предположил он неуверенно.

– О, конечно, – ответил Стэнли как ни в чем не бывало, словно это не он минуту назад собирался размогнуть Мокрицу череп. – Вам вернуть булавку, господин фон Липвиг? – спросил он, но Мокриц отрицательно отмахнулся. – Тогда я ее выставлю на благотворительном булавочном аукционе в следующем месяце.

Когда дверь за ним закрылась, Мокриц поднял глаза на бесстрастное лицо голема.

– Ты его обманул. Тебе разрешено лгать, господин Помпа? – спросил он. – Руку уже можно опустить.

– Да, Я Прошел Инструктаж По Применению Невинной Лжи.

– Ты был готов проломить ему череп! – воскликнул Мокриц.

– Я Постарался Бы, Чтобы До Этого Не Дошло, – пророкотал голем. – Однако Нельзя Допустить, Чтобы Тебе Был Нанесен Нецелесообразный Вред. Это Был Тяжелый Чайник.

– Так же нельзя, бестолочь! – сказал Мокриц, но про себя отметил слово «нецелесообразность».

– Мне Нужно Было Подождать, Пока Он Не Убьет Тебя? – спросил голем. – Это Была Бы Не Его Вина. У Него С Головой Не Все В Порядке.

– И стало бы совсем не в порядке, если бы ты ее раскроил. Видишь же, я во всем разобрался.

– Да, – сказал Помпа. – У Тебя Талант. Жаль, Что Ты Не Используешь Его Во Благо.

– Ты вообще понимаешь, что я тебе пытаюсь втолковать? – закричал Мокриц. – Нельзя вот так запросто взять и убить человека!

– Почему? Ты Же Можешь, – голем опустил руку.

– Что? – окрысился Мокриц. – Что за бред! Кто тебе такое сказал?

– Я Сам Разобрался. Ты Убил Две Целых Триста Тридцать Восемь Тысячных Человека, – спокойно ответил Помпа.

– Я в жизни и пальцем никого не тронул, Помпа. Согласен, я... все то, что ты и так обо мне знаешь, но я не *убийца*! Я даже оружием никому не угрожал!

– Это Так. Но Ты Мошенничал, Присваивал, Выманивал И Крал У Всех Без Разбора, Господин Вон Липвиг. Ты Разрушал Чужие Жизни И Разваливал Предприятия. Когда Банки Прогорают, Денег Недосчитываются Не Банкиры. Твои Действия Отнимали Деньги У Тех, Кто И Так Был Беден. Своими Действиями Ты *Приблизил* Множество Смертей. Ты О Них Не Знаешь. Они Не Истекали Кровью У Тебя На Руках. Но Ты Вырвал Хлеб У Них Из Рта И Сорвал Одежду С Их Плеч. Из Азарта, Господин Вон Липвиг. Из Азарта. Получая Удовольствие От Процесса.

У Мокрица отвисла челюсть. Он закрыл рот. Снова открыл. Снова закрыл. Достойный ответ не идет на ум, когда больше всего нужно.

– Ты просто говорящий цветочный горшок, Помпа Девятнадцать, – рассердился Мокриц. – Откуда ты этого набрался?

– Я Читал Документы По Твоим Несметным Преступлениям, Господин Вон Липвиг. На Водокачке Учишься Ценить Рациональное Мышление. Ты Отнимал Чужое, Потому Что Ты Был Умнее, А Они Глупее.

– В большинстве случаев, на секундочку, они были уверены, что сами дурят меня!

– Ты Заманивал Их В Ловушку, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа.

Мокриц собрался было многозначительно ткнуть голема пальцем, но в самый последний момент одумался – так и палец недолго сломать.

– А как насчет того, что сейчас я за все это расплачиваюсь? – сказал он. – Меня чуть не повесили, черт побери!

– Да. Но Даже Сейчас Ты Подумываешь О Побеге Или О Том, Как Бы Извлечь Выгоду Из Сложившейся Ситуации. Как Говорится, Горбатого Не Отмоешь Добела.

– Но тебе все равно положено исполнять мои приказы, так? – вспыхнул Мокриц.

– Да.

– Так отвинти себе башку к черту!

Но мгновение огонек в глазах Помпы дрогнул. Потом голем открыл рот и заговорил голосом лорда Витинари.

– Ох, фон Липвиг. Сколько раз ни повторяй, ты все пропускаешь мимо ушей. Господину Помпе нельзя приказать самоуничтожиться. Я надеялся, хотя бы это до тебя дошло. Еще один подобный приказ, и против тебя будут приняты меры.

Голем снова моргнул.

– Как ты это... – начал Мокриц.

– Я Могу В Точности Воспроизвести Любое Официальное Распоряжение, – сказал голем своим обычным гремящим голосом. – Полагаю, Лорд Витинари Предусмотрел Такую Линию Поведения И Оставил Это Сообщение, Чтобы...

– Я имел в виду *голос!*

– В Точности Воспроизвести, Господин Вон Липвиг, – ответил Помпа. – Я Могу Разговаривать Любым Человечьим Голосом.

– Правда? Как мило.

Мокриц уставился на господина Помпу. В его лице напрочь отсутствовала мимика. Было некое подобие носа – глиняный бугорок, и все. Когда он говорил, рот у него открывался и закрывался, и одним только богам известно, как обожженная глина могла шевелиться – им-то как раз, наверное, и было это известно. Глаза никогда не закрывались, только меняли яркость.

– Ты что, читаешь мои мысли? – спросил Мокриц.

– Нет, Я Анализирую Твое Предыдущее Поведение И Делаю Выводы.

– Значит... – Мокриц опять не мог найти слов. Он заглянул в пустое лицо голема, на котором тем не менее каким-то образом читалось неодобрение. Он привык к выражениям бешенства, возмущения и ненависти. Это было частью его профессии. Но что такое голем? Просто... комок земли. Поджаренной земли. Когда люди смотрят на тебя так, словно ты хуже грязи на их подметках, – это одно, но было на удивление неприятно, когда на тебя так смотрела сама грязь.

– ...не надо, – неловко заключил Мокриц. – Иди и... работай! Давай! Иди! За этим ты здесь. За этим ты нужен.

Клик-башню 181 называли еще счастливой башней. Она была расположена недалеко от городка Бонк, куда можно было отправиться в выходной день, принять горячую ванну и выспаться в мягкой постели, но поскольку это место находилось в Убервальде, транспорта здесь проезжало мало, а еще – важный момент – башня располагалась высоко-высоко в горах, куда начальству было лень добираться. В старые добрые дни прошлого года, когда Мертвый Час наступал каждый вечер, башня была особенно везучей, потому что у семафорщиков по восходящей и нисходящей линии перерыв был в одно и то же время, а значит, у них была лишняя пара рук для техобслуживания. Сейчас башня 181, как и остальные башни, проводила техобслуживание или без отрыва от производства, или никак, но все по привычке продолжали считать, что людям работалось на

ней хорошо.

В широком смысле «людям». Внизу на равнинах бытовала расхожая шутка, что на 181-й работают одни вампиры и вервольфы. На самом деле, как и многие другие башни, ее зачастую обслуживали дети.

Все знают, как это бывает. Ну, новое руководство, наверное, не знало, но даже если бы выяснило, то ничего не стало бы предпринимать – разве что старательно позабыло бы о том, что узнало. Детям не нужно платить.

Молодые – преимущественно – операторы клик-башен вкалывали как каторжные в любую погоду за мизерную плату. Это были одиночки, неисправимые романтики, беглецы от правосудия, которое о них забыло, или от всего мира. Все они отличались определенным организованным безумием. Они говорили, что перестук клик-башен проникает в голову, и твои мысли начинают идти с ним в такт, и вскоре достаточно будет прислушаться к щелчкам заслонок, чтобы понять, о чем говорится в сообщении. У себя в башнях эти люди пили горячий чай из странных жестяных кружек с широким доньшком, чтобы они не опрокидывались, когда в башню врзалась очередная чайка. По выходным они пили алкоголь из любых емкостей. И несли какую-то им одним понятную чушь, про ослов и недослов, про верхнюю частоту и пространственные пакеты, про барабаны и баранки, про 181-ю (что было хорошо), стаи (что было плохо), и полное застаивание (вообще ничего хорошего), и стоп-коды, и хап-коды, и жаккарды...

И они любили детей – ведь дети напоминали им о тех, кого они где-то оставили или которых у них никогда не будет, – а дети любили башни. Они приходили и оставались, помогали по хозяйству и между делом обучались семафорному ремеслу, просто наблюдая за операторами. Дети попадались неглупые, словно по волшебству они осваивали пульт управления и другие механизмы, зрение у них, как правило, было отличное, и почти все они, по сути дела, сбегали таким образом из дома, никуда не убегая на самом деле.

Потому что на самом верху башни казалось, что можно увидеть даже край света. В ясную погоду было видно как минимум несколько других клик-башен. И можно было притвориться, что ты тоже можешь понимать текст сообщений лишь по перестуку заслонок, в то время как из-под твоих пальцев выскакивают названия дальних стран, которые ты никогда не увидишь, но башня как будто связывает тебя с ними...

Работники башни 181 звали ее Принцессой, хотя на самом деле ее имя было Алиса. Ей было тринадцать, она могла оставаться на линии по несколько часов кряду без посторонней помощи, и в будущем ее ждала прекрасная карьера... но она навсегда запомнила разговор, который

произошел в тот день, потому что он показался ей странным.

Не все сигналы были посланиями. Иногда так передавались указания на башню. Временами, пока ты дергал за рычаги, стараясь не пропустить далекий сигнал, они меняли ход событий в твоей собственной башне. Принцесса все про это знала. Многие из того, что передавалось по Магистрале, называлось верхней частотой. Так пересылались инструкции для башен, рапорты, сообщения о сообщениях, даже переговоры между операторами, хотя сейчас такое было строго-настрого запрещено. Все это зашифровывалось кодами. Большой редкостью было передавать что-то по верхней частоте напрямую. Но сейчас...

– Вот опять, – сказала она. – Наверное, какая-то ошибка. Ни индекса, ни адреса. Передают по верхней частоте, но без кодировки.

С другой стороны башни, лицом в противоположную сторону, поскольку он работал на восходящей линии, сидел Роджер. Ему было семнадцать, и он уже учился на мастера семафорного дела.

Не прекращая двигать руками, он спросил:

– Что ты сказала?

– Сначала было ГНУ, и я знаю, что это код, а потом только имя. Джон Ласка. Может, это...

– Ты передала дальше? – спросил Дедушка. Дедушка сидел на корточках в углу их тесной каморки посередине башни и чинил поломанный корпус заслонки. Дедушка был мастером-семафорщиком, он везде бывал и все знал. И все звали его Дедушкой. Ему было двадцать шесть. Когда Принцесса работала на линии, он всегда возился с чем-то в башне, хотя на другой линии всегда сидел оператор. Она только намного позже поняла почему.

– Да, потому что это был Г-код, – ответила Принцесса.

– Тогда все правильно. Работай дальше.

– Да, но я уже передавала это имя. Несколько раз. И по восходящей, и по нисходящей. Только имя, и больше ничего!

Ее не покидало чувство, что что-то здесь было не так, но она продолжила:

– Я знаю, «У» значит, что сообщение нужно отправить обратно с конца линии, а «Н» – значит, не зарегистрировано, – Принцесса просто выпендривалась, но не зря же она столько часов потратила на чтение шифровальной книги. – Получается, это просто имя, которое без конца передается туда-сюда? Какая-то бессмыслица!

Что-то явно было не так. Роджер не отрывался от работы, но смотрел перед собой с лицом, мрачнее тучи.

Тогда Дедушка сказал:

– Умница, Принцесса. Только выбрось это из головы.

– Ха! – отозвался Роджер.

– Прощу прощения, если я сказала что-то не то, – робко сказала девочка. – Просто это странно. Кто такой этот Джон Ласка?

– Он... упал с башни, – ответил Дедушка.

– Ха! – сказал Роджер, продолжая дергать рычаги с невесть откуда взявшейся ненавистью.

– Он умер? – спросила Принцесса.

– Некоторые говорят, что... – начал Роджер.

– Роджер! – оборвал его Дедушка. Прозвучало как предупреждение.

– А я знаю про «отправку домой», – сказала Принцесса. – И знаю, что души погибших семафорщиков остаются на Магистрали.

– Кто тебе рассказал? – спросил Дедушка.

Принцесса была достаточно смышленной, чтобы понимать, что кое-кому не поздоровится, если она начнет вдаваться в подробности.

– Слышала, – беззаботно ответила она.

– Тебя просто решили напугать, – сказал Дедушка, глядя на краснеющие уши Роджера.

Но Принцесса не видела в этом ничего страшного. Если уж ты мертв, то намного лучше летать между башнями, чем лежать под землей. Но она была достаточно смышленной и для того, чтобы знать, когда закрыть тему.

После долгой паузы, нарушаемой лишь скрипом новых створок на заслонках, заговорил Дедушка. Как будто что-то не давало ему покоя.

– Мы продолжаем передавать это имя по верхней частоте, – произнес он, и Принцессе показалось, что ветер в решетке заслонок над ее головой завыл с особенной безнадегой, а нескончаемое щелканье стало еще более отчаянным. – Он бы ни за что не захотел возвращаться домой. Он был настоящим семафорщиком. Его имя в этих сигналах, в ветре, в арматуре и в заслонках. Разве ты никогда не слышала, что человек жив, пока не забыто его имя?

Глава пятая

Пропавшие на почте

В которой Стэнли познает прелесть узелков – Генеалогические страхи господина Гроша – Слыпень заволновался – Хват Позолот, общественный деятель – Лестница писем – Лавина – Господин фон Липвиг слышит – Околпаченный – Тропой почтальона – Фуражка

Стэнли начищал булавки. Делал он это с блаженной сосредоточенностью человека, заснувшего с открытыми глазами.

Коллекция блестела на полосках коричневой бумаги и в свертках черного фетра, как панорама вселенной истинного булавочника. Рядом с ним стояло настольное увеличительное стекло, а у ног лежал узелок с разномастными булавками, приобретенный им на прошлой неделе у вышедшей на покой швеи.

Он не торопился открывать узелок и все откладывал момент – хотел растянуть удовольствие. Вряд ли там будет что-то дельное – ну, может, и попадетсЯ среди скучной меди или приплюснутая головка, или случайный дефект, но самая прелесть заключалась как раз в том, что *никогда не знаешь наверняка*. Вот чем были хороши узелки. Никогда не знаешь наверняка. Некolleкционеры относятся к булавкам с душераздирающим безразличием, обращаясь с ними так, будто это обычные острые металлические палочки для прикрепления одних штук к другим. Не раз восхитительные бесценные булавки попадались именно в узелках с медяшками.

А теперь стараниями замечательного господина фон Липвига у него был «Петушок» № 3 экстра, с широкой головкой. Мир искрился, как булавки, аккуратно торчащие из разложенного перед ним фетра. И пусть от Стэнли пахло сыром, и грибок стопы подбирался аж к колену, но в эту минуту он парил в сверкающих небесах на игольчатых крылышках.

Грош стоял у плиты и грыз ногти, бормоча себе под нос. Стэнли не прислушивался, потому что о булавках речи не шло.

– ...назначен, так? И боги с ним, с Орденом! Он и сам может меня повысить! Значитца, мне полагается еще одна золотая пуговица на манжет и прибавка, так? Никто никогда не называл меня *старшим* почтальоном! И ведь он доставил письмо. Взял в руки, прочитал адрес и доставил, вот так вот запросто. Может, в нем и впрямь течет *почтальонская* кровь. И

железные буквы он вернул! Они снова все на месте, а? Вот тебе и знак. Поди ж ты, слова он может читать, которых нет! – Грош сплюнул кусочек ногтя и нахмурился. – Но... тогда он захочет узнать о Полном Пи. Да-да. А это как болячку расчесать. Скверно может кончиться. Ой как скверно. Да вот... эх, как он это нам буквы-то вернул, красота! Может, правду говорят, и однажды у нас снова будет настоящий почтмейстер, совсем как раньше. «И пройдет он по Брошенным Роликовым Конькам подошвами своими, и узрят все, как Псы Мирские поломают об него зубы свои». И он показал нам знак, так ведь? Ну и подумаешь, что знак был в окне парикмахерской для богатеньких дамочек, но знак же, тут не поспоришь. И если бы это было так уж *очевидно*, кто угодно мог бы его показать, – очередной огрызок ногтя упал на раскаленную плиту и зашипел. – Да и годы идут, куда деваться. Только вот испытательный срок... нехорошо это, *нехорошо*. Вот что, если я завтра возьму и склею тапочки, а? Предстану перед своими праотцами, а они и спросят: «Ты ли старший почтовый инспектор Грош?» – я отвечу: нет, а они спросят: «Ты ли в таком случае почтовый инспектор Грош?» – я отвечу: не совсем, а они спросят: «Ты ли хотя бы старший почтальон Грош?» – а я отвечу: технически нет, а они ответят: «Летать-копать, Толливер, не хочешь ли ты сказать, что так и не дослужился выше младшего почтальона? Да что ты за Грош после этого?» – и я покраснею и по уши погрязну в бесчестье. Кому какое дело, что я *долгие годы* всем здесь заведовал. Нет, у тебя должна быть золотая пуговица!

Он устался на огонь, и улыбка попыталась пробиться из-под его всклокоченной бороды.

– Пусть попробует пройти Тропой, – сказал он. – Если он пройдет Тропой, ему уже никто не посмеет возразить. И тогда я ему все расскажу! И все станет хорошо! А если он не дойдет до конца, ну так значит, почтмейстера бы из него все равно не вышло. Стэнли? *Стэнли!*

Стэнли встрепнулся от своих булабочных грез.

– Да, господин Грош?

– Есть у меня для тебя парочка дел, сынок.

А если почтмейстера из него все равно не выйдет, со скрипом добавил Грош мысленно, *так и помереть мне младшим почтальоном*.

Было непросто постучать в дверь и вместе с тем не издать ни звука, и после второй попытки Криспин Слыпень сдался и воспользовался дверным молоточком.

Стук эхом пронесся по пустынной улице, но никто не выглянул из окон. На этой улице никто бы не подошел к окну, даже если бы

совершалось смертоубийство. В районах победнее люди хоть вышли бы поглазеть – а то и поучаствовать.

Дверь распахнулась.

– Добрый вечер, гофподин...

Слыпень оттолкнул сгорбленного человечка и шагнул в темный коридор, нервным жестом приказывая слуге закрыть дверь.

– Закрывай, закрывай, чего ты ждешь! За мной мог быть хвост... боги правые, ты что, Игорь? Позолот может позволить себе Игоря?

– А как же, гофподин! – Игорь выглянул на улицу, где недавно стемнело. – Вфе чифто, гофподин.

– Закрой же ты наконец дверь! – простонал Слыпень. – Мне нужно увидеться с господином Позолотом!

– Хозяин фейчаф как раз проводит очередной домашний аффаблей, гофподин, – сказал Игорь. – Я узнавайт, можно ли его отвлекать.

– Что, все здесь? Мне не... что такое «аффаблей»?

– Званый ужин, гофподин, – ответил Игорь, приносиваясь. От гостя разило спиртным.

– Ассамблея?

– Он фамый, гофподин, – безучастно кивнул Игорь. – Можешь давайт мне свой ифключительно примечательный длинный плащ ф капюшоном, гофподин. Прошу, фтупайт за мной в безгофтиную комнату, гофподин...

Внезапно Слыпень очутился один в большой зале, полной теней, горящих свечей и вперившихся в него глаз, и двери за ним закрылись.

Глаза были изображены на портретах в больших пыльных рамах, которые плотными рядами были развешаны по стенам. Ходили слухи, что Позолот выложил за это немало денег – и речь шла не только о картинах. Поговаривали, что он купил полные права на покойников, изменил односторонним порядком их имена и так в два счета обеспечил себе блестящую родословную. Даже Слыпня этот факт немного смутил. Все врут о своих предках, в этом нет ничего особенного. А вот покупать их казалось ему сомнительным, но в этой темной изысканной оригинальности определенно чувствовался почерк Позолота.

Самые разные слухи о Хвате Позолоте поползли сразу же, как только он попал в поле зрения общества, и все стали задаваться вопросом: «Кто такой Хват Позолот? И что это за имя такое – Хват?» Вечера он закатывал знатные, с этим не поспоришь. О них ходили легенды. (Правду говорят, что подавали рубленую печень – ты там был? А в тот раз, когда он пригласил тролля-стриптизера и трое гостей выпрыгнули из окна, – ты там был? Рассказывают еще про вазу с конфетами – ты там был? Ты это видел? Это

правда? Ты там был?) Судя по всему, половина Анк-Морпорка лавировала между столом и буфетом, бальным залом и игорными столами, и за каждым гостем по пятам бесшумно следовал услужливый официант с заставленным напитками подносом. Одни говорили, что Хват владел личным золотым рудником, иные уверяли, что он был пиратом. А на пирата он точно походил: длинные черные кудри, остроконечная бородка и повязка на глазу. У него вроде даже попугай был. Эта версия по крайней мере объясняла его бездонное состояние и тот факт, что никто, абсолютно никто ничегошеньки не знал о его жизни до появления в городе. Шутили, что он продал свое прошлое точно так же, как купил себе новое.

Слыпень доподлинно знал, что в бизнесе Хват не брезговал пиратскими методами. Некоторые его...

– Двенадцать с половиной процентов! Двенадцать с половиной процентов!

Убедившись, что сердечного приступа, к которому он был готов весь день, с ним пока не приключилось, Слыпень пересек комнату – пошатываясь, как и положено человеку, пропустившему пару стаканов, чтобы укрепить расшатавшиеся нервы, – и, сдернув темно-красное покрывало, обнаружил под ним клетку с попугаем. Там оказался самый настоящий какаду, который энергично раскачивался вверх-вниз на жердочке.

– Двенадцать с половиной процентов! Двенадцать с половиной процентов!

Слыпень усмехнулся.

– Вижу, ты познакомился с Альфонсом, – произнес Хват Позолот. – Чем обязан такому неожиданному удовольствию, Криспин?

Обитая бархатом дверь за ним мягко захлопнулась, заглушая музыку в отдалении.

Слыпень повернулся, и краткую вспышку радости в тот же миг поглотил мучительный страх. Позолот, не вынимая руки из кармана домашней куртки, вопросительно посмотрел на него.

– За мной следят, Хват! – выпалил Слыпень. – Витинари приставил ко мне...

– Криспин, прошу, присядь. Тебе сейчас не повредит хорошая порция бренди, – он поморщил нос. – Или лучше сказать, еще одна хорошая порция бренди?

– Я бы не отказался! Да, сделал пару глотков, нужно же было как-то прийти в себя! Ну и денек у меня был! – Слыпень плюхнулся в кожаное кресло. – Ты знаешь, что у банка почти весь день дежурил стражник?

– Сержант? Толстяк? – спросил Позолот, протягивая ему стакан.

– Толстяк, да, звания не заметил, – Слыпень шмыгнул носом. – Мне никогда не доводилось иметь дела со Стражей.

– Зато мне доводилось, – сказал Позолот и поморщился, глядя, как Слыпень варварски хлещет хорошее бренди. – Сержант Колон ошивается возле важных зданий не потому, что их могут украсть, а просто потому что хочет спокойно выкурить сигаретку на свежем воздухе. Он придурок, его нечего бояться.

– Да, но утром к этому старому дурню Сырборо приходили из налоговой инспекции...

– Разве это большая редкость? Я налью тебе еще.

– Нет, они приходят пару раз в месяц, – признал Слыпень, протягивая пустой стакан. – Но...

– Значит, ничего страшного, – успокоил Позолот. – Ты шарахаешься от каждой тени, мой дорогой Кристин.

– Витинари шпионит за мной! – взорвался Слыпень. – Сегодня вечером за моим домом следил человек в черном! Я услышал шум, выглянул наружу и увидел его: он стоял в углу сада!

– Вор?

– Нет, мы с Гильдией в полном расчете. А днем кто-то проник ко мне домой, я в этом уверен! В моем кабинете вещи были не на своих местах! Хват, мне не по себе! Это ведь я нахожусь под ударом! Если реви...

– Не будет никакой ревизии, Кристин, – голос Позолота был слаще меда.

– Да, но я никак не могу дорваться до документов, пока не выйдет на пенсию Сырборо. А у Витинири под рукой полно этих мелких, как их там... клерков, которые вообще ничем не занимаются, только роются в бумажках! Они обо всем догадаются, точно говорю! Мы купили Магистраль на ее собственные деньги!

Позолот похлопал его по плечу.

– Успокойся, Кристин. Все будет в порядке. Твои представления о деньгах слишком устарели. Деньги – это не предмет, это даже не процесс. Это своего рода коллективное сновидение. Нам снится, что обычный металлический кружляшок стоит столько же, сколько и плотный обед. Стоит очнуться от этого сна, и деньги польются рекой.

Голос гипнотизировал его, но паника не давала Слыпню забыть. На лбу у него выступила испарина.

– Рекой, в которую Сдушкомс будет мочиться! – огрызнулся он в отчаянье, злобно сверкая глазками. – Помнишь эти башни в

противосолнечной стороне от Ланкра, от которых столько хлопот было пару месяцев назад? Когда нам ск-зали, что во всем виноваты залетавшие в башни ведьмы? Ха! Эт-только в первый раз была ведьма! А п-том Сдушкомс подкупил пару новичков на башне, чтобы один сообщил о поломке, а второй тем временем со всех ног дернул к следующей башне и послал ему цифры с биржи в Орлее на ц-лых два часа раньше, чем они стали изв-стны остальным. Вот как он загоняет в сети сушеных креветок. И сушеных килек, и сушеных тертых кальмаров. Он не в п-рвый раз этим промышляет, м-жду прочим! Он свое дело знает!

Позолот поглядел на Слыпня, прикидывая, не лучше ли прикончить его прямо сейчас. Витинари был умен. Иначе он не был бы правителем этого закисающего в собственном хаосе города. Если ты заметил его шпиона, значит, Витинари именно этого и хотел. Хочешь узнать, наблюдает за тобой патриций или нет, просто обернись – и если никого не увидишь, считай, ты под колпаком.

И вдобавок этот проклятый Сдушкомс... некоторые люди не хотят видеть дальше собственного носа. Они... *мелковаты* для этого.

Использовать клик-башни подобным образом было глупо, но позволить такой шестерке, как Слыпень, пронюхать об этом, было непростительно. *Глупо*. Глупые мелкие людишки с королевским самомнением, мошенничают себе по мелочи, улыбаются тем, кого обкрадывают, и не понимают о деньгах самого главного.

Черт дернул этого тупого борова Слыпня притащиться сюда. Это немного осложняло ситуацию. Дверь была звуконепроницаемой, ковер легко можно было перестелить, а Игоря всегда славились своей надежностью, но почти наверняка кто-то незримый видел, как вошел сюда человек, а стало быть, благоразумнее будет сделать так, чтобы человек отсюда вышел.

– Х-роший ты ч-ловек, Хват Позолот, – проикал Слыпень, неуверенно помахивая полупустым стаканом. Он поставил его на маленький столик с присущей перебравшим людям преувеличенной бережностью, но поскольку из трех изображений столика, скользящих взад-вперед у него перед глазами, он выбрал неверное, стакан шмякнулся на пол. – Пр-шу пр-щения, – заплетающимся языком проговорил он. – Х-роший ты чел-к, такшт отдам я это тебе. Дома хр-нить оп-сно, п-тому что за мной шпионят агенты Витиринанирари. Сжечь тож не м-гу, там все запис-но. Каждая... сделка. Оч важно. Я никому больше не доверяю, все меня ненавидят. Позаботься об этом, лады?

Он извлек потрепанную красную книжицу и трясущейся рукой

протянул ее Позолоту. Тот взял ее и раскрыл. Пробежал взглядом содержимое.

– Ты все это записывал, Криспин? – спросил он. – Зачем?

Криспин посмотрел на него с возмущением.

– Все должно быть перед глазами, Хват, – ответил он. – Нельзя зам-сти следы, если не знаешь, где насл-дил. А так... можно все в-рнуть на место, как будто нич-о и не было, – он хотел было постучать пальцем по кончику носа, но промахнулся.

– Я не спущу с этой штуки глаз, Криспин, – сказал Позолот. – Ты правильно сделал, что принес ее мне.

– Эт оч много для меня значит, Хват, – сказал Криспин, переходя на стадию пьяной сентиментальности. – Ты относишься ко мне со всей всерьезностью, не то что Сдушкомс и ост-льные. Я рискую, а они обращаются ко мне, как к грязи. То есть как с грязью. Ужжжасно хороший ты мужжжик. Даж странно, что у тебя есть Игорь, ты ведь такой хороший мужжжик, а Игоря... – Он зычно срыгнул. – Говорят, Игоря служат только у психов. Ну, у пооолностью поехавших, у всяких там вампиров и вообще. Не в обиду твоему сказано, он у тебя нормальный парень, ха-ха, несколько нормальных парней...

Хват Позолот мягко поднял его на ноги.

– Криспин, ты пьян, – сказал он. – И болтлив. Сейчас я позову Игоря...

– Йа, гофподин? – поинтересовался Игорь за его спиной. Мало кто мог позволить себе такую обслугу.

– ...и он отвезет тебя домой в моей карете. Игорь, передай его в целости и сохранности с рук на руки его лакею. Ах да, а потом не мог бы ты разыскать моего коллегу господина Грайля? Передай ему, что у меня есть для него поручение. Доброй ночи, Криспин, – Хват потрепал его по пухлой щеке. – И *не волнуйся* ни о чем. Завтра утром все эти мелкие тревоги попросту... исчезнут. Обещаю.

– Ужжжасно хороший мужжжик, – радостно пробубнил Слыпень. – Для иностранца...

Игорь отвез Криспина домой. За время пути тот успел достичь стадии беззаботного опьянения и всюю горланил куплеты, которые насмешили бы разве что игроков в регби и детей младше одиннадцати, чем перебудил всех соседей – еще и потому, что в который раз заводил по кругу куплет про верблюда.

Потом Игорь вернулся домой, распряг карету, отвел лошадь на конюшню и направился к небольшой голубятне за домом. Голуби там были

большие и жирные, не то что полудохлая падаль с городских крыш. Он выбрал одну упитанную птицу, проворно нацепил ей на лапку серебряное кольцо с посланием и подбросил ее в ночное небо.

По голубиным меркам анк-морпоркские голуби были отнюдь не глупы. Глупость в этом городе сокращала продолжительность жизни. Так что голубь вскоре должен был отыскать крышу господина Грайля. Единственное, что раздражало Игоря, – ему никогда не возвращали его голубей.

Старые конверты разлетались во все стороны, когда Мокриц сердито шел, но чаще – сердито пробирался по заброшенным помещениям Почтамта. Ему хотелось крушить стены. Он был в ловушке. В ловушке. А ведь он так старался... может, это место действительно было проклято. И имя этому проклятью было Грош...

Мокриц открыл дверь и очутился в просторном каретном дворе, который подковой огибал здание Почтамта, был до сих пор в рабочем состоянии. Грош объяснил, что, когда почтовая служба потерпела крах, транспорт уцелел. Он пользовался спросом, был хорошо налажен, и к тому же в конюшнях были десятки лошадей. А лошадей не запихнешь под половицу и на чердак не свалишь. Их нужно кормить. С горем пополам эти обязанности взяли на себя сами возницы и теперь занимались пассажирским извозом.

Мокриц смотрел, как полная карета выкатывалась со двора, когда краем глаза заметил наверху какое-то движение.

К клик-башням быстро привыкаешь. Иногда складывалось ощущение, что на каждой крыше торчит по штуке. Чаще всего это были новомодные заслонки, введенные «Гранд Магистралью», но ручные и даже флажковые семафоры старого образца все еще были в ходу. Они, однако, работали медленно и только в пределах видимости, так что частокол новых башен постепенно их вытеснял. Если вам нужно было что-то посерьезнее, вы могли обратиться в одну из маленьких компаний и арендовать там персональную башенку с постоянной горгульей, которая следила за входящими сообщениями и перенаправляла их на другие башни, а если в деньгах не было недостатка, то и со специально обученным оператором. Любой каприз за *ваши* деньги. Мокриц не разбирался в технике и не интересовался ею, но если он правильно понимал, обдирали клиента при этом как липку, точнее, как целую рощу.

Но эти мысли вращались сейчас у него в голове вокруг другой, главной мысли, как планеты вращаются по орбите вокруг солнца: *Откуда у*

нас семафорная башня?

На крыше точно была башня. Он видел ее и слышал вдалеке щелканье заслонок. И Мокриц готов был биться об заклад, что видел чью-то голову, но та тут же скрылась из вида.

Зачем нам нужна здесь башня и кто ее использует?

Мокриц опрометью побежал внутрь. Он нигде не видел лестниц, ведущих на крышу, но нельзя было знать наверняка, что скрывалось за толщей писем в конце заваленного коридора...

Он протиснулся по узкому проходу, заставленному мешками писем, и очутился в помещении, откуда выходили на задний двор большие двойные двери на засове. Там была лестница, и она вела наверх. Небольшие противопожарные лампы разливали в темноте лужицы света. *Почтамт как он есть*, подумал Мокриц: в Уставе сказано, что лестницы должны быть освещены, и они освещены, даже если по ним никто не ходит уже десятки лет – кроме Стэнли, который зажигает лампы.

Еще здесь был заброшенный грузовой подъемник той опасной конструкции, которая работала за счет перекачивания воды из огромного ливневого колодца на крыше, но Мокриц понятия не имел, как его запустить, да и в любом случае, он едва ли осмелился бы им воспользоваться. Грош говорил, что подъемник сломан.

У подножия лестницы он увидел смазанный, но еще различимый меловой контур. Руки и ноги были не в самых удобных положениях.

Мокриц сглотнул и ухватился за перила.

Он пошел наверх.

Дверь на второй этаж открылась без труда: она распахнулась едва он коснулся дверной ручки, и на лестничную площадку, подобно приливной волне, хлынул поток накопившейся почты. Мокриц пошатнулся и застонал, а письма скользили вокруг него волна за волной и ссыпались вниз по ступеням.

На одеревеневших ногах он поднялся на следующий этаж и обнаружил там еще одну тускло освещенную дверь, но на этот раз отошел в сторонку прежде, чем открыть ее. Поток все равно с силой ударил его по ногам, а шум мертвых писем звучал хриплым шепотом, пока они утекали вниз в темноту. Очень похоже на летучих мышей. Здание было переполнено мертвыми письмами, перешептывающимися друг с другом во мраке, в то самое время, как человек падал вниз, навстречу своей смерти...

Еще немного в таком темпе – и он кончит, как Грош, безумным как поварешка. Но в этом здании было что-то еще. Где-то здесь должна быть дверь...

Его голову размазало по стене...

Знаешь что, сказал Мокриц своему воображению, будешь и дальше продолжать в таком духе, я вообще тебя выключу.

Но оно предательски продолжало работать. Никогда, никогда в жизни он и пальцем никого не тронул. Он предпочитал делать ноги, а не пускать в ход кулаки. А убийство... убийство – это величина абсолютная. Нельзя совершить 0,021 часть убийства. Но нет, Помпа считал, что степень убийства можно отмерить линейкой. Допустим, где-то там, позади, и оставались люди, которым его преступления доставляли определенные... неудобства, но... как же тогда банкиры, землевладельцы и даже бармены? «Вот твой двойной виски, господин, – я только что убил тебя на 0,0003 части». *Всё, что делали все, рано или поздно сказывалось на всех.*

И вообще, многие его преступления и преступлениями-то считать нельзя. Взять хотя бы фокус с кольцом. Мокриц никогда не *говорил*, что кольцо было с бриллиантом. Было даже печально наблюдать за тем, как быстро честные граждане проникались идеей воспользоваться непросвещенностью бедного путника. Так недолго и разочароваться в человечестве – если бы он изначально был им очарован. И потом...

Третий этаж исторг еще одну лавину писем, но даже когда она стихла, бумажная пломба все так же плотно затыкала собой коридор. Мокриц подошел поближе, и несколько конвертов выпали, угрожая очередным обвалом.

Он уже начинал подумывать об отступлении, вот только лестницу сейчас устилали расползающиеся конверты, а он был не в настроении осваивать горнобумажные спуски.

Но пятый этаж точно должен быть чист, верно? Как бы иначе Бакенбард добрался до лестницы, где у него была назначена встреча с вечностью? И да, на площадке четвертого этажа до сих пор валялся клочок черно-желтой веревки, прямо на ворохе конвертов. Стража побывала там. И все равно Мокриц открыл дверь с той же осторожностью, с какой до него наверняка открывал ее стражник.

Упала пара-тройка конвертов, но основной обвал произошел еще тогда. Уже в нескольких шагах от него начиналась до боли знакомая стена из писем, утрамбованных плотно, как горная порода. Стража побывала и здесь. Кто-то пытался пробиться сквозь толщу конвертов, и там осталась пробоина. Этот кто-то просунул в затор руку по самое плечо, как и Мокриц сейчас, и точно так же его пальцы нащупали там только намертво утрамбованные конверты.

Здесь никто не выходил на лестницу. Для этого пришлось бы

продираться сквозь стену конвертов не меньше шести футов толщиной...

Оставался последний пролет. Мокриц осторожно поднимался по ступенькам и преодолел уже половину пути, когда услышал, что у него за спиной начался оползень.

Наверное, он потревожил стену писем на нижнем этаже. Они рвались из коридора наружу с неотвратимостью снежной лавины. Когда набегающая лавина достигла края лестницы, почта охапками посыпалась вниз. Далеко внизу закрипело и надломилось дерево. Лестница содрогнулась.

Мокриц бегом преодолел последние ступени, ведущие на пятый этаж, ухватился за ручку, открыл дверь и в таком положении переждал, пока не пройдет очередной почтовый поток. Все ходило ходуном. Послышался резкий треск, и вся лестница обрушилась из-под него, и Мокриц остался висеть в воздухе, а на него продолжали сыпаться письма.

Он болтался там, вцепившись в дверную ручку и зажмурившись, пока тряска и шум не поутихли, хотя время от времени треск дерева снизу все равно доносился.

Лестницы не стало.

Со всей осторожностью Мокриц поднял ноги и нащупал край коридора. Не делая резких движений – в частности, не дыша, – он ухватился за дверную ручку с обратной стороны, так что дверь оказалась между руками. Медленно он стал зарываться пятками в кипы писем на полу коридора, попутно закрывая дверь за собой, и в то же время сместил обе руки на внутреннюю ручку.

Тогда он полной грудью вдохнул спертого, сухого воздуха, часто засучил пятками, изогнулся, как лосось на крючке, и наконец большая часть его тела коснулась твердого пола коридора. Риск пролететь пять этажей писем и лестничных обломков миновал окончательно.

Едва соображая, он снял с двери лампу и повернулся, чтобы оценить ситуацию.

Коридор был ярко освещен, везде были ковры, и нигде не было никакой почты. Мокриц посмотрел еще раз.

Там же *были* письма, от пола до потолка все было ими упихано. Он видел их, он чувствовал, как они падали мимо него в пропасть. Они же ему не привиделись: осязаемые, заплесневевшие, пропыленные – самые настоящие. Верить во что-либо другое было бы безумием.

Он обернулся посмотреть на руины лестницы, но не увидел ни лестницы, ни двери. Покрытый ковром пол простирался до самой стены.

Мокриц понимал, что всему этому должно быть какое-то разумное

объяснение, но единственное, о чем он мог думать в ту минуту, было: как странно. Он боязливо протянул руку и дотронулся до ковра в том месте, где должна была быть лестница, но ощутил холодок на кончиках пальцев, которые прошли сквозь пустоту.

Он задумался: *Стоял ли тот предыдущий почтмейстер на моем месте? Ступил ли он на твердый с виду пол, только чтобы скатиться, переломав кости, с высоты пятого этажа?*

Мокриц стал пробираться по коридору в противоположном направлении, откуда слышался все нарастающий шум. Звук был неясный, неопределенный – мерный гул гудящего как улей здания, крики, разговоры, скрежет механизмов, шелест тысяч голосов, и шестеренок, и шагов, и печатей, и росчерков, густо замешанных в огромном пространстве, чтобы дать на выходе звуковую выжимку делового духа.

Коридор расходился в две стороны. Звук доносился из залитого светом помещения, прямо за поворотом. Мокриц подступил к начищенным до блеска медным балконным перилам – и остановился.

«Ладно, голову мы сюда доставили в целости и сохранности, что стоило немалых усилий, теперь самое время ей думать».

Зал Почтамта являл собой тусклые гроты с кипами старых писем. Ни балконов, ни сверкающей меди, ни гудящего роя работников там не было и в помине, не говоря уже ни о каких посетителях.

Так Почтамт выглядел давным-давно, и только тогда. Верно?

А еще, сэр, были балконы, вокруг всего центрального холла, на всех этажах, из железа, узорчатые как кружево!

...но в настоящее время от них ничего не осталось. И не то чтобы он сам переместился в прошлое. Глазами он видел бархатный ковер, но на ощупь там была все та же лестница.

Мокриц пришел к выводу, что ногами он стоял в самом что ни на есть настоящем времени, а глазами видел самое что ни на есть прошлое. Только ненормальный всерьез мог бы в такое поверить, но с другой стороны, от Почтамта всего можно было ожидать.

Бедняга Бакенбард решил пройтись по полу, которого здесь давно уже не было.

Мокриц остановился, не доходя до балкона, протянул руку вниз и вновь ощутил холодок на кончиках пальцев, когда ладонь прошла сквозь ковер. Кто же это был... ах да, господин Тихабль. Остановился здесь, поспешил заглянуть вниз и...

...шлеп, вот прямо шлеп головой вниз...

Мокриц выпрямился, ухватился за стену для надежности и осторожно

выглянул в огромный холл.

Хрустальные люстры свисали с потолка – они не были зажжены, потому что солнечный свет, проникающий сквозь искрящийся купол, заливал зал, блаженно лишенный голубинового помета, но зато переполненный народом: кто мельтешил туда-сюда по шахматному полу, кто усердно трудился за длинными полированными прилавками – *из редкого дерева, как отец сказывал*. Мокриц не мог отвести глаз.

Картина, представшая его взору, была соткана из сотен передвижений, каждое из которых имело цель и смысл, и они органично сплетались в величественном хаосе. Там, внизу, с места на место перевозили большие проволочные тележки, груженные почтой; пачки писем громоздились на движущейся ленте; служащие со скоростью света рассовывали письма по ячейкам. Все эти люди работали как гигантский слаженный механизм – *вы бы только видели, сэр!*

Слева от Мокрица в дальнем конце холла высилась золотая статуя раза в три-четыре выше человеческого роста. Она изображала стройного молодого человека, по-видимому бога, на котором из одежды была одна только фуражка с крылышками, сандалии с крылышками и – Мокриц прищурился – фиговый листок с крылышками?

Скульптор запечатлел юношу в тот момент, когда он готовился прыгнуть в воздух, с гордым и решительным видом держа перед собой конверт с письмом.

Статуя подчиняла себе все помещение. В настоящем времени никакой статуи не было, и постамент пустовал. Если уж люстры и прилавки повыносили, то у статуи, которая *выглядела* золотой, не было ни малейшего шанса. Она, наверное, была посвящена какому-нибудь духу Почты.

Тем временем почта внизу двигалась более прозаичным методом.

Прямо под куполом висели часы с четырьмя циферблатами, смотрящими во все стороны. Взгляд Мокрица упал на часы как раз в тот момент, когда длинная стрелка с щелчком указала вверх, знаменуя начало нового часа.

Раздался гудок. Лихорадочная хореография стихла, и где-то внизу распахнулись двери, откуда строем вышли две шеренги почтальонов – *а униформа, сэр, темно-синяя и с медными пуговицами, ох, вы бы только видели!* – промаршировали через зал и вытянулись по струнке у главного входа. Их там поджидал крупный мужчина в еще более роскошной форме с таким лицом, будто его мучила зубная боль. На поясе у него висели большие песочные часы в медном каркасе, и смотрел он на выжидающих почтальонов с таким выражением, будто видывал он в жизни вещи и

похуже, но нечасто, и только на подошвах своих огромных башмаков.

С выражением злобного удовлетворения на лице он поднял песочные часы и набрал побольше воздуха, прежде чем проорать:

– Чееееетвертая смена, станоооо-вись!

Звук показался Мокрицу немного приглушенным, словно он доносился сквозь фанерную стену. Почтальоны, и до этого стоявшие на изготовку, умудрились принять вид еще более внемлющий.

Здоровяк зыркнул на них и снова набрал воздуха в грудь.

– Трееееетья смена, гоооо-товсь, го-товсь!.. ШАГО-О-ОМ АРШ!

Обе шеренги строем прошли мимо него и покинули здание.

Раньше мы были почтальонами...

Нужно найти нормальную лестницу, подумал Мокриц, отодвигаясь подальше от края. У меня прошлое в... галлюцинациях, и настоящее... под ногами. Как будто я хожу во сне. Я не хочу вот так выйти в воздух и закончить свои дни очередным меловым контуром на полу.

Он обернулся, и кто-то прошел сквозь него.

Ощущение было не из приятных, как внезапный озноб. Но это было еще не самое страшное. Самое страшное – это видеть чужую голову, которая проходит прямо через твою. Там все преимущественно серое, местами красноватое, и дырки в носовой пазухе. Про глазные яблоки лучше и не знать.

...с такой физиономией, будто привидение увидел...

Мокрицу поплохело. Зажав ладонью рот, он отвернулся – и увидел юного почтальона, который вглядывался туда, где стоял Мокриц, с таким же ужасом, какой наверняка был написан и на незримом лице Мокрица. Потом парнишка передернул плечами и поспешил прочь.

Стало быть, господин Игнавия тоже добрался до этой точки. Ему хватило ума сообразить, как устроен пол, но при виде чужой головы внутри твоей... что ж, такое может застать врасплох.

Мокриц бросился вдогонку за юношей. Он не понимал, куда направляется. Вместе с Грошем он обошел не больше одной десятой части здания, так как путь им то и дело преграждали груды писем. Он точно знал: есть и другие лестницы, сохранившиеся до настоящего времени. Главное – добраться до первого этажа. Там почве под ногами можно будет доверять.

Юноша нырнул в помещение, где, видимо, хранились посылки, но Мокрица привлекла открытая дверь, которая вела из комнаты дальше – в проеме виднелось что-то похожее на балюстраду.

Он метнулся туда, и пол ушел у него из-под ног.

Свет померк. Мокриц на мгновение с пугающей ясностью заметил

вокруг иссохшие письма, падающие вместе с ним. Он приземлился на бесконечную почту и закашлялся, а старые, пересохшие конверты продолжали падать на него. В какой-то момент за пеленой бумажного ливня он краешком глаза заметил пыльное окно, наполовину заваленное письмами, но тут же снова пропал под лавиной. Письма вокруг него пришли в движение, расплзаясь и вниз и вбок. Послышался треск, как будто дверь сорвало с петель, и толща писем стала оползать вбок совсем настойчиво. Мокриц в панике попытался высунуть голову наружу, как раз вовремя, чтобы удариться о верхний косяк двери, – и поток снова накрыл его с головой.

Беспомощно кувыряясь в бумажной реке, Мокриц отдаленно почувствовал толчок: пол не выдержал. Письма потекли в дыру, увлекая Мокрица за собой и втягивая в следующий поток. Свет померк, когда тысячи писем рухнули на него, а потом исчез и звук.

Мрак и тишина обступили его плотным кольцом.

Мокриц фон Липвиг поджал колени, обхватив голову руками. Воздух пока еще был, но душный и спертый, и его не могло хватить надолго. Мокриц уже не мог пошевелить даже пальцем.

Так и умереть можно. Так *очень даже* можно умереть. Он был со всех сторон окружен тоннами писем.

– Вручаю свою душу любому богу, который сможет ее отыскать, – пробормотал он в тяжелой духоте.

Синие росчерки заплясали у него в глазах.

Слова. Написанные слова. Но они говорили.

«Дорогая матушка, добрался я без приключений, нашел хорошее жилье...»

Голос был типичный для какого-нибудь сельского паренька, но при этом обладал определенной... *скрипучестью*. Если бы письмо могло говорить, именно так бы это и звучало. Слова продолжали литься, а буквы крениться и заворачиваться под пером неумелого писателя...

...не успело оно закончиться, как уже другие строки стали писать себя в темноте, аккуратные и чеканные:

«Уважаемый господин, имею честь поставить тебя в известность, что я являюсь управляющим именем покойного господина Дэви Трилла из поместья Смешанных Чувств, и ты единственный...»

Голос продолжал зачитывать текст таким деловым тоном, что было

слышно, как полки в его кабинете ломаются от юридических книг, но после трех строчек началось новое письмо:

«Дорогая госпожа К. Кларк, к прискорбию своему сообщаю, что вчера в схватке с противником твой супруг, К. Кларк, мужественно сражавшийся до самого конца...»

А потом они стали писать все вместе. Десятки, сотни, а там и тысячи голосов звучали у Мокрица в голове и извивались под веками. Никто не кричал – они просто раскручивали строку за строкой, пока его голова не переполнилась звуками, которые выстраивались в новые слова, точь-в-точь как инструменты в оркестре звенят, скрипят и гудят, чтобы прийти к общему крещендо...

Мокриц хотел закричать, но конверты набились ему в рот.

В этот момент чья-то рука ухватила его за ногу, и Мокриц оказался в воздухе вниз головой.

– А, Господин Вон Липвиг! – прогремел господин Помпа. – Осматриваешься! Добро Пожаловать В Твой Новый Кабинет!

Мокриц выплюнул бумагу и жадно втянул носом воздух.

– Они... живые! – просипел он. – Они все *живые*! И они недовольны! Они разговаривают! И мне не померещилось! Когда мерещится, это не больно! И я знаю, как умерли все остальные!

– Рад За Тебя, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа и развернул его правильной стороной вверх. По пояс утопая в конвертах, он расчищал собой дорогу, а за спиной у него с потолка сыпались все новые и новые письма.

– Ты не понимаешь! Они говорящие! Они требуют... – Мокриц задумался. Он все еще слышал отголоски их шепота. Не столько для голема, сколько для себя самого, он сказал: – Они как будто требуют, чтобы их... прочли.

– В Этом Состоит Назначение Письма, – невозмутимо ответил Помпа. – Я Уже Почти Расчистил Твои Апартаменты.

– Но ведь это же обычная бумага! Как она может разговаривать?

– Это Место – Гробница Неуслышанных Слов, – задумчиво пророкотал голем. – И Они Жаждают Быть Услышанными.

– Да ладно тебе! Письма – это клочки бумаги, не умеют они разговаривать!

– Я – Просто Комок Глины, Но Я Умею Слушать, – заметил Помпа с тем же невозмутимым спокойствием.

– Да, но в тебя замешали какое-то колдовство для этого...

Красные огоньки в глазах мистера Помпы сверкнули, и он пристально уставился на Мокрица.

– Я попал... в прошлое... мне кажется, – пробормотал Мокриц и попятился назад. – Мысленно... Бакенбард так и умер! Он свалился по лестнице, которой не было в прошлом! А господин Игнавия до смерти испугался! Я уверен! Но я был весь в письмах! А там, наверное, была дыра в полу... не знаю... и тут... я провалился, и... – Он умолк. – Здесь нужна помощь священника или волшебника. Кого-нибудь, кто разбирается в таких вещах. При чем тут я?!

Голем подхватил две пригоршни писем, под которыми еще совсем недавно был погребен его подопечный.

– Ты Главный Почтмейстер, Господин Вон Липвиг, – сообщил он.

– Это все сказочки Витинари! Какой из меня почтальон, я обычный жулик...

– Господин фон Липвиг? – раздался нервный голос позади Мокрица. Мокриц обернулся и увидел в дверях Стэнли, который отпрянул при виде его лица.

– Да? – рявкнул Мокриц. – Какого черта тебе... что тебе нужно, Стэнли? Я немного занят в данный момент.

– Там люди, – сказал Стэнли, неуверенно улыбаясь. – Внизу. Там люди.

Мокриц все еще сверлил Стэнли взглядом, но тот, по-видимому, уже сказал все, что хотел.

– И этим людям нужно – что именно? – подсказал Мокриц.

– Они хотят тебя видеть, господин фон Липвиг, – ответил Стэнли. – Они говорят: хотим видеть человека, который хочет быть почтмейстером.

– Не хочу я быть... – начал было Мокриц, но плюнул. Не было смысла срываться сейчас на мальчишке.

– Прощу Прощения, Почтмейстер, – произнес у него за спиной голем. – Я Бы Хотел Вернуться К Своей Работе.

Мокриц уступил ему дорогу, и человек из глины пошел дальше по коридору, заставляя старые половицы скрипеть под его огромными ножищами. Отсюда было видно, как именно ему удалось расчистить кабинет. Остальные помещения ломились от писем и грозили лопнуть по швам. Если голем решил запихнуть что-то в комнату, то он это запихнет.

При виде его грузной фигуры Мокрицу немного полегчало. Было в господине Помпе что-то чрезвычайно... прагматичное, что ли.

Что ему сейчас было нужно, так это нормальное дело: нормальные люди, с кем можно поговорить, нормальные вещи, которые заглушат голоса

в голове. Мокриц отряхнул бумажные ключья со своего все более и более сомнительной чистоты костюма.

– Ну что ж, – сказал он, пытаясь отыскать галстук, который нашелся где-то на спине. – Посмотрим, что им нужно.

Они ожидали на площадке между лестничными пролетами. Тощие и согбенные старички, напоминавшие собой Гроша, только постарше. На них были одинаковые древние одеяния, но оказалось в них и кое-что совсем неожиданное.

У каждого к кончику колпака было привязано по голубиному скелету.

– Ты ли будешь Непроштемпелеванный Человек? – прорычал один из них при его приближении.

– Чего? Кто я буду? – переспросил Мокриц. Надежды на что-нибудь нормальное начали затухать.

– Да, сэр, это вы, – зашептал ему Стэнли. – Вам надо ответить да, сэр. Ах, сэр, как бы я хотел быть сейчас на вашем месте.

– На каком месте?

– Повторяю вопрос: ты ли будешь Непроштемпелеванный Человек? – спросил старик сердито. Мокриц заметил, что на трех средних пальцах правой руки у него недостает крайних фаланг.

– Ну, допустим. Если вы настаиваете, – ответил он. Это не встретило одобрения.

– В последний раз повторяю: ты ли будешь Непроштемпелеванный Человек? – на этот раз его голос звучал не на шутку угрожающе.

– Хорошо, хорошо! Для поддержания беседы, положим, да! Я – Непроштемпелеванный Человек! – крикнул Мокриц. – Теперь можем ли...

Сзади на него набросили что-то черное, и он почувствовал, как вокруг шеи у него затягивается шнурок.

– Непроштемпелеванный Человек опаздывает, – прокряхтел еще один старческий голос у Мокрица над ухом, и незримые, но сильные руки вцепились в него. – Он пока не почтальон!

– С вами все будет в порядке, сэр, – произнес голос Стэнли, пока Мокриц пытался вырваться. – Не пугайтесь. Господин Грош вам все подскажет. Вы справитесь, сэр.

– С чем? – спросил Мокриц. – Отпустите меня, вы, старичье проклятое!

– Непроштемпелеванный Человек страшится Тропы, – прошипел один из нападающих.

– О да, Непроштемпелеванный Человек будет возвращен отправителю

в срочном порядке, – произнес еще один.

– Нефранкированный Человек должен быть взвешен, – сказал третий.

– Стэнли, господина Помпу ко мне, живо! – крикнул Мокриц, но колпак на голове был слишком плотным и тесным.

– Никак не могу, сэр, – ответил Стэнли. – Совершенно никак не могу. Все будет хорошо, сэр. Это обычная... проверка. Это Орден Почты, сэр.

Дурацкие колпаки, сообразил Мокриц и немного расслабился. Мешки на голову и угрозы... это мне знакомо. Рыночные мистики. В целом мире не сыскать города, где не было бы своего Верного и Древнего и Праведного и Герметичного Ордена маленьких человечков, которые считают, что могут постичь тайны древних в течение пары часов и по два часа каждый четверг и не понимают, какими крестинами выглядят в этих мантиях. Мне ли не знать – я и сам состоял в десятке таких вот орденов. Готов поспорить, у них есть и секретное рукопожатие. Я знаю больше секретных рукопожатий, чем богов. Я не в большей опасности, чем в обществе первоклашек. А то и в меньшей. Непроштемпелеванный... ну право слово.

Он вздохнул свободней. Позволил свести себя вниз по ступеням и сойти в сторону. Ах да, разумеется. Когда проходишь обряд инициации, ты должен испытывать страх, но всем понятно, что это понарошку. Что-то может звучать страшно, по ощущениям может быть страшно, но на самом деле – ничего страшного. Он вспомнил, как вступал в Общество – как бишь их, ах да – Людей Борозды в захолустном городке где-то у черта в кочерыжках^[3]. Глаза ему, конечно, завязали повязкой, и члены общества стали издавать самые ужасные звуки, на какие у них хватило фантазии, а потом раздался голос из темноты: «Пожми руку Древнему Повелителю!» Мокриц протянул руку и пожал копыто козлу. Те, кому удавалось пережить это и не наложить в штаны, были приняты.

На следующий день он свистнул у трех новообретенных братьев восемьдесят долларов. Сейчас это не казалось Мокрицу таким смешным, как раньше.

Престарелые почтальоны вывели его в центральный холл. Это Мокриц установил по эху. И если верить вставшим дыбом волоскам на загривке, в зале были еще люди. Может, и не только люди – где-то ему слышался приглушенный рык. Но так обычно и бывает, верно? Все и должно звучать тревожно. Главное – действовать смело, нагло и прямолинейно.

Провожатые покинули его. Мокриц постоял немного в темноте и почувствовал, как кто-то схватил его под локоть.

– Это я, сэр. Старший почтальон на испытательном сроке Грош, сэр.

Ни о чем не беспокойтесь. Я ваш временный Ментор, сэр.

– А это все обязательно, господин Грош? – вздохнул Мокриц. – Я, знаешь ли, был официально назначен на эту должность.

– Назначены, но пока не приняты, сэр. «Подтверждение Отправки не есть Подтверждение Доставки».

– О чем ты сейчас вообще?

– Я не могу посвящать в тайны Непроштемпелеванного Человека, сэр, – сообщил Грош с придыханием. – Вы молодец, что продержались до сих пор, сэр.

– Замечательно, – сказал Мокриц, стараясь говорить бодро. – Что плохого может случиться, а?

Грош молчал.

– Я говорю... – начал Мокриц.

– Я как раз собирался с мыслями, сэр, – ответил Грош. – Ну, что я могу сказать... ага. Может случиться, что вы потеряете от одного до пяти пальцев на руке, останетесь калекой на всю жизнь или переломаете себе половину костей. Еще, конечно, вас могут не принять. Но ни о чем не беспокойтесь, сэр, даже не думайте!

Где-то наверху прогремел голос:

– Кто будет представлять Непроштемпелеванного Человека?

Грош, стоя рядом с Мокрицем, откашлялся. Когда он заговорил, то голос его даже дрожал.

– Я, старший почтальон на испытательном сроке Толливер Грош, представляю Непроштемпелеванного Человека.

– *Про кости ты же это сказал, просто чтобы напугать меня, да?* – прошипел Мокриц.

– Стоит ли он во Мраке Ночи? – вопрошал голос.

– Сейчас стоит, Достопочтенный Мастер! – радостно воскликнул Грош и прошептал спрятанному под колпаком Мокрицу: – Ребята из старой гвардии очень рады, что вы вернули девиз на место...

– *Я счастлив. А теперь уточни про сломанные кости...*

– Так пускай же он пройдет Тропой! – распорядился невидимый голос.

– Мы просто будем идти вперед, сэр, это проще пареной капусты, – настойчиво зашептал Грош. – Вот так. Стойте здесь.

– Слушай, – сказал Мокриц. – Вот это вот все... это же просто чтобы напугать меня, да?

– Предоставьте это мне, сэр, – прошептал Грош.

– Но подожди... – начал Мокриц и чуть не поперхнулся мешком.

– Пусть обует Башмаки! – продолжал голос.

Удивительно, как четко слышны заглавные буквы, подумал Мокриц, стараясь не подавиться тканью.

– Прямо перед вами стоит пара башмаков, сэр, – хрипло зашептал Грош у него под боком. – Обувайтесь. Ничего сложного, сэр.

– Тьфу! Да, но...

– Обувайтесь, сэр!

Мокриц очень неуклюже разулся и сунул ноги в невидимые башмаки. Они оказались тяжелыми как свинец.

– Тропа Непроштемпелеванного Человека нелегка! – весомо произнес голос. – Иди дальше!

Мокриц сделал шаг вперед и наступил на что-то, что укатилось у него из-под ног. Он споткнулся, полетел головой вперед и испытал адскую боль, когда стукнулся голеньями о железо.

– Почтальоны, – вновь прогремел голос, – какова ваша Первая Заповедь?

Из темноты нараспев донесся хор голосов:

– *Что за безобразие, чтоб вам провалиться! Игрушки, коляски, садовые инструменты... разбросают тут под ногами в такую темень, и хоть бы что им!*

– Подал ли голос Непроштемпелеванный Человек? – спросил голос.

Кажется, я сломал челюсть, подумал Мокриц, когда Грош поставил его на ноги. *Кажется, я сломал челюсть!*

– Молодчина, сэр, – прошептал старик и затем добавил уже громко для невидимых зрителей: – Он не подавал голоса, Достопочтенный Мастер, но проявил стойкость!

– Тогда преподнесите ему Сумку! – прогремел голос в стороне. Мокриц начинал ненавидеть этот голос.

Невидимые руки повесили Мокрицу на шею ремень. Руки исчезли, и Мокриц согнулся пополам от тяжести.

– Сумка Почтальона тяжела, но совсем скоро она полегчает! – прокатилось по залу эхом.

Никто не говорил, что это будет так больно, подумал Мокриц. *То есть вообще-то говорили, но они не сказали, что они это серьезно...*

– Вперед и с песней, сэр, – понукнул его невидимый Грош. – Это Тропа Почтальона, не забывайте!

Осторожно, очень осторожно Мокриц сделал шаг вперед и услышал, как что-то с дребезгом укатилось в сторону.

– Он не споткнулся о роликовый конек, Достопочтенный Мастер! – доложил Грош невидимым наблюдателям.

Мокриц приободрился и, все еще изнывая от боли, сделал еще пару робких шагов. Что-то опять задрезало, отскочив от его ноги.

– Беспечно Брошенная Пивная Бутылка не стала ему преградой! – торжествовал Грош.

Осмелев, Мокриц шагнул еще дальше, наступил на что-то скользкое, и его нога оторвалась от пола и полетела вверх, не дожидаясь хозяина. Мокриц всей тяжестью приземлился на спину, стукнувшись затылком об пол. Он был уверен, что слышал, как треснул череп.

– Почтальоны, какова ваша Вторая Заповедь? – вопрошал гулкий голос.

– *Собаки! Не бывает хороших собак! Ежели не покусают, то всё обгадят! Все равно что в машинное масло ступить!*

Мокриц встал на колени, пытаясь унять головокружение.

– Вот так, вот так, идите вперед! – прошипел Грош, подхватив его под локоть. – Идите до самого конца, будь то дождь или зной! – Он еще немного понизил голос: – Вспомните, что написано на входе!

– *Госпожа Торт?* – пробормотал Мокриц и подумал про себя: *Было там про дождь или про снег? Или про слякоть?* Почувствовав движение, он склонился над неподъемной сумкой, и его с ног до головы окатило водой, после чего ведро с неуместным энтузиазмом стукнуло его по голове.

Дождь, стало быть. Он выпрямился и в тот же момент ощутил кусачий холод у себя за шиворотом и чуть не вскрикнул.

– Это лед, сэр, – прошептал Грош. – Мы раздобыли немного в морге, но это ничего, сэр, он почти не использованный... в это время года мы не придумали ничего другого вместо снега. Извиняйте! И ни о чем не волнуйтесь, сэр.

– Проверим же Почту! – громогласно потребовал голос.

Мокриц на подгибающихся ногах вошел в круг, а Грош запустил руку в его сумку и победоносно вытащил оттуда письмо.

– Я, старший почтальон на испытательном... ой, секундочку, Достопочтенный Мастер... – Старик наклонил голову Мокрица к себе поближе и зашептал: – Испытательный срок случаем еще не подошел к концу, вашеблагородь?

– Что? А, подошел, да, подошел! – сказал Мокриц, чувствуя, как ледяная вода набирается в ботинки. – Определенно!

– Я, старший почтальон Грош, заявляю, что почта суха и невредима, Достопочтенный Мастер! – торжественно объявил Грош.

На этот раз властный голос содержал в себе тревожные нотки злорадства.

– Тогда пусть он... доставит ее.

В удушающем мраке мешка чувство самосохранения Мокрица забаррикадировало все двери и спряталось в подвале. В этот момент вперед подались невидимые хористы.

В этот момент игры кончились.

– Я, между прочим, не подписывал никаких бумаг, – пробормотал он, пошатываясь.

– Осторожнее, осторожнее, – шептал ему Грош, пропустив его слова мимо ушей. – Почти на месте! Дверь прямо перед вами, там почтовый ящик... можно ему сделать передых, Достопочтенный Мастер? Он здорово ушибся головой...

– Передых, брат Грош? Чтобы ты еще что-нибудь успел ему подсказать? – презрительно отвечал председательский голос.

– Достопочтенный Мастер, согласно обычаям, Непроштемпелеванному Человеку позволено... – возразил Грош.

– Непроштемпелеванный Человек да пройдет Тропой один! Ни на кого не полагаясь, Толливер Грош! Он хочет быть не каким-нибудь младшим почтальоном, не даже старшим почтальоном, это не для него! Он хочет достигнуть звания Почтмейстера одним заходом! Мы тут собрались не поиграть в «сколько раз стучит почтальон», младший почтальон Грош! Ты нас сам уговаривал, и это тебе не шутки! Пусть докажет, что достоин должности!

– Старший почтальон Грош, на минуточку, будьте так любезны! – закричал Грош.

– Ты, Толливер Грош, не настоящий старший почтальон, пока он не пройдет испытание!

– Ах вот как? А кто сказал, что ты Достопочтенный Мастер, а, Джордж Агги? Ты просто первый мантию отхватил, вот ты и Достопочтенный Мастер!

Достопочтенный Мастер продолжил уже менее командным тоном:

– Ты хороший мальчик, Толливер, тут ничего не скажу, но эти рассказы о том, как в один прекрасный день на пороге возникнет самый настоящий почтмейстер и все встанет на свои места... это такая ересь! Оглянись вокруг! Почта отжила свой век. И мы тоже. Былого не воротить. Но если ты такой упертый, то все будет согласно кодексу!

– Ну и пожалуйста! – ответил Грош.

– Ну и пожалуйста! – эхом откликнулся Достопочтенный Мастер.

Тайное общество почтальонов, подумал Мокриц. Зачем оно?

Грош вздохнул и наклонился к нему.

– Ох и повздорим мы, когда закончим тут со всем, – прошептал он. –
Прошу прощения, сэр. Просто отправьте письмо. Я верю в вас, сэр!

Он отошел в сторону.

Во мраке мешка на голове, ошалевший, окровавленный, Мокриц шаркающим шагом двинулся вперед, вытянув перед собой руки.

Он уперся ладонями в дверь и стал шарить по ней в тщетных поисках отверстия. В конце концов он нащупал его в фуге от земли.

Так, спокойно, суй уже туда треклятое письмо, и покончим с этим цирком раз и навсегда. Но они не играли в игры. Это мероприятие было не из тех, где старине Гарри нужно просто произнести правильные слова, чтобы стать очередным членом Почетного Ордена Диванных Набивок. Здесь все воспринимали происходящее *всерьез*.

Но ему всего-то и нужно было просунуть письмо в щелку, так? Что тут может быть сложного... стоп, секунду... вроде у одного из тех стариков, что вели его сюда, на руке не хватало кончиков пальцев...

И вот тут Мокриц рассердился. Он даже забыл о боли в челюсти. Он не обязан все это делать! Уж по крайней мере, он не обязан делать все *именно так*. Все могло бы кончиться для него гораздо хуже, да только эти *старикантес идиотес* ему и в подметки не годились!

Мокриц выпрямился во весь рост, проглотив стон, и стянул с головы колпак. Все вокруг него было погружено во тьму, но ее разбавлял свет из дверей и десятка затемненных фонарей.

– Эй, гляньте, он снял мешок! – выкрикнул кто-то.

– Непроштемпелеванный Человек может оставаться во мраке, – произнес Мокриц, – но Почтальон выбирает Свет.

С интонацией он попал в точку. Интонация – залог успеха тысяч афер. Твой голос должен звучать идеально, так, как будто ты знаешь, что делаешь, как будто ты контролируешь ситуацию. И несмотря на то, что сказал он чепуху, это была убедительная чепуха.

В темноте дверца фонаря приоткрылась чуть шире, и жалобный голос произнес:

– Не-а, не вижу я ничего такого в книге, где там такое сказано?

А еще нужно действовать быстро. Мокриц обмотал колпаком руку и поднял крышку почтового ящика. Другой рукой он наугад вытянул из сумки письмо, щелчком отправил его в отверстие и стащил свою импровизированную перчатку. Она была изодрана, будто по ней прошлись лезвия.

– Почтальоны, какова ваша Третья Заповедь? – торжественно вскрикнул Грош. – Все вместе, ребята: *Какого черта! Не крышки, а ножи*

какие-то!

Ответом было упрямое молчание.

– На нем таки не было мешка, – проворчал некто в мантии.

– Очень даже был! На руке! Ну-ка, и где же сказано, что так нельзя делать? – закричал Грош. – Говорил я вам! Он тот Избранный, которого мы так долго ждали!

– Он еще не прошел последнее испытание, – сказал Достопочтенный Мастер.

– Какое такое последнее испытание, а, Джордж Агги? Письмо он доставил! – возразил Грош. – Лорд Витинари назначил его почтмейстером, и теперь он прошел Тропой!

– Витинари! Он здесь всего ничего! Кто он такой, чтобы распоряжаться, кому быть почтмейстером? Был ли его отец почтальоном? Нет! А дед его? Ты только посмотри, кого он сюда присылает! Ты сам говорил, что они скользкие жуки без капли почтовых чернил в крови!

– Я все же думаю, этот... – начал было Грош.

– Пусть пройдет последнее испытание, – отрезал Достопочтенный Мастер. – Ты знаешь, какое.

– Но это ж смертоубийство! – сказал Грош. – Нельзя же...

– Я повторять не буду, Толли, мальчик мой, так что заткнись! Ну что, господин почтмейстер? Готов ли ты принять величайшее испытание, которое подстерегает почтальона? Готов ли ты сразиться... – он сделал паузу для пущего эффекта и на тот случай, если вдруг раздастся зловещая музыка, – с Врагом-у-Ворот?

– Сразиться и победить, если вы настаиваете! – ответил Мокриц. Этот увалень уже назвал его почтмейстером – сработало же! Говори так, как будто ты здесь главный, и все в это поверят! Да, и «победить» тоже было неплохим штрихом.

– Настаиваем! Еще как настаиваем! – наперебой заголосили почтальоны в мантиях.

Грош, в темноте походивший на бородатую тень, взял Мокрица за руку и, к его вящему изумлению, пожал ее.

– Вот за это прошу прощения, господин фон Липвиг, – сказал он. – Не ожидал, вот уж не ожидал. Жульничают они. Но вы справитесь. Главное, доверьтесь *старшему почтальону* Грошу, *вашеблагородь*.

Он убрал руку, и Мокриц почувствовал что-то маленькое и холодное в своей ладони. Он сжал кулак. *Не ожидал, говоришь?*

– Хорошо, *почтмейстер*, – сказал Достопочтенный Мастер. – Это испытание простое. Все, что от тебя лично требуется, – это стоять на своих

двоих на этом самом месте ровно через одну минуту, задача ясна? Ребята, разбегаемся!

Послышался топот ног и шорох одеяний, и где-то вдали хлопнула дверь. Мокриц остался стоять в тишине, темноте и голубиной вони.

Что это могло быть за испытание? Он попытался припомнить весь текст надписи на входе. Тролли? Драконы? Нечто зеленое и зубастое? Он разжал кулак и посмотрел, что передал ему Грош.

Что-то подозрительно похожее на свисток.

Где-то во тьме открылась и захлопнулась дверь. Сразу за этим послышался отдаленный топот лап.

Собаки.

Мокриц развернулся, пересек зал и вскочил на постамент. Для большой собаки это не преграда, но с такой высоты хотя бы удобнее будет отбиваться от них ногами.

А потом раздался лай, и Мокриц не сдержал улыбки. Однажды услышав этот лай, его ни с чем не спутаешь. Лай не был особенно агрессивным, потому что исходил из пасти, способной прокусить череп. Для тех, кто способен на такое, дополнительная реклама не нужна. Новости быстро распространяются.

Какая эрония судьбы! Им удалось раздобыть где-то липвигцеров!

Когда в свете фонаря стали видны их глаза, Мокриц сказал:

– *Шлат!*

Собаки замерли и уставились на Мокрица. Наверняка они думали про себя: *Что-то здесь не так.*

Он вздохнул и спрыгнул с постамента.

– Вот что, – сказал он, положил руки обеим собакам на копчик и надавил. – Всем известно, что самок липвигцеров никогда не вывозили из страны. Это повышает цену на потомство... *Шлат*, я сказал!.. и все щенки до единого обучаются липвигцерским командам. С вами говорят ваши корни, мальчики! *Шлат!*

Собаки тут же сели.

– Умницы, – сказал Мокриц.

Верно говорил дед: если закрыть глаза на то, что они могут прокусить тебе ногу насквозь, в остальном – милейшие зверюги.

Мокриц сложил ладони лодочкой и крикнул:

– Господа! Можете выходить!

Он не сомневался, что почтальоны прислушивались в ожидании криков и рыка.

Где-то открылась дверь.

– Идите сюда! – повторил Мокриц. Собаки повернулись в сторону кучки приближающихся почтальонов и зарычали долгим непрерывным рыком.

Теперь он отчетливо видел всех членов таинственного ордена. Одетые, разумеется, в мантии, потому что какое же секретное общество без мантий, они откинули капюшоны, и на каждом из господ почтальонов^[4] красовался колпак, на котором болтался птичий скелет.

– Мы так и знали, господин, что Толливер всучил тебе собачий свисток, – сказал один из них, нервно поглядывая на липвигцеров.

– Этот, что ли? – спросил Мокриц, разжав ладонь. – Я им не воспользовался. Они от этого только звереют.

Почтальоны вытаращились на сидящих псов.

– Но они... сидят, – сказал кто-то.

– Я могу дать им и другие команды, – деловито сообщил Мокриц. – Мне достаточно просто сказать слово.

– Кхм... там двое наших ребят стоят с намордниками, если вы не возражаете, сэр, – сказал Грош, а Орден попятился назад. – Мы на гегенегетическом уровне побаиваемся собак. Это профессиональное.

– Уверяю вас, власть моего голоса над ними тверже стали, – сказал Мокриц. Скорее всего, полная чушь, зато *отменная*.

Одна из собак зарычала напряженнее, что обычно бывает прямо перед тем, как животное превращается в боевой снаряд с зубастой пастью.

– *Фодит!* – прикрикнул Мокриц. – Прошу нас извинить, господа. Мне кажется, вы действуете им на нервы, – добавил он. – Вы, наверное, в курсе, что собаки чувят страх.

– Слушай, мы извиняемся, ладно? – сказал тот, в чьем голосе угадывался Достопочтенный Мастер. – Должны же мы были удостовериться.

– Значит, я теперь почтмейстер? – уточнил Мокриц.

– Так точно, господин. Никаких сомнений. Добро пожаловать, о Почтмейстер!

Способный ученик, отметил про себя Мокриц.

– Ну тогда я... – начал он, но в этот момент широкие двери холла распахнулись.

Вошел господин Помпа, держа в руках большую коробку. Непросто открывать тяжелые двойные двери, когда обе руки у тебя заняты, если только ты не голем. Големы просто входят. Двери могут открыться, могут остаться закрытыми – это их выбор.

Собаки опрометью бросились на него. Почтальоны опрометью

кинулись в противоположном направлении и стали карабкаться на помост за спиной у Мокрица со скоростью, завидной для столь почтенного возраста.

Помпа шел вперед, круша под ногами остатки Тропы. Он покачнулся, когда животные набросились на него, потом спокойно отставил коробку и поднял псов за шкурки.

– Там За Дверью Ждут Господа С Сетями, В Перчатках И Очень Толстой Одежде, Господин Вон Липвиг, – сказал он. – Говорят, Они Работают На Гарри Короля. Желают Знать, Закончили Вы С Собаками Или Нет.

– На Гарри Короля? – переспросил Мокриц.

– Это важный купец, сэ, склотил состояние на отходах, – объяснил Грош. – Собак, собственно, у него и взяли. По ночам он спускает их с цепи у себя во дворе.

– Чтобы воры не забрались?

– Думаю, если кто и заберется, он не станет возражать, сэ. Не придется кормить собак лишний раз.

– Ха-ха! Господин Помпа, заberi отсюда собак, будь добр, – распорядился Мокриц. Липвигцеры! Как все *просто* оказалось.

Проводив взглядом голема, у которого подмышками свисали скулящие псы, он добавил:

– Дела у Гарри Короля, видимо, идут на славу, если он может себе позволить липвигцеров в качестве сторожевых псов!

– Липвигцеры? У Короля Гарри? Да что вы, сэ! Будто старина Гарри станет покупать заграничных собак за бешенные деньги, когда есть помесь, нет уж! – сказал Грош. – Может, *что-то* от липвигцера в них и есть, и наверняка самое худшее. Хе-хе, да чистокровный липвигцер и пяти минут бы не выстоял против здешней дворняжки. У некоторых в предках можно и *кродила* найти.

Повисла тишина, и Мокриц произнес замогильным голосом:

– Значит... это точно не заграничные чистокровки, ты в этом уверен?

– Жизнью твоей ручаюсь, сэ, – радостно согласился Грош. – А что, что-то не так?

– Что? А, нет... все в полном порядке.

– Вы как будто разочарованы, сэ. Или что?

– Нет, я в порядке. Все в полном порядке... знаешь, – задумчиво добавил Мокриц, – а мне ведь пора заняться стиркой. И, пожалуй, куплю новые туфли...

Двери распахнулись, и в холл вошел господин Помпа – уже без собак.

Он подобрал с пола коробку и направился к Мокрицу.

– Что ж, нам пора, – сказал Достопочтенный Мастер. – Рад был знакомству, господин Мокриц.

– Что, и все? – спросил Мокриц. – И никакой церемонии?

– О, это все к Толливеру, – ответил Достопочтенный Мастер. – Я бы и рад видеть эти руины снова в деле, честное слово, но сегодня вокруг сплошные клики. Юный Толливер верит, что все здесь можно вернуть в прежнее русло, но он был совсем мальчишкой, когда все развалилось. Некоторые вещи, господин Мокриц, не исправить. Можешь, конечно, называть себя почтмейстером, но с чего ты начнешь, чтобы привести эту махину в порядок? Все это – старая рухлядь, господин, совсем как мы.

– Твоя Фуражка, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа. Они обернулись.

– Что? – переспросил Мокриц, глядя на голема, который терпеливо стоял у постамента с головным убором в руках.

Это была золотистого цвета почтальонская фуражка с козырьком и золотыми же крыльшками. Мокриц взял ее у него из рук и вблизи увидел, что золото было всего лишь краской, потрескавшейся и местами облезшей, а крылья – настоящими высушенными голубиными крыльями, которые грозили рассыпаться при касании. Голем поднял фуражку на свет, и она засверкала, как сокровище из древней гробницы. Она хрустела в руках Мокрица, пахла чердаком и роняла золотые крошки. Под кромкой на грязной этикетке были слова: «БОЛТ и ЛОК, ВОЕННАЯ И ПАРАДНАЯ ФОРМА, ПЕРСИКОВОПИРОЖНАЯ УЛ., А-М. РАЗМЕР: 7»

– Есть Еще Пара Башмаков, Тоже С Крыльями, – сказал господин Помпа. – И Предмет На Резиночке В Виде...

– Это не нужно! – восторженно оборвал его Грош. – Где ты все это раздобыл? Мы где только не искали! Столько лет!

– Было Под Всеми Письмами В Кабинете Почтмейстера, Господин Грош.

– Не может такого быть, быть такого не может! – возразил Грош. – Мы там тыщу раз смотрели! Я видел каждый дюйм ковра в том кабинете!

– Некоторая часть писем была, кхм, передислоцирована сегодня, – сказал Мокриц.

– Так И Есть. Господин Вон Липвиг Провалился Через Потолок.

– Ах, так он ее нашел, значит! – воскликнул Грош. – Видите? Пророчество! Оно начинает сбываться!

– Нет никакого пророчества, Толливер, – сказал Достопочтенный Мастер, печально качая головой. – Знаю, ты со мной не согласен, но

пожелание, чтобы кто-нибудь пришел и разгреб весь этот бардак, – это еще не пророчество. Немного не то.

– Письма опять стали разговаривать! – сказал Грош. – Перешептываются по ночам. Приходится зачитывать им Устав, чтобы замолчали. Точь-в-точь как волшебник сказал!

– Ну, знаешь, как мы в старину говорили: *нужно* быть сумасшедшим, чтобы здесь работать, – ответил Достопочтенный Мастер. – Все кончено, Толливер. Правда, конечно. Мы уже даже не нужны этому городу.

– Ну-ка, наденьте фуражку, господин фон Липвиг! – сказал Грош. – Это судьба, что она вот так взяла и нашлась. Наденьте фуражку и посмотрим, что будет!

– Ну что ж, если никто не против, – пробурчал Мокриц. Он занес фуражку над головой, но заколебался.

– Ничего же не случится, нет? – спросил он. – А то у меня был очень странный день...

– Да ничего не случится, – сказал Достопочтенный Мастер. – Никогда ничего не случалось. Когда-то мы все думали, что вот возьмет и случится. Каждый раз, когда кто-нибудь обещал вернуть люстру на место или доставить письмо по адресу, мы думали: может, вот оно, может, на этот раз все получится. А ты осчастливил юного Толливера, когда вернул девиз на место. Взбудоражил его. И он теперь думает, что на этот раз все получится. Но этому никогда не бывать, потому как место это про-кля-тооо.

– Это как проклято, только с дополнительными «о»?

– Именно. Худшее, что может быть. Так что вперед, господин, надевай фуражку. По меньшей мере, уберезет от дождя.

Мокриц приготовился было натянуть фуражку, но заметил, как старые почтальоны отступили подальше.

– Вы сомневаетесь! – крикнул он и погрозил им пальцем. – Вы все-таки сомневаетесь, все вы! Вы думаете, *хмм*, а вдруг на этот раз что-то получится, а? Затаили дыхание, я же вижу! Надежда – ужасное чувство, господа.

Он нахлобучил фуражку на голову.

– Чувствуете что-нибудь? – спросил Грош через некоторое время.

– Затылок чешется, – ответил Мокриц.

– Потому что необъяснимые чудесные силы проникают в вас, да? – не унимался Грош.

– Не похоже, – ответил Мокриц. – Мне жаль.

– Большинство почтмейстеров, под чьим началом мне довелось работать, терпеть не могли эту вещь, – заметил Достопочтенный Мастер,

когда все облегченно вздохнули. – Тебе хотя бы с ростом повезло. Почтмейстер Аткинсон был всего полтора метра ростом и в этой фуражке всегда казался угрюмым, – он похлопал Мокрица по плечу. – Не переживай, мальчик, ты сделал все, что мог.

Мокрицу на голову упал конверт. Он смахнул его, и тут же другой конверт шлепнулся ему на плечо и соскользнул на пол.

Письма стали сыпаться вокруг, как рыба, подхваченная мимопроходящим торнадо.

Мокриц поднял глаза вверх. Письма падали из темноты, и легкая их морось постепенно превращалась в бурный ливень.

– Стэнли? Это ты там хулиганишь? – предположил Грош, которого почти не видно было за бумажным потоком.

– Я всегда говорил, полы на чердаке слишком слабые, – простонал Достопочтенный Мастер. – Опять почтовый обвал. Мы слишком расшумелись, вот в чем дело. Давайте выбираться отсюда, пока все целы.

– Так потушите уже свои фонари! Они огнеопасные! – прикрикнул Грош.

– Тогда мы будем впотьмах выбираться, юноша!

– По-твоему, пусть лучше нам горящая крыша дорогу освещает?

Фонари моргнули и погасли... и в темноте, которой они больше не мешали, Мокриц увидел на стене надпись – точнее сказать, в воздухе рядом со стеной. Невидимое перо делало в пустоте росчерк за росчерком, выводя мерцающие синие буквы.

Мокриц фон Липвиг? – прочел он.

– Э-э-э... да?

Почтмейстер!

– Послушайте, я не тот «избранный», которого вы ищете!

Мокриц фон Липвиг, в такие времена сгодится любой Избранный!

– Но... но... я не достоин!

Запасайся достоинством побыстрее, Мокриц фон Липвиг! Верни нам свет! Открой нам двери! Не задерживай гонцов!

Мокриц посмотрел вниз и увидел золотое свечение под ногами. Оно зажглось на кончиках пальцев и стало растекаться изнутри по телу, как доброе вино. Он почувствовал, как его ноги оторвались от постамента, когда слова подняли его в воздух и мягко закружили.

Вначале было Слово, но что есть слово без гонца, Мокриц фон Липвиг? Ты – ПОЧТМЕЙСТЕР!

– Да, я почтмейстер! – воскликнул Мокриц.

Письма должны разойтись, Мокриц фон Липвиг! Слишком долго мы

были взаперти.

– Я отправлю письма!

Отправишь письма?

– Да! Да!

Мокриц фон Липвиг?

– Да?

Порывом ветра, взметнувшим конверты в золотом сиянии и сотрясшим здание до самого основания, пронесли слова:

Доставь Нас!

Глава шестая

Картинки

*Почтальоны без масок – Чудовищный агрегат – Полный Пи –
Господин фон Липвиг задумывается о марках – Гонец из начала времен*

– Господин Вон Липвиг? – позвал господин Помпа.

Мокриц поднял голову и увидел перед собой горящие глаза голема. Должен быть какой-то другой способ просыпаться по утрам. Некоторые, в конце концов, обходятся будильником.

Укрывшись заплесневелым одеялом, Мокриц лежал на голом матрасе в своих свежеразгребенных апартаментах, где пахло старой бумагой. Все тело ныло от боли.

Краешком своего сонного сознания он слушал господина Помпу:

– Почтальоны Ожидают, Господин Вон Липвиг. Почтовый Инспектор Грош Сказал, Что Ты Захочешь Сам Отправить Их В Путь, Чтобы Все Было Как Положено.

Мокриц поморгал в потолок.

– Почтовый инспектор? Я повысил его аж до почтового инспектора?

– Да, Господин Вон Липвиг. Ты Был Полон Энтузиазма.

Воспоминания о минувшей ночи предательски поспешили отбить свою фирменную чечетку на знаменитых подмостках Большого Театра Неловких Ситуаций.

– Почтальоны? – выдавил он.

– Братство Ордена Почты. Они Хоть И В Возрасте, Но Прыткие. Все Давно На Пенсии, Но Вызвались Волонтерами. Они Здесь Уже Несколько Часов – Сортируют Почту.

Я нанял на службу людей еще старше Гроша...

– Что еще я натворил?

– Ты Произнес Пламенную Речь, Господин Вон Липвиг. Меня Особенно Впечатлило, Когда Ты Отметил, Что Слово «Ангел» Означает «Посланник». Мало Кто Об Этом Знает.

Лежа на матрасе, Мокриц медленно пытался засунуть кулак себе в рот.

– А Еще Ты Пообещал Вернуть На Место Большие Люстры И Полированные Прилавки. Все Были В Восторге. Никто Не Знает, Куда Они Делись.

О боги, подумал Мокриц.

– И Статую Бога. Насколько Я Могу Судить, Это Потрясло Их Еще Больше, Ибо Статую Переплавили Много Лет Тому Назад.

– Сделал ли я вчера что-нибудь, хоть отдаленно намекавшее, что я был в своем уме?

– Прошу Прощения, Господин Вон Липвиг?

Но Мокриц начал припоминать и свечение, и шепот писем. Они наполнили его разум... не то знаниями, не то воспоминаниями, которые он не помнил, как приобрел.

– Незаконченные истории, – проговорил он.

– Да, Господин Вон Липвиг, – спокойно согласился голем. – Ты Много О Них Говорил.

– Правда?

– Да, Господин. Ты Сказал...

...что каждое недоставленное послание – это пространственно-временной фрагмент, которому не за что зацепиться, сгусток намерения и чувства в свободном парении. Собери их вместе несколько миллионов – и они станут делать то, что и положено письмам. Они будут общаться и менять природу вещей. Если их достаточно много, они искажают пространство вокруг себя.

Мокриц видел в этом смысл. По крайней мере, не меньше, чем во всем остальном.

– И... я действительно воспарил над землей, сияя золотом? – поинтересовался Мокриц.

– Видимо, Этот Момент Я Упустил, Господин Вон Липвиг, – ответил Помпа.

– То есть не воспарил, ты имеешь в виду.

– В Некотором Смысле Воспарил, Господин, – сказал голем.

– Но в нормальном общедоступном смысле – нет?

– Ты Горел, Что Называется, Внутренним Огнем. Почтальоны Были Крайне Впечатлены.

Мокриц бросил взгляд на крылатую фуражку, беспечно брошенную на стол.

– Мне никогда не оправдать их ожиданий, господин Помпа, – сказал он. – Им нужен святой, а не тип вроде меня.

– Возможно, Как Раз Святой Им И Нужен, – заметил голем.

Мокриц сел, уронив одеяло.

– Что стало с моей одеждой? – спросил он. – Я абсолютно уверен, что аккуратно развесил все по полу.

– Я Хотел Отчистить Твой Костюм Пятновыводителем, – сказал

Помпа. – Но Поскольку Весь Костюм Был Одним Сплошным Пятном, Пятновыводитель Вывел Костюм Целиком.

– Это был мой любимый костюм! Пустил бы его на тряпки хотя бы.

– Виноват, Господин Вон Липвиг, Я Полагал, ЧТО Это Тряпки Пустили На Твой Костюм. Но Я Выполнил Приказ.

Мокриц замер.

– Какой еще приказ? – спросил он недоверчиво.

– Вчера Ты Распорядился Достать Костюм Почтмейстера, Господин Вон Липвиг. Ты Дал Мне Самые Четкие Указания, – ответил голем. – К Счастью, Мой Коллега Оверлок 22 Служит В Театральной Костюмерной. Костюм Висит На Двери.

Голем даже раздобыл где-то зеркало. Не очень большое, но Мокрицу хватило, чтобы увидеть, что одет он до того с иголки, того и гляди уколется.

– Ого, – протянул он. – Ну прямо золотая рыбка.

Костюм был из золотой ткани – или того, что носят вместо нее артисты. Мокриц хотел было отказаться, но вовремя задумался.

Хороший костюм помогает делу. Как бы хорошо ни был подвешен язык, от этого мало толку, если брюки плохо сидят. Люди будут обращать внимание на костюм, а не на Мокрица. А на этот костюм они точно обратят внимание – он будет озарять улицу, и людям придется щуриться, чтобы посмотреть на него. И, оказывается, он сам так распорядился.

– Он очень... – Мокриц задумался. Единственное слово, которое пришло на ум, было: – ... стремительный. У меня такое ощущение, что я вот-вот пуцусь бегом!

– Оверлок 22 Мастер Своего Дела, Господин Вон Липвиг. Обрати Внимание На Золотую Рубашку И Галстук. Все В Тон Фуражке.

– А ты не мог попросить у него что-нибудь менее яркое? – спросил Мокриц и прикрыл глаза ладонью, чтобы не ослепнуть от вида собственных лацканов. – Что-нибудь такое, что можно будет надеть и не осветить ненароком весь город?

– Будет Исполнено, Господин Вон Липвиг.

– Хорошо, – сказал Мокриц, моргая от блеска своих рукавов. – Приступим к почте, в таком случае.

Почтальоны до тех пор пребывавшие в отставке собрались в холле на пяточке, расчищенном от вчерашнего письмапада. Они были одеты в почтальонскую форму, но поскольку все формы хоть чем-то да отличались друг от друга, они, технически, не были одеты *по форме*. На всех были фуражки с козырьками, только у одних днища стояли торчком, а у других

лежали плашмя, да и сами старики давно усохли для своей прежней одежды, так что сюртуки свисали с них как драповые пальто, а брюки походили на мехи от аккордеона. И, по стариковскому обыкновению, почтальоны нацепили на себя все свои медали и стояли с таким решительным видом, будто собирались в последний бой.

– Смена к инспекции готова, вашеблагородь! – сообщил почтовый инспектор Грош, так старательно вытянувшийся по струнке, что от гордости его ноги на целый дюйм отрывались от земли.

– Спасибо. Кхм... хорошо.

Мокриц сам не знал, что именно он инспектировал, но он старался как мог. Ряд морщинистых лиц смотрел на него во все глаза.

Мокриц заметил, что не все их медали были за военные заслуги. У Почтамта были и свои собственные награды. Одна такая медаль, с золотой собачьей головой, красовалась на груди низкорослого человечка с физиономией как у представителя семейства хорьковых.

– Что это за... э... – начал он.

– Старший почтальон Джордж Агги, сэр! За что медаль? Пятнадцать укусов, и все еще в строю, сэр! – гордо объявил он.

– Что ж, это... это... много укусов, что и говорить...

– Но после девятого раза я всех их обдурил, сэр, и сделал себе жестяную ногу!

– Ты потерял ногу? – в ужасе спросил Мокриц.

– Нет, сэр. Просто прикупил себе старых доспехов, – объяснил сморщенный старичок и хитро улыбнулся. – Бальзам на душу, сэр, когда слышу, как скрипят их зубы о железо.

– Агги, Агги... – проговорил Мокриц, и тут до него дошло. – Это же ты...

– Достопочтенный Мастер, сэр, я и есть, – ответил Агги. – Надеюсь, вы не держите зла за вчерашнее, сэр. Все мы когда-то были полны надежд, как юный Толливер, но давно отчаялись. Не обижайтесь.

– Не буду, – пообещал Мокриц, потирая затылок.

– Я бы хотел поздравить вас еще раз от своего имени, как председатель анк-морпоркского Ордена Добровольного Общества Работников Почтовой Службы, – продолжал Агги.

– Большое спасибо, – ответил Мокриц. – А что это за общество?

– Это были мы вчера, сэр, – объяснил Агги и просиял.

– Но вы же тайное общество!

– Не столько *тайное*, сэр, сколько... незаметное, скажем так. В наши дни всех больше интересуется размер пенсии, по правде сказать, да

порядочные похороны организовать старым товарищам, когда настанет их час вернуться отправителю.

– Молодцы, – ответил Мокриц расплывчато, отвечая одним словом сразу на все. Он отошел назад и откашлялся. – Господа, пора браться за дело. Если мы хотим, чтобы Почтамт снова заработал, нужно начать с доставки старой почты. Это священный долг. Почта должна найти своего адресата. Пусть это займет полсотни лет, но это должно быть сделано. Вам знакома эта тропа. Не сворачивайте с нее. Помните: если вы не сможете доставить письмо, если такого адреса больше не существует... возвращайтесь, и мы положим письмо в отдел мертвых писем, и будем считать, что мы хотя бы попытались. Мы просто хотим, чтоб люди знали, что почта снова работает. Ясно?

Один почтальон поднял руку.

– Да? – память на имена у Мокрица была намного лучше памяти на все произошедшее накануне. – Старший почтальон Томпсон, не так ли?

– Так точно, сэр! А что нам делать, если люди *дадут* нам письма?

Мокриц нахмурился.

– В каком смысле? Мне казалось, идея в том, чтобы *доставлять* почту по адресу.

– Вообще-то Билл прав, сэр, – встрял Грош. – Что нам делать, если станут приносить новую почту?

– Ну, а что вы раньше делали? – спросил Мокриц.

Почтальоны переглянулись.

– Брали с них один пенни за штемпель, приносили письмо сюда, штамповали печатью Почтамта, – отрапортовал Грош, – потом в сортировочную и на доставку.

– То есть... людям приходилось ждать встречи лично с почтальоном? Как-то не очень...

– О, в прежние времена у нас были десятки отделений, вот в чем дело, – сказал Грош. – Но как только дела наши ухудшились, они все закрылись.

– Тогда начнем с доставки, а остальное сообразим по ходу дела, – сказал Мокриц. – Уверен, мы что-нибудь придумаем. А тебе, господин Грош, придется раскрыть мне один секрет...

Гремя связкой ключей, Грош вел Мокрица подвалами Почтамта, пока наконец они не вышли к железной двери. Мокриц заметил моток полосатой черно-желтой полосатой веревки на полу – стало быть, Стража и тут побывала.

Дверь с щелчком отворилась. Изнутри шло голубоватое свечение, приглушенное, но ровно настолько, чтобы действовать на нервы, вызывать фиолетовые круги в боковом зрении и заставлять глаза слезиться.

– Ву-оп-ля, – объявил Грош.

– Это что... какой-то театральный оргán? – спросил Мокриц. Очертания аппарата, который громоздился посреди комнаты с элегантностью дыбы, было сложно разглядеть. Свечение шло откуда-то из его недр. Слезы уже всюду текли по лицу Мокрица.

– Интересная версия, сэр! Но нет, это наш Сортировочный Агрегат, – сказал Грош. – Проклятие всего Почтамта, сэр. Раньше там сидели бесенята, чтобы, собственно, читать адреса, но они давным-давно все поразбежались. И то хорошо.

Мокриц прошел взглядом по проволочным лоткам, которые занимали целую стену огромного помещения. Взгляд остановился на меловых контурах на полу. Мел сиял странным светом. Контуров были совсем небольшими. У одного было пять пальцев.

– Производственная травма, – пробормотал Мокриц. – Ладно, господин Грош, рассказывай.

– Не подходите близко к свету, сэр, – сказал Грош. – То же самое я и господину Хубльбери сказал. Но он взял и все равно сюда потом пробрался. Ох, и надо же было, чтоб именно юный Стэнли его обнаружил, когда увидел, как бедняжка Пис-Пис волочит что-то по коридору. Настоящая мясохрупка предстала его глазам. Вы и представить себе не можете, что тут творилось, сэр.

– Могу себе представить, – сказал Мокриц.

– Ох, вряд ли что можете, сэр.

– Правда, могу.

– Уверен, что нет, сэр.

– Говорю тебе, могу! – прикрикнул Мокриц. – Ты думаешь, я не вижу всех этих меловых рисунков вокруг? Может, продолжим, пока меня не стошнило?

– О... разумеется, сэр, – согласился Грош. – Вам знакомо имя Чертов Тупица Джонсон? Он очень популярен в наших краях.

– Он вроде инженер? И с его постройками всегда что-то не так? Кажется, я читал о нем...

– Он самый, сэр. Может соорудить все, что угодно, но, к сожалению, всегда с каким-нибудь серьезным изъяном.

В голове Мокрица память пнула нужный нейрон.

– Не он ли однажды распорядился использовать самоцветы в качестве

отделочного материала, чтобы сэкономить на малярах?

– Точно так, сэр. Чаще всего серьезный изъян заключается в том, что за работу берется Чертов Тупица Джонсон. Можно сказать, изъян – часть самого процесса. Хотя, по правде говоря, многие его штуковины работают исправно, хотя делают совсем не то, что было задумано. Эта машина, сэр, в самом деле начинала свою жизнь органом, но оказалась сортировочным аппаратом. Задумка была в том, что почту из мешка высыпали вот в эту вагонетку, после чего конверты быстро распределялись по лоткам. Почтмейстер Дрыгун, говорят, хотел как лучше. Всеми силами старался поднять производительность труда. Дед мне рассказывал, что Почтамт целое состояние спустил, чтобы привести аппарат в движение.

– Еще и впусую небось, – сказал Мокриц.

– О нет, сэр, все работало. Все замечательно работало. Настолько хорошо, что народ в конце концов начал с ума сходить.

– Дай угадаю, – сказал Мокриц. – Почтальонам пришлось трудиться в поте лица?

– Почтальоны всегда трудятся в поте лица, сэр, – не моргнув глазом ответил Грош. – Нет, народ задергался, когда в сортировочной корзине стали появляться письма, которые будут написаны только через год.

Повисла тишина, и в этой тишине Мокриц мысленно прокрутил всевозможные варианты ответа, от «Отличная шутка, тебе бы со своей программой выступать» до «Да брось заливать», и пришел к выводу, что все они прозвучат глупо. А Грош выглядел предельно серьезно. Так что Мокриц спросил просто:

– Как?

Престарелый почтальон указал пальцем на синее свечение.

– Загляните вовнутрь, сэр. Сами увидите. Только ни за что не подставляйтесь прямо на свет.

Мокриц подвинулся чуть ближе к агрегату и осторожно заглянул внутрь механизма. В самой сердцевине свечения еле-еле ему удалось разглядеть маленькое колесико. Оно медленно вращалось.

– Я вырос на Почтамте, – говорил сзади Грош. – Родился в сортировочной, был взвешен на почтовых весах. Учился чтению по конвертам, счету по гроссбухам, учился гияграфии по картам города, а истории по рассказам стариков. Лучше любой школы. Лучше любой, говорю, школы. Но никогда не обучался гияметрии, сэр. Такой вот пробел в моей голове, все эти углы и прочее. Но тут, сэр, тут у нас полный пи.

– Все так плохо? – спросил Мокриц, отрываясь от зловещего мерцания.

– Нет, нет, сэр, пи как в геометрии.

– А, пи, ты имеешь в виду число, которое получается, когда... – Мокриц умолк. В математике он был хорош выборочно – то есть ему не было равных, если требовалось очень быстро вычислить проценты или курсы валют. В его школьном учебнике был параграф о геометрии, но Мокриц никогда не понимал, где ему это может пригодиться.

Но он все-таки попытался.

– Все дело в... это число, которое получается, если радиус круга... нет, длину обода на три раза с хвостиком... э...

– Что-то в этом роде, сэр, вполне возможно, что-то в этом роде, – сказал Грош. – Три с хвостиком, вот в чем загвоздка. Да вот Чертов Тупица Джонсон заявил, что хвостики – это некрасиво, так что он изобрел колесо, где пи было равно трем. Вот оно, там, внутри.

– Но это же невозможно! – воскликнул Мокриц. – Так нельзя! Пи – оно как бы... врожденное! Нельзя его взять и изменить. Для этого нужно изменить вселенную!

– Да, сэр. Говорят, именно так и вышло, – согласился Грош. – А сейчас я покажу вам фокус. Отойдите назад, сэр.

Грош прошелся по соседним комнатам и вернулся с деревянной палкой.

– Еще дальше, – посоветовал он и бросил деревяшку на верхушку аппарата.

Звук не был громким – такое тихое «хлоп». Мокрицу показалось, что с палкой что-то произошло, когда свет упал прямо на нее. Какой-то намек на кривизну...

Несколько деревяшек упали на пол, и вокруг разлетелись щепки.

– Приходил волшебник осмотреть аппарат, – сказал Грош. – Сказал, что механизм скручивает самую капельку вселенной, чтобы пи таки могло быть равно трем, и искажает все, что к нему приближается. Кусочки, которые пропадают, так и теряются в пространственно-временном континууме, сэр. А с письмами этого, видите ли, не происходит, из-за того что они попадают внутрь аппарата. Вот такие дела, сэр. Иные письма выпрыгивали из аппарата за пятьдесят лет до того, как их отправили!

– Почему вы его не отключили?

– Никак нельзя, сэр. Он работает сам по себе, как насос. И волшебник сказал, что, если мы его остановим, жуткие вещи могут случиться! Из-за этих, как их, квантов, что ли.

– Но вы же могли просто перестать совать в него почту?

– То-то и оно, сэр, то-то и оно, – сказал Грош, почесывая бороду. –

Здесь вы попали в самый, так сказать, центр сути. Так и нужно было сделать, сэр, так и нужно, но мы решили использовать его себе на пользу. Ох и планы строила наша дирекция, сэр. Доставить письмо в Сестрички Долли через полминуты после того, как его принесли на почту в центре города, – каково, а? Конечно, доставлять почту до того, как мы ее получили, было бы просто невежливо, но сразу после-то, а? Мы работали хорошо, а потому хотели стать еще лучше...

И все это звучало очень знакомо...

Мокриц невесело слушал. Путешествия во времени, в конечном итоге, всего лишь разновидность магии. Неудивительно, что что-то вечно идет не так.

Потому и существуют настоящие почтальоны, на двух ногах. Потому и строят дорогушние клик-башни. В конце концов, потому хлебопашцы и вспахивают землю, потому рыбаки и забрасывают сети. О да, все то же самое можно сделать и по волшебству, *конечно*. Можно взмахнуть палочкой и получить яркие звездочки и свежий ломоть хлеба. Можно сделать так, чтобы рыба выпрыгнула из моря уже поджаренной. Но как-нибудь и где-нибудь потом волшебство выставит счет, который обязательно окажется тебе не по карману.

Вот почему волшебство поручили волшебникам, которые умели с ним обращаться. Основной их задачей было вовсе не прибегать к помощи волшебства. Не в том смысле, что они не умели творить волшебство, а в том что они *могли* к нему прибегнуть, но *не делали* этого. Любой дурак может опростоволоситься, пытаясь превратить человека в жабу. Требовался ум, чтобы *воздержаться* от этого, когда понимаешь, как это легко. В мире есть места, которые служат напоминанием о временах, когда волшебникам не хватало на такие вещи ума, и в этих местах никогда уже не прорастет трава.

В общем, вокруг всей этой истории витало чувство некой предопределенности. Люди только и ждут, чтобы их обвели вокруг пальца. Они всерьез верят, что под ногами валяются золотые самородки, что на этот раз они угадают правильный наперсток, а стекляшка в кольце в кои-то веки окажется бриллиантом.

Слова сыпались из Гроша, как скопившиеся письма из трещины в стене. Иногда аппарат выдавал тысячу копий одного и того же письма, а иногда переполнял сортировочную письмами следующего вторника, месяца, года. Иногда это оказывались письма, которые так и не были написаны, или только могли быть написаны, или собирались быть написаны, и даже письма, которые на самом деле не были написаны, хотя

люди уверяли, что точно-точно их написали, чем они и заслужили себе сумрачное существование в каком-то странном, незримом мире писем и обрели жизнь благодаря этому механизму.

Если где-то существует каждый из возможных миров, значит, где-то существует и каждое из возможных писем. Где-то были предъявлены все эти квитанции на оплату.

Они шли потоком, письма из настоящего времени, которые на поверку оказывались письмами *не из этого* настоящего времени, а из того, которое могло бы иметь место, случись какая-нибудь мелочь в прошлом по-другому. Волшебники сказали, что, если отключить агрегат, ничего не изменится. Он существовал во множестве других настоящих времен, поэтому работал и тут, вследствие... длинного предложения, которого почтальоны не поняли, но там были слова «портал», «множественные измерения» и «кванты» (дважды). Они ничего не понимали, но нужно же было что-то *делать*. Доставить всю эту почту было просто невозможно. И так помещения начали заполняться...

Волшебники из Незримого Университета подошли к вопросу с энтузиазмом докторов, замороженных новой жуткой болезнью: пациент благодарен за интерес к теме, но предпочел бы, чтобы они или придумали лекарство, или перестали тыкать пальцами.

Агрегат невозможно было остановить и ни в коем случае нельзя было разрушать, заявили волшебники. Уничтожение машины вполне могло привести к тому, что вселенная в тот же миг прекратит свое существование.

Тем временем Почтамт продолжал переполняться, так что однажды старший почтовый инспектор Ропотам отправился в сортировочную, прихватив с собой лом, прогнал всех волшебников и отдубасил агрегат, пока шестеренки не перестали вращаться.

Письма прекратились. Хоть какое-то облегчение. Но, как ни крути, у Почтамта был свой Устав, так что старшего почтового инспектора вызвали на ковер к почтмейстеру Дрыгуну и поинтересовались, с чего это он удумал ставить под угрозу целую вселенную.

Как гласит легенда Почтамта, господин Ропотам ответил: «Во-первых, сэр, я решил, что если вдруг вселенная уничтожится в тот же миг, то никто ничего и не заметит. Во-вторых, когда я звезданул по этой дуре в первый раз, волшебники разбежались, так что я подумал: или у них есть запасная вселенная, или они не так уж и уверены в том, что сказали. И наконец, сэр, оно у меня уже в печенках сидело. Всегда терпеть не мог технику, сэр».

– Такая вот история, сэр, – закончил Грош, когда они вышли в коридор. – Но вообще-то я слышал, будто волшебники заявили, что

вселенная все же *была* уничтожена в тот же миг, просто она сразу вернулась обратно. Дескать, это им видно невооруженным глазом. Так что все обошлось, а Ропотаму ничего не было, хотя бы потому, что, основываясь на Уставе Почтамта, сложно наложить на человека взыскание за то, что он чуть не уничтожил вселенную. Хотя, хе-хе, иные почтмейстеры были бы не прочь попробовать. Но тогда, сэр, нас здорово подкосило. С той поры все пошло под откос. Персонал упал духом. Это нас надломило, сказать по правде.

– Стоп, – сказал Мокриц. – А письма, которые мы только что раздали ребятам, они не из какого-нибудь другого измерения?

– Будьте спокойны, я вчера все проверил, – сказал Грош. – Они просто старые. Это всегда видно по штемпелю. Я очень хорошо разбираюсь в том, где наши письма, а где не очень, сэр. Годы практики. Сноровка, сэр.

– Остальных научить сможешь?

– Рискну предположить, да, – ответил Грош.

– Господин Грош, письма разговаривали со мной, – выпалил Мокриц. К его изумлению, старик схватил его за руку и крепко пожал.

– Поздравляю, сэр, – сказал он, и слезы выступили у него на глазах. – Я же говорю, сэр: сноровка! Нужно слушать шепот, вот в чем секрет. Живые они, *живые*, говорю! Не как люди, а... вот как корабли. Все эти письма, они здесь так близко друг к другу, столько... *чувства* в них, сэр, я даже думаю, у этого места есть душа, сэр, вот что...

Слезы текли по щекам Гроша. *Это безумие, никаких сомнений*, подумал Мокриц. *Но как же оно заразительно.*

– Ага! Вижу, по глазам вижу, сэр, – воскликнул Грош, улыбаясь сквозь слезы. – Почтамт нашел тебя! Он объял тебя, сэр, точно говорю. И никогда его уже не покинешь, сэр. Есть семьи, которые работали тут не одну сотню лет, сэр. Стоит Почтамту поставить на тебе свой штемпель – и все, сэр, все, назад дороги нет...

Мокриц как можно вежливей высвободил свою руку.

– Кстати, – сказал он, – расскажи мне о штемпелях.

Шлеп.

Мокриц взглянул на лист бумаги. Смазанная красная надпись, отпечатанная щербатыми стертými буквами, гласила: «ПОЧТАМТ ГОРОДА АНК-МОРПОРК».

– Вот так, сэр, – сказал Грош, размахивая увесистым штемпелем из дерева и металла. – Сначала шлепаем штемпель на чернильную подушечку, а потом шлепаем – *шлеп* – на письмо. Готово, сэр! Видите? Еще один.

Каждый раз одно и то же. Проштемпелевано.

– И это стоит пенни? – сказал Мокриц. – Какой кошмар, для подделки тут хватит одной сырой картофелины – даже ребенок справится!

– Да, сэр, такая проблема всегда имела место, – согласился Грош.

– И вообще, почему почтальон должен маркировать письма? – спросил Мокриц. – Почему бы просто не продавать штемпели?

– Тогда они заплатят один пенни, а пользоваться будут хоть всю жизнь, – справедливо заметил Грош.

В механизмах вселенной шестеренки предопределенности встали на свои места...

– Тогда... – Мокриц задумчиво уставился на бумагу, – тогда... почему бы не продать им штемпель, который можно использовать... лишь единожды?

– В смысле, чернил зажать? – Грош нахмурился, и его парик соскользнул набок.

– В смысле... маркировать бумагу много-много раз, а потом нарезать ее на получившиеся... марки... – Мокриц сосредоточился на своей идее, пусть даже для того только, чтобы не обращать внимания на парик, тихонько ползущий на место. – Доставка по городу стоит один пенни, да?

– Кроме Теней, сэр, туда – пять пенсов из-за вооруженного стражника, – сказал Грош.

– Ага. Ясно. Кажется, я кое-что придумал... – Мокриц посмотрел на господина Помпу, который тихонько тлел в углу кабинета. – Господин Помпа, будь другом, сходи к Наседке-с-Цыплятами, найди там «Козла и Ватерпас» и спроси у трактирщика «ящик господина Робинсона». Трактирщик может потребовать доллар. И раз уж будешь там поблизости, зайди заодно в печатню Цимера и Шпулькса. Дай им знать, что главный почтмейстер города хочет обсудить с ними очень крупный заказ.

– Цимер и Шпулькс? У них очень дорого, сэр, – сказал Грош. – Они делают все важные заказы для банков.

– Зато их чудовищно сложно подделать, мне ли не знать... мне рассказывали, – поправился он тут же. – Водяные знаки, бумага с уникальным узором, куча разных хитростей. Кхм... короче... марка за пенни и марка за пять пенни... как насчет междугородних пересылок?

– Пять пенсов до Сто Лата, – сообщил Грош. – От десяти до пятнадцати в другие места. Кхех, три доллара, если до самой Орлеи. Тогда мы делали отдельные выписки.

– Значит, нам понадобится марка за доллар, – Мокриц принялся царапать что-то на бумаге.

– На доллар! И кому же такое нужно? – сказал Грош.

– Тому, кто захочет отправить письмо в Орлею, – ответил Мокриц. – Впоследствии для этого нужно будет три марки, но потом, а пока я снижаю цену до одного доллара.

– Один доллар! Это же тысячи миль, сэр! – запричитал Грош.

– Ну да. Вроде все по-честному.

Судя по лицу, Грош разрывался между восторгом и отчаянием.

– Но у нас в распоряжении только несколько пенсионеров, сэр! Они шустрые, конечно, но... как говорится, сначала научись ходить, а потом уже бегать!

– Нет! – Мокриц стукнул кулаком по столу. – Никогда так не говори, Толливер! Никогда! Не иди – а беги! Не ползи – а лети! Двигайся вперед во что бы то ни стало! Ты говоришь: наладим почтовую службу в городе. Я говорю: попробуем наладить ее во всем мире! Потому что если мы потерпим неудачу, я бы предпочел проигрывать по-крупному. Все или ничего, господин Грош!

– Ого, сэр! – ответил Грош.

Мокриц сверкнул лучезарной улыбкой, почти не уступавшей его костюму.

– Не будем сидеть сложа руки. Нам понадобится больше персонала, почтовый инспектор Грош. Намного больше. Веселей, приятель. Почтампт снова в деле!

– Так точно, вашеблагородь! – воскликнул Грош, опьяненный энтузиазмом. – Мы... мы будем делать то, чего раньше не делали, и как-то по-новому!

– Схватываешь на лету, – сказал Мокриц, закатив глаза.

Десять минут спустя Почтампт получил свою первую доставку.

Ею оказался старший почтальон Бейтс. Его, с перепачканным кровью лицом, втащили в здание на самодельных носилках два офицера Стражи.

– Подобрали на улице, – объяснил один из них. – Сержант Колон, господин, к твоим услугам.

– Что с ним стряслось? – в ужасе спросил Мокриц.

Бейтс разлепил глаза.

– Прошу прощения, сэр, – пробормотал он. – Я держался изо всех сил, но они тюкнули мне по темечку здоровенной такой штукой!

– На него напали двое громил, – пояснил сержант Колон. – А сумку выбросили в реку.

– И часто такое случается с почтальонами? – спросил Мокриц. – Я

думал... о, нет...

Это вернулся старший почтальон Агги, душераздирающе медленно подволакивая одну ногу с прицепившимся к ней бульдогом.

– Извиняюсь, сэр, – сказал он и, хромая, подошел ближе. – Кажется, мои форменные штаны порвались. Я стукнул поганца сумкой по голове, но от него так просто не отцепишься.

У бульдога были закрыты глаза. Он, похоже, думал о чем-то своем.

– Повезло, что на тебе броня, – сказал Мокриц.

– На другой ноге, сэр. Но ничего страшного. У меня от природы голяшки нечувствительные к боли. Сплошные шрамы, сэр, хоть спичку чиркай. А вот у Джимми Тропса неприятности. Он сидит на дереве в Гад-парке.

Мокриц фон Липвиг шагал по Рыночной улице с гримасой мрачной сосредоточенности на лице. «Трест Големов» был по-прежнему заколочен досками, которые, впрочем, успели покрыться новым слоем граффити. Краска на двери была обожжена и вспузырилась.

Он открыл дверь и, повинувшись инстинкту самосохранения, пригнулся. Стрела просвистела прямо между крыльев фуражки.

Госпожа Ласка опустила арбалет.

– Это что, ты? А то мне на секунду показалось, что солнце вышло из-за туч!

Мокриц осторожно выпрямился, и она отложила арбалет в сторону.

– Вчера нас угостили зажигательной смесью, – сообщила она вместо объяснений, почему чуть не прострелила ему голову.

– Сколько големов в данный момент доступны для найма, госпожа Ласка? – спросил Мокриц.

– Хм? Ах... примерно дюжина...

– Превосходно. Беру. Можно не заворачивать. Буду ждать их у Почтамта как можно скорее.

– Что? – к госпоже Ласке вернулось привычное раздраженное выражение лица. – Знаешь что, нельзя просто войти, махнуть рукой и заказать таким манером дюжину человек...

– Они считают себя собственностью! – вставил Мокриц. – Ты сама мне так сказала.

Они посверлили друг друга взглядом. Потом госпожа Ласка рассеянно порылась в бумагах.

– В данный момент я могу про... *предложить услуги* четырех големов, – сказала она. – Это Дверь 1, Пила 20, Звонница 2 и...

Ангхаммарад. Говорить сейчас может только Ангхаммарад, вольные еще не успели научить остальных...

– Научить?

Госпожа Ласска пожала плечами.

– Во многих культурах при создании големов считалось, что орудия не должны разговаривать. У них нет языков.

– А траст, значит, добавляет им немножко глины? – пошутил Мокриц.

Она многозначительно смерила его взглядом.

– Все немного более сакрально, – мрачно ответила она.

– Ничего, сойдут и неразговорчивые, лишь бы не глупые, – сказал Мокриц, стараясь сохранить серьезный вид. – А у Ангхаммарада имя вместо описания?

– У многих совсем древних големов есть имена. Скажи мне, зачем они тебе? – спросила девушка.

– Разносить почту, – ответил Мокриц.

– Работа на людях?

– Вряд ли почтальоны могут работать тайком, – ответил Мокриц, мельком представив темные фигуры, крадущиеся от двери к двери. – А что, какие-то проблемы?

– Нет, вовсе даже нет! Просто люди нервничают и поджигают мою лавку. Я приведу големов как только смогу.

Она помолчала.

– Ты в курсе, что несвободным големам положен выходной раз в неделю? Или ты не читал буклет?

– Э... выходной? – переспросил Мокриц. – Зачем им выходной? У молотков не бывает выходных, например.

– Затем, чтобы побыть големами. Не знаю я, чем они занимаются, может, сидят где-нибудь в подвале. Это... это чтобы было ясно, что они *не молотки*, господин фон Липвиг. Многие это забывают. Свободные големы учат их. Зато все остальное время им не нужен даже сон.

– Получается... у господина Помпы скоро выходной? – спросил Мокриц.

– Разумеется, – ответила госпожа Ласска, и Мокриц отложил это в папочку «полезно знать».

– Превосходно. Большое спасибо, – сказал он. *Может, поужинаем сегодня?*

Обычно у Мокрица не возникало проблем со словами, но эти отчего-то застряли в горле. Было что-то в госпоже Ласске... колючее, как ананас. Что-то в ее глазах как бы говорило: *Тебе меня ничем не удивить – я вижу тебя*

насквозь.

– Что-нибудь еще? – спросила она. – А то ты просто стоишь с открытым ртом.

– Кхм, нет... больше ничего. Спасибо, – пробормотал Мокриц.

Она улыбнулась ему, и у Мокрица защеколало в отдельных местах.

– Иди уже, господин фон Липвиг, – сказала она. – Озари этот мир своими лучиками.

Четверо из пяти почтальонов, как выразился Грош, *сошли до станции* и теперь чаевничали в заваленной почтой каморке, которую в шутку называли комнатой отдыха. Агги отправили домой после того, как бульдога отодрали от его ноги. Мокриц решил угостить почтальово корзиной фруктов. Корзина фруктов всегда кстати.

По меньшей мере, она произвела впечатление. Как и бульдог. Но часть писем удалось доставить, приходилось это признать. Приходилось также признать, что с многолетним опозданием, но все же почта пришла в движение. Оживление буквально витало в воздухе. И Почтамт больше не казался склепом. Сейчас Мокриц удалился в свой кабинет и занялся творчеством.

– Чайку, господин фон Липвиг?

Он оторвался от работы и увидел перед собой Стэнли со странным выражением на лице.

– Спасибо, Стэнли, – он отложил перо. – Я вижу, на этот раз почти все осталось в чашке! Отличная работа!

– А что это вы рисуете, господин фон Липвиг? – спросил юноша, вытягивая шею. – Похоже на Почтамт!

– Верно подмечено, Стэнли. Это будет изображено на марке. Ну-ка, взгляни на остальные, что скажешь? – он протянул ему несколько рисунков.

– Ого, да вы хороший рисователь, господин фон Липвиг. Так похоже на лорда Витинари!

– Это однопенсовая марка, – объяснил Мокриц. – Я перерисовал рисунок с пенни. Городской герб на двухпенсовой, Морпоркия с вилоккой на пятипенсовой, Башня Искусств на большой долларовой марке. Я еще подумываю насчет десятипенсовой.

– Очень красиво, господин фон Липвиг, – сказал Стэнли. – Все в подробностях. Как маленькие картины. Как называются эти мелкие полосочки?

– Штриховка. Чтобы сложнее было подделать. А когда письмо с маркой попадет к нам на Почтамт, мы возьмем наш старый штемпель и

поставим печать на новых марках, чтобы нельзя было использовать их во второй раз, и...

– Точно, они ведь, получается, как деньги, – бодро подхватил Стэнли.

– Прощу прощения? – переспросил Мокриц и замер с чашкой на полпути ко рту.

– Как деньги. Такие марки будут как деньги. Потому что марка за пенни и *есть* пенни, если так посмотреть. Вы в порядке, господин фон Липвиг? Вы какой-то странный сделались. Господин фон Липвиг?

– Да... что? – спросил Мокриц, который уставился в стену с загадочной отрешенной улыбкой.

– Вы в порядке, сэр?

– Что говоришь? А, да, да, лучше не бывает. Хм... как думаешь, пригодятся ли нам марки подороже? За пять, скажем, долларов?

– Ха-ха, да за такие деньги можно отправить *очень* большое письмо до самого Четвертого континента! – рассмеялся Стэнли.

– Это стоит иметь в виду на будущее, – сказал Мокриц. – Раз уж мы тут рисуем марки и вообще...

Но Стэнли уже любовался «ящиком господина Робинсона». Он был верным товарищем Мокрицу. Мокриц использовал псевдоним «господин Робинсон» только тогда, когда сдавал ящик на хранение какому-нибудь относительно порядочному торговцу или трактирщику, чтобы с вещами ничего не случилось, даже если самому Мокрицу придется покинуть город досрочно. Для мошенника и фальсификатора содержимое этого ящика было что набор отмычек для вора – только Мокриц предпочитал проникать в чужие головы, а не в дома.

Ящик был настоящим произведением искусства: когда он открывался, его отделения выезжали наверх и раскладывались веером. Тут были перья и чернила, баночки с красками и тушью, морилками и растворами. А по дницу была бережно разложена бумага тридцати шести видов, включая и весьма редкие. А без хорошей бумаги никак нельзя. Другой вес, другая прозрачность – и все, никакое мастерство тебя не спасет. Даже неверный почерк не так страшен, как неверная бумага. Неидеальный почерк, кстати, зачастую срабатывает даже лучше, чем несколько бессонных ночей, проведенных в попытке отточить его до безупречности, потому что есть что-то у людей в голове, что заставляет их обращать внимание на мельчайшие детали, которые *чуть-чуть* не на своем месте, но в то же время само дорисовывает те подробности, которые лишь намечены парой удачных росчерков. Характер, надежда, подача – и дело в шляпе.

Это прямо как я, подумал он.

В дверь постучали и одновременно повернули ручку.

– Да? – бросил Мокриц, не поднимая глаз. – Я занят вообще-то, рисую день... марки!

– Там *женщина*, – выпалил Грош. – С ней *големы*!

– А, это госпожа Ласска, – сказал Мокриц и отложил перо.

– Так точно, вашеблагородь, и она говорит: «Передай Солнечному Зайчику, что я привела ему почтальонов»! Сэр, вы решили сделать *големов* почтальонами?

– Почему бы и нет? – Мокриц наградил Гроша строгим взглядом. – Ты ведь нашел общий язык с господином Помпой?

– Да, он ничего, сэр, – пробубнил Грош. – Порядок всегда наводит, уважительный – я говорю как есть... но людям не всегда по нраву *големы*, сэр, у них ведь глаза светятся, и вообще, а еще они никогда не *останавливаются*. Народ может их не принять – вот что я хочу сказать, сэр.

Мокриц уставился на него. *Големы* были исполнительными, надежными, ей-богу, они подчинялись приказам. *И, может, госпожа Ласска снова ему улыбнется... думай о големах! Големы, големы, големы!*

Он улыбнулся и ответил:

– А если я докажу всем, что они настоящие почтальоны?

Десять минут спустя первый из *големов*, тот, которого звали Ангхаммарад, превратил в щепки почтовый ящик и доску толщиной в несколько дюймов.

– Почта Доставлена, – сообщил он и застыл. Глаза потухли.

– Прошу обратить внимание на расплющенный роликовый конек, господа. И на горстку толченого стекла там, где была бутылка. И не могу не отметить, что господин Ангхаммарад проделал все это с мешком на голове.

– Да, но он прожег в нем дырки своими глазами, – заметил Грош.

– Никто не в силах изменить собственную природу, – поучительно заметила Дора Гая Ласска.

– Сознаюсь, у меня аж на душе потеплело, когда он расколошматил эту дверь, – сказал старший почтальон Бейтс. – Это бы отвредило народ делать такие низкие и такие острые щели.

– И с собаками, похоже, проблем не будет, – сказал Джимми Тропс. – Он-то уж точно не выпрыгнет из штанов, когда его покусает.

– Вы убедились, что голем подходит для должности почтальона? – спросил Мокриц.

В ту же минуту их лица скривились, и почтальоны заговорили нестройным хором:

- ...дело-то не в нас, вы поймите...
- ...люди могут не понять, э, почтальонов из глины...
- ...начнется, что мы отбираем рабочие места у настоящих людей...
- ...ничего против них не имею, но...

Все замолчали, потому что собрался что-то сказать Ангхаммарад. В отличие от господина Помпы, у него это получилось не сразу. И когда его голос наконец прозвучал, казалось, что он долетает из далеких времен и мест, как звук прибой в окаменелой раковине.

Он спросил:

– Что Такое Почтальон?

– Гонец, Ангхаммарад, – сказала госпожа Ласка. Мокриц отметил, что с големами она разговаривала иначе. В ее голосе слышалась неподдельная *теплота*.

– Господа, – обратился он к почтальонам, – понимаю, вам кажется...

– Я Был Гонцом, – пророкотал Ангхаммарад.

Его голос не походил на голос Помпы, равно как и его глина. Он весь был как грубая мозаика из разных глин, от почти черной до красной и светло-серой. Глаза Ангхаммарада горели ярким рубиновым светом, а не тлели как угольки у других големов. Он казался старым. Он *чувствовался* старым. Словно возраст его был осязаем.

На одной руке, прямо над локтем, у него крепился металлический ящичек на проржавленном обруче, врезавшемся в глину.

– Был послынным? – беспокойно поинтересовался Грош.

– Моим Последним Исполненным Заданием Было Доставить Декреты Короля Хета Из Тата, – сказал Ангхаммарад.

– Никогда не слышал о таком, – сказал Джимми Тропс.

– Полагаю, Это Оттого, Что Страна Тат Ушла Под Воду Девять Тысяч Лет Назад, – мрачно пояснил голем. – Такова История.

– Батюшки! Тебе девять тысяч лет? – воскликнул Грош.

– Нет. Мне Без Малого Девятнадцать Тысяч Лет. Я Родился В Пламени От Рук Жрецов Упсы Третьего Ниня Козлиной Стрижки. Мне Был Дан Голос, Дабы Я Мог Доносить Послания. Так Сотворен Этот Мир.

– Об этом тоже впервые слышу, – сказал Тропс.

– Упса Была Уничтожена извержением Горы Шипуту. Два Столетия Я Провел Под Горой Пемзы, Пока Ее Не Размыло, И С Коих Пор Я Стал Гонцом Королей-Рыбаков Святого Ульта. Могло Быть И Хуже.

– Ты, верно, многое повидал на своем веку! – сказал Стэнли.

Горящие глаза повернулись в сторону юноши, освещая его лицо.

– Морские Ежи. Я Повидал Много Морских Ежей. И Морских

Огурцов. И Мертвых Кораблей, Которые Продолжали Плыть. И Один Якорь. Все Проходит.

– Как долго ты провел на дне моря? – спросил Мокриц.

– Без Малого Девять Тысяч Лет.

– Хочешь сказать... ты просидел там столько времени и ничего не делал? – спросил Агги.

– Мне Не Было Велено Поступать Иначе. Я Слышал Песнь Китов Над Моей Головой. Было Темно. Потом Были Сеть, Движение И Свет. Всякое Случается.

– И тебе не было... скучно? – поинтересовался Грош. Почтальоны смотрели на голема во все глаза.

– Скучно, – повторил Ангхаммарад бесцветным голосом и повернулся к госпоже Ласске.

– Он понятия не имеет, о чем вы, – сказала она. – Они этого не понимают. Даже те, кто помоложе.

– Тогда, думаю, ты будешь рад снова доставлять послания! – сказал Мокриц неестественно бодро. Голем снова повернулся к госпоже Ласске.

– Рад? – переспросил Ангхаммарад.

Она вздохнула.

– И снова трудное слово, господин Мокриц. То же самое, что и «скучно». Ближе всего будет вот что: «Ты удовлетворишь потребность исполнять полученные приказы».

– Да, – сказал голем. – Послания Должны Быть Доставлены. Так Написано У Меня На Плате.

– Это свиток в голове голема, на котором записаны его команды, – объяснила госпожа Ласска. – Конкретно у Ангхаммарада это глиняная табличка. Тогда еще не было бумаги.

– Ты и правда доставлял послания королям? – спросил Грош.

– Многим Королям, – ответил Ангхаммарад. – Многих Империй. Многих Богов. Все Прошло. Все Проходит, – голем заговорил глухо, как будто зачитывал по памяти. – Ни Потоп, Ни Лед С Небес, Ни Непроницаемое Молчание Нижних Сфер Да Не Воспрепятствуют Гонцу В Исполнении Его Священного Долга. Не Задавай Вопросов О Саблезубых Тиграх, Смоляных Ямах, Больших Зеленых Зубастых Тварях И О Богине Цоль.

– У вас тогда уже были большие зеленые зубастые твари? – спросил Тропс.

– Больше. Зеленее. Зубастее, – прогремел Ангхаммарад.

– А богиня Цоль? – спросил Мокриц.

– Не Задавай Вопросов.

Все задумчиво замолчали. Мокриц знал, что нужно сказать.

– И *вы* считаете себя вправе решать, может ли *он* быть почтальоном? – тихо сказал он.

Почтальоны на минуту сгрудились в кучку, после чего Грош повернулся к Мокрицу.

– Он почтальон, каких не бывает, господин Мокриц. Откуда ж мы знали. Ребята говорят... короче, это честь для нас, честь, говорю, с ним работать. Это ж как... это ж история, сэр. Это как... ну...

– А я всегда говорил, что Орден своими корнями уходит глубоко в прошлое, – сказал Джимми Тропс, сияя от гордости. – Почтальоны работали уже на заре времен! Вот узнают остальные тайные общества, что у нас есть член с той самой зари времен, они от зависти позеленеют, как... как...

– Как большие зубастые твари? – подсказал Мокриц.

– Точно! И против его товарищей мы тоже ничего не имеем, лишь бы дело делали, – щедро добавил Грош.

– Благодарю, господа, – сказал Мокриц. – Теперь дело за малым, – он кивнул Стэнли, и тот протянул перед собой две жестяные банки с синей краской. – Им нужна форма.

Все согласились, что Ангхаммарату будет присвоена почетная должность *совсем старшего почтальона*. Это казалось справедливым.

Прошло полчаса, и големы, еще липкие на ощупь, вышли на улицу. К каждому из них было приставлено по почтальону-человеку. Мокриц наблюдал, как люди поворачивают головы. Синий цвет переливался в лучах полуденного солнца, и Стэнли – молодчина – раздобыл даже маленькую баночку золотой краски. Что греха таить, големы выглядели впечатляюще. Они сверкали.

Людям нужно зрелище. Устрой им зрелище – и они, считай, у тебя в кармане.

За спиной у него раздался голос:

– *Почтальоны шли, как на стадо волки, В синеве их и в злате сияли полки.*

На какое-то мгновение, кратчайшую крупницу времени, Мокриц подумал: *Я выдал себя. Она раскусила меня, не знаю как, но раскусила.* Но потом мозг включился в работу. Мокриц повернулся к госпоже Ласске.

– Когда я был маленьким, я всегда думал, что *полки* – это часть доспехов, – сказал он ей и улыбнулся. – И я представлял, как воины по ночам сидят и полируют их до блеска.

– Как мило, – отозвалась госпожа Ласска и закурила. – Я приведу остальных големов, как только получится. Неприятностей, скорее всего, не избежать. Но Стража будет на вашей стороне. Один из вольных големов служит в Страже, и его там все любят. Впрочем, не имеет значения, из чего ты сделан, когда вступаешь в Стражу, потому что командор Ваймс лично проследит за тем, чтобы ты стал ищейкой до мозга костей. Более прожженного циника, чем он, свет не видывал.

– Это ты-то называешь его циником, – сказал Мокриц.

– Да, – она выпустила ртом дым. – Считаю, это мое профессиональное мнение. Но спасибо, что нанял мальчиков. Хотя они и не понимают, что значит «нравится», но им нравится работать. А Помпа 19 относится к тебе с каким-то даже уважением.

– Спасибо.

– Я-то лично считаю, что ты тот еще жук.

– Я и не сомневался, – ответил Мокриц. Боги милосердные, о госпожу Ласску зубы можно было сломать. Знал он женщин, которых ему не удавалось очаровать, но все они были снежинками по сравнению с ледяной неприступностью госпожи Ласски. Это была поза. А как иначе. Это была игра. А как иначе.

Он протянул ей папку с марочными эскизами.

– Что скажешь, госпожа... а как тебя называют друзья, госпожа Ласска?

Мысленно Мокриц произнес: *Я не знаю*, – и одновременно с ним она ответила:

– Я не знаю. А ты времени даром не теряешь. Что это?

Так это и впрямь была игра, и ему разрешили принять участие.

– Я надеюсь, их выгравировают на меди, – ответил он скромно. – Мои эскизы для марок.

Он изложил ей концепцию, пока она листала рисунки.

– Витинари отлично вышел, – сказала она. – Говорят, он красит волосы, представляешь? А это что? А, Башня Искусств... как это по-мужски. Доллар? Хмм. Что ж, хорошая работа. Что будешь делать с этим дальше?

– Вообще-то я думал сбегать к Цимеру и Шпульксу, пока никого нет, и обсудить оттиски.

– Это хорошо. Приличная фирма, – кивнула она. – Шлюз 23 работает на их производстве. Они содержат его в чистоте и не пишат на нем записок. Я каждую неделю проверяю всех трудоустроенных големов. Вольные решительно на этом настаивают.

– Удостовериться, что с ними хорошо обращаются? – спросил Мокриц.
– Удостовериться, что про них не забывают. Ты удивишься, когда узнаешь, сколько мануфактур в этом городе используют труд големов. Кроме «Гранд Магистрали», – оговорилась она. – Туда я их не пущу.

Сказано это было ледяным тоном.

– Гм... почему нет? – спросил Мокриц.

– Бывают клоаки, в которых даже големам не следует работать, – отрезала госпожа Ласска тем же непримиримым тоном. – И у големов есть принципы.

Любопытно, подумал Мокриц. *Явно больная тема*. Но вслух сказал:

– Не хочешь ли поужинать сегодня?

На долю секунду госпожа Ласска удивилась, но не больше, чем удивился сам Мокриц. Потом ее обычный цинизм вернулся на прежнее место.

– Я хочу ужинать ежедневно. С тобой? Нет. У меня дела. Спасибо за предложение.

– Да ничего, – ответил Мокриц отчасти с облегчением.

Девушка оглядела пустынный холл.

– Тебе не бывает здесь жутковато? Здесь не помешали бы обои в цветочек и немного взрывчатки.

– Всему свое время, – заверил Мокриц. – Но в первую очередь нужно разобраться с почтой. Чтобы все видели, что мы снова в деле.

Они посмотрели на Стэнли и Гроша, которые терпеливо перебирали письма на краю завала, – геологи у подножья почтовой горы. Карлики рядом с белыми насыпями.

– На то, чтобы все это доставить, уйдет целая вечность, – сказала госпожа Ласска и направилась к выходу.

– Знаю, – ответил Мокриц.

– Но тем и хороши големы, – добавила она, стоя в дверях. Свет странно освещал ее лицо. – Им не страшна вечность. Им *ничего* не страшно.

Глава седьмая

Кладбище слов

Изобретение дырки – Монолог господина фон Липвига – Волшебник под крышкой – Обсуждение зада лорда Витинари – Будет доставлено – Борис от господина Гобсона

В старом кабинете, пропахшем мазутом и чернилами, господин Шпулькс пребывал под впечатлением от этого странного молодого человека в золотом костюме и крылатой фуражке.

– А ты знаешь толк в бумаге, господин фон Липвиг, – сказал он, когда Мокриц показал ему образцы. – Как приятно работать с опытным человеком. Для каждого заказа – своя бумага, таков мой девиз.

– Важно сделать так, чтобы марки не просто было подделать, – сказал Мокриц, листая эскизы. – С другой стороны, производство однопенсовой марки не должно стоить дороже одного пенса.

– В этом нам помогут водяные знаки, господин фон Липвиг, – сказал Шпулькс.

– Но их-то подделать возможно, – возразил Мокриц и добавил: – Мне рассказывали.

– У нас есть свои приемы, господин фон Липвиг, не бери в голову, – сказал Шпулькс. – Сработаем на славу! Химические пустоты, магические тени, временные чернила, да мало ли. Мы занимаемся бумагами, делаем оттиски и отпечатать для ключевых фигур нашего города, чьи имена, разумеется, я не вправе разглашать.

Он откинулся на спинку потертого кожаного кресла и стал строчить что-то у себя в блокноте.

– Итак, мы можем изготовить для вас двадцать тысяч однопенсовых марок на проклеенной немелованной бумаге по два доллара за тысячу плюс работа, – сказал Шпулькс. – Минус десять пенсов, если на непроклеенной. Вам уже останется их разрезать.

– Разве вы не можете это сделать на каком-нибудь станке? – спросил Мокриц.

– Нет, с таким маленьким размером не выйдет. Ничем не могу помочь, господин фон Липвиг.

Мокриц вынул из кармана клочок коричневой бумаги и протянул Шпульксу.

– Узнаешь, господин Шпулькс?

– Это что, булавочная бумага? – Шпулькс просиял. – Эх, я аж молодость вспомнил! До сих пор где-то на чердаке хранится коллекция. Мне всегда казалось, за нее можно выручить монету-другую, вот только...

– Смотри сюда, господин Шпулькс, – сказал Мокриц и аккуратно взялся за бумагу обеими руками. Стэнли был пугающе щепетилен в вопросе хранения своих булавок. С линейкой в руках нельзя было добиться более идеального результата.

Бумага тихонько порвалась по линии дырочек. Мокриц перевел взгляд на Шпулькса и вздернул брови.

– Дырки, – сказал он. – Дело в дырке...

Прошло три часа. Были вызваны мастера. Серьезные люди в комбинезонах вертели детали на рейках, другие люди соединяли детали, проверяли их, меняли одно, подкручивали другое, потом разобрали небольшой ручной пресс на части и собрали по-новому. Мокриц ошивался в сторонке от этой суеты, не зная, чем себя занять, пока серьезные люди все настраивали, измеряли, переделывали, паяли, опускали, поднимали и, в конце концов, под пристальным наблюдением Мокрица и Шпулькса, запускали переделанный печатный станок...

Дзынь...

Мокрицу казалось, что все вокруг так напряженно задержали дыхание, что стекла в окнах выгнулись вовнутрь. Он протянул руку, снял с доски лист маленьких перфорированных квадратиков и поднял перед собой.

Мокриц оторвал одну марку.

Стекла разогнулись обратно. Все задышали. Аплодисментов не было – эти люди не аплодировали и не кричали ура после хорошо проделанной работы. Вместо этого они раскурили свои трубки и покивали друг другу.

Господин Шпулькс и Мокриц фон Липвиг пожали друг другу руки.

– Патент твой, господин Шпулькс, – сказал Мокриц.

– Очень щедро с твоей стороны, господин фон Липвиг. Очень и очень щедро. А вот и небольшой сувенир от нас...

К ним подскочил подмастерье с листом бумаги. Мокриц удивился, увидев, что бумага испещрена марками – непроклеенными, неперфорированными, но точными миниатюрными копиями его рисунка для однопенсовой марки.

– Иконографическая беспечность, – пояснил Шпулькс, заметив его удивление. – Никто не скажет, что мы не идем в ногу со временем! Сначала, я думаю, будут мелкие недочеты, но в начале следующей недели...

– Я бы хотел получить однопенсовые и двухпенсовые марки завтра,

если возможно, господин Шпулькс, – сказал Мокриц уверенно. – Мне не нужно совершенство, мне нужна скорость.

– Однако, ты удалой, господин фон Липвиг!

– Всегда нужно двигаться быстро, господин Шпулькс, никогда не знаешь, что следует за тобой по пятам.

– Ха, верно! Кхм... хороший девиз, господин фон Липвиг, – сказал Шпулькс, неуверенно ухмыляясь.

– А пятипенсовые и долларовые – послезавтра, пожалуйста.

– Не расшибись такими темпами! – сказал Шпулькс.

– Нужно бежать, господин Шпулькс, нужно лететь!

Мокриц поспешил обратно на Почтамт так быстро, насколько позволяли приличия. Ему было немного стыдно за себя.

Мокрицу понравились «Цимер и Шпулькс». Ему нравились конторы, где можно было встретиться лицом к лицу с человеком, чье имя написано на двери. Это говорило о том, что заправляют здесь, скорее всего, не жулики. Ему нравились и большие, крепкие, непоколебимые рабочие, в ком он видел все те черты, которых ему так не доставало: надежность, солидарность, честность. Станок незачем обманывать, молоток не оставишь в дураках. Вот они были хорошие люди, не то что он...

Одна из причин, по которым они были не то что он, крылась в том, что в данную минуту ни у кого из них под сюртуком скорее всего не лежали пачки украденных бланков.

Не стоило ему этого делать, правда же, не стоило. Да вот только господин Шпулькс был добродушный и открытый человек, и рабочий стол у него завален образцами его выдающейся работы, и когда рабочие собирали станок для перфорации, все были так заняты и не обращали на Мокрица никакого внимания, вот он и... прибрался. Он просто не сдержался. Он был жуликом. На что рассчитывал Витинари?

Когда он вернулся, почтальоны как раз возвращались на Почтамт. Грош поджидал его с нервной улыбкой на лице.

– Как наши дела, почтовый инспектор Грош? – бодро поинтересовался Мокриц.

– Грех жаловаться, сэр. Есть даже хорошие новости. Люди дают нам письма, чтобы мы их отправили. Пока немного, и некоторые, как бы это сказать... хулиганские. Но мы брали со всех по пенни, сэр. Итого семь пенсов, – гордо объявил он и протянул ему монеты.

– До чего урожайный выдался день! – сказал Мокриц и, сунув письма в карман, забрал монеты.

– Не понял?

– Ничего, господин Грош. Молодцы. Гм... ты сказал, есть *даже* хорошие новости. Что, есть и какие-то другие?..

– Ну... не всем понравилось получать почту, сэр.

– Ошиблись дверью? – предположил Мокриц.

– Вовсе нет, сэр. Просто старым письмам не всегда рады. Особенно когда это, например, завещание. Завещание, когда надо приходить *за вещами*, – добавил старик многозначительно. – И, например, вдруг оказывается, что не той дочке достались мамины сережки двадцать лет назад. Бывает и так.

– Ну надо же.

– Пришлось звать на помощь Стражу. Как написали бы в газетах, на Тацкой улице произошла *потасовка*. Вас, кстати, дожидается дама, сэр. Она в вашем кабинете.

– Не одна из дочерей, надеюсь?

– Нет, сэр. Она пишет для «Правды». Только они все врут, сэр, хотя кроссворды очень даже приличные, – заговорщически добавил Грош.

– А я ей зачем?

– Почем мне знать, сэр. Может, потому что вы почтмейстер?

– Ступай и... предложи ей чаю, или я не знаю... хорошо? – сказал Мокриц, похлопывая себя по карманам. – А я пойду и... соберусь.

Две минуты спустя, надежно припрятав краденую бумагу, Мокриц зашел в свой кабинет.

Господин Помпа стоял у двери, уставившись огненными глазами прямо перед собой, в позе голема, чье единственное задание на данный момент – просто быть. Женщина сидела напротив стола Мокрица.

Мокриц смерил ее внимательным взглядом. Несомненно привлекательная, но одетая с намерением скрыть это, тем самым искусно подчеркивая. Турнюры по какой-то неведомой причине снова были на пике городской моды, но в наряде девушки единственной данью этой тенденции был валик под юбкой, который придавал филейной части определенную вздернутость, не вынуждая при этом носить по двадцать семь фунтов нижних юбок опасно нашпигованных пружинами. Светлые волосы были собраны в сетку – еще один удачный штрих, – а на макушке, не играя на первый взгляд совершенно никакой роли, примостилась модная, но не броская шляпка. Вместительная сумка была брошена на пол, на коленях лежал блокнот, а на пальце было обручальное кольцо.

– Господин фон Липвиг? – бодро сказала она. – Меня зовут госпожа Резник. Я из «Правды».

Ага, обручальное кольцо, а фамилия девичья, подумал про себя Мокриц. Тут нужно осторожно. У нее, похоже, Взгляды. Руку не целовать.

– Чем я могу служить «Правде»? – спросил он, присаживаясь, и улыбнулся неснисходительной улыбкой.

– Ты действительно планируешь разослать все эти залежи почты?

– Если это в принципе возможно, то да, – ответил Мокриц.

– Зачем?

– Это моя работа. Дождь, снег, мрак ночи – все, как написано при входе.

– Тебе известно о волнении на Ткацкой улице?

– Я думал, там была потасовка.

– Ситуация усугубилась. Когда я уходила, горел дом. Тебя это не беспокоит? – госпожа Резник занесла карандаш над бумагой.

С невозмутимой миной Мокриц лихорадочно соображал.

– Ну разумеется, беспокоит, – ответил он. – Поджигать чужие дома неправильно. Но мне также известно, что в эту субботу господин Паркер из Гильдии Купцов женится на своей стародавней возлюбленной. Известно ли тебе это?

Госпоже Резник не было этого известно, но она старательно записывала за ним, пока Мокриц рассказывал ей о письме зеленцику.

– Какая интересная история, – сказала она. – Я сейчас же наведаюсь к нему. То есть ты считаешь, что доставка старой почты – важное дело?

– Доставка почты – *единственное* дело, – сказал Мокриц и снова замешкался. Самым краешком уха он слышал шепот.

– Что-то не так? – спросила госпожа Резник.

– А? Нет! О чем это я... ах да, это важное дело. Нельзя закрывать глаза на историю, госпожа Резник. Общенье – отличительная черта нашего вида, госпожа Резник! – Мокриц повысил голос, чтобы перекрыть шепот. – Почта должна доходить до адресата, почта должна быть *доставлена!*

– Ну зачем же кричать, господин фон Липвиг, – отпрянув, сказала журналистка.

Мокриц попытался взять себя в руки, и шепот немного поутих.

– Прошу меня извинить. – Он откашлялся. – Да, я планирую разослать всю скопившуюся почту. Если получатель переехал, мы постараемся найти его. Если умер – постараемся отыскать его родственников. Почта *будет* доставлена. Наша работа – доставлять почту, и мы ее доставим. Что еще нам с ней делать? Сжечь? Выбросить в реку? Вскрывать конверты, чтобы решить, важно это или нет? Нет, письма были доверены нам на сохранение.

Доставка – единственный ответ.

Шепот почти совсем прекратился, и он продолжал:

– Кроме того, нам нужно освободить место. Почтамт получит второе рождение! – он извлек лист марок. – Благодаря этому!

Госпожа Резник непонимающе уставилась на листок.

– Благодаря миниатюрным портретам лорда Витинари? – спросила она.

– Маркам, госпожа Резник. Одна такая штука, приклеенная на конверт, обеспечит доставку письма по городу. Это первые образцы, но с завтрашнего дня мы начнем продажу марок с клеем и перфорированными дырочками для простоты использования. Я планирую сделать почту *легкой* в использовании. Мы, конечно, пока только осваиваемся, но я рассчитываю, что вскоре нам будет под силу доставить письмо кому угодно в любой конец света.

Недальновидное было заявление, но слова так и соскакивали у него с языка.

– Какие далеко идущие планы, – заметила она.

– Увы, по-другому я не умею, – ответил Мокриц.

– Все же сегодня у нас есть клики.

– Клики? – переспросил Мокриц. – Не могу не признать, что клики хороши, когда тебе нужно узнать рыночную стоимость креветок в Орлее. Но разве можно написать З.Л.П. в клике? Можно ли запечатать послание любящим поцелуем? Можно ли залить клик слезами, побрызгать духами или вложить цветок? Письмо – это не просто текст. Не говоря уже о том, что клики стоят столько, что обычный человек может их себе позволить только в экстренном случае: ДЕД УМЕР ПОХОРОНЫ ВТОРНИК. Дневное жалованье, чтобы послать сообщение, в котором чувства и сердца не больше, чем в... ударе под дых? Но письмо всегда будет *настоящим*.

Он замолчал. Госпожа Резник строчила как заведенная, а это всегда тревожно, когда журналист испытывает внезапный интерес к твоим словам, особенно если тебя терзают смутные сомнения, что ты наговорил кучу голубинового помета. Еще хуже, если журналист при этом улыбается.

– Люди жалуются, что клики дорожают, тормозят и становятся ненадежными, – сказала госпожа Резник. – Как ты это прокомментируешь?

– Единственное, что я могу сказать, – сегодня мы приняли на работу почтальона, которому восемнадцать тысяч лет, – сказал Мокриц. – Его не так просто сломать.

– Ах да. Големы. Некоторые утверждают...

– Как твое имя, госпожа Резник? – спросил Мокриц.

На мгновение она зарделась, а потом сказала:

– Сахарисса.

– Очень приятно. Мокриц. Только не смейся. Големы... ты все-таки смеешься.

– В горле запершило, честное слово, – сказала журналистка и, неубедительно покашливая, поднесла руку к горлу.

– Тогда ладно. А то прозвучало как смешок. Сахарисса, мне нужны почтальоны, секретари, сортировщики... мне нужно очень много работников. Почта будет работать. Мне нужны люди, которые помогут в этом. Любые люди. А, Стэнли, спасибо.

Юноша вошел с двумя разноцветными чашками чая в руках. На одной был изображен симпатичный котенок – правда, покоцанный из-за небрежного мытья в тазу для посуды, котенок приобрел такой вид, будто переживал последнюю стадию бешенства. Другая же чашка некогда остроумно сообщала, что клиническое сумасшествие не было обязательным требованием для приема на работу, но часть слов выцвела, оставив лишь:

НЕ НУЖНА БЫТЬ ПСИХАМ

ЧТОБЫ РАБОТАТЬ ТУТ

НО ТАК ЛУЧШЕ

Стэнли аккуратно поставил чашки на стол перед Мокрицем. Стэнли все делал аккуратно.

– Спасибо, – повторил Мокриц. – Эм-м... ты свободен, Стэнли. Помоги там разбирать почту.

– Там в зале вампир, господин фон Липвиг, – сообщил Стэнли.

– Это Отто, – быстро вставила Сахарисса. – У тебя же нет... *предубеждений* против вампиров?

– Да если у него есть пара рук и он умеет ходить, я первый предложу ему работу!

– У него есть работа, – засмеялась Сахарисса. – Он наш главный иконографист. Сейчас как раз иконографирует твоих служащих. Мы бы очень хотели сделать и твой портрет. Для первой полосы.

– Что? Нет! – воскликнул Мокриц. – Только не это! Нет!

– Он мастер своего дела.

– Да, но... но... но... – начал Мокриц и мысленно продолжил так: *Но не думаю, что даже талант сливаться с толпой переживет портрет.*

Вслух же он сказал:

– Не хочу, чтобы меня выделяли на фоне работающих людей и големов, которые приводят Почтамт в порядок. Как говорится, в слове «команда» нет буквы «я».

– Но ведь это на тебе надета фуражка с крыльями и золотой костюм, – сказала Сахарисса. – Ну *пожалуйста*, господин фон Липвиг!

– Ладно, ладно, не хотел об этом, но так уж и быть... это против моей религии! – заявил Мокриц, у которого было время подумать. – Нам запрещено делать собственные изображения. Они крадут частичку души, знаешь ли.

– И ты в это веришь? – спросила Сахарисса. – Seriously?

– Э... нет. Нет. Разумеется, нет. Как бы. Но... нельзя же относиться к религии, будто это какой-то буфет. Нельзя сказать, мол, будьте добры, подайте мне Вечный Рай с гарниром из Божественного Провидения, но не переборщите с коленопреклонениями, и вот этого Запрета на Изображения, пожалуйста, не надо, меня от него пучит. В меню все или ничего, а в противном случае... будет просто глупо.

Госпожа Резник смотрела на него, склонив голову набок.

– Ты работаешь на его светлость? – спросила она.

– Конечно. Это же государственная служба.

– И на прежнем месте, наверное, ты тоже был простым служащим? Совсем ничего примечательного?

– Так и есть.

– Что ж, Мокриц фон Липвиг наверняка твое настоящее имя, потому что я даже представить не могу, чтобы кто-то выбрал себе такой псевдоним, – продолжала она.

– Большое спасибо!

– Что-то мне подсказывает, что ты хочешь бросить кое-кому вызов, господин фон Липвиг. Клики вызывают много проблем. Все эти разговоры о том, что сеть увольняет сотрудников, а оставшиеся зарабатываются до смерти, очень дурно пахнут, и тут возникаешь ты и весь кишишь идеями.

– Я серьезно, Сахарисса. Вот, глянь, нам уже приходят *новые* письма!

Он вытащил конверты из кармана и разложил их веером.

– Видишь? Одно письмо в Сестрички Долли, одно в Дремный Холм, одно... Слепому Ио...

– Это бог, – сказала она. – Может оказаться проблематично.

– Нет, – отрезал Мокриц и спрятал письма обратно в карман. – Мы доставим письма даже богам. У него три храма в этом городе, будет нетрудно.

Вот портрет и вылетел у тебя из головы – бинго...

– А ты находчивый. Скажи мне, Мокриц, много ли ты знаешь об истории этого учреждения?

– Не очень. Мне определенно интересно узнать, куда подевались люстры.

– Ты встречался с профессором Пельцем?

– Кто это? – спросил Мокриц.

– Ты меня удивляешь. Профессор в Университете. Он посвятил Почтамту целую главу в своей книге по... хм, кажется, по большим скоплениям текстов и их самостоятельному мышлению. Надеюсь, хотя бы о погибших здесь людях ты слышал?

– О, да.

– В общем, он писал, что здешняя атмосфера почему-то свела их с ума. Хотя нет, *это* писали мы. Он написал что-то гораздо более сложное. Надо отдать тебе должное, господин фон Липвиг. Чтобы взяться за работу, на которой до тебя умерло четверо, нужно обладать определенными качествами.

Или не обладать, подумал Мокриц. Информацией.

– Заметил ли ты сам что-нибудь необычное? – не унималась госпожа Резник.

Для начала, мне кажется, что я перенесся назад во времени, но мои ноги этого не сделали, впрочем, не уверен, что из этого мне померещилось. Потом меня чуть не завалило насмерть почтой, а письма постоянно разговаривают со мной, – все это Мокриц не сказал, потому что такое лучше не говорить человеку с раскрытым блокнотом.

А сказал он вот что:

– Да нет. Чудное старинное здание, и я намерен вернуть ему его былую славу.

– Превосходно. Сколько тебе лет, Мокриц?

– Двадцать шесть, а что?

– Нам важны любые детали, – госпожа Резник очаровательно ему улыбнулась. – К тому же пригодится, если придется писать некролог.

Грош ни на шаг не отставал от Мокрица, который решительным шагом пересек холл.

Мокриц достал новые письма из кармана и сунул их в жилистые руки

Гроша.

– Разошли это. Все, что адресовано богам, доставляйте в его – ее – их – храмы. Другие непонятные письма клади мне на стол.

– Только что мы получили еще пятнадцать, сэр. Люди думают, это смешно!

– Они заплатили?

– Да, сэр.

– Тогда мы смеемся последними, – сказал Мокриц уверенно. – Я отлучусь ненадолго. Мне нужно повидать одного волшебника.

По закону и по традиции большая библиотека Незримого Университета открыта для посетителей – их просто не допускают к магическим секциям. Они, впрочем, об этом не подозревают, так как законы пространства и времени в библиотеке искажаются, и стомильные книжные полки запросто могут поместиться в пространственной щели не толще слоя краски.

Но люди все равно приходят в поисках ответов на каверзные вопросы, которые по общепризнанному мнению ведомы одним лишь библиотекарям: «Это прачечная?», «Как пишется *исподтишка*?» и всеми любимое «У вас есть книга, которую я когда-то читал? Она такая красная, и потом оказалось, что они близнецы».

Что характерно, в библиотеке *есть* эта книга... где-то. Где-то в ней есть все книги, которые когда-либо были написаны, будут написаны, и вообще, все книги, которые только можно написать. Этих книг на публичных полках не найти, так как неумелое обращение с ними может привести к тому, что все, что только можно вообразить, схлопнется в ничто [\[5\]](#).

Как и всякий, зашедший в библиотеку, Мокриц глазел на купол. Все всегда глазели. И думали: как библиотека, которая, строго говоря, бесконечна, умещалась под куполом в несколько сотен футов диаметром? И всем позволялось и дальше ломать голову.

Из-под самого купола поглядывали вниз из своих ниш статуи добродетелей: Терпение, Целомудрие, Молчание, Милосердие, Надежда, Тубсо, Ихтиономия [\[6\]](#) и Мужество.

Мокриц не мог не снять фуражки и не приветствовать Надежду, которой стольким был обязан. После этого он задумался, почему скульптор запечатлел Ихтиономию с чайником и пучком пастернака в руках, и не заметил, как врезался в человека, который подхватил его под руку и

потацил за собой.

– Молчи, ничего не говори, ты ищешь книгу, верно?

– Я вообще-то...

Руки, вцепившиеся в него мертвой хваткой, похоже, принадлежали волшебнику.

– ...ты не знаешь, какую именно книгу! – воскликнул волшебник. – Понимаю. В этом работа библиотекаря – найти конкретную книгу для конкретного человека. Посиди тут, и мы со всем разберемся. Вот так. Извини за ремни. Дело одной минуты. Больно почти не будет.

– Почти?

Мокрица насильно усадили в большое и сложно устроенное вращающееся кресло. Его захватчик – или помощник, или кем бы он ни оказался – ободрительно улыбнулся. Другие фигуры, оставшиеся в тени, помогли ему привязать Мокрица к креслу, которое было, по сути, старым кожаным креслом в форме подковы, только его окружало... всякое. Что-то из этого было явно магического толка – звездочки и черепа были красноречивее любых слов, но банка огурцов, и щипцы, и живая мышь в клетке из...

Голову Мокрица, повыше ушей, охватили тиски с мягкой обивкой внутри, а сердце – что закономерно – паника. Последним, что он услышал, прежде чем погрузился в тишину, было:

– Ты можешь ощутить легкий привкус яиц и почувствовать, как будто тебя бьют по лицу сырой рыбой. Это совершенно...

А потом произошел флоп. Обычный магический термин, только Мокриц этого не знал. В какой-то момент все, даже то, что физически не растягивалось, показалось растянутым. А потом резко вернулось на место и в нерастянутое состояние – вот этот момент и назывался флоп.

Когда Мокриц открыл глаза, кресло было повернуто в другую сторону. Не было ни огурцов, ни щипцов, ни мыши, а на их месте стояло ведро заводных сдобных лобстеров и комплект сувенирных стеклянных глаз.

Мокриц глотнул воздуха.

– Пикша, – судорожно сглотнул он.

– Неужели? А у большинства людей треска, – отозвался кто-то. – На вкус и цвет, как говорится.

Чьи-то руки расстегнули ремни и помогли Мокрицу встать на ноги. Руки оказались лапами и принадлежали орангутангу, но Мокриц удержал язык за зубами. Он ведь находился в волшебном университете.

Человек, усадивший его в кресло, теперь стоял у стола и поглядывал на какой-то волшебный прибор.

– Еще немного, – проговорил он. – Еще немного. Еще немного. Еще чуть-чуть...

От стола к стене вела связка непонятных шлангов. Мокрицу показалось, что они на секунду набухли, как будто змея проглотила что-то не прожевывая, прибор затарахтел и из прорези выполз листок бумаги.

– О, готово, – объявил волшебник и схватил листок. – Книга, которую ты ищешь, называется «История шляп», автор Ф.Г. Спальчик, все верно?

– Нет. Я вообще не ищу книгу... – сказал Мокриц.

– Ты уверен? А то у нас много.

Две вещи в этом волшебнике обращали на себя внимание. Во-первых... дедушка фон Липвиг говаривал, что честного человека всегда выдает размер его ушей, и это явно был честнейшей души волшебник. Во-вторых, борода у него определенно была накладной.

– Я ищу волшебника по имени Пельц, – продолжил он.

Борода расплзлась, обнажая широкую улыбку.

– Я так и знал, что прибор работает! – воскликнул волшебник. – Поэтому что он перед тобой.

Табличка на двери его кабинета гласила: «ЛАДИСЛАВ ПЕЛЬЦ, Д. М. Ф, ПРИЖИЗНЕННЫЙ ПРОФЕССОР ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОМАНТИИ».

На внутренней стороне двери находился крючок, на который волшебник повесил бороду.

Поскольку это был кабинет волшебника, там, конечно, были свечи в подсвечниках из черепов и чучело крокодила, подвешенное под потолком. Никто не знает, почему так заведено, в особенности сами волшебники, но без этого никак.

Кабинет был полон книг и весь был сделан из книг. Настоящей мебели не было – в том смысле, что стол и стулья были составлены из книг. Многие из них, судя по всему, регулярно перечитывались и лежали раскрытыми, а другие книги играли роль закладок.

– Хочешь спросить про свой Почтамт? – спросил Пельц, когда Мокриц устроился на стуле, кропотливо собранном из томов с 1-го по 41-й «Синонимов к слову ПАРУСИНА».

– Да, – сказал Мокриц.

– Голоса? Всякие странности?

– Да!

– Как бы мне тебе объяснить... – задумался Пельц. – Слова имеют силу, понимаешь? Это заложено в природе вещей. Даже наша библиотека

не на шутку искривляет пространство-время. И когда на Почтамте стали застревать письма, он стал накапливать слова. В итоге стало образовываться то, что мы называем «гевиза», кладбище живых слов. Скажи, ты человек читающий, господин фон Липвиг?

– Не сказал бы.

Книги для Мокрица были закрытой книгой.

– Мог бы ты сжечь книгу? – спросил Пельц. – Старую книгу, допустим, потрепанную, с изодранной обложкой, найденную в ящике со старым хламом?

– Пожалуй... нет, – признался Мокриц.

– Почему нет? Тебе станет не по себе от такой мысли?

– Да, наверное. Книги... короче, книги жечь нельзя. А... почему ты носишь накладную бороду? Я думал, волшебники отрачивают настоящие.

– Необязательно, но этого ждет от нас публика, – сказал Пельц. – Равно как и звезд на мантиях. А летом в бороде ужасно жарко. О чем это я? Гевизы. Точно. Все слова имеют *некоторую* власть. Мы подсознательно это чувствуем. У некоторых слов – у заклинаний, например, и реальных имен богов – власти очень много. Относиться к ним нужно с уважением. В Клатче есть гора, а в этой горе множество пещер, и в этих пещерах погребено более сотни тысяч старых книг, по большей части религиозных, и каждая обернута белой льняной плащаницей. Может, это и чересчур, но умные люди всегда понимали, что избавляться от некоторых слов нужно бережно и с почтением.

– А не просто распахать в мешках по чердакам, – сказал Мокриц. – Минуточку... Голем назвал Почтамт гробницей неслышанных слов.

– И неудивительно, – согласился Пельц. – В старину гевизы и библиотеки нередко нанимали големов, потому что единственные слова, наделенные властью влиять на големов, – это те, что записаны у них в голове. Слова *имеют значение*. И когда слова превышают критическую массу, они меняют саму ткань вселенной. Было у тебя ощущение, будто тебе что-то мерещится?

– Да! Я был в прошлом! Но при этом я оставался в настоящем.

– Ну да, ну да. Обычное дело, – сказал волшебник. – Переизбыток слов друг рядом с другом может влиять на время и пространство.

– И они разговаривали со мной!

– Я сказал Страже, что письма просят, чтобы их доставили, – объяснял профессор Пельц. – Пока письмо не прочитано, оно не завершено. Письма пойдут на все, чтобы их доставили. Но они не мыслят так, как мы это себе представляем, они не разумны. Они просто тянутся к любому доступному

мозгу. Вижу, тебя уже сделали аватаром.

– Я не умею летать.

– Аватар – воплощенное подобие бога, – терпеливо объяснил профессор. – Фуражка с крылышками. Костюмчик золотой.

– Нет, это чистая случайность...

– Уверен?

В комнате повисло молчание.

– До твоего вопроса был уверен, – ответил Мокриц.

– Они не хотят никому причинять боль, господин фон Липвиг, – сказал Пельц. – Им просто нужно дойти до адресата.

– Нам в жизнь не доставить их все, – признался Мокриц. – На это уйдут годы!

– То, что вы вообще начали их разносить, уже хорошо, – сказал профессор Пельц, улыбаясь как врач, который сообщает пациенту, что волноваться не о чем: его болезнь заканчивается смертельным исходом лишь в восьмидесяти семи процентах случаев. – Могу ли я еще чем-нибудь помочь?

Он встал из-за стола, намекая, что у волшебника каждая минута на счету.

– Очень было бы интересно узнать, куда подевались люстры, – сказал Мокриц. – Хотелось бы их вернуть. В качестве символического жеста, так сказать.

– Ничем не могу помочь, а вот профессор Зобб наверняка подскажет. Он *посмертный* профессор Патологической Библиомантии. Можем заскочить к нему на обратном пути, если хочешь. Он сейчас в Волшебничьем Чулане.

– Почему он посмертный? – поинтересовался Мокриц, когда они вышли в коридор.

– Умер.

– Ясно. Я-то надеялся на метафоричный ответ, – сказал Мокриц.

– Ничего страшного, он решил встретить Ранний Смерть. Очень хорошее предложение.

– А, – ответил Мокриц. В таких ситуациях важно было улучшить подходящий момент для побега, но они шли лабиринтами темных коридоров, а это не то место, где хочется потеряться. А то вдруг что-нибудь тебя найдет.

Они подошли к двери, за которой слышались приглушенные голоса и время от времени доносился звон стекла. Шум прекратился, как только профессор распахнул дверь, и было совершенно непонятно, откуда шел

звук. Это был самый настоящий чулан, в котором не было людей. Только полки вдоль стен и баночки на них. В каждой баночке сидело по волшебнику.

Вот сейчас был бы отличный момент для побега, пронеслось у Мокрица в голове, когда Пельц снял с полки одну банку, открыл крышку и пошарил в ней в поисках миниатюрного волшебника.

– О, это не он, – весело сказал профессор, заметив выражение лица Мокрица. – Экономка разложила по банкам вязаные куколки, чтобы повара не забывали, что эти банки нельзя ни подо что использовать. Был тут у нас инцидент с арахисовым маслом. Я просто достану это отсюда, чтобы было лучше слышно.

– Тогда... где же профессор?

– В банке и есть... смотря что считать за «есть», – ответил профессор Пельц. – Очень сложно объяснить это обывателю. Он мертв... смотря...

– Смотря что считать за смерть? – угадал Мокриц.

– Совершенно верно! И он может вернуться по предварительному уведомлению. Многие волшебники старшего возраста предпочитают такой вариант. Говорят, отлично отдыхается. Совсем как отпуск, только дольше.

– И куда они попадают?

– Никто толком не знает, но если прислушаться, слышен звон посуды, – сказал Пельц и поднес банку к губам.

– Профессор Зобб, можно тебя? Не помнишь ли ты случайно, что случилось с люстрами на Почтамте?

Мокриц ожидал услышать в ответ тоненький голосок, но прямо у него над ухом раздался бодрый, хотя и немолодой, голос:

– Чего? Ах да! Ну конечно! Одна попала в Оперу, а вторую приобрела Гильдия Убийц. А вот и пудинг! Пламенный привет!

– Спасибо, профессор, – мрачно отозвался Пельц. – У нас все хорошо...

– А мне-то какое дело! – фыркнул бестелесный голос. – Я закругляюсь – мы обедаем!

– Вот тебе и ответ, – сказал Пельц, положил вязаную куколку обратно в банку и закрыл крышку. – Дом Оперы и Гильдия Убийц. Похоже, непросто будет их вернуть.

– Да, думаю, я отложу эту затею на пару дней, – сказал Мокриц и вышел в коридор. – Опасные люди, чтобы с ними связываться.

– Не то слово, – сказал профессор и закрыл за собой дверь, и как по команде в чулане снова поднялся гам. – Лягаются эти сопрано не хуже мулов.

Мокрицу снились волшебники в банках, зовущие его по имени.

В лучших традициях пробуждения от кошмара, голоса постепенно слились в один, оказавшийся голосом господина Помпы, который тряс его за плечо.

– Они вымазаны вареньем! – вскричал Мокриц и перевел дыхание. – А?

– Господин Вон Липвиг, У Тебя Назначена Встреча С Лордом Витинари.

Когда до него дошло значение этих слов, волшебники в банках показались предпочтительнее.

– Ничего у меня не назначено ни с каким Витинари! Или?..

– Он Говорит, Назначено, Господин Вон Липвиг, – сказал голем. – Значит, Назначено. Мы Выйдем Со Стороны Конного Двора. У Главного Входа Собралась Большая Толпа.

Мокриц замер, натянув штаны до колен.

– Толпа рассержена? Ни у кого случайно нет ведра смолы? Перьев?

– Мне Неизвестно. Мне Были Даны Указания. Я Привожу Их В Исполнение. Рекомендую Тебе Делать То Же Самое.

Он быстро повел Мокрица закоулками, где еще витали в воздухе хлопья тумана.

– Который сейчас вообще час? – проныл тот.

– Без Четверти Семь, Господин Вон Липвиг.

– Ночь же на дворе! Этот человек спит когда-нибудь? По какому такому важному делу понадобилось вытаскивать меня из-под моей уютной теплой кучи писем?

Часы в приемной лорда Витинари шли неправильно. Иногда *тик* задерживалось на долю секунды, иногда *так* слышалось чуть раньше. Иногда *тик* или *так* пропускали свой черед. Это было почти незаметно, но если ты проводил в помещении больше пяти минут, отдельные, но немаловажные части твоего мозга начинали сходиться с ума.

Мокриц и так всегда плохо чувствовал себя по утрам. Одно из преимуществ жизни по ту сторону закона состояло как раз в том, что можно было не вылезать из постели, пока люди не наводнят улицы.

Секретарь патриция Стукпостук беззвучно выскользнул в приемную, так незаметно, что его появление застало Мокрица врасплох. Ему редко встречались настолько бесшумные люди.

– Могу ли я предложить тебе кофе, почтмейстер? – спросил он тихо.

– Господин Стукпостук, у меня проблемы?

– Ничего не могу сказать, господин фон Липвиг. Читал ли ты сегодняшнюю «Правду»?

– Газету? Нет. О...

Мокриц прокрутил в голове вчерашнее интервью. Он же не сказал ничего плохого? Только хорошие, позитивные слова. Витинари же сам хотел, чтобы люди пользовались почтой.

– Мы всегда получаем несколько копий прямо из печатни, – сказал Стукпостук. – Я принесу.

Стукпостук вернулся с газетой в руках. Мокриц развернул ее, в ужасе уставился на первую полосу, прочел несколько строк, закрыл ладонью глаза и сказал:

– О боги.

– Обрати внимание на карикатуру, почтмейстер, – посоветовал секретарь простодушно. – Тебе должно понравиться.

Мокриц с опаской еще раз посмотрел на жуткий разворот. Бессознательно повинувшись инстинкту самосохранения, его взгляд уклонился от карикатуры, на которой были изображены двое улиных сорванцов. Один из них держал в руках полоску однопенсовых марок. Под рисунком было написано:

1-й мальчишка (купив несколько новомодных «марок»): «Эй, видал? Зад лорда Витинари!»

2-й мальчишка: «Вот еще, буду я облизывать его за пенни!»

Мокриц стал белее мела.

– Он видел? – прохрипел он.

– О да, господин фон Липвиг.

Мокриц вскочил.

– Время сейчас раннее, – сказал он. – Господин Трупер еще на службе. Если я потороплюсь, он, может быть, найдет для меня минутку. Так что побегу я. Никто не будет возражать? Избавлю вас от бумажной волокиты. Не хочу никому быть в тягость, я даже...

– Тише, почтмейстер, тише, – сказал Стукпостук и усадил его обратно на стул. – Не нервничай по пустякам. Скажу по своему опыту: его сиятельство очень *непростой* человек. Глупо пытаться предугадать его реакцию.

– Ты хочешь сказать, моя жизнь вне опасности?

Стукпостук скорчил задумчивую мину и уставился на секунду в

потолок.

– Хм... да. Я думаю, это вполне возможно, – сказал он.

– И я сохраню все мои конечности? И доступ к кислороду?

– Все это весьма вероятно, господин фон Липвиг. Теперь можешь проходить.

Мокриц на цыпочках вошел в кабинет патриция.

Лорд Витинари был скрыт за «Правдой», и только руки виднелись по обе стороны газеты. Мокриц в оцепенении перечитал заголовки.

«Мы не ломаемся», – обещает Почтмейстер!

Неслыханные нападки на семафоры!

«Доставим письма в любой конец света»

В обращение вводится удивительная новинка: «марки»

Это был основной репортаж. Сбоку была опубликована статья поменьше, которая тем не менее обращала на себя внимание, под заголовком:

«Гранд Магисталь»

Очередное падение: Связь с Континентом прервана

...а в самом низу, увесистым шрифтом, чтобы подчеркнуть легковесный характер текста, под заголовком:

«Против истории не попрешь!»

...была дюжина историй о том, что происходило, когда люди получали свою древнюю почту. Были там и потасовки, перетекшие в волнения, был господин Паркер со своей невестой, были и многие другие. Почта внесла небольшие коррективы в непримечательные жизни этих людей. Они как

будто прорубили окно в историю и увидели, что могло бы быть.

Это занимало всю первую полосу, не считая заметки о «загадочном убийце», который избил до смерти какого-то банкира в его собственном доме. Стража была озадачена, говорилось в заметке. Это немного приподняло Мокрицу настроение. Уж если их пресловутый вервольф не может выйти на след преступника, может, и Мокрицу удастся улизнуть, когда придет время. Смекалка лучше нюха.

Лорд Витинари не замечал Мокрица, и тот задумался, что будет, если вежливо кашлянуть.

В этот момент газета зашуршала.

– В колонке «Грамота» пишут, – раздался голос патриция, – что выражение «засунь это себе в джемпер» восходит к древней эфебской пословице, насчитывающей как минимум две тысячи лет – то есть возникшей задолго до джемперов, но, вероятно, позже процедуры засовывания, – он согнул газету и посмотрел на Мокрица поверх страниц. – Не уверен, следишь ли ты за этой любопытнейшей этимологической дискуссией.

– Нет, милорд, – сказал Мокриц. – Смею напомнить, что последние полтора месяца я провел в камере смертников.

Патриций отложил газету, сцепил пальцы домиком и посмотрел на Мокрица поверх них.

– Ах да. Совершенно верно. Так, так, так.

– Послушайте, мне очень жаль... – начал Мокриц.

– В любой конец света? Даже богам? Наших почтальонов так просто не сломить? Против истории не попрешь? Очень впечатляюще, господин фон Липвиг. Ты навел немало шороху, – сказал Витинари с улыбкой, – как сказала кошка мышке, поймав ее под лавкой.

– Я не говорил именно этих...

– Насколько мне известно, госпожа Резник всегда пишет *именно* то, что ей говорят, – заметил Витинари. – Ужасное качество для журналиста. Портит все веселье. Ты подсознательно чувствуешь, что тебя где-то провели. Как я понимаю, ты теперь торгуешь векселями, ко всему прочему?

– Какими векселями?

– *Марками*, господин фон Липвиг. Долговое обязательство доставить по назначению почту стоимостью в один пенни. Обязательство, которое должно быть исполнено. Подойди сюда, взгляни на это, – он встал из-за стола, подошел к окну и поманил Мокрица пальцем. – Подойди, господин фон Липвиг.

Опасаясь быть выброшенным на мостовую, Мокриц все же подошел.

– Видишь высокую клик-башню, там, на Тумпе? – спросил Витинари и указал пальцем. – За все утро ни одного сообщения по Магистрале. Какие-то проблемы в башне на равнинах. Сто Лат не принимает и не передает сообщений. А теперь посмотри вниз.

Мокриц не сразу сообразил, на что смотрит, но...

– Очередь к Почтамту? – удивился он.

– Да, господин фон Липвиг, – сказал Витинари с мрачным ликованием. – За марками, которые им разрекламировали. У жителей Анк-Морпорка чутье на, скажем так, увеселения. Иди работай, господин фон Липвиг. Уверен, тебя переполняют новые идеи. Не позволяй мне тебя задерживать.

Лорд Витинари сел за стол и взял в руки газету.

Вот же оно, прямо на первой странице, подумал Мокриц, *не мог он не заметить.*

– Кхм... насчет... этого самого, – сказал он, поглядывая на карикатуру.

– Какого именно этого самого? – поинтересовался Витинари.

Повисла пауза.

– Кхм... да ничего, в общем-то, – сказал Мокриц. – Я тогда пойду.

– Конечно, почтмейстер. Почта ведь должна дойти до адресата.

Витинари прислушался к хлопнувшим вдалеке дверям, после чего встал и выглянул из окна, где увидел золотую фигуру, пересекающую дворцовый парк.

Зашел Стукпостук и стал собирать бумаги с пометкой «Исходящее».

– Превосходно, милорд, – сказал он тихо.

– Спасибо, Стукпостук.

– Вижу, господин Слыпень скончался, милорд.

– Похоже на то, Стукпостук.

Когда Мокриц приблизился к Почтамту, по толпе прошел шепот. К его несказанному облегчению, господин Шпулькс уже ждал его в сопровождении одного из серьезных работников словопечатни. Шпулькс бросился Мокрицу навстречу.

– У меня для тебя, кхм, несколько тысяч, кхм, товаров обоих видов, – зашептал он, извлекая из-под сюртука пакет. – Однопенсовые и двухпенсовые. Не лучшее, на что мы способны, но я подумал, тебе сейчас они очень нужны. Говорят, клик-башни опять стоят.

– Ты меня очень выручаешь, господин Шпулькс. Будь добр, занеси их внутрь, пожалуйста. Кстати, не в курсе, сколько стоит отправить клик до Сто Лата?

– Самое короткое сообщение минимум пенсов тридцать, – сказал гравер.

– Спасибо. – Мокриц отошел назад и сложил руки рупором. – Дамы и господа! – прокричал он. – Почтамт откроется через пять минут и начнет продажу однопенсовых и двухпенсовых марок! Помимо этого мы отправляем почту в Сто Лат! Первая экспресс-доставка в Сто Лат состоится через час, почта прибудет по назначению уже к полудню. Стоимость стандартного письма составит десять пенсов! Повторяю: десять пенсов! Почта, дамы и господа! Остерегайтесь подделок! Благодарю за внимание.

По толпе прокатился гул, и несколько человек убежали.

Мокриц проводил Шпулькса в здание, вежливо закрыв двери перед лицом собравшегося народа. Его била дрожь, которую он всегда испытывал, когда игра набирала обороты. Жизнь вся должна состоять из таких моментов, решил он и, окрыленный, принялся раздавать приказы.

– Стэнли!

– Слушаю, господин фон Липвиг? – ответил юноша у него за спиной.

– Сбегай-ка на конюшни к Гобсону и попроси самую быструю лошадь, что у них есть. Передай, что мне нужна хорошая, быстрая лошадь, ясно? Чтобы кровь кипела! А не напудренную старую клячу – я пойму! Лошадь нужна мне здесь через тридцать минут! Свободен. Грош!

– Слушаю, вашеблагородь! – Грош даже отдал ему честь.

– Сообрази какой-нибудь стол вместо прилавка, – сказал Мокриц. – Через пять минут мы открываемся и начинаем принимать почту и продавать марки. Пока клик-башни не починили, я повезу почту в Сто Лат, ты остаешься за главного, будешь и.о. почтмейстера, до моего возвращения. Шпулькс!

– Тут я, господин фон Липвиг, зачем же так кричать, – сказал гравер с укоризной.

– Извини, Шпулькс. Нужны еще марки. Часть я возьму с собой, вдруг будут обратные письма. Это возможно? Еще мне понадобятся пятипенсовые и долларовые марки, как только... Грош, ты в порядке?

Старик раскачивался на ногах, беззвучно шевеля губами.

– Грош? – повторил Мокриц.

– И.о. почтмейстера... – вымолвил Грош.

– Верно.

– Ни один Грош еще никогда не был и.о. почтмейстера... – ни с того ни с сего Грош рухнул на колени и обхватил Мокрица за ноги. – Ох, спасибо вам, вашеблагородь! Я вас не подведу, сэр! Можете на меня положиться! Ни дожди, ни лода, ни мак...

– Да, да, спасибо, и.о. почтмейстера, достаточно, спасибо, – бормотал Мокриц, пытаясь вырваться из его рук. – Грош, вставай. Грош, пожалуйста.

– Можно мне поносить фуражку с крылышками, пока вас не будет, а, вашеблагородь? – взмолился Грош. – Это будет так много для меня значить...

– Не сомневаюсь, Грош, но не сегодня. Сегодня фуражка полетит в Сто Лат.

Грош поднялся с земли.

– Разве вам положено самому разносить почту?

– А кому еще? Големы слишком медлительны, Стэнли... ну, Стэнли – это Стэнли, а вы, господа почтальоны, ста... у вас богатый жизненный опыт, – Мокриц потер руки. – И хватит спорить, и.о. почтмейстера Грош! Пора продавать марки!

Двери распахнулись, и народ ворвался в зал. Витинари был прав. Если где-то что-то происходило, народ Анк-Морпорка не мог не принять участие. Однопенсовые марки запорхали через наспех организованный прилавок. Все рассуждают как? За один пенни ты имеешь что-то, что стоит один пенни. Ты ничем не рискуешь – ты считаешь что покупаешь деньги. Конверты были отдельной темой. Люди даже писали письма прямо на Почтамте. Мокриц взял на заметку: готовый конверт с маркой и листком бумаги внутри: набор «Письмо-Минутка»: *Просто Добавь Чернил!* Важное правило любой игры: всегда старайся облегчить людям возможность отдать тебе свои деньги.

Мокриц удивился – хотя тут же подумал, что ничего удивительного, – когда увидел Стукпостука, локтями пробивающего себе дорогу в толпе, с небольшим, но увесистым кожаным пакетом в руках, запечатанным восковой печатью с городским гербом и большой буквой V. Адресована посылка была мэру Сто Лата.

– Дипломатическая почта, – многозначительно сообщил он, протянув ему пакет.

– Марки покупать будешь? – поинтересовался Мокриц, забирая пакет.

– А тебе как кажется, почтмейстер? – спросил секретарь.

– Я абсолютно уверен, что дипломатические депеши не стоят ни пенни, – сказал Мокриц.

– Благодарю, господин фон Липвиг. Его сиятельство любит способных учеников.

Зато на другие письма в Сто Лат вовсю клеились марки. У многих были там родственники и друзья. Мокриц посмотрел по сторонам. Повсюду люди строчили письма, некоторые даже прикладывали свои

листочки к стене, чтобы удобнее было писать. Марки – однопенсовые, двухпенсовые – расходились, как пирожки. В другой части зала големы разбирали нескончаемые завалы почты...

В некотором смысле, можно было сказать, что жизнь была ключом.

Вы бы только видели, сэр, вы бы только видели!

– Это ты, что ль, Липвиг?

Он отогнал с себя грезы о люстрах и увидел перед собой необъятного человека. Потребовалась минута, чтобы узнать его и сообразить, что перед ним – хозяин конюшен Гобсона, одновременно самого популярного и бесславного возникшего предприятия в городе. Вряд ли преступность там цвела таким буйным цветом, как предполагали многочисленные слухи, но в этих огромных конюшнях нередко встречались сомнительного вида люди, которые были заняты единственно тем, что присматривались к прохожим. У Гобсона к тому же работал Игорь – об этом все знали, и оно, *конечно же*, удобно, когда у тебя такие расходы на ветеринара, но люди чего только не болтают... [\[7\]](#)

– А, господин Гобсон, здравствуй, – сказал Мокриц.

– Ты что же это, господин, думаешь, я сдаю внаем старых, отбегавших свое кляч? – спросил Вилли Гобсон. Его улыбку нельзя было назвать на все сто дружелюбной. За ним стоял взволнованный Стэнли. Гобсон был огромным и грузным, но никак не тучным. Скорее, он смахивал на медведя, с которого сбрили всю шерсть.

– Я сам ездил на такой... – начал Мокриц, но Гобсон жестом перебил его.

– Хочешь, чтоб кипело, – сказал он и улыбнулся шире. – Знаешь, я всегда даю клиенту то, что хочу. Так что я привел для тебя Бориса.

– Да что ты говоришь, – сказал Мокриц. – И он довезет меня до Сто Лата?

– По меньшей мере, – сказал Гобсон. – В седле-то сам крепко сидишь?

– Когда речь заходит об отъезде из города, господин Гобсон, мне нет равных.

– Вот и славно, господин, вот и славно, – проговорил Гобсон медленно тоном человека, шаг за шагом подталкивающего жертву к капкану. – У Бориса есть свои недостатки, но у тебя не должно быть никаких проблем, раз ты такой опытный. Готов, а? Он прямо у входа. Мой человек его придерживает.

Оказалось, что, придерживающих огромного вороного скакуна на веревках было четверо. Лошадь плясала, металась, лягалась и кусалась. Пятый человек лежал на земле. Борис был сущим убийцей.

– Как я и сказал, господин, у него есть недостатки, но никто точно не скажет, что... как же это... ага, что он старая припудренная кляча. Точно хочешь, чтоб кипело?

Ухмылка Гобсона говорила сама за себя: вот так я расправляюсь с выскочками, которые пытаются мной помыкать; попробуй оседлай, а то выискался лошадиный эксперт!

Мокриц посмотрел на Бориса, который пытался растоптать лежавшего человека, потом посмотрел на толпу. Дело было даже не в золотом костюме. Если тебя зовут Мокриц фон Липвиг, выбор только один, а именно: повысить ставки.

– Сними с него седло, – распорядился он.

– Чего? – переспросил Гобсон.

– Сними с него седло, господин Гобсон, – решительно повторил Мокриц. – У меня очень тяжелая сумка, так что обойдемся без седла.

Улыбка не сошла с лица Гобсона, но все остальное лицо попыталось от нее отстраниться.

– Детей уже завел, дерево посадил, да? – сказал он.

– Оставь только попону и подпругу.

Гобсон больше не улыбался. Еще бы: со стороны будет слишком похоже на убийство.

– Может, передумаешь, господин, – сказал он. – Одному парню Борис в прошлом году откусил два пальца. А еще он горазд лягнуть, и расцарапать, и на дыбы встать, и вообще сбросит тебя за милую душу, если получится. В нем черти сидят, говорю тебе.

– Но он поскачет?

– Не то что поскачет – понесется, как ужаленный. Бесовское отродье, – сказал Гобсон. – Тебе лом понадобится, чтобы заставить его свернуть. Короче, позабавились и будет, у меня полно других...

Гобсон поморщился, когда Мокриц одарил его своей фирменной улыбкой.

– Ты его выбрал, господин Гобсон. Я на нем поскачу. Буду признателен, если твои ребята развернут его в сторону Брод-авеню, пока я закончу с делами.

Мокриц вернулся в здание, взлетел вверх по лестнице, заперся у себя в кабинете, запихнул платок в рот и несколько секунд тихо скулил, пока ему не полегчало. Ему и прежде доводилось скакать без седла, когда дела принимали совсем уж жаркий оборот, но у Бориса были безумные глаза.

Но сдать сейчас назад... и он окажется посмешищем в блестящем костюме. Людям нужно зрелище, красивая картинка, что-нибудь, что

западет в память. Все, что от него требуется, – это удержаться на лошади, пока они не выедут из города, и там уже спрыгнуть в первый подвернувшийся куст. Да, пойдет. А через несколько часов доплестись до Сто Лата с уцелевшей почтовой сумкой, которую он мужественно отобьет у разбойников. И ему поверят, потому что это будет казаться честным... потому что люди хотят верить, потому что это хорошая история, потому что стекло, если оно ярко блестит, будет похоже на бриллиант больше, чем настоящий бриллиант.

Мокрица на крыльце встретили аплодисментами. Солнце как по команде соизволило выйти из-за туч и заиграло в крылышках на фуражке.

Борис притих и жевал поводья. Но Мокрица этим было не провести: если такая лошадь, как Борис, ведет себя тихо – она что-то замышляет.

– Господин Помпа, подсади меня, – сказал он и перекинул почтовую сумку через плечо.

– Слушаюсь, Господин Вон Липвиг.

– Господин фон Липвиг!

Мокриц обернулся и увидел Сахариссу Резник, которая бежала по улице с блокнотом в руке.

– Рад тебя видеть, Сахарисса, – сказал Мокриц, – правда, я немного занят сейчас...

– Ты в курсе, что Гранд Магистраль снова стоит? – спросила она.

– Да, читал в газете. Но мне пора...

– Так ты все-таки бросаешь вызов клик-башням? – карандаш замер в ожидании.

– Я просто доставляю почту, госпожа Резник, как и обещал, – сказал Мокриц твердым мужественным тоном.

– Но ведь это довольно странно, согласишься, что человек верхом на коне оказывается надежнее...

– Госпожа Резник, я тебя умоляю! Мы почтовая служба! – заявил Мокриц с пафосом. – Мы не предаемся мелочному соперничеству. Нам искренне жаль, что наши коллеги в семафорной компании испытывают временные технические неполадки, нам близка и понятна ситуация, в которой они оказались, и если они захотят, чтобы мы доставили клики вместо них, мы будем *счастливы* продать им наши марки – скоро в продаже будут марки стоимостью один, два, пять, десять пенсов и доллар – прямо здесь, на Почтамте, готовые к использованию. Кстати, в будущем мы планируем продавать марки со вкусом лакрицы, апельсина, корицы и банана, только не клубники, терпеть не могу клубнику.

Она улыбалась, записывая за ним, а потом спросила:

– Я же не ослышалась? Ты предлагаешь отправлять почтой клики?

– Разумеется. Застрявшие клики будут доставлены на Магистраль в Сто Лате. Взаимовыручка – наше второе имя.

– А может быть, все-таки нахальство? – спросила Сахарисса, и в толпе засмеялись.

– Понятия не имею, о чем ты, – парировал Мокриц. – Теперь, если...

– Ты снова показываешь семафорщикам дулю, – сказала журналистка.

– Полагаю, это какой-то профессиональный жаргон, – сказал Мокриц. – У меня в помине нет никакой дули, а если бы и была, стал бы я ее показывать. А теперь, прошу меня извинить, у меня тут почта, которую нужно доставить, пока Борис кого-нибудь не съел. Опять.

– Самый последний вопрос! Существенно ли уменьшится размер твоей души, если Отто сделает твою иконографию в момент отъезда?

– Думаю, тут мне возразить нечего, если не будет видно лица, – сказал Мокриц, а господин Помпа подставил ему глиняные руки вместо ступеньки. – Наши жрецы очень строго на это смотрят.

– Ну да, конечно, «жрецы», как же, – сказала госпожа Резник, позаботившись о том, чтобы кавычки дребезжали от сарказма. – Судя по виду этого зверя, другого шанса у нас может не быть. Выглядит как ходячая катастрофа, господин фон Липвиг.

Мокриц взгромоздился на коня, и толпа замерла. Борис лишь переступил с ноги на ногу.

Посмотрим на это так, рассуждал Мокриц. Что мне терять? Жизнь? Меня уже однажды повесили. Я под крылом ангела-хранителя. И произвожу прекрасное впечатление. Почему все покупают марки? Потому что я дал им зрелище...

– Командуй, господин, – сказал один из конюхов и потянул на себя конец веревки. – Когда мы его отпустим, то ждать не станем.

– Секунду, – быстро сказал Мокриц.

В первых рядах толпы он увидел фигуру. На ней было приталенное серое платье, а когда он посмотрел в ее сторону, она нервно выдохнула в небо облако дыма, встретилась с Мокрицем взглядом и пожалала плечами.

– Поужинаем сегодня, госпожа Ласска? – прокричал он.

Люди обернулись. По толпе прошел смешок, кто-то захлопал в ладоши. Госпожа Ласска наградила Мокрица взглядом, который вполне мог оставить от него лишь дымящую горстку пепла, но потом коротко кивнула.

Как знать: под ананасом могут оказаться персики...

– Отпускай, ребята! – сказал Мокриц с легкостью на сердце.

Конюхи разбежались по сторонам. Мир еще долю секунды оставался

неподвижен, а потом Борис встал на дыбы, выйдя из дремы, и пустился в дикий пляс, цокая задними ногами по мостовой и рассекая копытами воздух.

– Зер гут! Замирай!

Мир вокруг исчез. Борис понес.

Глава седьмая с половиной

Во весь опор

Норов коня Бориса – Заброшенная башня – Господин фон Липвиг остывает – Дама с рогаликами – Приглашение принято – Ящик господина Робинсона – Загадочный незнакомец

Гобсон пробовал выставлять Бориса на скачки, и он был бы первоклассным скакуном, если бы не две дурные привычки: еще на старте бросаться на соседнюю лошадь и выпрыгивать за ограждение на первом же повороте. Мокриц прижал фуражку плотнее к затылку, всунул носы ботинок под подпругу и вцепился в поводья, когда Брод-авеню промелькнула перед ним во всю длину сразу, а кареты и люди смазались, проносясь мимо. Глаза Мокрица вдавило в череп.

Впереди по улице ехала повозка, но заставить Бориса обогнуть ее не было никакой возможности. Мощные мускулы напряглись, и наступил долгий, тягучий, немой момент – Борис перемахнул через карету.

Он приземлился, и копыта чиркнули по булыжникам, оставляя за собой дорожку искр, но инерция не дала ему сбавить темп, и конь снова припустил.

Все, кто ошивался вокруг Пупсторонних ворот, бросились врассыпную, а за воротами – до самого горизонта – раскинулись равнины. Что-то этот пейзаж зацепил в сумасшедшем лошадином мозге Бориса. Столько места, плоского и чистого, а небольшие препятствия вроде деревьев можно запросто перескочить.

Борис задействовал дополнительные мускулы и набрал еще скорости, проносясь мимо мелькающих кустов, деревьев, повозок.

Мокриц корил себя за бахвальство, с которым он отказался от седла. Его тело уже ненавидело его каждой своей частью. Но в общем-то Борис – если миновать ананас – оказался не так уж плох. Он поймал ритм и мчал гладким однокопытным аллюром, и его горящие глаза сосредоточенно смотрели в синеву. Его ненависть к миру в данную минуту была перебита чистой радостью простора. Гобсон не соврал: править Борисом было невозможно даже с дубинкой в руках, но зато он двигался в верном направлении – а именно, подальше от конюшни. Борис не хотел целые дни напролет стучать копытами в стену, выбивая из нее кирпичи, и при случае скидывать с себя очередного самодовольного кретина. Он хотел вгрызться в

горизонт. Он хотел мчаться.

Мокриц аккуратно снял фуражку и стиснул ее зубами. Он и представить боялся, что будет, если потерять ее. К концу путешествия фуражка обязана была находиться у него на голове. Это было очень важно. Встречают всегда по одежке.

Прямо и чуть левее по курсу стояла башня Гранд Магистрали. Анк-Морпорк и Сто Лат разделяло двадцать миль, и на этом отрезке высились две такие башни. На этот узел приходилась большая часть сообщений со всей сети, охватившей континент. За Сто Латом Магистраль разделялась на вспомогательные ветки, но здесь, яркими вспышками над головой, слова со всего света стекались...

...должны были стекаться. Но заслонки были неподвижны. Подъехав ближе, Мокриц увидел рабочих на верхотуре, у разобранных механизмов деревянной башни. Похоже, весь сегмент вышел из строя.

Ха! Удачи, разини! Сколько времени уйдет на ремонт? Имеет ли смысл предпринять ночную доставку в Псевдополис, например? Надо будет пообщаться с возницами. Они, в конце концов, так и не заплатили Почтамту за кареты. А если клик-башни и починят в срок – что ж, Почтамт хотя бы *попытался*, вот что будет иметь значение. Семафорные компании обирали людей до нитки, требуя высокой платы за низкое качество. Почтамт был темной лошадкой, а темные лошадки всегда приходят к финишу первыми.

Мокриц осторожно подоткнул попону под себя. Самые разные органы теряли чувствительность.

Столпы анк-морпоркского дыма оставались далеко позади. Промеж ушей Бориса в клубах дыма попрозрачнее показался Сто Лат. Башня осталась за кормой, и Мокриц уже видел вторую. Больше трети пути за двадцать минут, а Борис и не думал замедлять бег.

Примерно на полпути между двумя городами высилась заброшенная каменная башня – все, что осталось от городища посреди дикой местности. Высотой она почти могла сравниться с клик-башнями, и Мокриц задумался, почему ее не использовали под семафоры. Наверное, она была слишком ветхой и не выдержала бы порывов сильного ветра под весом всех тамошних механизмов. Вокруг было голо: просто очередной участок пустоши, поросшей сорняками среди бескрайних полей.

Будь у Мокрица шпоры, он бы сейчас пришпорил Бориса, за что вероятнее всего был бы сброшен, растоптан и съеден^[8]. Вместо этого он пригнулся еще ниже и постарался не думать о том, как поездка скажется на его почках.

Прошло время.

Позади осталась вторая башня, а Борис перешел на галоп. Сто Лат был все ближе. Мокриц мог уже разглядеть городские стены и башенки на замке.

Придется прыгать, другого выхода Мокриц не видел. Стены неумолимо приближались. Он прокрутил в голове полдюжины разных сценариев, и почти все они предполагали стог сена. Остальные заканчивались со свернутой шеей.

Но Борис и не думал сворачивать. Он скакал вперед, дорога шла прямо – и прямо были городские ворота, Борис ничего не имел против. И вообще он хотел попить водички.

Городские улицы кишели вещами, которые нельзя было опрокинуть и растоптать, но водопойное корыто все-таки нашлось. Борис не обратил внимания, как что-то упало у него со спины.

Сто Лат был небольшим городом. Мокриц однажды провел здесь славную неделю, расплачиваясь липовыми банкнотами, дважды прикинувшись бедным родственником и продав перед отъездом стеклянное кольцо – не столько по нужде, сколько из бесконечного очарования человеческим двуличием и легковёрностью.

Сейчас Мокриц волочил ноги к дверям городской ратуши под пристальным наблюдением толпы. Он распахнул двери и бросил почтовую сумку на стол первого же попавшегося клерка.

– Почта из Анк-Морпорка, – прохрипел он. – Свежая почта – отправлена сегодня в девять утра.

– Но сейчас только четверть одиннадцатого! Какая еще почта?

Мокриц пытался не злиться. Он и так очень плохо себя чувствовал.

– Видишь фуражку? – спросил он и ткнул пальцем. – Видишь? Она значит, что я главный почтмейстер Анк-Морпорка! *Это* почта – вам! Через час я отправляюсь обратно, это понятно? Если хотите, чтобы почту *от вас* доставили в город к двум... ох, нет, к трем часам, соберите ее в эту же сумку. *Это*, – он помахал перед носом юноши стопкой марок, – марки! Красные по два пенни, черные по пенни. Письмо стоит десять... уф, одиннадцать пенсов, все понял? Продаешь марки, отдаешь мне деньги, лижешь марки и клеишь их на письма! Гарантия Экспресс-Доставки! На ближайший час назначаю тебя и.о. почтмейстера. Тут рядом постоянный двор. Пойду приму ванну. Холодную ванну. Очень холодную. Где у вас тут ледник? Еще холоднее. Совсем ледяную. Брр, еще холоднее. А еще выпить, сэндвич, и тут у вас, кстати, большая черная лошадь гуляет. Если сможете ее отловить, наденьте на нее седло, подложите подушку и разверните

мордой в сторону Анк-Морпорка. Исполнять!

Ванна была только сидячая, но в городе хотя бы нашелся ледник. Мокриц сидел в окружении кубиков льда, потягивал бренди и прислушивался к суматохе за окном.

Спустя некоторое время в дверь постучали и мужской голос спросил:

– К тебе можно, почтмейстер?

– Я не одет, – ответил Мокриц и потянулся за фуражкой. – Теперь можно.

Мэр Сто Лата был низкорослым человечком с птичьей внешностью, который или занял пост совсем недавно сразу вслед за кем-то большим и толстым, или решил, что одеяния, волочащиеся по земле, и цепь до пупа идеально подходят образу политического деятеля в этом сезоне.

– Кхех... Джо Верблад, господин, – представился он нервно. – Здешний мэр...

– В самом деле? Очень рад знакомству, Джо, – сказал Мокриц, поднимая стакан с бренди. – Извини, что не встаю.

– Мне жаль, но... твой конь, кхех, лягнул троих и убежал.

– Неужели? Это так на него не похоже.

– Не стоит волноваться, господин, мы его поймаем, а если что, дадим тебе другого. Не такого быстрого, конечно.

– Ах, – сказал Мокриц и принял новую позу во льду. – Какая жалость.

– А мне все про тебя известно, господин фон Липвиг, – сказал мэр и заговорщически подмигнул. – В сумке было несколько экземпляров «Правды». Работаешь не покладая рук. Энергичный ты человек! Люблю таких! Ты человек большого масштаба! Ставишь перед собой цель и добиваешься ее во что бы то ни стало! И я такой же в вопросах коммерции! Ты пробивной, и я такой же! Давай сюда, господин!

– Что, куда? – не понял Мокриц, неловко елозя в стремительно теплеющей ванне. – А, – он пожал протянутую ему руку. – А какие, господин Верблад?

– Я делаю зонтики, – сказал мэр. – Давно пора показать этим семафорным компаниям, что к чему! До поры до времени все было замечательно – они, конечно, драли с нас втридорога, но зато хоть клики шли быстрее молнии, а сейчас сплошные поломки, починки, и цены, заметь, все растут! И они никогда не говорят, сколько продлится задержка, все только «в кратчайшие сроки». Постоянно приносят «извинения за неудобство», у них это даже на вывеске написано! Чувства и сердца там не больше, чем в ударе под дых, верно ты сказал. В общем, что мы тут

порешили. Мы сходили на городскую клик-башню и сказали пару слов Дэйви – хороший парнишка, – и он отдал нам все ночные клики до Анк-Морпорка, которые не успели отправить. Как тебе такое, а?

– У него не будет из-за этого проблем?

– А он говорит, что все равно собирался увольняться. Никому не нравится, что сейчас творится в компании. Мы наклеили марки, все как положено. Ну, я пойду, а ты собирайся, господин фон Липвиг. Лошадь мы тебе уже оседлали, – он задержался в дверях. – И еще одно, насчет этих марок...

– Что-то не так, господин Двугорб? – спросил Мокриц.

– Не то чтобы, господин. Не хочу сказать ничего плохого про лорда Витинари и сам Анк-Морпорк, – сказал человек, живущий всего в двадцати милях от гордых и обидчивых горожан, – но, кхм, как-то странно это, лизать... ну, анк-морпоркские марки. Может, напечатаешь немного и для нас? У нас есть королева, очень милая девушка. Она бы хорошо смотрелась на марке. Мы тоже, знаешь ли, важный город!

– Посмотрим, что можно сделать, господин Двугорб. Нет ли у тебя при себе случайно ее портрета?

И они все захотят свои марки, думал Мокриц, одеваясь. Собственные марки могут быть равносильны собственному флагу или гербу. Это можно хорошо раскрутить! О да, наверняка можно будет договориться с дражайшим господином Шпульксом. У вас может не быть своей почтовой службы, но своя марка должна быть у каждого...

Восторженная толпа проводила его в путь, а лошадь, хоть и уступала Борису, старалась изо всех сил и знала, для чего нужны поводья. Мокриц с благодарностью отметил и подушку на седле. Это придавало стекляшке еще больше блеска: *Он так мчался сюда, что нуждается в подушке!*

С полной сумкой писем он тронулся в путь. Удивительно, но люди покупали марки даже просто для себя. Все читали «Правду». Все хотели стать частью чего-то нового.

Однако когда Мокриц скакал по равнине, запал начал угасать. На него работали Стэнли, горстка стариков, из которых, несмотря на весь их задор, песок сыпался, и несколько големов. Этого было недостаточно.

Но ты добавляешь блеску. Ты говоришь людям, чего хочешь добиться, и они верят, что это тебе *под силу*. Кто угодно мог доскакать до Сто Лата. Но никто этого не сделал. Все ждали, пока починят клик-башни.

Мокриц не усердствовал по дороге и решил поднажать, только поравнявшись со сломанной башней. Башню все еще чинили, но рабочих вокруг и наверху прибавилось. Верный признак, что работа пошла

значительно быстрее.

Наблюдая за ними, Мокриц ясно увидел, как кто-то свалился вниз. Однако, пожалуй, ему не стоило заворачивать к ним и предлагать помощь, если он хотел и дальше жить без вставных зубов. К тому же падать оттуда до капустного поля, удачно совместив смерть с погребением, было очень и очень долго.

Добравшись до города, он снова прибавил ходу. Негоже было подъезжать к Почтамту рысцой. Очередь – *все еще очередь* – бурно приветствовала Мокрица.

Грош выбежал – насколько краб может бегать? – ему навстречу.

– Сэр, вы можете еще раз доставить почту в Сто Лат? – крикнул он. – У меня уже полный мешок! И все спрашивают, когда вы будете возить почту до Псевдополиса и Щеботана! Есть одно письмо аж в самый Ланкр!

– Что? Да это же пятьсот миль, черт побери!

Мокриц слез с коня, хотя его ноги были в таком состоянии, что честнее будет сказать «свалился».

– Тут так все завертелось, пока вы были в отъезде, – сказал Грош, удерживая Мокрица на ногах. – Ох, не то слово! Рук не хватает! Но люди приходят и просят на работу, сэр, а все после статьи в газете. Люди из старинных почтовых семейств, вроде меня!

Пенсионеры хотят выйти из отставки. Я взял на себя смелость взять их на испытательный срок, раз уж я и.о. почтмейстера. Надеюсь, вы не против, сэр. Господин Шпулькс подвозит нам новые марки! Я уже дважды посылал Стэнли за новой партией. Он говорит, пятипенсовые и долларовые марки будут уже вечером. Заживем, да, вашеблагородь?

– Ага, – проговорил Мокриц. Весь мир вдруг стал как Борис: мчится стремглав, норовит укусить, и им невозможно править. И единственный способ сделать так, чтобы тебя не задавило, – оставаться в седле.

В холле Почтамта были расставлены новые самодельные прилавки. Вокруг них всех толпился народ.

– Еще мы продаем конверты и бумагу, – сказал Грош. – Чернила за счет заведения.

– Ты это сам придумал? – спросил Мокриц.

– Нет, это так раньше было заведено, – сказал Грош. – Госпожа Макалариат достала у Шпулькса кучу дешевой бумаги.

– Госпожа Макалариат? – удивился Мокриц. – Кто такая госпожа Макалариат?

– Она из очень уважаемого почтового семейства, – сказал Грош. – Согласилась на вас поработать, – добавил он несколько нервно.

– Что-что? – переспросил Мокриц. – Она *согласилась* на меня поработать?

– Вы же понимаете, сэр, мы, почтовые работники, мы не любим...

– Это вы здесь почтмейстер? – раздался грозный голос позади Мокрица.

Голос проник в его мысли, покопался в воспоминаниях, разворошил страхи, отыскал все необходимые рычажочки, ухватился за них и потянул. У Мокрица он вытащил на свет фрау Шамбер. Тогда, во втором классе, его извлекли из теплой и беззаботной комнаты фрау Тизль, где пахло красками, пластилином и описанными штанишками, и усадили на холодную скамью в классе, где командовала фрау Шамбер с запахом Образования. Это было так же ужасно, как само появление на свет, с тем дополнительным недостатком, что рядом не было мамы.

Мокриц машинально посмотрел вниз. Да, вот и они, сандалики, грубые черные чулки, под которыми чесались ноги, мешковатый шерстяной жилет – брр, жилет. Фрау Шамбер имела обыкновение засовывать в рукав носовой платок – брр, фу, – носила очки и имела совершенно ледяной вид. Она заплетала волосы в косы и закручивала по бокам головы плоскими кольцами, которые у него на родине в Убервальде назывались улитками, но в Анк-Морпорке люди сторонились женщин с этими глазированными рогаликами за ушами.

Послушай меня, госпожа Макалариат, – сказал он решительно. – Почтмейстер здесь я, и распоряжаюсь здесь тоже я, и я не позволю, чтобы подчиненные помыкали мной на том лишь основании, что твои предки здесь работали. Мне не страшны твои туфли на двойной подметке, госпожа Макалариат, я смеюсь в лицо твоему ледяному взгляду. И поделом! Я теперь взрослый человек, фрау Шамбер, я не содрогнусь при резком звуке твоего голоса, и я не дам волю своему мочевому пузырю, как бы ты ни сверлила меня взглядом, вот так вот! Потому что я почтмейстер, и слово мое здесь – закон!

Сказал он мысленно. Увы, пробежав по его дрожащему позвоночнику, эта отповедь сорвалась с губ одиноким:

– Я, – которое вышло похоже на писк.

– Господин фон Липвиг, у меня один вопрос. Ничего против них не имею, но эти големы, которых вы берете работать на мой Почтамт, – это девочки или мальчики? – требовательно спросила жуткая женщина.

Это было настолько неожиданно, что Мокрица рывком вернуло обратно к реальности.

– Что? – сказал он. – Откуда я знаю! Да и какая разница? Чуть больше

глины, чуть меньше... а что?

Госпожа Макалариат скрестила руки на груди, и Мокриц с Грошем сделали шаг назад.

– Надеюсь, вы не шутите со мной шулки, господин фон Липвиг, – предупредила она.

– Какие шулки? Я никогда не шучу!

Мокриц попытался взять себя в руки. Что бы ни случилось дальше, его не заставили бы стоять в углу.

– Я не шучу шуток, госпожа Макалариат, никогда не был в этом замечен, а даже если бы имел такое обыкновение, в последнюю очередь я бы стал шулить их с тобой, госпожа Макалариат. В чем, собственно, дело?

– Одно из них было в дамской комнате, господин фон Липвиг, – сказала госпожа Макалариат.

– Зачем? Они же не едят...

– *Якобы* прибиралось, – госпожа Макалариат исхитрилась одним словом намекнуть, что у нее были большие подозрения на этот счет. – Но я слышала, к ним обращаются «господин».

– Они постоянно заняты разной мелкой работой – они не любят оставаться без дела, – сказал Мокриц. – Мы предпочитаем обращаться к ним «господин» из вежливости, потому что, э... говорить «оно» как-то нехорошо, а не ко всем людям – да, госпожа Макалариат, людям – применительно обращение «госпожа».

– Это дело принципа, господин фон Липвиг, – сказала женщина с уверенностью. – Если ты «господин», значит, в дамской комнате тебе быть не положено. С этого начинаются всякие шуры-муры. А я этого не потерплю, господин фон Липвиг.

Мокриц стоял и смотрел на нее. Потом перевел взгляд на господина Помпу, который всегда был неподалеку.

– Господин Помпа, нельзя кому-нибудь из големов дать новое имя? – спросил он. – Во избежание потенциальных шур-мур?

– Можно, Господин Вон Липвиг, – пророкотал голем.

Мокриц повернулся к госпоже Макалариат.

– Глэдис тебя устроит, госпожа Макалариат?

– Вполне устроит, – сказала она с победной интонацией. – И она должна быть подобающе одета, естественно.

– Одетая? – сказал Мокриц обессилено. – Но големы не... у них нет... – он оробел под ее взглядом и спасовал. – Конечно, госпожа Макалариат. Какая-нибудь клетчатая тряпка, да, господин Помпа?

– Будет Сделано, Почтмейстер, – сказал голем.

– Это все, госпожа Макалариат? – спросил Мокриц кротко.

– В настоящий момент да, – сказала она и как будто пожалела, что ей пока больше не на что пожаловаться. – Господин Грош расскажет вам обо мне подробнее, почтмейстер. Мне пора возвращаться к исполнению своих прямых обязанностей, не то кто-нибудь опять утащит все перья. За ними глаз да глаз нужен.

– Ах, хорошая женщина, – сказал Грош, когда она удалилась. – Госпожа Макалариат в пятом поколении. Девичья фамилия сохраняется по профессиональным соображениям, конечно.

– Они и замуж выходят?!

Из гущи толпы около прилавка раздалась громогласная команда: «А ну живо положил перо, где взял! Я что, по-твоему, их выращиваю?»

– Да, сэр, – ответил Грош.

– А в первую брачную ночь откусывают мужьям головы?

– Мне таких подробностей неизвестно, – сказал Грош и покраснел.

– Но у нее же усики!

– Да, сэр. В этом удивительном мире у каждого есть своя половинка.

– Так ты говоришь, люди приходят наниматься на работу?

Грош просиял.

– Так точно, вашеблагородь. Все из-за статьи!

– В утренней газете?

– Не без этого, сэр, – сказал Грош. – Но я бы сказал, обеденный выпуск оказал свое влияние.

– Какой еще обеденный выпуск?

– Мы снова на первой полосе! – гордо сообщил Грош. – Я оставил экземпляр у вас в кабинете...

Мокриц сунул столатскую почту ему в руки.

– Разберись, – сказал он. – Если почты хватит еще на одну доставку, разыщи какого-нибудь паренька, которому позарез нужна работа, усади его на коня, и пусть все отвезет. Можно без спешки, назовем это ночной доставкой. Передай ему, пусть сходит к мэру и возвращается завтра утром со свежей почтой.

– Слушаюсь, вашеблагородь, – сказал Грош. – Можно бы пустить ночную доставку до Щеботана и Псевдополиса, если б только у нас была возможность менять лошадей, как на почтовых каретах...

– Сто-о-оп, а почему бы не привлечь почтовые кареты? – спросил Мокриц. – Их же до сих пор называют *почтовыми* каретами. И работают они втихую на всех подряд, кто заплатит. Ну так Почтамт снова открыт. Значит, они будут развозить почту. Ступай, найди, кто у них там главный,

да так и передай!

– Так точно, вашеблагородь, – сказал Грош счастливо. – Вы еще не придумали, как мы будем доставлять почту на Луну?

– Всему свое время, Грош.

– Это на тебя не похоже, – радостно сказал Грош. – Всему одно время, прямо сейчас – вот это похоже!

А жаль, думал Мокриц, поднимаясь по лестнице. Но двигаться нужно было быстро. Он всегда двигался быстро. Вся его жизнь состояла в движении. Двигайся быстро, потому что никогда не знаешь, что следует за тобой по пятам...

Он застыл на месте.

Господин Помпа!

Голем оставался на Почтамте! Он не попытался догнать его! Почему? Потому что Мокриц был в отлучке по делу? Как долго он может пробыть в командировке? Успеет ли он разыграть свою смерть? Классический прием с брошенной на берегу одеждой, например? Надо запомнить. Ему нужна лишь приличная фора. Как на самом деле все устроено в голове голема? Надо будет расспросить госпожу...

Госпожа Ласка! Он воспарил так высоко над землей, что пригласил ее на ужин! С этим могли возникнуть проблемы, потому что ниже пояса все у него пылало огнем, и госпожа Ласка была тут вовсе ни при чем. Мокриц открыл дверь в свой кабинет. Что ж, может, удастся найти ресторан с очень мягкими сиденьями...

БЫСТРЕЕ СКОРОСТИ СВЕТА

Клики Проигрывают Старомодной Почте

Почтмейстер доставляет и заверяет: «Дули Нет»

Удивительное на Почтамте

Кричащие заголовки бросились в глаза, стоило ему увидеть газету. Он чуть не закричал в ответ.

Да, он говорил это. Но говорил милой и улыбчивой Сахариссе Резник, а не всему свету! А она взяла и честно все записала, и вдруг... вот что мы

имеем.

Мокрица никогда прежде не интересовала пресса. Он был художником. Политика не имела значения. Когда ты водишь человека за нос, он стоит перед тобой лично, и ты честно смотришь ему в глаза.

Иконография, приходилось признать, удалась на славу. Взвившаяся на дыбы лошадь, фуражка с крыльями, а главное – легкая смазанность скорости. Производило впечатление.

Он успокоился. Почему бы и нет – все шло как по маслу. Почту посылали. Почту доставляли. Допустим, важным фактором были неполадки на клик-башнях, но, может, со временем люди поймут, что письмо сестре в Сто Лат, которое доберется до цели, если повезет, не должно стоить тридцать пенсов – оно с тем же успехом может стоить пять и быть на месте к утру.

Стэнли постучался и вошел в кабинет.

– Может, чаю, господин фон Липвиг? – предложил он. – С булочкой.

– Ты ангел в очень неожиданной плоти, Стэнли, – сказал Мокриц, аккуратно откидываясь на спинку стула, и поморщился.

– Спасибо, сэр, – серьезно ответил Стэнли. – Меня просили вам кое-что передать.

– Да, Стэнли, – сказал Мокриц. Повисла продолжительная пауза, пока он не вспомнил, с кем имеет дело, и не добавил: – Что тебя просили мне передать, Стэнли?

– Мгм... приходила девушка, у которой големы, она сказала... – Стэнли закрыл глаза. – «Скажи Молниеносному, что завтра утром у него будет еще восемь големов, и если он не слишком занят, творя чудеса, я принимаю его приглашение поужинать в восемь в «Ле-Фуа-Уру», я буду ждать в «Залатанном Барабане» в семь».

– В «Счастливой Печенке»? Ты не ошибся?

Конечно же, он не ошибся. Это же Стэнли.

– Ха, да там обычный суп стоит пятнадцать долларов! – воскликнул Мокриц. – И встречи нужно ждать три недели, после чего они *подумают*, разрешать тебе бронировать столик или нет! Они взвешивают кошельки! Как она думает...

Его взгляд упал на «ящик господина Робинсона», невинно стоящий в углу кабинета. Ему *нравилась* госпожа Ласска. К большинству людей... был *подход*. Рано или поздно ко всем находились свои отмычки. Даже к госпоже Макалариат можно подобрать отмычку, несмотря на всю кажущуюся дикость такой мысли. Но Дора Гая давала отпор, а чтобы наверняка, она давала отпор еще до того, как на нее нападут. Она была

крепким орешком и потому так увлекала Мокрица. Такая циничная, такая закрытая, такая... *колючая*. И у него было чувство, что она видела его насквозь, а он ее – нет. В общем, она его интриговала. И прекрасно выглядела в самых безыскусных платьях, не будем забывать.

– Хорошо. Спасибо, Стэнли. Еще что-нибудь?

Юноша положил ему на стол лист серо-зеленых, чуть сыроватых марок.

– Первые долларовые марки, сэр! – объявил он.

– Ничего себе! Господин Шпулькс потрудился на славу! – сказал Мокриц, разглядывая сотни зеленых миниатюр университетской Башни Искусств. – Они даже на вид стоят доллара!

– Да, сэр. Даже не обращаешь внимания на человечка, падающего с башни, – сказал Стэнли.

Мокриц выхватил марки у него из рук.

– Что? Где?

– Тут нужно увеличительное стекло, господин фон Липвиг. Их всего несколько штук таких. На остальных он уже под водой. Господин Шпулькс приносит свои извинения, он говорит, это какая-то побочная магия. Типа, даже изображение башни волшебников будет чуточку волшебным само по себе.

На других марках тоже встречались орехи. На черных марках что-то случилось с отпечатью, и лорд Витинари вышел седым. Одни оказались без клея, но это ничего, некоторые специально спрашивали марки без клея.

– Но зачем?

– Они говорят, что такая марка ничем не хуже настоящего пенни, а весит меньше.

– А тебе нравятся марки, Стэнли? – спросил Мокриц благодушно. Сидя на поверхности, которая не ходила ходуном, он уже чувствовал себя намного лучше.

Лицо Стэнли озарилось.

– О да, господин фон Липвиг, еще как! Они прекрасны! Восхитительны!

Мокриц приподнял бровь.

– Даже так?

– Я как будто... ох, я как будто присутствую при изобретении первой булавки, господин фон Липвиг! – сообщил сияющий Стэнли.

– Ничего себе. Первой булавки? Однако! В таком случае, Стэнли, назначаю тебя главным по маркам. Весь департамент твой. В нем кроме тебя никого и нет. Как ты на это смотришь? Мне кажется, ты уже знаешь о

марках больше кого бы то ни было.

– О да, господин фон Липвиг, так и есть! К примеру, я знаю, что для самого первого тиража однопенсовых марок был использован другой тип...

– Отлично! – оборвал его Мокриц поспешно. – Молодец. Могу я оставить первый лист себе? В качестве сувенира?

– Ну конечно, господин фон Липвиг, – сказал Стэнли. – Главный по маркам! Ого! А... мне положена особая фуражка?

– Как хочешь, – расщедрился Мокриц и, свернув лист марок, спрятал его во внутренний карман. Куда удобнее долларов. И в самом деле. – А хочешь рубашку? – добавил он. – Как там... «Спроси меня о марках»?

– Отличная идея, господин фон Липвиг! Можно я пойду расскажу господину Грошу? Он будет так мной гордиться!

– Ступай, Стэнли, – сказал Мокриц. – И возвращайся через десять минут, хорошо? Мне нужно будет доставить одно письмо, лично в руки.

Стэнли убежал прочь.

Мокриц отпер деревянный ящик, послушно раскрывшийся перед ним веером, и размял пальцы.

Хм. Похоже, все мало-мальски важные люди в городе заказывали отпечатать у Цимера и Шпулькса. Мокриц порылся в бумажных образцах с их словопечатни, которые недавно прикарманил, и ему на глаза попалось:

«Гранд Магистраль»

Со скоростью света

Председатель компании

Заманчиво, очень заманчиво. «Гранд Магистраль» была баснословно богата. Очень крупная рыба, даже несмотря на нынешние проблемы. А Мокриц никогда не встречал метрдотеля, которому не были бы нужны чаевые.

Он нашел вчерашний номер «Правды». Где-то здесь была иконография... ага, вот она. Иконография Хвата Позолота, председателя «Гранд Магистральной», на каком-то приеме. У него был вид высококлассного пирата, флибустьера, который всегда находил время надраить обшивку у себя на корабле.

Эти гладкие черные волосы, эта борода, эта повязка на глазу, и вы

только посмотрите, этот попугай... вот это Образ, не правда ли?

Мокриц никогда не обращал особого внимания на «Гранд Магистраль». Слишком крупная организация, которая, по слухам, содержала собственную армию. В горах до ближайшего стражника путь неблизкий, а мало ли что может пойти не так. Красть у тех, кто мог за себя постоять, было бы недальновидно. Такие люди обычно действуют без околичностей.

Но то, что задумал Мокриц, не было воровством. И возможно, даже не было противозаконно. А обманывая метрдотеля, он фактически оказывал услугу обществу.

Он еще раз посмотрел на портрет. И как же подобный тип подпишется?

Гмм... плавный, но мелкий, вот он, почерк Хвата Позолота. Он был таким гротескным, таким светским, таким ярким, что человек, сведущий в подобных вопросах, невольно задумался бы, не очередная ли это стекляшка, которой хочется сверкать как бриллиант? А суть подделки как раз в том, чтобы, отведя глаза и правильно выбрав момент, сделать стекло более похожим на бриллиант, чем настоящий бриллиант.

Что ж, попытка не пытка. Это же не совсем мошенничество в прямом смысле слова.

Гм-м. Мелкий и плавный, да, но... человек, никогда не видевший его почерка, будет ожидать чего-то размашистого, в экстравагантных завитушках, похожего на него...

Мокриц поднес перо к бланку гербовой бумаги и написал:

Господин метрдотель Le Foie Heureux,

Я был бы чрезвычайно признателен, если бы мой друг Мокриц фон Липвиг со спутницей смогли бы отужинать в вашем заведении сегодня в восемь вечера.

Хват Позолот.

Чрезвычайно признателен – это хорошо. Такой персонаж, как Хват Позолот, наверняка отстегивал чаевые, как пьяный матрос.

Мокриц сложил письмо и как раз писал адрес на конверте, когда к нему вошли Стэнли и Грош.

– Письмо, господин фон Липвиг, – торжественно сообщил Стэнли.

– Вот, держи, – сказал Мокриц.

– Нет, я хочу сказать, вам письмо, – пояснил юноша. Они обменялись конвертами. Мокриц быстро взглянул на свой и вскрыл его пальцем.

– У меня плохие новости, господин фон Липвиг, – сказал Грош, когда Стэнли ушел.

– Хм? – спросил Мокриц, глядя на письмо.

Почтмейстер,

Клик-башни Псевдополиса выйдут из строя завтра в 9 утра.

Дымящийся ГНУ.

– Я был у возниц, – продолжал Грош, – сказал им все, как вы велели, а они сказали, чтобы вы не лезли не в свое дело, не лезьте в их дело, будьте любезны, и они не будут лезть в ваше.

Гну, Грош?

– Кого, простите, гну?

– Гну – это вроде такая... буйная корова, – сказал Мокриц. – Так что ты там говорил про возниц?

– Они меня отчитали, господин фон Липвиг, вот что, – сказал Грош. – Я им говорил, говорил я им, что я и.о. почтмейстера, а они мне на это: «Ну и что?» Тогда я сказал, что вам все расскажу, а они мне... хотите знать, что они мне на это сказали?

– Хм. А, да. Весь внимание, Толливер, – Мокриц снова и снова перечитывал загадочное письмо.

– Они мне и говорят: «Ага, щас», – сказал Грош, кипя праведным негодованием.

– Может, господин Трупер все-таки найдет для меня минутку... – размышлял Мокриц, уставившись в потолок.

– Что?

– Да ничего. Пойду, пожалуй, пообщаюсь с ними. Найди мне пока господина Помпу. И пусть возьмет с собой еще пару големов. Хочу... произвести впечатление.

Игорь открыл дверь постучавшему.

За порогом никого не было. Он шагнул на крыльцо и посмотрел по сторонам.

Никого не было.

Он вернулся в дом, закрыл дверь за собой – в прихожей не было никого в темном промокшем под дождем плаще и широкополой шляпе.

– А, гофподин Грайль, – обратился Игорь к высокой фигуре. – Должен был догатывайтфя, что это ты.

– Хват Позолот вызывал меня, – ответил Грайль. Его голос был скорее вздохом, чем звуком.

Клан Игорей изжил из себя всякую способность с ужасом содрогаться много поколений назад.

Это было как никогда кстати. Игорю всегда было не по себе в обществе Грайля и ему подобных.

– Хозяин ожидайт... – начал он.

Но никого не было.

Грайль не прибегал к магии и не был вампиром. Такие вещи Игоря подмечают. Просто в нем совсем не было ничего *лишнего* – лишней плоти, лишнего времени, лишних слов. Нельзя было даже представить, чтобы Грайль собирал булавки, потягивал вино или даже отрыгивал после пирога с несвежей свининой. Картина того, как он чистит зубы или просто спит, отказывалась формироваться в голове. Он производил впечатление человека, который сдерживается, причем с трудом, чтобы вас не убить.

Игорь задумчиво побрел в свою каморку рядом с кухней и убедился, что его кожаная сумка была наготове – мало ли что.

У себя в кабинете Хват Позолот налил немного бренди. Грайль оглядывался по сторонам с видом человека, которому неуютно в комнате.

– Что-нибудь выпьешь? – спросил Позолот.

– Воды, – ответил Грайль.

– Полагаю, ты знаешь, зачем я тебя пригласил.

– Нет, – Грайль не любил пустых – да и вообще никаких – разговоров.

– Ты читаешь газеты?

– Не читаю.

– Но ты знаешь о Почтамте.

– Знаю.

– Откуда, позволь спросить?

– Говорят.

Позолот принял такой ответ. У господина Грайля был особенный талант, и если в комплекте с ним шли маленькие странности, так тому и быть. И потом, ему можно было доверять. Он не принимал компромиссов. Он никогда не занимался шантажом, потому что такие игры почти всегда заканчиваются смертью одного из игроков. Если господин Грайль оказывался втянут в такую игру, он убивал сразу, чтобы сэкономить время, и был уверен, что любой поступил бы так же. Не исключено, что он был безумен по обычным человеческим стандартам, но сложно было судить. Лучше всего воспользоваться фразой «альтернативно нормален». Ведь Грайль, с вероятностью, мог одолеть вампира за десять секунд и не имел притом обычных вампирских слабостей – за исключением разве что чрезмерного пристрастия к голубям. Настоящая находка.

– И ты ничего не нашел на господина фон Липвига? – спросил Позолот.

– Нет. Отца нет. Матери нет. Воспитывал дед. Отправлен учиться. Били. Сбежал. Исчез, – произнесла высокая фигура.

– Хм. Интересно, где он пропадал столько времени? Кем он пропадал? Грайль не тратил сил на риторические вопросы.

– Он создает... помехи.

– Понял.

И в этом была вся прелесть. Грайль понимал. Ему редко требовался приказ, нужно было просто изложить проблему. Сам факт, что ты излагаешь проблему Грайлю, многое говорил о том, каким методом проблема окажется устранена.

– Почтамт – старое здание, там столько бумаги. И такой сухой бумаги, – сказал Позолот. – Будет досадно, если в таком славном месте вдруг случится пожар.

– Понял.

И это тоже было приятно. Он и впрямь говорил мало. Особенно мало он говорил о старых временах и старых проблемах, которые ему уже доводилось решать для Хвата Позолота. И никогда не говорил: «В каком смысле?» Он понимал.

– Тысяча триста долларов, – сказал он.

– Разумеется, – ответил Позолот. – Я перешлю на твой счет кликом через...

– Наличными, – сказал Грайль.

– Золотом? Я не держу столько золота! – воскликнул Позолот. – Могу достать, конечно, через несколько дней, но я думал, ты предпочитаешь...

– Я больше не доверяю клик-башням.

– Но у нас очень хорошие показатели...

– Я больше не доверяю клик-башням, – повторил Грайль.

– Договорились.

– Описание?

– Никто не может вспомнить, как он выглядит, – сказал Позолот. – Но на нем всегда большой золотой головной убор с крыльями, и у него апартаменты в здании Почтамта.

На мгновение что-то промелькнуло в тонких губах Грайля. Это была улыбка, испуганная незнакомой местностью.

– Он умеет летать? – спросил он.

– Увы, у него нет привычки к высоте, – ответил Грош.

Грайль встал.

- Будет сделано сегодня.
- С таким человеком приятно иметь дело. Точнее...
- Понял, – ответил Грайль.

Глава девятая

Поджог

Кулак и Труба – Глэдис на колесах – Мертвый Час – Иррациональный страх межзубного шпината – «Настоящие драки на пустом месте не случаются» – Как была украдена магистраль – Стэнли и его маленькая неприятность – Ножевой этикет – Лицом к лицу – Пожар

Почтовые кареты пережили упадок и смерть Почтамта, потому что у них не осталось выбора. Лошадей надо было как-то кормить. Да и потом, возницы никогда не прекращали работать. Залы опустели, люстры испарились, исчезло все, даже то, что было прибито гвоздями, но снаружи, в каретном дворе, пассажирский извоз процветал. Кареты не то чтобы разворовали, их не то чтобы отдали в дар... они просто перекочевали во владение возниц.

Ну а потом, если верить Грошу, самопровозглашенному хранителю истории Почтамта, остальных возниц сманил к себе Большой Джим «Стою-В-Полный» Врост, когда смог платить им жалованье из денег, выигранных в кулачном бою против Гарольда Башмака по прозвищу Кабан. Сейчас делом заправляли его сыновья, Гарри Врост по прозвищу Кулак и Мелкий Джим Врост по прозвищу Труба.

Мокриц понимал, что подход тут нужен тонкий.

Центром возничьего предприятия был большой сарай рядом с конюшней. Там пахло... нет, воняло... нет, *не дышалось* лошадьми, кожей, ветеринарными лекарствами, второсортным углем, бренди и дешевыми сигарами. Вот что такое *спертый* воздух. Его можно было нарезать брусками и продавать в качестве дешевого стройматериала.

В сарае Мокриц увидел огромного человека, который сидел спиной к ревущей печке. Он был закутан в столько телогреек и фуфаяк, что напоминал собой шарик. Другой человек такой же формы склонился над секретарем, и оба внимательно изучали какую-то бумагу.

Похоже, Мокриц зашел в разгар спора о рабочем графике, потому что человек у огня говорил:

– Если он заболел, так поставь малыша Альфреда в вечернюю смену, а...

Заметив Мокрица, он умолк, а потом обратился к нему:

– Да, господин? Чем могу помочь?

– Как насчет того, чтобы возить нашу почту? – спросил Мокриц.

Они вылупились на него, и человек, гревший свой зад у печки, тоже ухмыльнулся. Наверное, Джим и Гарри Врост были близнецами. Они были *крупными* парнями, и казалось, были сплошь сделаны из сала и бекона.

– Так это ты, что ль, тот блестящий новый почтмейстер, о котором нам тут рассказывали?

– Он самый.

– Ну так твой человек уже заходил, – сказал человек у печки. – Все уши нам прожужжал: и то мы вам должны, и это, и ни слова о вознаграждении!

– О вознаграждении? – Мокриц раскинул руки и просиял. – Вопрос только в этом? Так за чем же дело стало?

Он повернулся, открыл дверь и крикнул:

– Глэдис, давай!

В темноте со двора донеслись крики, а следом – треск древесины.

– Ты что натворил? – спросил шарообразный человек.

– Предлагаю следующее вознаграждение, – сказал Мокриц. – Вы перевозите почту – и ни одно колесо с ваших карет больше не пострадает. Честнее мне уже некуда. Ну что, устроит вас?

Человек, рыча, дернулся вперед, но второй возница ухватил его за куртку.

– Спокойно, Джим, – сказал он. – Он из чиновников, на него големы работают.

Как по команде в сарай вошел господин Помпа, пригнувшись, чтобы уместиться в дверной проем. Джим свирепо зыркнул на него.

– Мы его не боимся! – сказал Джим. – Им нельзя бить человекoв!

– Ошибаешься, – возразил Мокриц. – Возможно, смертельно.

– Тогда мы донесем на тебя Страже, – сказал Гарри Врост, вцепившись в брата. – Чтобы все по закону. Что на это скажешь?

– Отлично, зовите Стражу, – сказал Мокриц. – Я им скажу, что возвращаю украденное имущество. – Он повысил голос: – Глэдис!

На улице снова затрещало.

– Какое еще украденное! Это наши кареты! – возмутился Гарри Врост.

– И снова ошибаешься, – сказал Мокриц. – Господин Помпа?

– Почтовые Кареты Не Были Проданы, – загремел голем. – Кареты – Собственность Почтамта. Плата За Пользование Имуществом Почтамта Никогда Не Взималась.

– Ну все, с меня хватит! – прорычал Джим и стряхнул с себя брата. Господин Помпа немедленно сжал кулаки.

Мир замер.

– Погодь, Джим, погодь чуток, – осторожно сказал Гарри Врост. – О чем ты вообще, а, господин почтальон? Почтовые кареты всегда брали пассажиров, так? А потом почты не стало, а пассажиры остались, а кареты простаивали пустые, и лошадей тоже нужно чем-то кормить, вот наш папаша и платил и за корм, и за лечение, и никто...

– Вам нужно просто развозить почту, – перебил Мокриц. – И все. Каждая карета будет брать по мешку писем и отправлять туда, куда я скажу. Все. Сами думайте, где у вас больше шансов. Можете попытаться и уговорить Витинари, мол, что упало – то пропало, но пока мы во всем разберемся, столько времени пройдет, а вы столько денег потеряете... нет? Как скажете. Глэ...

– Нет! Нет! Постой, – поспешил Гарри. – Только мешки с почтой? И все?

– Что? – встрепнулся Джим. – Чего ты с ним разговоры разговариваешь? Владение имуществом, как говорится, все равно что право?

– А я владею големами, господин Врост, – сказал Мокриц. – А вы не владеете ни купчими, ни закладными, ни документами о продаже.

– Ах так? Ты у меня сейчас зубами не будешь владеть! – сказал Джим, рванувшись вперед.

– Тихо, тихо, – сказал Мокриц и, подняв руку, встал перед господином Помпой. – Не нужно меня снова убивать, господин Врост.

Братья были озадачены.

– Джим и пальцем тебя никогда не тронул, зуб даю. Ты чего это?

– Ох, Гарри, еще как тронул, – сказал Мокриц. – Вышел из себя, замахнулся, я упал, ударился головой вон о ту скамейку, поднялся, не понимая, где я и что со мной, ты пытался удержать Джима, но он ударил меня стулом, вот этим самым, и я помер, големы задержали тебя, Гарри, но Джиму удалось сбежать, и он добрался до Сто Лата, где его и взяла Стража, ах, какая история, какая погоня, и вы оба оказываетесь за решеткой, вас обвиняют в убийстве...

– Эй, я же не бил тебя стулом! – выпучил глаза Гарри. – Это был Джим... постой-ка...

– ...а этим утром господин Трупер снял мерки для ваших последних галстуков, и вот вы стоите в камере под виселицей, понимая, что ваше дело потеряно, ваши кареты потеряны, ваши славные лошади потеряны, а через две минуты...

Мокриц оставил предложение красноречиво незаконченным.

– Что? – спросил Гарри. На лицах обоих братьев было написано испуганное замешательство, которое через пять секунд грозило обернуться членовредительством, если Мокриц не справится. Вывести их из равновесия – вот что ему было нужно.

Мокриц мысленно сосчитал до четырех и сладко улыбнулся.

– ...появился ангел, – сказал он.

Десять минут могут многое изменить. За это время можно успеть заварить две чашки чаю – такого крепкого, что его можно мазать на хлеб.

Братья Врост едва ли верили в ангелов. Зато они верили в лапшу на ушах и охотно ей любовались, если она была развешана с особым изяществом. Бывают такие большие и энергичные люди, которые на дух не переносят, когда ты юлишь и вертишь хвостом, но встретят с распростертыми объятиями любого, кто скормит им возмутительное вранье, лишь бы с огнем в глазах.

– Надо же было тебе именно сегодня явиться, – сказал Гарри.

– И почему же?

– Да к нам сегодня в обед приходил человек из «Гранд Магистрали», предлагал большие деньги за наш бизнес. Непомерные, можно сказать.

Ага, подумал Мокриц. *Что-то затевается...*

– А ты, господин фон Липвиг, так ничего нам и не предложил, один гонор да угрозы, – сказал Джим. – Может, накинешь чего-нибудь сверху?

– Легко. Еще больше угроз, – сказал Мокриц. – А еще я освежу краску на всех ваших каретах за наш счет. Не глупите, господа. Вам подфартило, но Почтамт снова в деле. Вы продолжите заниматься своим обычным делом, просто вдобавок будете развозить нашу почту. Не томите, меня ждет дама, и вам прекрасно известно, что нельзя заставлять даму ждать. Что скажете?

– Это она ангел? – спросил Гарри.

– Он небось надеется, что нет, кха-кха-кха... – смех у Джима был такой, как будто бык откашливался.

– Кха-кха, – отозвался Мокриц без улыбки. – Ваша задача просто развозить мешки. Почтамт открывает новые горизонты, и без вас нам туда не добраться.

Братья переглянулись. Потом ухмыльнулись. Как будто одна улыбка расплзлась по двум лоснящимся красным лицам.

– Нашему отцу ты бы понравился, – сказал Джим.

– Кто бы ему не понравился, так это крысы из «Гранд Магистрали», – добавил Гарри. – Вот кого нужно поставить на место, господин фон

Липвиг, и люди говорят, тебе такое по зубам.

– Рабочие у них на башнях мрут как мухи, – сказал Джим. – Мы-то все видим, ага! Башни стоят вдоль наших маршрутов. Был у нас один контракт, мы развозили ребят до башен и слышали их разговоры. Так вот, раньше всю Магистраль ежедневно закрывали на один час, на техобслуживание.

– Это называлось Мертвый Час, – сказал Гарри. – Прямо перед рассветом. В это время люди умирают.

Через весь континент – линия света в предрассветной мгле врезается в предрассветную темноту. И начинается Мертвый Час: на обоих концах Магистральной заслонки восходящих и нисходящих линий останавливают передачу сообщений и замирают, одна за другой.

Рабочие на башнях гордились тем, как быстро умели переключить оборудование с черно-белой дневной трансляции на темно-светлый ночной режим. При благоприятных условиях они успевали проделать это практически без сбоев в передаче, цепляясь за шаткие лесенки высоко над землей, пока заслонки вокруг них щелкали и стучали. Были такие герои, которым удавалось за минуту зажечь все шестнадцать ламп на главной башне – скользя по лестницам, раскачиваясь на веревках, поддерживая жизнь башни. Жизнь, так они и говорили. Никто не хотел, чтобы башня затухала – даже на минуту.

Другое дело – в Мертвый Час. Один час в сутки на починки, замену деталей, на бумажную работу. Чаще всего на замену деталей. Чинить заслонку на верху башни было той еще морокой: все тряслось на ветру, кровь леденела в пальцах, и всегда было проще спустить заслонку вниз на веревке и поместить на ее место новую. Но когда времени в обрез, так заманчиво пойти против ветра и высвободить чертовы створки вручную.

Иногда ветер побеждал. В Мертвый Час умирали люди.

А когда человек умирал, его отправляли домой семафорами.

Мокриц разинул рот.

– Так они это называют, – сказал Гарри. – Не в прямом смысле, конечно. Они пересылают имя семафорщика с одного конца Магистральной на другой, заканчивая самой ближней к его дому башне.

– Да, но иногда они говорят, что умерший так и остается на башнях – сказал Джим. – «Жизнь на верхней частоте» – так они это называют.

– Только они чаще всего пьяные, когда так говорят, – вставил Гарри.

– Это да, тут не поспоришь, – согласился его брат. – Они же пашут не покладая рук. Сейчас уже нет даже Мертвого Часа – только двадцать минут.

И сплошные сокращения. Раньше по осьмицам они работали в щадящем режиме, но сейчас все идет на полной скорости каждый день, а башни ломаются и ломаются. Видали мы ребят, когда они спускались с башен, – глаза вращаются, руки трясутся, и они даже не знают, какой сейчас день. Они сходят там с ума. А? Во!

– Да они и приходят туда уже сумасшедшими, – сказал Гарри. – Только психи станут работать на такой верхотуре.

– Значит, они так сходят с ума, что даже нормальные сумасшедшие называют их психами?

– Верно. Но они все равно возвращаются наверх. Семафоры манят их обратно. Они проникают им в душу и поработают ее, – сказал Гарри. – Им платят жалкие гроши, но готов поспорить, они бы вернулись туда и бесплатно.

– «Гранд Магистраль» теперь стоит на крови, с тех пор как там сменилось начальство. Они убивают людей ради денег, – сказал Джим.

Гарри допил чай.

– Мы этого не потерпим, – заявил он. – Мы будем возить почту, господин фон Липвиг, даже несмотря на твою дурацкую шапочку.

– Скажите мне вот что, – сказал Мокриц, – слышали вы когда-нибудь о неких Дымящихся Гну?

– Не то чтобы, – сказал Джим. – Кто-то как-то обмолвился парой слов. Это что-то вроде клик-пиратов. И как-то они связаны с верхней частотой.

– Что за верхняя частота? Это... там, где живут мертвые?

– Слушай, господин фон Липвиг, мы просто слушаем, да? – сказал Джим. – Болтаем с ними о пустяках, потому что, когда они спускаются оттуда, они настолько не в себе, что того и гляди под колеса кареты выйдут...

– Это все от качания на ветру, – сказал Гарри. – Походка у них как у матросов.

– Точно. А верхняя частота... говорят, многие сообщения, которые передают по клик-башням, касаются только клик-башен, да? Приказы от начальства, инструкции, сообщения о сообщениях...

– ...имена погибших... – добавил Мокриц.

– И это тоже. Дымящиеся Гну эти тоже где-то там, – продолжал Джим. – Вот и все, что я знаю. Я вожу людей, господин фон Липвиг. Я не такой умный, как они там на башнях. Ха, я достаточно тупой, чтобы крепко стоять на земле!

– Расскажи господину фон Липвигу о башне 93, Джим, – сказал Гарри. – То-то у него волосы дыбом станут.

– Да-да, слышал эту историю? – спросил Джим, хитро косясь на Мокрица.

– Нет. Что там случилось?

– Там было только двое ребят, хотя положено трое. Один из них вышел в сильный ветер поддеть застрявшую заслонку, чего ему делать не следовало, свалился, и страховочный трос замотался у него вокруг шеи. Тогда второй парень стал его доставать и не надел страховочный трос, чего ему сделать следовало, и его, говорят, сдуло с башни.

– Какой ужас, – сказал Мокриц. – Не сказать, впрочем, чтобы волосы дыбом.

– Волосы дыбом хочешь? Десять минут спустя, как они оба померли, с башни было отправлено сообщение о помощи. И отправила его рука мертвеца, – Джим встал и нахлобучил свою треуголку. – Мне выезжать через двадцать минут. Рад знакомству, господин фон Липвиг.

Он открыл ящик старого стола и вынул оттуда кусок свинцовой трубы.

– Это от разбойников, – сказал он и вынул большую серебряную флягу бренди. – А это мне, – добавил Джим одобритительно. – А? Во!

Я-то думал, это на Почтамте полно сумасшедших, подумал Мокриц.

– Спасибо, – сказал он и поднялся на ноги. Потом подумал о загадочном письме у него в кармане, с какой бы целью оно ни было послано, и добавил:

– Вы в Псевдополис завтра не собираетесь?

– В десять утра, – сказал Гарри.

– У нас будет для вас почта.

– А оно того стоит? – спросил Джим. – Это больше пятидесяти миль, а я слышал, Магистраль должны починить. Поеду с остановками, так что доберусь только к вечеру.

– Попытка не пытка, Джим, – ответил Мокриц.

Возница хитро посмотрел на него, явно подозревая, что Мокриц что-то задумал, но сказал:

– А ты деловой, надо отдать тебе должное. Дождемся мы твоей почты, господин фон Липвиг, и удачи тебе во всем. А мне пора.

– На какой карете поедешь? – спросил Мокриц.

– На мне два первых перегона ночного рейса до Щеботана, отправление в семь, – сказал Джим. – Это если на карете еще колеса целы.

– Уже почти семь?

– Без двадцати минут.

– Я же опаздываю!

Мокриц побежал через двор, господин Помпа медленно шагал за ним

следом, а возницы провожали их взглядом.

Джим задумчиво натянул кожаные рукавицы и обратился к брату:

– У тебя бывает такое странное чувство...

– Еще как, Джим.

– Как думаешь, будут завтра проблемы на Магистрале между нами и Псевдополисом?

– Интересный вопрос. Ставлю два к одному, судя по тому, что у них там творится. Может, он просто рискованный парень, Джим.

– Да, – сказал Джим. – Да. А? Во!

Мокриц стянул с себя золотой костюм. Для рекламы он был хорош, спору нет, и в нем он чувствовал, что шик так и лезет у него из ушей, но прийти в таком наряде в «Залатанный Барабан» – это все равно что напрашиваться, чтобы тебя треснули табуреткой по голове, и не хотелось даже думать о том, что ползет у него из ушей после этого.

Он бросил фуражку на кровать и примерил второй костюм големского пошива. *Посерьезнее*, попросил он. Надо отдать должное закройщику. Костюм был таким черным, что если рассыпать по нему звездочки, на него слетелись бы совы. Мокрицу не хватало времени, но Дора Гая Ласска точно была не из тех, кого можно заставлять ждать.

– Отлично выглядите, сэр, – сказал Грош.

– Спасибо, спасибо, – ответил Мокриц, сражаясь с галстуком. – Остаешься за старшего, Грош. Вечером все должно быть спокойно. И запомни: завтра с самого утра принимаем почту до Псевдополиса, десять пенсов штука, ясно?

– Так точно, вашеблагородь. А сейчас можно надеть фуражку? – взмолился Грош.

– Что? Что? – спросил Мокриц, разглядывая себя в зеркало. – Взгляни-ка, у меня шпинат в зубах не застрял?

– Вы Ели Сегодня Шпинат, Господин Вон Липвиг? – спросил Помпа.

– Я не ел шпинат с тех пор, как научился плевать, – ответил Мокриц. – Но люди всегда переживают об этом в такие моменты. Я думал, вдруг он как-нибудь сам появится. Как... мох. О чем ты спрашивал, Толливер?

– Можно мне надеть фуражку, сэр? – терпеливо переспросил Грош. – Раз я ваш и.о., а вы уходите?

– Но мы же закрыты!

– Да, но... я это... я просто хочу поносить фуражку. Немножко, сэр. Если вы не против, – Грош переступил с ноги на ногу. – Я ведь остаюсь за

старшего.

Мокриц вздохнул.

– Да, Грош, конечно. Можешь поносить фуражку. Господин Помпа?

– Да?

– Господин Грош сегодня за старшего. Не следуй за мной, пожалуйста.

– Не Буду. Начинается Выходной. У Меня И У Всех Нас. Вернемся Завтра На Закате.

– А... ясно, – один день, раз в неделю, госпожа Ласска предупреждала. То, что отличает големов от молотков. – Было бы неплохо знать об этом заранее, между прочим. У нас завтра не будет хватать рук.

– Тебя Предупреждали, Господин Вон Липвиг.

– Да, да. Это ваше правило. Просто как нам завтра...

– Не берите в голову, сэр, – сказал Грош. – Я сегодня взял на работу нескольких ребят – и сыновей почтальонов, и внуков. Никаких проблем, сэр. Завтра они выйдут разносить почту.

– О. Хорошо. Тогда все нормально, – Мокриц снова поправил галстук. Черный галстук на черной рубашке под черным сюртуком даже найти непросто. – Ну что, господин Помпа? По-прежнему никакого нашествия шпината? Мне пора на встречу с дамой.

– Да, Господин Вон Липвиг. С Госпожой Ласской, – невозмутимо подтвердил голем.

– Откуда ты знаешь? – спросил Мокриц.

– Ты Кричал Об Этом В Присутствии Примерно Ста Человек, Господин Вон Липвиг. Мы, Големы, Желаем Госпоже Ласске Большого Человеческого Счастья. Она Пережила Нелегкие Времена. Ей Нужен Человек С...

– ...с зажигалкой? – быстро вставил Мокриц. – Ничего не говори, господин Помпа, очень тебя прошу! Купидоны – это такие... пухлые детишки в подгузниках, а не большие глиняные дяди, договорились?

– Ангхаммарад Говорит, Что Она Напоминает Ему Лелу – Богиню Вулканов, Которая Постоянно Дымит, Потому Что Бог Дождя Пролился Над Ее Лавой, – продолжал голем.

– Женщины вечно жалуются на такие вещи, – сказал Мокриц. – Я нормально выгляжу, господин Грош?

– Ох, сэр, – сказал Грош. – Не думаю, что Мокрицу фон Липвигу стоит волноваться перед свиданием с барышней!

Если подумать, подумал Мокриц, несясь по людным улочкам, он никогда не был на свидании с барышней. За столько-то лет. О, Альберт и компания знали сотни барышень и всячески развлекались, в том числе

Альберту один раз вывихнули челюсть, включая один перелом челюсти, что было развлечением в самом невеселом смысле. Но Мокриц – никогда. Он всегда прятался за накладными усами или очками или попросту за вымышленным образом. Он снова почувствовал себя обнаженным и начал жалеть, что сбросил свой золотой костюм.

Добравшись до «Залатанного Барабана», он вспомнил, почему это сделал.

Все говорили ему, что Анк-Морпорк в эти дни стал куда цивилизованнее, что Стража и Гильдии положительно влияли на город, и вероятность нападения на обычного человека, который просто идет по своим делам, стала в Анк-Морпорке просто вероятностью, а не само собой разумеющимся событием. А улицы стали такими чистыми, что иногда их даже было видно.

Но в «Залатанном Барабане» все оставалось по-старому. Кто-нибудь обязательно пробьет собственной головой дверь и упадет на мостовую, прямо вам под ноги, а если нет – значит, что-то не так с этим миром.

Драка только начинала разворачиваться. Более или менее. Потому что хоть в чем-то время не стояло на месте. Теперь уже нельзя было просто схватить человека и забить его топором. К пьяным дракам предъявлялись определенные *требования*. Мокриц прошел мимо большой компании людей, которых отличали сломанные носы и недостаток одного уха. Они склонились друг к другу и бурно совещались.

– Послушай-ка, Боб, я что, непонятно выражаюсь? Это неприлично, в конце концов! Настоящие драки на пустом месте не случаются. Нельзя просто взять и навалиться – это уже не модно. Так вот, Устрица Дэйв... надень шлем обратно, Дэйв... он будет враг на передней позиции, а Базальт, которому, как все мы знаем, шлем не нужен, он будет враг, подкрадывающийся сзади. Так, времени на кастет уже не остается. Допустим, Подлива исполнит свой коронный прием с Опрокидыванием Лавки, потом немного поиграемся с ножами, покачаемся на лампе, вот это вот все, потом в ход идет Второй Стул – это ты, Боб, – ловко становишься между их Пятым Номером и Бутылем, закидываешь стул себе за голову, вот так... извини, Остряк... и потом наотмашь бьешь Пятым Номером – бум, хрясь, и шесть чистых очков в твой карман. Если же Пятым Номером выставят гнома, то стул его не остановит, но ты не дрейфь, не выпускай из рук, что останется от стула, замри на секунду, а когда он бросится на тебя – врежь ему по ушам. Они этого терпеть не могут, спроси вот Рукисилу. Еще три очка. После этого придется импровизировать, но я хочу, чтобы вы все – Мик Мак и Хрустяш, это и вас касается – попробовали провернуть

Двойного Эндрю, когда дело снова дойдет до кулаков. Помните? Сталкиваетесь спинами, поворачиваетесь, чтобы задать друг другу взбучку, затем момент радостного узнавания, потом беретесь под левый локоть, разворот – и выводите из строя противника ногами, кулаками, чем хотите. Сразу пятнадцать очков, если все гладко провернуть. И не забывайте: Игорь стоит наготове, так что если у кого оттяпают руку, подберите ее с пола и врежьте ей противнику – получите двадцать очков и радость в зале. Кстати об этом, помните, что я вам сказал насчет татуировок с вашими именами на всех частях тела, да? Игорь старается как может, но вы встанете на ноги гораздо быстрее, если облегчите ему работу, и самое главное, если это будут *ваши* ноги. Итак, всем занять свои позиции, пробежимся еще раз по плану...

Мокриц обогнул их стол и окинул взглядом огромное помещение. Главное – не сбавлять темп. Это привлекает внимание.

Он увидел тонкую струйку синего дыма, возносящуюся над толпой, и стал пробивать себе дорогу.

Госпожа Ласска сидела одна за крошечным столиком, на котором стояла крошечная рюмка. Она, должно быть, пришла совсем недавно – сиденье напротив было свободно.

– Часто здесь бываешь? – спросил Мокриц, быстро присев на стул.

Госпожа Ласска вздернула брови.

– Да. А что?

– Не думаю, что это самое безопасное место для женщины.

– Это с такими-то большими и сильными защитниками вокруг? Не хочешь что-нибудь выпить?

Чтобы прорваться к бару, Мокриц рассыпал на пол горстку мелочи. Это всегда помогало расчистить проход.

Вернувшись, он обнаружил, что его место было занято Пока-Что-Дружелюбным-Пьяницей. Мокриц встречал таких типов, и ключевые слова тут были «пока что». Госпожа Ласска отодвинулась подальше, уклоняясь от его знаков внимания и, не в последнюю очередь, дыхания.

Мокриц расслышал характерные призывы от души напившегося человека.

– Шта... да? Я это к тому, шта... да, ну, тыпнимайшь, ну, давай поцелуемся, что ли? Я, вот что, я...

О боги, мне придется вмешаться, подумал Мокриц. Он огромен, у него при себе нож размером с мясницкий топор, и стоит мне слово сказать, как он сразу перейдет в четвертую стадию, Агрессивный-Неуправляемый-Психопат, а такие обычно успевают нанести пару

удивительно точных ударов до того, как упадут.

Мокриц поставил бокал на стол.

Госпожа Ласска бросила на него мимолетный взгляд и покачала головой. Под столом произошло какое-то движение – тихий, мягкий звук – и пьянчуга резко подался вперед, побелев, как полотно. Кроме него и Мокрица никто не услышал мурлычущий голос госпожи Ласски:

– Тебе в ногу упирается четырехдюймовый каблук туфли от «Красотки Лукреции», самой опасной обуви во всем мире. С учетом массы на квадратный дюйм, это как если бы на тебя прыгнул очень острый слон. Я знаю, что ты сейчас думаешь. Ты думаешь: «Может ли она продавить до самого пола?» И знаешь что? Я сама не уверена. С подошвой твоего башмака могут возникнуть проблемы, но со всем остальным – точно нет. Но это еще не самое плохое. Тревожно то, что в детстве меня буквально *из-под палки* заставляли заниматься балетом, так что теперь у меня удар, как у мула. Ты сидишь прямо напротив меня, и у меня есть второй сапог. Вижу, ты все и сам понял. Теперь я уберу каблук.

Из-под стола послышалось тихое «плюх». Очень осторожно мужчина встал, развернулся и захромал прочь, ни разу не обернувшись.

– Мне можно тебя побеспокоить? – спросил Мокриц.

Госпожа Ласска кивнула, и он сел за стол, скрестив ноги.

– Он был просто пьян, – заметил Мокриц.

– Мужчины всегда так говорят. Но ты сам знаешь: если бы я этого не сделала, ты бы сейчас собирал зубы в фуражку. Которой я, кстати, на тебе не вижу. Видимо, сегодня здесь твое тайное «я». Извини, я что-то не так сказала? Ты пролил пиво.

Мокриц вытер напиток с лацкана.

– Нет, это я, – ответил он. – Весь как на ладони.

– Ты едва меня знаешь, но приглашаешь на свидание, – сказала госпожа Ласска. – Почему?

Потому что ты назвала меня жуком, подумал Мокриц. Потому что ты с самого начала видела меня насквозь. Потому что ты не пригвоздила меня к стене арбалетной стрелой! Потому что ты не любишь пустых разговоров. Потому что я хочу узнать тебя поближе, даже если это будет все равно что целоваться с пепельницей. Потому что я хочу узнать, сможешь ли ты вложить в свою жизнь столько страсти, сколько вкладываешь в одну затяжку. Что бы там ни говорила госпожа Макалариат, я хочу крутить с тобой шуры-муры, госпожа Дора Гая Ласска... уж во всяком случае шуры, а в перспективе муры, когда мы узнаем друг друга поближе. Я хочу знать о твоей душе столько же,

сколько ты знаешь о моей...

Мокриц сказал:

– Потому что я едва тебя знаю.

– Я в общем-то тоже едва тебя знаю, – ответила госпожа Ласска.

– Очень на это надеюсь, – сказал Мокриц, и она даже улыбнулась.

– Хороший ответ, складный. Где мы *все-таки* будем ужинать?

– В «Счастливой Печенке», естественно, – ответил Мокриц.

Она искренне удивилась.

– Ты заказал столик?

– О да.

– У тебя там родственник работает? Ты шантажируешь метрдотеля?

– Нет. Но я зарезервировал место, – ответил Мокриц.

– Тут точно какая-то хитрость, – сказала госпожа Ласска. – Я впечатлена. Но должна тебя предупредить. Наслаждайся ужином. Он может стать последним.

– Что?

– Компания «Гранд Магистраль» убивает людей, господин фон Липвиг. Разными способами. А ты путаешься у Хвата Позолота под ногами.

– Да ладно тебе! Я им мешаю не больше, чем оса на пикнике!

– И что, по-твоему, люди делают с осаами? – спросила госпожа Ласска. – У «Гранд Магистрала» проблемы, господин фон Липвиг. Руководство использует компанию в качестве машины для зарабатывания денег. Они думают, чинить дешевле, чем содержать в порядке. Они экономят на всем, на всем. Эти люди не понимают шуток. Хват Позолот прихлопнет тебя – и глазом не моргнет.

– Но я очень... – попытался Мокриц.

– Думаешь, это игра? Позвонил в дверь и убежал? Позолот метит в кресло патриция, все так говорят. И тут вдруг появляется этот... *идиот* в золотой шляпе, напоминает всем, какой бардак происходит с семафорами, смеется над этим, открывает Почтамт...

– Секунду, секунду, – встрял Мокриц. – Это большой город, а не какое-нибудь захолустье. Люди не избавляются от конкурентов вот так запросто.

– Это в Анк-Морпорке-то? Ты правда так считаешь? О, он тебя не убьет. Он даже не станет утруждать себя официальным обращением в Гильдию Убийц. Ты просто умрешь. Как мой брат. А он будет за этим стоять.

– Твой брат? – спросил Мокриц. В стороне вечерняя кабацкая драка началась виртуозно исполненным приемом Ты-На-Меня-Не-Так-Посмотрел, принесшим драчунам два очка и выбитый зуб.

– Они – мой брат и те, кто работал на Магистрали до того, как ее захватили – *захватили*, господин фон Липвиг, – они собирались открывать новую Магистраль, – сказала госпожа Ласска и наклонилась к нему. – Кое-как они наскребли на постройку нескольких демонстрационных башен. Новая система обещала быть в четыре раза быстрее прежней, у ребят было много разных умных идей для кодировки... это было бы замечательно. Многие из тех, кто работал еще на моего отца, отдавали им свои сбережения. Понимаешь, большинство талантливых инженеров ушли из компании, когда отец потерял Магистраль. Они ненавидели Позолота и его шайку мародеров. Мой брат хотел вернуть нам все наши деньги.

– Я запутался, – сказал Мокриц. В столешницу вонзился топор и завибрировал.

Госпожа Ласска посмотрела на Мокрица и выдула струю дыма мимо его уха.

– Моего *отца* звали Роберт Ласска, – сказала она отрешенным голосом. – Он был главой *первой* «Гранд Магистрали». Все его мысли были о клик-башнях. Он собственноручно спроектировал половину механизмов. Он нашел других инженеров, серьезных, с логарифмическими линейками, они взяли в долг денег, заложили свои дома и построили местную систему сообщения, а всю прибыль пустили на строительство Магистрали. В Магистраль вкладывали *очень* много денег, каждый город хотел быть частью сети, все хотели разбогатеть. У нас тогда была своя конюшня. А у меня лошадь. Да, я не очень ее любила. Но я кормила ее и смотрела, как она бежит или что там делают лошади. Все шло хорошо, а потом отец вдруг получил письмо, они собрали совещание, и ему сказали, что, мол, повезло, что его не посадили в тюрьму за, ох, не знаю, что-то сложное и юридическое. Но клик-башни приносили огромный доход. Ты понимаешь? А Хват Позолот вел себя с нами по-дружески, о да, но он выкупил закладные, взял контроль над банковскими расчетами, подтасовал цифры и выдернул «Гранд Магистраль» у нас из-под носа как самый настоящий *вор*. Ему нужны только деньги. Ему плевать на Магистраль. Он разрушит ее до основания, а потом продаст и получит еще больше денег. Когда делом заправлял отец, люди *гордились* своей работой. И они были инженерами, так что они все делали для того, чтобы башни работали как часы. Они даже придумали так называемые «ходячие башни»: заранее собранные блоки грузили на пару больших повозок, и если где-то башня испытывала серьезные неполадки, рядом с ней можно было возвести временную, чтобы не пропало ни одного сигнала. Они *гордились* своим делом, все до единого, они гордились быть частью этого!

«Вы бы только видели», – сказал Мокриц сам себе. Он не собирался делать этого вслух.

В другом конце кабака один человек ударил другого его собственной ногой и заработал семь очков.

– Да, – сказала госпожа Ласска, – вы бы видели. А три месяца назад мой брат Джон накопил достаточную сумму, чтобы начать конкурировать с Магистралью. Пришлось попотеть. Позолот всюду запустил свои щупальца. В общем, Джона нашли в поле мертвым. Сказали, он не пристегнул страховочный трос. Он всегда пристегивался. И отец теперь просто сидит, уставившись в стену. Он потерял даже свою мастерскую, у нас все конфисковали. Мы потеряли дом, естественно. Теперь живем у моей тети в Сестричках Долли. Вот чем все закончилось. Когда Хват Позолот говорит о свободе, он имеет в виду свою свободу, и больше ничью. И вот откуда ни возьмись появляешься ты, господин Мокриц фон Липвиг, весь новенький и блестящий, бегаешь как заведенный и делаешь все и сразу. Почему?

– Витинари предложил мне пост, вот и вся история, – сказал Мокриц.

– Почему ты согласился?

– Это было предложение, от которого нельзя отказаться.

Она посмотрела на Мокрица так пристально, что тому стало не по себе.

– Ну, столик в «Счастливой Печенке» тебе удалось заказать, – заключила она, а за спиной у нее в балку вонзился нож. – Соврешь, если я спрошу тебя, как?

– Скорее всего.

– Хорошо. Тогда пойдем?

Небольшая лампа горела в душной тесноте гардероба, и свет от нее расходился лучами удивительной яркости. В центре сияния с увеличительным стеклом в руке сидел Стэнли, разглядывая марки.

Это... был... рай. Горошины известны своей педантичностью, и скрупулезность Стэнли тоже не знала границ. Господин Шпулькс так разнервничался от его улыбки, что отдал ему все пробные листы и все неудачные страницы, и теперь Стэнли тщательно их каталогизировал: сколько штук, какие ошибки, все до мелочей.

Ему стало чуточку совестно. Это было лучше булавок, правда же, лучше. Марки не знали конца. На них можно было сделать любой рисунок. Они были восхитительны. Сначала они отправляли письма в путешествия, а потом их можно было аккуратно наклеить в альбом. И от марок у тебя

никогда не будет «мозоли булавочника».

Он читал об этом чувстве в булавочных журналах. Там писали, что человек может разбулавиться. Женщины и брак нередко упоминались в этом контексте. Иногда бывшие булавочники целиком продавали свои коллекции, вот так просто брали – и продавали. Или на очередной булавочной встрече кто-то вдруг швырял все свои булавки в воздух и убегал с криком: «А-а-а, да это же просто булавки!» Вплоть до этого момента такое казалось Стэнли немислимым.

Он взял маленький мешочек с разномастными булавками и уставился на него. Несколько дней назад простая мысль о том, чтобы провести вечерок с булавками, вселяла в него теплое, приятное ощущение. Но теперь настало время оставить детские забавы.

Что-то закричало.

Это был хриплый гортанный звук – порок и голод, обретшие голос. Мелкие, съезжившиеся зверьки, похожие на землероек, некогда слышали подобные звуки, разносившиеся над болотами.

Когда момент первобытного ужаса отступил, Стэнли пробрался к двери и вышел в коридор.

– Э-эй? – крикнул он в крошечную тьму коридора. – Кто здесь?

Ответа, к счастью, не последовало, но под крышей послышалась какая-то возня.

– Мы вообще-то закрыты, – сказал он дрожащим голосом. – Мы откроемся в семь утра, и вы сможете приобрести разнообразные марки и отправить письмо в Псевдополис по выгодной цене, – его голос выровнялся, и он нахмурился, пытаясь вспомнить все, что ранее сказал господин фон Липвиг. – Помните, даже если мы не самые быстрые, мы всегда доберемся, куда нужно. Почему бы не написать письмо вашей бабушке?

– Я съел свою бабушку, – прорычал голос сверху, из темноты. – И обглодал косточки.

Стэнли закашлялся. Таким тонкостям торговли его не обучали.

– Гм, – протянул он. – Тогда тетушке?

Он сморщил нос. Почему в воздухе пахло ламповым маслом?

– Эй? – позвал он снова.

Что-то упало с высоты, отскочило от его плеча и приземлилось на пол с влажным шлепком. Стэнли наклонился, пошарил рукой и нащупал голубя. Половину голубя. Он был еще теплым и очень липким.

Господин Грайль сидел на балке высоко над холлом. В животе у него

полыхало пламя.

Плохо, когда старые привычки слишком тяжело искоренить. Это было у него в крови. Что-то теплое и пернатое порхнет перед тобой – и *естественно*, ты срываешься. В Анк-Морпорке голуби гнездились на каждом желобе, карнизе и памятнике. Даже местные горгульи не могли на это повлиять. Он съел шестерых, прежде чем пробрался сквозь дыру в куполе, и оттуда вырвалось огромное и теплое пернатое облако, и красная пелена застлала ему глаза.

До чего же они вкусные. Невозможно остановиться! Но проходит пять минут – и ты вспоминаешь, почему нужно было ограничиться одной штукой.

Это были дикие городские птицы, которые питались тем, что находили на улицах – анк-морпоркских улицах, на минуточку. Голуби представляли собой курлычущие, кивающие рассадники заразы. С тем же успехом можно было съесть сэндвич с собачьими экскрементами и запить его большой кружкой помоев.

Господин Грайль застонал. Надо сделать дело, убраться отсюда и протошниться где-нибудь на людной улице. Он сбросил во тьму бутылку с маслом и нашарил спички. Его сородичи поздно открыли для себя огонь, потому что гнезда слишком легко горят, но у огня были свои преимущества...

Пламя вспыхнуло под потолком в дальнем конце холла. Огонек упал со стропил и приземлился на грудку писем. Со свистом масло воспламенилось. Синие языки стали карабкаться по стенам.

Стэнли посмотрел вниз. В нескольких шагах, в свете пламени, ползущего по письмам, на полу лежала скрюченная фигура. Рядом с ней валялась золотая фуражка с крыльями.

Стэнли посмотрел вверх. Существо с горящими в свете костра красными глазами спланировало со стропил и полетело на него с распахнутым ртом.

В этот самый момент все для господина Грайля пошло наперекосяк, потому что со Стэнли приключился очередной эпизод.

Апломб – вот что было нужно. Мокриц разбирался в апломбе. Им обладали, например, представители старой знати. Это значило абсолютную и несомненную уверенность в том, что все будет идти именно так, как они ожидают.

Метрдотель проводил их к столику, ни секунды не колеблясь.

– Ты точно можешь себе это позволить на государственное жалование, господин фон Липвиг? – спросила госпожа Ласска, когда их усадили. – Или мы уйдем задним ходом?

– Я думаю, что располагаю достаточными средствами, – сказал Мокриц.

Он знал, что скорее всего нет. В ресторане, где даже горчицу подносит отдельный официант, и цены соответствующие. Но Мокриц пока не думал о счете. Со счетами всегда можно разобраться, и делать это лучше на сытый желудок.

Они заказали закуски, которые, наверное, стоили дороже недельного рациона нормального человека. Не было даже смысла искать самое дешевое блюдо в меню. Оно, теоретически, должно было существовать, но, как бы ты ни старался, оно никак не отыскивалось. С другой стороны, самые дорогие блюда были представлены в изобилии.

– Мальчики пообвыклись на новом месте? – спросила госпожа Ласска.

Мальчики, подумал Мокриц.

– О да. Ангхаммарад очень доволен. Прирожденный почтальон, – сказал он.

– У него есть опыт.

– А что за коробочка у него на руке?

– Это? Послание, которое ему нужно доставить. Это не оригинал, конечно, – оригинал представлял собой глиняную табличку. Пару-тройку раз ему пришлось делать копии, а бронза по меркам големов очень недолговечный материал. Это послание для Короля Хета из Тата от его астрологов со священной горы, с известием, что Богиня Морская разгневалась, и какие нужно провести церемонии для ее улагодворения.

– Я думал, все это уже затонуло. Он, кажется, говорил...

– Да, да, Ангхаммарад опоздал, и его смыло приливной волной, а сам остров затонул.

– И... – сказал Мокриц.

– И что?

– И не думает ли он, что на сегодняшний день это уже немного не актуально?

– Нет. Не думает. Ты не понимаешь, как видят это големы. Они верят, что вселенная имеет форму пончика.

– Пончика с дыркой или пончика с джемом? – спросил Мокриц.

– С дыркой, разумеется, и не задавай больше вопросов о кулинарных тонкостях, я же вижу, что ты пытаешься обратить это в шутку. Они считают, что у вселенной нет ни начала, ни конца. Мы ходим по кругу, но

нам необязательно принимать каждый раз одни и те же решения.

– Например, можно встретить своего ангела более приятным путем, – сказал Мокриц.

– О чем ты?

– Кхм... значит, он ждет, пока история с приливом не повторится снова, чтобы в этот раз оказаться там вовремя и все исправить?

– Да. И не надо мне указывать на дыры в этой теории. Его это устраивает.

– Он готов ждать миллионы лет?

– Это не проблема для голема. Это вопрос времени. Им не бывает скучно. Они чинят себя сами, их очень сложно разбить. Они выживают и под водой, и в вулканической лаве. Может, у него и получится, кто знает? До тех пор он найдет чем себя занять. Совсем как ты, господин фон Липвиг. Ты *очень* занят...

Госпожа Ласка застыла, уставившись поверх его плеча. Лихорадочно пошарив среди столовых приборов, она схватилась за нож.

– Этот мерзавец только что вошел в ресторан! – прошипела она. – Хват Позолот! Сейчас пойду убью его и вернусь к десерту...

– Так нельзя! – прошипел в ответ Мокриц.

– Это почему еще?

– У тебя неправильный нож! Он для рыбы! У тебя будут неприятности!

Госпожа Ласка сверкнула на него глазами, но разжала пальцы, и на ее лице промелькнуло подобие улыбки.

– У них нет ножей для закалывания убийц и подлецов? – спросила она.

– Их подают по отдельному требованию, – ответил Мокриц поспешно. – Слушай, здесь не «Залатанный Барабан», тут не избавляются от тел, просто свалив их в реку! Тут зовут Стражу! Возьми себя в руки. Себя, а не нож! И готовься бежать.

– Зачем?

– Затем, что я подделал его подпись на гербовой бумаге «Гранд Магистрали», чтобы попасть сюда, вот зачем.

Мокриц обернулся и впервые увидел этого человека во плоти. Он был большим, похожим на медведя, во фраке, под которым уместилось бы двое, и в жилете с золотой тесьмой. А на плече у него сидел попугай – впрочем, официант уже выбежал им навстречу с блестящей медной жердочкой и, наверное, с картой семечек и орехов.

С Позолотом прибыла компания прилично одетых людей, и когда они прошли по ресторану, все заведение завращалось вокруг них – ведь у

золота такая высокая плотность, что оно обладает собственной силой притяжения. Официанты суетились, и лебезили, и с важным видом делали НЕважные вещи, и через минуту-другую кто-нибудь должен был сообщить Позолоту, что *остальные* гости уже прибыли. Но Мокриц бегал взглядом по залу в поисках... ага, вот они, двое. В чем особенность вышибал, почему им невозможно скроить костюм по фигуре?

Один следил за входом, другой за залом, и можно не сомневаться, как минимум третий был еще и в кухне.

...и да, метрдотель отрабатывал свои чаевые, уверяя важного гостя, что о его друзьях уже позаботились...

...большая голова с львиной гривой повернулась в сторону их стола...

...госпожа Ласска пробормотала: «Боги мои, он идет к нам!»...

...и Мокриц встал из-за стола. Вышибалы сменили позицию. Здесь они ничего с ним не сделают, но никто и бровью не поведет, когда его стремительно и уверенно выведут на разговор в соседнюю подворотню. Позолот оставил озадаченных гостей и надвигался на них, лавируя между столов.

Здесь понадобятся навыки или общения, или полетов в окно. Но Позолоту придется быть с ним хотя бы отдаленно учтивым. Люди смотрели.

– Господин Хват Позолот? – спросил Мокриц.

– Собственной персоной, – Позолот растянул губы в улыбке, в которой не было ни капли юмора. – Вы, кажется, поставили меня в невыгодное положение...

– От души надеюсь, что это не так, господин, – сказал Мокриц.

– Оказывается, я обратился к ресторану с просьбой оставить столик на твое имя, господин... фон Липвиг?

– Неужели, господин Позолот? – спросил Мокриц с крайне убедительным непониманием. – Мы зашли в надежде, что тут окажется свободный столик, и были поражены, когда для нас нашлось место!

– Значит, по меньшей мере одного из нас держат за дурака, господин фон Липвиг, – сказал Позолот. – Но скажи мне, ты и вправду Мокриц фон Липвиг, почтмейстер?

– Да, это я.

– А где же фуражка?

Мокриц прочистил горло.

– Это не обязательная форма одежды, – ответил он.

Крупное лицо молча смотрело на него, а потом Позолот протянул ему

руку, огромную, как перчатка сталевара.

– Исключительно рад встрече, господин фон Липвиг. Надеюсь, твоя светлая полоса еще продолжится.

Мокриц пожал его руку и почувствовал не железную хватку, но крепкое рукопожатие честного человека, и заглянул в честный, уверенный глаз Хвата Позолота.

Мокриц давно трудился на своем поприще и считал себя профессионалом, но будь на нем сейчас фуражка, он бы ее снял. Перед ним стоял настоящий ас. Мокриц чувствовал это в рукопожатии, видел это в решительном взгляде его единственного глаза. Сложись обстоятельства иначе, он бы умолял Позолота взять его в подмастерья, был бы рад драить ему полы и готовить еду, чтобы только иметь возможность присесть у подножья его величия и обучиться мастерству игры в наперсток целыми банками. Мокриц кое-что понимал в этом, и человек, стоявший перед ним, был величайшим мошенником из тех, что попадались ему на пути. И он *демонстрировал* это. Он превратил это в собственный стиль. Пиратские кудри, повязка, даже несчастный попугай. Двенадцать с половиной процентов, ради всего святого, неужели никто не заметил? Он сказал им, кто он есть, а они рассмеялись и полюбили его за это. От такого перехватывало дыхание. Если бы Мокриц фон Липвиг разрушал чужие карьеры, это было бы все равно что встретиться с человеком, который мог разрушать цивилизации.

Все это произошло в одно мгновение, краткой вспышкой взаимопонимания, искоркой во взгляде. Но тут что-то промелькнуло перед ним со скоростью рыбешки, удирающей от акулы.

Позолот был не удивлен – он был *шокирован*. На долю секунды, которую едва ли можно было отмерить на часах, но мир для Хвата Позолота накренился. Этот момент сразу же был стерт им без остатка, и осталась только уверенность Мокрица в том, что он случился, и эта уверенность была непоколебимой.

Ему жутко не хотелось отпускать руку Позолота – на случай, если его на месте поразит молния. Ведь если он распознал истинную природу Позолота, тот тем более должен был раскусить его.

– Благодарю, господин Позолот, – сказал Мокриц.

– Мне известно, что ты был столь любезен, что доставил сегодня по адресу наши сообщения, – проговорил Позолот.

– Мне было это в радость, господин Позолот. Если тебе впредь понадобится наша помощь, только попроси.

– Хм, – сказал Позолот. – Самое меньшее, что я могу для тебя

сделать, – это оплатить ваш ужин, почтмейстер. Все будет записано на мой счет. Ни в чем себе не отказывайте. А теперь, если ты меня извинишь, мне пора возвращаться... к *остальным* моим гостям.

Он поклонился кипящей от негодования госпоже Ласске и удалился.

– Управление ресторана выражает свою признательность за то, что ты не стала убивать посетителей, – сказал Мокриц, присаживаясь. – Теперь давай...

Он замолк и уставился в пространство.

Госпожа Ласска, которая до этого ждала, когда можно будет сорваться, заглянула ему в лицо и засомневалась.

– Тебе нехорошо? – спросила она.

– Они... горят, – сказал Мокриц, выпучив глаза.

– Боги дорогие, ты весь побледнел!

– Слова... они кричат... я чувствую дым!

– За соседним столиком заказали блинчики, – сказала госпожа Ласска. – Это просто... – Она замолчала и принялась. – А вообще-то пахнет... *бумагой*...

Все обернулись на них, когда Мокриц опрокинул стул.

– Почтамт горит! Я *точно* знаю! – воскликнул он, развернулся и убежал.

Госпожа Ласска догнала его уже у выхода, где его перехватил один из вышибал. Она постучала громиле по плечу, а когда тот повернулся, чтобы оттолкнуть ее, с силой наступила ему на ногу. Он завопил, а она потащила ошеломленного Мокрица прочь.

– Воды... нужно достать воды... – простонал он. – Они горят! Они все горят!

Глава десятая

Горящие слова

В которой Стэнли сохраняет спокойствие – Мокриц герой – Поиски кота до добра не доведут – Что-то в темноте – Господину Грайлю оказано сопротивление – Огонь и вода – Господин фон Липвиг содействует Страже – Танцы на грани – Господин фон Липвиг понимает религию – Время возможностей – Заколка госпожи Макалариат – Чудо

Письма горели.

Часть потолка обвалилась, и еще больше писем градом посыпались в пламя. Огонь уже подбирался к верхним этажам. Пока Стэнли тащил господина Гроша через холл, на пол рухнул еще один кусок штукатурки. Старые письма, которые посыпались следом, уже горели. Густой как суп дым клубился высоко под потолком.

Стэнли втащил старика в гардероб и уложил его на кровать. Золотую фуражку он тоже прихватил, потому что господин фон Липвиг рассердится, если он ее не уберезет. Потом он запер дверь и взял с полки над столом Гроша Устав. Стэнли методично листал фолиант, пока не добрался до страницы «Что Делать В Случае Пожара».

Стэнли всегда следовал правилам. Если не следовать правилам, все может плохо кончиться.

Он уже выполнил пункт 1. «При Возникновении Пожара Сохраняйте Спокойствие».

Теперь нужно было выполнить пункт 2. «Громко И Четко Крикните: “Пожар!”»

– Пожар! – закричал он и вычеркнул пункт 2 карандашиком.

Далее следовал пункт 3. «Попытайтесь Потушить Пожар, Если Возможно».

Стэнли подошел к двери и выглянул наружу. Пламя полыхало, а дым стоял коромыслом. Он посмотрел на все это пару секунд, покачал головой и закрыл дверь.

Пункт 4 гласил: «Если Вы Оказались В Охваченном Пожаром Здании, Попытайтесь Его Покинуть. Не Открывайте Двери, Если Они Теплые. Не Пользуйтесь Лестницами, Если Они Горят. Если Найти Выход Не Представляется Возможным, Сохраняйте Спокойствие И Ожидайте а) Помощи, б) Смерти».

Этим руководство и ограничивалось. Мир булавок был прост, и Стэнли плавал в нем свободно, как рыбка в аквариуме, но все остальное было ужасно сложным, и только строго соблюдая правила, можно было как-то жить.

Он посмотрел на закопченные оконца. Они были слишком узкими, чтобы пролезть через них, и к тому же были намертво замурованы многочисленными слоями краски, так что он просто разбил одно стекло, чтобы впустить внутрь свежий воздух, и сделал запись в книге поломок.

Господин Грош еще дышал, но с тревожным бурлящим звуком. В гардеробе была аптечка, потому что так требовалось по Уставу, но в ней нашелся только моток бинтов, пузырек чего-то черного и липкого и запасная челюсть господина Гроша. Господин Грош всегда запрещал ему прикасаться к его самодельным лекарствам, и Стэнли тщательно следовал этому правилу, потому что баночки нередко взрывались посреди ночи.

Чего в Уставе *не было* сказано: «В Случае Нападения Большой Летучей Кричащей Твари Наотмашь Ударьте Ее По Голове Узелком Булавок» – и Стэнли подумал, не внести ли этот пункт карандашом. Но это было бы Порчей Имущества Почтамта, а за это может не поздоровиться.

Все возможные направления действий, таким образом, были исчерпаны, и Стэнли продолжил сохранять спокойствие.

Письма сыпались, как снег с неба. Одни, вылетая, как брызги из фонтана, из столпа трескучего пламени, охватившего уже крышу Почтамта, падали на землю, еще не догорев. Другие уже обуглились, и по их пеплу издевательски бегали искорки, напоминая об умирающих строках. Некоторые – многие – унесло ветром и разбросало по городу целыми и невредимыми. Они падали на землю, выписывая плавные зигзаги, как послания не к месту деловитого бога.

Мокриц сбросил сюртук и протиснулся через толпу.

– Вряд ли там кто-то остался, – сказала госпожа Ласска, тяжелым шагом следуя за ним.

– Ты *серьезно* так думаешь? – спросил Мокриц.

– Нет. Если это дело рук Позолота... извини, я разучилась говорить утешающие слова.

Мокриц остановился и попытался сосредоточиться. С одной стороны здания из-под крыши вырывался огонь. Центральный вход и левая половина Почтамта казались нетронутыми. Но Мокриц знал, что огонь – коварная штука. Он мог спокойно тлеть себе на одном месте, но стоило тебе открыть дверь и посмотреть на него, как огонь делал глубокий вдох –

и твои глаза уже плавилась и стекали в череп.

– Нужно туда попасть, – сказал он. – Э... ты не собираешься говорить: «О нет, не делай этого, не строй из себя героя!» – нет?

Люди выстраивались в цепочку с ведрами от ближайшего фонтана. От плевка на солнце было бы столько же пользы.

Госпожа Ласка поймала горящее письмо и прикурила от него.

– О нет, не делай этого, не строй из себя героя! – сказала она. – Пойдет? Но если что, левая сторона выглядит безопасно. И смотри в оба. Ходят слухи, что Позолот пользуется услугами вампира. Одного из старейших.

– А. Вампиры же горят в огне? – спросил Мокриц, изо всех сил цепляясь за соломинки.

– В огне все горят, господин фон Липвиг, – сказала госпожа Ласка. – В огне горят все.

Она схватила Мокрица за уши и звонко поцеловала в губы. Как будто его целовала пепельница, но в хорошем смысле.

– В общем и целом, я бы предпочла, чтобы ты вышел оттуда живым, – сказала она тихо. – Точно не хочешь подождать? Мальчики подойдут с минуты на минуту...

– Големы? Но у них же выходной!

– Они все равно подчиняются плате. Пожар значит, что люди в опасности. Они почуют это и будут здесь с минуты на минуту, поверь мне.

Мокриц замялся, глядя на ее лицо. Но люди же смотрели. Он не мог *не* пойти туда, это противоречило бы его образу. Чертов Витинари!

Он покачал головой, повернулся и бросился к входу. Лучше не думать об этом. Лучше не думать о собственном *идиотизме*. Просто положи руку на дверь... прохладная. Приоткрой ее... поток воздуха, но никакого взрыва. Главный холл, озаренный пламенем... но сам пожар был выше, и если двигаться, пригибаясь и уворачиваясь, он доберется до двери, ведущей в гардероб...

Ударом ноги он вышиб дверь.

Стэнли перестал разглядывать марки и посмотрел на него.

– Добрый вечер, господин фон Липвиг, – сказал он. – Я сохранял спокойствие. Но господин Грош, кажется, приболел.

Старик лежал на кровати, и «приболел» было сказано слишком мягко.

– Что с ним? – спросил Мокриц, бережно взяв его на руки. Грош ровным счетом ничего не весил.

– Там была большая птица, но я ее прогнал, – сказал Стэнли. – Я ударил ее по голове узелком с булавами. У меня... случился эпизод,

господин фон Липвиг.

– Теперь все ясно, – сказал Мокриц. – А ты иди за мной, понятно?

– Я забрал все марки, – сказал Стэнли. – И сейф. Господин Грош держит выручку у себя под кроватью, чтобы ничего не пропало, – юноша просиял. – И твою фуражку. Я сохранял спокойствие.

– Молодец, молодец, – сказал Мокриц. – Теперь ни на шаг от меня не отступай, ясно?

– А как же Пис-Пис, сэр? – внезапно забеспокоился Стэнли. Из коридора послышался грохот, и треск огня ощутимо приблизился.

– Кто? Пис... кот? Да к черту ко... – Мокриц осекся и переменял выражение лица. – Уверен, он давно на улице, догрызает жареную крысу и в ус не дует. Пойдем же.

– Но это почтамтский кот! – возразил Стэнли. – Он никогда не выходил на улицу!

Не сомневаюсь, что сейчас вышел, подумал Мокриц. Но в голосе юноши снова послышался этот надрыв.

– Давай вынесем отсюда господина Гроша, хорошо? – сказал он, пробираясь к выходу со стариком на руках. – А потом я вернусь за Пис...

Горящая балка рухнула на пол посередине холла, и искры пополам с горящими конвертами взвились вверх, к очагу пожара.

Это была сплошная стена пламени – как опрокинутый огненный водопад, – она ревела, она вздымалась на другие этажи и вырывалась через крышу. Она рокотала. Пламя вырвалось на волю и наслаждалось этим по полной.

Часть Мокрица фон Липвига была рада такому повороту событий. Но другая часть, новая и докучливая, думала: *Я поставил это место на ноги. Все сдвинулось с мертвой точки. Марки реально работали. Я практически был мошенником, не мошенничая. Было здорово.*

– Ну же, Стэнли! – не выдержал Мокриц, отвлекаясь от жуткого зрелища и интригующей мысли. Юноша неохотно двинулся за ним, всю дорогу до выхода окликавая треклятого кота.

Уличный воздух вонзился в него ножом, но толпа разразилась аплодисментами, и мелькнула вспышка, которая у Мокрица уже начинала ассоциироваться с неприятностями.

– Гутен вечер, господин фон Липвиг! – раздался бодрый голос Отто Шрика. – Честный слово, если мы хотейт новостей, мы просто не отходить от тебя ни на шаг!

Мокриц, не обращая на него внимания, пробился к госпоже Ласске, которая, как он успел отметить, отнюдь не была вне себя от волнения.

– Есть в этом городе больница? – спросил он. – Или приличный врач?
– Есть Бесплатная больница леди Сибиллы, – сказала она.
– Хорошая?
– Умирают не все.
– Даже так? Срочно доставь его туда. Мне нужно вернуться назад за котом!

– Ты возвращаешься туда за котом?
– Его зовут Пис-Пис, – строго произнес Стэнли. – Он родился на Почтамте.

– Просто не спорь, – сказал Мокриц, собираясь уходить. – Позаботься о господине Гроше, пожалуйста!

Госпожа Ласска посмотрела на окровавленную рубашку старика.

– Кто-то пытался его... – начала она.

– На него что-то упало, – перебил Мокриц.

– От этого бы не было...

– На него что-то упало, – повторил он. – Вот как все было.

Госпожа Ласска взглянула на него.

– Хорошо, – согласилась она. – На него что-то упало. Что-то с большими когтями.

– Нет. Доска с гвоздями или вроде того. По нему же видно.

– Так вот оно что.

– Именно так, – ответил Мокриц и ушел, пока она не успела задать новых вопросов.

Нет смысла впутывать сюда Стражу, думал он, подбегая к дверям. Столпятся тут, никаких ответов не найдут, а как подсказывает опыт, стражники любят кого-нибудь взять и арестовать. С чего ты взял, что это был Хват Позолот, а, господин, как там тебя, фон Липвиг? Ах, ты так считаешь? Хорошо это умеешь, да? Понимаешь, какая штука, мы тоже иногда можем взять и посчитать... У тебя очень знакомое лицо, господин фон Липвиг. Откуда ты родом?

Нет, не нужно здесь никакой Стражи. Будут только мешаться под ногами.

Верхнее окно разлетелось вдребезги, и языки пламени лизнули край крыши. Осколки посыпались на Мокрица, и он нырнул в здание. А Пис-Пис... что ж, нужно было найти проклятое животное. Если Мокриц его не найдет, все будет уже не так здорово. Если он не рискнет хотя бы кусочком жизни и краешком конечности, он уже не будет самим собой.

Он в самом деле сейчас это подумал?

О боги. Все пропало. Он никогда не знал наверняка, откуда все

возникло, но оно пропало. Вот что случается, когда работаешь за жалованье. И не предупреждал ли его дед не связываться с невротичными, как голые мартышки, женщинами? Вообще-то не предупреждал, так как его мало что интересовало, кроме собак и пива, но стоило бы.

Перед его мысленным взором неотступно стоял Грош. Как будто что-то когтистое ударило старого почтальона наотмашь, и только толщина форменного мундира помешала ему распастись надвое, как створки раковины. Но непохоже, чтобы это был вампир. Они не оставляют после себя столько крови – только еду зря переводить.

И все же Мокриц подобрал ножку от сломанного стула. Дерево там удачно расколосось. Преимущество вонзенного в сердце кола было еще и в том, что эта штука действовала не только на вампиров.

Потолок продолжал обваливаться, но Мокриц смог пробраться через руины. Главная лестница располагалась с той же стороны и была совершенно цела, и только дым ковром стелился по полу. В другом конце холла, где раньше были горы старой почты, продолжало реветь пламя.

Он больше не слышал писем. *Простите меня*, подумал он про себя. *Я сделал все, что мог. Я не виноват.*

И что теперь? По крайней мере, стоит вынести ящик из кабинета. Ящик никак не должен сгореть. Некоторые химикаты будет непросто заменить.

Кабинет был весь в дыму, но Мокриц вытащил из-под стола ящик, и тогда заметил свой золотой костюм, висящий на вешалке. Нужно забрать его. Таким вещам нельзя сгорать. За ящиком всегда можно вернуться. Но костюм... он был *необходим*. И только Пис-Писа нигде не было. Наверняка же он выбрался, да? Коты ведь бегут с тонущих кораблей? Или это крысы? Бегут ли коты за крысами? Но дым просачивался через доски в полу и опускался на нижние этажи, и сидеть сложа руки время было не самое подходящее. Он заглянул везде, где имело смысл поискать. Остаться там, где тонна горячей бумаги может свалиться тебе на голову, *смысла не было*.

Это был хороший план, который, однако, был испорчен, когда Мокриц заметил в коридоре кота. Тот с любопытством поглядывал на него.

– Пис-Пис! – взревел Мокриц и тут же пожалел об этом. Кличка была неподходящая для криков в горящем здании.

Кот посмотрел на него и побежал прочь. Проклиная все на свете, Мокриц ринулся за ним и увидел, как тот нырнул в подвал.

Коты же умные животные? Может, там есть другой выход... должен быть...

Мокриц даже не стал смотреть вверх, когда услышал над головой

треск дерева, но бросился вперед и вниз по лестнице, перескакивая пять ступенек за раз. Судя по звуку, большой кусок здания только что обвалился прямо у него за спиной, и искры перекинулись в подвальные коридоры, обжигая ему шею.

Дороги назад точно не было. А вот подвалы... в подвалах были погреба и резервуары для угля – должны же быть? А там прохладно и безопасно и...

...самое место, чтобы зализать раны после того, как тебе съездили по физиономии мешком булавок, не так ли?

Воображение отвратительный помощник.

Она говорила про вампира. Стэнли говорил про «большую птицу». Стэнли-Истребитель-Вампиров с мешком булавок во всеоружии. Звучит невероятно, но только для тех, кто никогда не присутствовал при его так называемых «эпизодах».

Но вряд ли вампира можно *убить* булавками...

И вот после такой мысли ты понимаешь, что как бы ты ни оглядывался назад, там всегда будет что-то, чего ты не разглядишь. Мокриц прижался спиной к холодной каменной стене и полз по ней, пока стена не кончилась и не началась дверь.

Он увидел приглушенное синее свечение Сортировочного Агрегата.

Когда Мокриц заглянул в двери, он увидел и Пис-Писа. Кот забился под агрегат.

– Очень по-кошачьи, Пис-Пис, – сказал Мокриц, вглядываясь в тени. – Иди к дяде Мокрицу на ручки, пожалуйста.

Он вздохнул, повесил костюм на проволочный лоток и сел на корточки. Как обращаться с котами? Он этого никогда не делал. Коты как-то не сочетались с дедушкиными липвигцерами, разве что в качестве внеочередной закуски.

Когда он протянул руку к коту, тот прижал уши к голове и зашипел.

– Ты хочешь тут поджариться? – спросил Мокриц. – Давай только без когтей...

Кот зарычал, и Мокриц сообразил, что тот смотрит мимо него.

– Хорошая киса, – сказал он, холодея от ужаса. Одним из основных правил поведения в неблагоприятной обстановке было: «Забудь про кота». А обстановка внезапно стала очень неблагоприятной.

Другое важное правило: «Не нужно медленно оборачиваться, чтобы проверить, там оно или нет. Оно там, не сомневайся. Не кот. Забудь про кота. Кое-что другое».

Мокриц выпрямился и ухватил деревянный кол обеими руками. Оно

же прямо за мной, да? Прямо, черт подери, за мной! Ну разумеется! Разве могло быть иначе?

Чувство страха было сродни тому чувству, которое он испытывал, когда жертва изучала стеклянный бриллиант. Время чуть-чуть замедляло ход, восприятие обострилось, а во рту появлялся медный привкус.

Не нужно медленно оборачиваться. Нужно оборачиваться быстро.

Он развернулся, закричал и сделал выпад. Кол уперся во что-то, что почти не поддавалось удару.

Вытянутое бледное лицо улыбнулось ему в синем свечении. Улыбка обнажила заостренные зубы.

– Не попал *ни в одно*, – сказал господин Грайль, сплевывая кровь.

Мокриц отскочил назад, когда худощавая когтистая рука рассекла воздух, но продолжал держать кол перед собой, тыча наугад и не подпуская к себе существо...

Банши, подумал он. *Да что же это...*

В движении черный кожаный плащ Грайля на секунду распахнулся, и под ним стала видна костлявая фигура. Полезно было знать, что черная кожа была крылом. Полезно было знать, что банши – единственная человекоподобная раса, эволюционировавшая в себе способность летать – где-то в диких джунглях, где они охотились на белок-летяг. Не очень полезно было знать, откуда пошли разговоры о том, что услышавший крики банши скоро умрет.

Это значило, что банши следит за тобой. Оборачиваться по сторонам – бессмысленно. Он был над головой.

Диких банши было мало даже в Убервальде, но Мокриц помнил заветы людей, переживших встречу с ними. Берегись зубов – они смертельны. Не бей в грудь – летательные мышцы прочны, как броня. Банши не сильны, но жилы у них похожи на стальные провода, а кости рук способны вытягиваться так далеко, что могут снести твою дурную голову прямо с...

Пис-Пис заскулил и забился еще дальше под Сортировочный Агрегат. Грайль снова замахнулся, но Мокриц отпрянул назад, и Грайль стал надвигаться на него.

...но банши легко свернуть шею, если только удастся подобраться достаточно близко, а еще им приходится закрывать глаза, когда они кричат...

Грайль двинулся на него, мотая головой на каждом шагу. Мокрицу некуда было деваться. Он отбросил деревяшку и поднял руки.

– Ладно, сдаюсь, – сказал он. – Только не затягивай, договорились?

Существо не сводило глаз с золотого костюма. Их как сорок тянуло на все блестящее.

– У меня еще планы на вечер, – продолжал Мокриц.

Грайль замешкался. Он был ранен, дезориентирован, и он переел голубей, которые оказались помоями с крылышками. Он хотел убраться отсюда назад в прохладное небо. Здесь все было так путано. Слишком много задач, слишком много запахов.

Для банши все сосредоточено в прыжке, когда зубы, когти и тело устремлены к цели. Но сейчас Грайль был в растерянности и шагал взад-вперед, пытаясь совладать с собой. Для полета не хватало места, идти было некуда, жертва стояла прямо перед ним... инстинкты, эмоции и вялые попытки логически мыслить спутались в перегретой голове Грайля.

Инстинкты одержали верх. Миллионы лет банши прыгали на жертву с выпущенными когтями – и все было нормально, так зачем что-то менять?

Он запрокинул голову, закричал и набросился.

Мокриц сделал то же самое, поднырнув под вытянутыми руками Грайля. Этого в инстинктах банши не было: жертва должна или убежать, или дрожать в углу. Но Мокриц двинул плечом ему в грудь.

Существо оказалось легким, как ребенок.

Мокриц швырнул тварь в Сортировочный Агрегат, почувствовав, что когтем ему разодрало руку, и распластался по полу. На какое-то жуткое мгновение он испугался, что банши сейчас встанет, что он промахнулся мимо колесика, но, как только господин Грайль в бешенстве пошевелился, раздался звук, похожий на...

... бульк...

...и за ним тишина.

Мокриц лежал на холодных плитах, пока сердцебиение не успокоилось настолько, что стали различимы отдельные удары. Лежа на полу, он чувствовал, как что-то липкое стекает с агрегата.

Он медленно поднялся на дрожащих ногах и посмотрел на то, что осталось от твари. Будь Мокриц героем, он бы воспользовался моментом, чтобы сказать: «Вот что я называю сортировкой!» Поскольку он не был героем, его вырвало. Тело не может функционировать, когда существенные его фрагменты пребывают в разных измерениях, но картинка получается красочная.

Потом, зажимая рану рукой, Мокриц сел на корточки и заглянул под аппарат в поисках Пис-Писа.

Нельзя возвращаться без кота, думал он бессвязно. Нельзя, и все тут.

Человек, который врывается в горящее здание, чтобы спасти глупого кота, и выходит к людям с котом на руках, – герой, даже если он и идиот. Если он выходит к людям без кота, то он просто идиот.

Приглушенный грохот где-то наверху подсказал, что еще один кусок здания обвалился. Воздух обжигал.

Пис-Пис отпрянул от ладони Мокрица.

– Послушай, – прорычал Мокриц. – Герой должен выйти к людям с котом. Коту для этого необязательно быть живым...

Он прыгнул на кота, вцепился в него и вытащил наружу.

– Так-то, – сказал Мокриц и взял в другую руку вешалку с костюмом. На нем было несколько кусочков банши, но, подумал он в полубреду, пятна, наверное, удастся вывести.

На подкашивающихся ногах он вышел в коридор. Со всех сторон их стеной окружило огнем, и Пис-Пис выбрал именно этот момент, чтобы запустить когти ему в руку.

– А, – сказал Мокриц. – Ведь до сих пор все шло так хорошо...

– *Господин Вон Липвиг! Ты В Порядке, Господин Вон Липвиг?*

Из огня големы выносили... огонь. Они просто извлекали из горящего здания все, что горело. Их методичность даже завораживала. Големы собрались у края огня, отобрали у него все, что тот решил пожечь, свалили в кучу, загнали в угол и затоптали до смерти.

Големы могли ходить по лаве и переливать руками расплавленное железо. Даже если бы им было знакомо понятие страха, они бы не отнесли его к обычному пожару.

Раскаленные докрасна руки стаскивали по лестнице тлеющий мусор. Мокриц уставился на огненный пейзаж и господина Помпу на его фоне. Он светился оранжевым цветом. Частички пыли и грязи на его глине вспыхивали и искрились.

– Рад Тебя Видеть, Господин Вон Липвиг! – радостно прогремел он и отбросил в сторону горящую доску. – Мы Освободили Проход К Дверям! Поспеши!

– Э... спасибо! – прокричал Мокриц сквозь рев пламени. Проход действительно был весь расчищен от завала, и в конце его невозмутимо и холодно манила к себе открытая дверь. В стороне, в другой части холла, прочие големы, не обращая внимания на столпы пламени, методично выбрасывали горящие половицы через дыру в стене.

Жар был невыносим. Мокриц прыгнул голову, прижал к груди усмерть перепуганного кота, успел почувствовать, как его затылок

начинает поджариваться, и рванул к выходу.

С этого момента все слилось в одно воспоминание. Грохот наверху. Лязг железа. Голем Ангхаммарад, поднимающий глаза. Горящее желтым послание на вишнево-красной руке. Десять тысяч тонн дождевой воды, проливающейся в обманчиво замедленном движении. Холод, враз охвативший раскаленного голема...

... взрыв...

Огонь умер. Звук умер. Свет умер.

– АНГХАММАРАД.

Ангхаммарад посмотрел на свои руки. И ничего не увидел, кроме жара, печного жара, взрывного жара, который тем не менее имел форму пальцев.

– АНГХАММАРАД, – повторил гулкий голос.

– Я Утратил Свою Глину, – сказал голем.

– ДА, – сказал Смерть. – ЭТО БЫВАЕТ. ТЫ УМЕР. РАЗБИЛСЯ. Разлетелся НА МИЛЛИОН ОСКОЛКОВ.

– Тогда Кто Это Здесь Слушает Тебя?

– ВСЕ ТО, ЧЕМ ТЫ БЫЛ, ПОМИМО ГЛИНЫ.

– У Тебя Есть Задание Для Меня? – сказали останки Ангхаммарада и выпрямились.

– БОЛЬШЕ НЕТ. ТЫ ДОСТИГ ТОГО МЕСТА, ГДЕ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ ЗАДАНИЙ.

– Что Же Мне Делать?

– БОЮСЬ, ТЫ НЕ ПОНЯЛ МОЮ ПОСЛЕДНЮЮ ФРАЗУ.

Ангхаммарад снова сел. Под ногами был песок вместо ила, но это место напоминало ему о дне морском.

– КАК ПРАВИЛО, ЛЮДИ ХОТЯТ ДВИГАТЬСЯ ДАЛЬШЕ, – намекнул Смерть. – ОНИ ЖДУТ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ.

– Можно Я Останусь Здесь?

– ЗДЕСЬ? ЗДЕСЬ ЖЕ НЕЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ, – сказал Смерть.

– Да, Знаю, – сказал призрак голема. – Это Прекрасно. Я Свободен.

В два часа ночи пошел дождь.

Могло быть и хуже. С неба могли бы посыпаться змеи. Могла бы пролиться кислота.

Оставалось еще немного крыши и немного стен. В сумме оставалось еще немного здания.

Мокриц и госпожа Ласка сидели на теплых развалинах около

гардероба, который был в общем единственной комнатой, которую с чистой совестью можно было так назвать. Големы затоптали остатки огня, все закрепили и без лишних слов ушли и дальше не быть молотками до следующего захода солнца.

Госпожа Ласска вертела в руках полурасплавленный медный обруч.

– Восемнадцать тысяч лет, – прошептала она.

– Ливневый колодец, – пробормотал Мокриц, глядя в пустоту.

– Огонь и вода, – проговорила госпожа Ласска. – Но не одновременно!

– Нельзя его как-то... перепечь? – Мокриц и сам слышал, как беспомощно это звучало. Он видел, как другие големы рылись в осколках.

– Слишком мало осталось. Просто пыль, смешавшаяся со всем вокруг, – сказала госпожа Ласска. – Он всего лишь хотел быть полезным.

Они всего лишь хотели быть доставлены, подумал он. В такие моменты казалось заманчивым провести девять тысяч лет на дне океана.

– Он хотел дождаться, пока вселенная не возникнет снова. Ты знал об этом?

– Да, ты рассказывала.

Нет запаха более скорбного, чем запах мокрой жженой бумаги, подумал Мокриц. *Он означает: Конец.*

– Витинари не станет здесь ничего восстанавливать, кстати, – продолжала госпожа Ласска. – Позолот найдет людей, которые поднимут шум, если он попытается. Растраты городской казны. У него много друзей. Людей, которые задолжали ему деньги и услуги. Позолот хорошо заводит такие знакомства.

– Из-за него все и сгорело, – сказал Мокриц. – Он не ожидал увидеть меня в ресторане. Он думал, я буду здесь.

– Ты никогда этого не докажешь.

Скорее всего, нет, согласился Мокриц, и в голове у него стало пусто, дымно и горько. Стража объявилась со скоростью, по опыту Мокрица, нетипичной для городских стражей правопорядка. С ними был вервольф. Многие приняли бы его за красивую собаку, но когда ты провел детство в Убервальде, где твой дед разводил собак, учишься подмечать такие вещи. На вервольфе был ошейник. Он начал принюхиваться к теплым еще уголькам и обнаружил что-то постороннее в запахе дымящегося пепла.

Стража порылась там, и последовал неловкий допрос. Мокриц справился, как мог. Главное в таких случаях – никогда не говорить правду. Ищейки все равно не верят тому, что им говорят, так зачем нагружать их лишней работой.

– Скелет с крыльями? – спросил Мокриц с удивлением, которое

должно было казаться искренним.

– Да, господин. Размером с человека, но... с серьезными увечьями. Я бы сказал, обезображенный. Известно ли тебе что-нибудь об этом?

Стражник был капитаном. Мокриц никак не мог его раскусить. Его лицо выдавало только то, что капитан хотел выдать. Было ощущение, что ему уже известны все ответы, а вопросы он задает просто для проформы.

– Может, это был голубь-переросток? От них здесь отбоя не было, – сказал Мокриц.

– Не думаю, господин. Мы считаем, это был банши, – спокойно отвечал капитан. – Они – большая редкость.

– Я думал, они просто кричат с крыш тем, кто скоро умрет, – сказал Мокриц.

– Цивилизованные банши так и поступают. Дикари обходятся без посредников. Твой сотрудник сказал, что он кого-то ударил.

– Да, Стэнли упоминал, что здесь что-то летало, – ответил Мокриц. – Но я думал, это просто...

– ...голубь-переросток. Понимаю. И ты понятия не имеешь, что стало причиной пожара? Мне известно, что лампы у вас противопожарные.

– Боюсь, спонтанное самовозгорание в толще писем, – сказал Мокриц, который успел продумать этот ответ.

– Никто не вел себя необычно?

– Это Почтамт, капитан, тут не разберешь, поверь мне на слово.

– Никому не угрожали? Может, вы перешли кому-то дорогу?

– Нет.

Капитан вздохнул и убрал блокнот.

– И все же я поставлю двух человек на ночь охранять здание, – сказал он. – Ты молодец, что спас кота. Тебя такими овациями встретили. Вот только...

– Да, капитан?

– Зачем банши – или, допустим, гигантскому голубю – нападать на господина Гроша?

А Мокриц подумал: фуражка...

– Понятия не имею, – сказал он.

– Да, господин. Не сомневаюсь, – сказал капитан. – Не сомневаюсь, что так и есть. Капитан Железобетонссон к твоим услугам, хотя все зовут меня Капитан Моркоу. Если что-нибудь вспомнишь, непременно свяжись со мной, господин. Защищать вас – наша работа.

«И что бы ты сделал против банши? – подумал Мокриц. – Ты думаешь на Позолота. Похвально. Но люди вроде него не боятся закона. Они никогда

не нарушают его – вместо них это делают другие. И вам никогда не найти никаких улик».

Когда капитан уже собрался уходить, Мокрицу показалось, что вервольф ему подмигнул.

Теперь шел дождь и с шипением падал на горячие камни. Мокриц смотрел на огни. Многие костры там, где големы сбрасывали горящий мусор, до сих пор не погасли. Как и следовало ожидать от Анк-Морпорка, ночные обитатели вышли из темноты на их свет и обступили костры в поисках тепла.

Чтобы восстановить Почтамт, уйдет целое состояние. Ну и что? Кто, как не он, знал, где раздобыть приличную сумму? Ему эти деньги никогда особенно не были нужны. Это был просто способ вести счет. Но это будет конец, ведь деньги принадлежали Альберту Стеклярсу и его компании, а не простому почтмейстеру.

Мокриц снял золотую фуражку и посмотрел на нее. Аватар, так сказал Пельц. Человеческое воплощение бога. Но он не был богом, он был просто жуликом в золотом костюме, и афера подошла к концу. Где же теперь его ангел? Где же боги, когда они так нужны?

Боги могли бы помочь.

Фуражка сверкнула в свете костра, и в голове Мокрица зажглись искры. Он не смел дышать, пока мысль окончательно не оформилась, чтобы не спугнуть ее, но это была *такая простая идея*. Честному человеку такое никогда не пришло бы в голову...

– Нам нужна... – произнес он.

– Что? – спросила госпожа Ласска.

– Музыка! – объявил Мокриц. Он вскочил и поднес ладони к губам. – Эй, народ! Кто-нибудь тут играет на банджо? Или на скрипке? Даю одну долларовую марку – коллекционную! – любому, кто сможет изобразить вальс. Слышали? Раз-два-три, раз-два-три?

– Ты окончательно рехнулся? – спросила госпожа Ласска. – Ты точно...

Она осеклась, когда человек в лохмотьях похлопал Мокрица по плечу.

– Я играю на банджо, – сказал он. – А мой приятель Хэмфри так дудит в губную гармошку, что умереть. С тебя один доллар, господин. Монетой, если не жалко, а то ни я писать не умею, ни мои друзья – читать.

– Прелестная госпожа Ласска, – сказал Мокриц, улыбаясь ей во весь рот. – Как еще тебя можно называть? Может, детское прозвище, какое-нибудь очаровательное уменьшительно-ласкательное, против которого ты не стала бы возражать?

– Ты пьян? – возмутилась она.

– Увы, нет, – сказал Мокриц. – А хотелось бы. Ну так что, госпожа Ласска? Я даже спас свой лучший костюм!

Она была явно озадачена, но ответ успел выскочить до того, как цинизм забаррикадировал ему выход.

– Мой брат называл меня... кхм...

– Да?

– Убийцей, – сказала госпожа Ласска. – В хорошем смысле слова. А ты даже и думать не смей называть меня так.

– Как насчет Шпильки?

– Шпильки? Ну, Шпильку я как-нибудь переживу, – сказала госпожа Ласска. – Значит, и ты тоже. Но сейчас не время танцевать...

– Как раз наоборот, Шпилька, – сказал Мокриц, лучась в свете костров. – Самое время. Мы будем танцевать, а потом убираться и готовиться к открытию. Разберемся с почтой, отстроим заново здание, и все станет так, как прежде. Вот увидишь.

– Знаешь, может, правду говорят, что работа на Почтамте сводит людей с ума, – сказала госпожа Ласска. – Откуда же ты возьмешь деньги на новое здание?

– Божьей милостью, – сказал Мокриц. – Верь мне.

Она уставилась на него.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно, – сказал Мокриц.

– Будешь молиться о деньгах?

– Не совсем, Шпилька. Они слушают молитвы по тысяче штук в день. У меня другие планы. Мы вернем Почтамт на место, госпожа Ласска. Мне не нужно мыслить как стражник, как почтальон или как клерк. Мне просто нужно все делать по-своему. А к концу недели я разорю Хвата Позолота.

Ее рот превратился в идеальную букву «О».

– И как же ты это сделаешь? – выдавила она.

– Понятия не имею, но нет ничего невозможного, если я смогу потанцевать с тобой и сохранить все пальцы на ногах. Потанцуем, госпожа Ласска?

Она была изумлена, удивлена и смущена, а Мокрицу фон Липвигу нравилось это в людях. Без всякой на то причины он почувствовал себя предельно счастливым. Он не знал, почему и что делать дальше, но знал, что это будет здорово.

Он ощущал в себе этот забытый электрический разряд, который зарождался глубоко внутри, когда он стоял напротив банкира,

разглядывающего бумажку тончайшей работы. Вселенная задерживала дыхание, а потом банкир улыбался и говорил: «Отлично, господин Вымышленное Имя, я распоряжусь, чтобы деньги принесли немедленно». Это был азарт – не погони, но стояния неподвижно, азарт сохранения спокойствия и самообладания и неподдельности, чтобы на один короткий миг, но обмануть весь мир и крутануть его на пальце. Все было ради этих моментов, когда Мокриц чувствовал себя по-настоящему *живым*, и мысли струились как ртуть, и даже воздух искрился вокруг него. Позже за это чувство придется расплачиваться. Но пока – пока он летел.

Он снова был в игре. Но сейчас, в свете горящих вчерашних дней, он вальсировал с госпожой Ласской под слаженную игру разлаженных инструментов.

Потом она ушла домой, озадаченная, но со странной улыбкой на лице, а Мокриц поднялся к себе в кабинет, в котором целиком недоставало одной стены, и понял о религии кое-что такое, чего никогда раньше не понимал.

В четыре утра юный жрец Крокодильего бога Оффлера плохо соображал, что происходит, но человек в фуражке с крыльями и в золотом костюме, похоже, держал ситуацию под контролем, и жрец решил не возражать. Особым умом он не отличался, потому и работал в эту смену.

– Ты хочешь *доставить* это письмо Оффлеру? – переспросил он, зевая. Мокриц всучил ему конверт.

– Оно адресовано ему, – сказал Мокриц. – И снабжено маркой, как положено. Аккуратно оформленное письмо всегда обратит на себя внимание. Я также принес фунт сосисок в соответствии с обычаем. Крокодилы любят сосиски.

– Видишь ли, строго говоря, боги слушают молитвы, – сказал жрец с сомнением. В храме было пусто, если не считать маленького старичка в грубом халате, мечтательно подметающего пол.

– Насколько мне известно, – сказал Мокриц, – сосисочные дары достигают Оффлера, будучи поджаренными, верно? И сосисочный дух возносится к Оффлеру посредством запаха? А потом вы съедаете сосиски?

– Хм, нет. Не совсем. Вовсе нет, – ответил юный жрец, который знал правильный ответ. – Непосвященному может так казаться со стороны, но, как ты и сказал, истинная сосисочность попадает напрямую к Оффлеру. Он, естественно, съедает дух сосисок. Мы же съедаем лишь их земную оболочку, которая, уж можешь мне поверить, обратится в пыль и прах в наших ртах.

– Тогда понятно, почему запах у сосисок всегда лучше, чем вкус, –

сказал Мокриц. – Не раз это замечал.

Жрец был впечатлен.

– Ты богослов, господин? – спросил он.

– Я... работаю в смежной сфере, – ответил Мокриц. – Но веду я вот к чему. Если ты прочтешь это письмо, это будет равносильно тому, что сам Оффлер читает его, верно? Твоими глазами дух письма вознесется к Оффлеру. А потом я отдам тебе сосиски.

Юный жрец в отчаянии огляделся. Час был слишком ранний. Когда твой бог, образно выражаясь, бездельничает, пока песочек у воды не прогреется, старшие жрецы тоже отсыпаются.

– *Наверное*, – сказал он нехотя. – Но лучше тебе дождаться дьякона Джонса...

– У меня времени в обрез, – сказал Мокриц. Повисла пауза. – Я принес медовую горчицу, – добавил он. – Идеально сочетается с сосисками.

Жрец внезапно оживился.

– Какой сорт?

– «Премиум Класс» госпожи Эдит Тараторкс, – Мокриц показал ему банку.

Глаза юноши загорелись. Он был низкого ранга и сосисок получал примерно столько же, сколько и Оффлер.

– Боже, это же дорого! – выдохнул он.

– Потому что тут есть нотки дикого чеснока, – сказал Мокриц. – Но, видимо, лучше мне дождаться...

Жрец выхватил у него банку и письмо.

– Нет, нет, я же вижу, что ты торопишься, – сказал он. – Сию же минуту все сделаю. Там, наверное, просьба о помощи?

– Да, я бы хотел, чтобы свет очей Оффлера и блеск зубов его просияли на моего сотрудника Толливера Гроша, который лежит в больнице леди Сибиллы, – сказал Мокриц.

– О да, – сказал служитель с облегчением. – Мы часто этим занимаемся...

– Также я бы хотел попросить сто пятьдесят тысяч долларов, – продолжил Мокриц. – Анк-морпоркские доллары, конечно, предпочтительнее, но и другие относительно твердые валюты тоже приемлемы.

Пружинистым шагом Мокриц возвращался на развалины Почтамта. Он отправил письма всем главным божествам: Оффлеру, Ому и Слепому Ио – и еще Анунае, мелкой богине Вещей, Застрававших В Ящиках^[9]. У нее

не было своего храма, и ее дела вела внештатная жрица с Цепной улицы, но что-то подсказывало Мокрицу, что к концу дня Анунайе были уготованы великие дела. Он выбрал ее потому, что ему понравилось имя.

Примерно через час будет пора. Боги же работают оперативно, верно?

В сером утреннем свете Почтамт выглядел ничуть не лучше. Примерно половина здания осталась стоять. Крытый брезентом участок был небольшим и мокрым. Люди слонялись, не понимая, что теперь делать.

Сейчас он им расскажет.

Первым на глаза ему попался Джордж Агги, который бросился к нему, торопливо прихрамывая.

– Ужас-то какой, сэ, я примчался, как только... – начал он.

– Рад тебя видеть, Джордж. Как нога?

– Что? А, да все ничего, сэ. Светится в темноте, зато такая экономия на свечках. Что нам...

– Будешь моим заместителем, пока господин Грош в больнице, – сказал Мокриц. – Сколько почтальонов мы сможем собрать?

– Человек двенадцать, сэ, но что мы будем...

– Будем разносить почту, господин Агги! Вот что мы будем делать. Передай всем, что сегодняшнее специальное предложение – это гарантированная доставка в Псевдополис за десять пенсов! Остальные пусть помогают разбирать завалы. Вот и крыши немного осталось. Открываемся, как обычно. *Даже лучше*, чем обычно.

– Но... – слова подвели господина Агги, и он махнул рукой в сторону развалин. – Все это?

– Ни дождь, ни пламя, господин Агги! – отчеканил Мокриц.

– *Этого* в девизе не сказано, – сказал Агги.

– Завтра будет. А, Джим...

Возница устремился к Мокрицу, хлопая при ходьбе своим необъятным дорожным плащом.

– Это все чертов Позолот! – прорычал он. – Поджигать он удумал! Что мы можем для тебя сделать, господин фон Липвиг?

– Все еще готов везти почту в Псевдополис? – спросил Мокриц.

– Да, – сказал Джим. – Гарри с парнями вывели всех лошадей, как только учуяли гарь, так что всего одну карету потеряли. Мы поможем, не сомневайся, но Магистраль-то работает бесперебойно. Потратишь время впустую.

– Джим, с тебя – колеса, с меня – груз, – сказал Мокриц. – К десяти будет вам мешок.

– Ты как-то слишком уверен, господин фон Липвиг, – склонил голову

набок Джим.

– Ангел явился ко мне во сне и говорил со мной, – сказал Мокриц.
Джим ухмыльнулся.

– Ангел, говоришь? Ну, тогда все понятно. Своевременная помощь в трудные времена, как мне тут рассказывали.

– И я того же мнения, – сказал Мокриц и поднялся в промозглую, закопченную дымом трехстенную нору, которой стал его кабинет. Он стряхнул со стула пепел, залез в карман и разложил на столе письмо от Дымящихся Гну.

Кто может знать *навверняка*, когда сломается та или иная башня? Только сотрудники компании, так? Или – скорее всего – *бывшие* сотрудники. Гм. Так это обычно и бывает.

Взять к примеру тот банк в Сто Лате. Ему бы никогда не удалось подделать их векселя, если бы жадный до денег сотрудник не продал ему старый банковский гроссбух со всеми нужными подписями. Хороший был день.

«Гранд Магистраль» не просто наживает себе врагов, а производит их массово. А теперь эти Дымящиеся Гну хотят помочь ему. Семафорные пираты. Подумать только, сколько секретов им известно...

Он прислушивался к бою часов: было уже без четверти девять. Что они придумали? Взорвать башню? Но там работают люди. Не будут же они...

– О, господин фон Липвиг!

Нечасто женщина прибегает к тебе в слезах и вешается на шею. С Мокрицем такого не было никогда. Теперь, когда это произошло, казалось обидным, что женщиной была госпожа Макалариат.

Она покачнулась и вцепилась в ошарашенного Мокрица, рыдая горькими слезами.

– О, господин фон Липвиг! – выла она. – О, господин фон Липвиг!

Мокриц просел под ее весом. Она с такой силой тянула его за воротничок, что Мокриц боялся не удержаться на ногах, а мысль оказаться застуканным на полу с госпожой Макалариат была... мыслью, которая не могла прийти в голову. Голова скорее взорвется, чем позволит себе такое.

В ее седых волосах была розовая заколка. На ней были нарисованы маленькие фиалки. Вид этой заколки в нескольких дюймах от лица Мокрица не на шутку беспокоил его.

– Ну, ну, госпожа Макалариат, успокойтесь, – пробормотал он, пытаясь сохранять равновесие за двоих.

– О, господин фон Липвиг!

– Да, госпожа Макалариат, – произнес он в отчаянии. – Что я могу...

– Господин Агги сказал, что Почтамт больше никогда не восстановят! Он сказал, лорд Витинари не даст денег! О, господин фон Липвиг! Я всю жизнь мечтала работать за прилавком Почтамта! Моя бабушка всему меня обучила, нас даже кормили лимонами, чтобы натренировать выражение лица! Я и дочку свою всему научила, у нее такой голос, что краска со стен слезает! О, господин фон Липвиг!

Мокриц лихорадочно искал, по чему бы ее похлопать, что бы не было промокшим от слез или вне рамок приличий. Он нашел плечо. Ему очень сильно не хватало Гроша. Грош знал, как справляться с такими вещами.

– Все будет хорошо, госпожа Макалариат, – успокоил он.

– А господин Грош, бедняжка! – прорыдала женщина.

– С ним все будет в порядке, госпожа Макалариат. Ты же знаешь, что говорят о больнице леди Сибиллы? Некоторые не умирают.

Как я надеюсь, что Грош в их числе, добавил он мысленно. *Я без него пропаду.*

– Все это так чудовищно, господин фон Липвиг! – сказала госпожа Макалариат, твердо вознамерившись осушить чашу отчаяния до последней капли. – Мы все окажемся на улице!

Мокриц взял ее за плечи и мягко оттолкнул от себя, пытаясь изгнать из воображения госпожу Макалариат, оказавшуюся на улице.

– А теперь послушай меня, госпожа Ма... как тебя по имени?

– Йодина, – всхлипнула госпожа Макалариат в платочек. – Отцу нравилось, как это звучит.

– Значит, так... Йодина, я твердо верю, что уже к вечеру у меня будут деньги на строительство, – сказал Мокриц. *Вот она высморкалась и – да-да-да, фу-у – она кладет платок обратно в рукав кофты, боги мои...*

– Да, господин Агги мне сказал, и люди говорят, сэр. Говорят, вы пишете письма богам и просите у них денег! Ох, господин фон Липвиг, не мне вам говорить, что боги не посылают людям денег!

– Вера моя крепка, госпожа Макалариат, – сказал Мокриц, выпрямляясь в полный рост.

– Моя семья поклоняется Анунайе на протяжении пяти поколений, сэр, – сказала госпожа Макалариат. – Мы ежедневно гремим ящиками и ни разу не получили ни одного *железного*, как говорится, доказательства – не считая моей бабули, которая нашла взбивалку там, куда якобы ее не клала, но мы считаем, что это чистая случайность...

– Господин фон Липвиг! Господин фон Липвиг! – закричал кто-то. – Говорят, клик-башни... ох, *извиняюсь...*

Последние слова прозвучали патокой.

Мокриц вздохнул и повернулся к ухмыляющемуся гостю, вставшему в обугленном дверном проеме.

– Да, господин Агги?

– Говорят, клик-башни снова не работают, сэр! На линии в Псевдополис! – сказал Агги.

– Какое несчастье, – сказал Мокриц. – Госпожа Макалариат, господин Агги, пойдемте, пора разносить почту!

В разрушенном зале собралась толпа. Как успел заметить Мокриц, горожане с энтузиазмом принимали все новое. Почта, конечно, была старой – такой старой, что волшебным образом она стала опять новой.

Мокриц спустился по лестнице под бурные приветствия толпы. Зрелище, всегда подавай им зрелище. И Анк-Морпорк будет аплодировать.

Мокриц потребовал стул, встал на него и сложил ладони лодочкой.

– Дамы и господа! Специальное предложение! Почтовые отправления в Псевдополис со скидкой! Всего три пенса! Три пенса! Карета выезжает в десять. А если чьи-то клики застряли у наших многострадальных коллег на «Гранд Магистрали» и вы хотите получить их обратно, доставим *бесплатно!*

Это вызвало еще большее оживление, и часть людей отделилась от толпы и убежала.

– Почтамт, дамы и господа! – проорал Мокриц. – Мы доставляем!

Последовало бурное одобрение.

– Хотите узнать кое-что интересное, господин фон Липвиг? – подбежал к нему Стэнли.

– Что же именно, Стэнли? – спросил Мокриц, слезая со стула.

– Сегодня утром мы продали много новых долларовых марок! И вы представляете? Люди отправляют письма сами себе!

– Что? – спросил Мокриц заинтригованно.

– Это чтобы марка прошла через почту. Тогда они становятся настоящими! Как бы доказательство того, что они были использованы. И люди *коллекционируют* их, сэр! Дальше – лучше, сэр!

– Что может быть еще лучше, Стэнли? – спросил Мокриц. Он опустил взгляд. Да, на юноше была новая рубашка с изображением однопенсовой марки и знакомыми словами: «СПРОСИ МЕНЯ О МАРКАХ».

– Сто Лат хочет, чтобы Цимер и Шпулькс сделали им собственный комплект! И другие города тоже интересуются!

Мокриц сделал мысленную пометку: *Будем почаще обновлять марки. И предлагать эскизы каждому городу и каждой стране, кого только*

вспомним. Все захотят иметь свои собственные марки, чтобы не «лизать зад Витинари», и мы окажем им эту честь, если они займутся доставкой нашей почты, а господин Шпулькс самым недвусмысленным способом выразит нам свою благодарность, уж я об этом позабочусь.

– Жаль, что так вышло с твоими булавками.

– Булавки? – сказал юноша. – Ах, булавки. Булавки – это просто острые металлические палочки, сэр. Булавки в прошлом.

Вот мы и продвинулись вперед, подумал Мокриц. Всегда нужно двигаться вперед. Никогда не знаешь, что следует по пятам.

Все, что нам нужно сейчас, – это благосклонность богов.

Гм. Думается мне, на свежем воздухе они будут более благосклонны.

Мокриц вышел на улицу. Граница между Почтамтом и улицей была теперь не так очевидна, но людей снаружи все равно было больше. Была даже пара стражников. Вот и хорошо. Они уже косились на него с подозрением.

Ну что ж, пора. Это будет чудо. Это и *вправду* будет самое настоящее чудо!

Мокриц уставился в небеса и прислушался к гласу богов.

Глава одиннадцатая

Новая миссия

В которой лорд Витинари дает совет – Провалы в памяти господина фон Липвига – Злые гении криминала и трудности при покупке недвижимости – Страх купания господина Гроша и дискуссия о взрывоопасном белье – Господин Пони и его листочки – Совет обсуждает, Позолот решает – Мокриц фон Липвиг предпринимает невозможное

Часы пробили семь.

– А, господин фон Липвиг, – лорд Витинари посмотрел в его сторону. – Спасибо, что заглянул. Трудный был день, не правда ли? Стукпостук, помоги господину фон Липвигу сесть. Пророчества – ужасно изнурительная вещь.

Мокриц отмахнулся от секретаря и опустил свое изнывающее тело на сиденье.

– Я не то чтобы решил заглянуть, – сказал он, – просто огромный тролль из Стражи ввалился и схватил меня.

– Уверен, он просто помогал тебе удержаться на ногах, – сказал лорд Витинари, наблюдая за сражением каменных троллей и каменных гномов. – Ты же по доброй воле последовал за ним, не так ли?

– Я очень привязан к своей руке, – сказал Мокриц. – Я подумал, что лучше пойти за ней следом. Чем могу служить, милорд?

Витинари встал, подошел к столу и сел напротив Мокрица, глядя на него почти с удовольствием.

– Командор Ваймс составил лаконичный рапорт о событиях сегодняшнего дня, – он отложил фигурку тролля, которую вертел в руках, и перевернул несколько страниц. – Начиная с утреннего бунта в компании «Гранд Магистраль», подстрекателем которого, по его словам, выступил ты...

– Я лишь вызвался доставить клики, застрявшие на линии из-за их злополучной поломки, – возразил Мокриц. – Я не рассчитывал, что эти идиоты откажутся возвращать сообщения своим клиентам! Клики все равно были уже оплачены. Я просто протянул руку помощи в трудный момент. И я совершенно точно никого не подстрекал бить секретаря стулом по голове!

– Ну разумеется, разумеется, – согласился Витинари. – Не сомневаюсь,

ты действовал из самых благих побуждений и без всякой задней мысли. Но мне не терпится услышать про золото, господин фон Липвиг. Сто пятьдесят тысяч долларов, если не ошибаюсь.

– Я и сам плохо помню, – сказал Мокриц. – Все так смутно.

– Верю, охотно верю. С твоего позволения, напомню тебе некоторые детали, – предложил Витинари. – Утром, около полудня, ты, господин фон Липвиг, разговаривал с прохожими возле прискорбно пострадавшего Почтамта, как вдруг, – в этом месте патриций взглянул в свои записи, – ты поднял голову, прикрыл ладонью глаза, упал на колени и вскричал: «Да, да, благодарю тебя, я недостойный, славься, и да будут птицы чистить зубы твои, аллилуйя, и да горхочут твои ящички», – и тому подобное, к общему беспокойству очевидцев. Потом ты поднялся, вытянул перед собой руки и прокричал: «Сто пятьдесят тысяч долларов, закопанные в поле! Благодарю, благодарю, пойду заберу их немедленно!» После чего ты отобрал лопату у одного из рабочих, расчищавших завал в здании, и целеустремленно направился к городским воротам.

– Неужели? – сказал Мокриц. – Как будто провал в памяти.

– Не сомневаюсь, – кивнул Витинари. – Ты, наверное, удивишься, но часть людей последовала за тобой, включая господина Помпу и двух сотрудников Городской Стражи.

– Силы небесные, в самом деле?

– Представь себе. И следовали так несколько часов. Ты неоднократно останавливался помолиться. Нам остается предположить, что ты спрашивал у высших сил дорогу, которая, наконец, привела твои стопы к одинокому деревцу среди капустных полей.

– Правда? Как в тумане, – сказал Мокриц.

– По словам Стражи, ты принялся неистово копать. И замечу, что многочисленные уважаемые свидетели присутствовали при том моменте, когда твоя лопата ударилась о сундук. Насколько я понимаю, в следующем номере «Правды» это будет проиллюстрировано.

Мокриц промолчал. Это был единственный способ убедиться.

– Хочешь что-нибудь добавить, господин фон Липвиг?

– Нет, милорд, не особенно.

– Гм. Около трех часов назад в этом кабинете передо мной стояли три старших жреца трех главных религий и одна сконфуженная внештатная жрица, которая ведет земные дела Анунайи в качестве ее агента. Все они уверяют, что это их бог или богиня указали тебе на золото. Ты случайно не помнишь, кто именно это был?

– Я скорее чувствовал голос, а не слышал его, – осторожно сказал

Мокриц.

– Понятно, – кивнул Витинари. – В этой связи все они настаивают, что их храмы должны получить десятую часть от найденной суммы, – добавил он. – Каждый.

– Шестьдесят тысяч? – Мокриц подпрыгнул на стуле. – Это возмутительно!

– Я восхищен твоей способностью к устному счету даже после такого потрясения. Приятно знать, что *в этом* ты сохраняешь полную ясность, – сказал Витинари. – Я бы рекомендовал пожертвовать пятьдесят тысяч на четверых. Ведь это был, в конце концов, публичный, *недвусмысленный* и *неопровержимый* подарок богов. Почему бы не оказать им должных почестей?

Последовала продолжительная пауза, а потом Мокриц воздел палец и вопреки всему выдавил радостную улыбку.

– Разумный совет, милорд. К тому же никогда не знаешь, когда понадобится прочесть молитву.

– Именно, – сказал лорд Витинари. – Это меньше, чем они просят, но больше, чем они рассчитывают, и я обратил их внимание на то, что оставшиеся деньги пойдут на гражданские нужды. Они ведь пойдут на гражданские нужды, да, господин фон Липвиг?

– О, да. Конечно!

– Оно и к лучшему, тем более что деньги сейчас находятся в камере у командора Ваймса.

Витинари посмотрел на штаны Мокрица.

– Вижу, твой дивный золотой костюм до сих пор в грязи, почтмейстер. Любопытно, что такая сумма денег была закопана в поле. Так ты *до сих пор* ничего не помнишь о том, как нашел это место?

Выражение лица Витинари действовало Мокрицу на нервы. *Ты знаешь*, подумал он. *Я знаю, что ты знаешь. Ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь. Но я знаю, что ты не знаешь наверняка, не знаешь точно.*

– Ну... я помню ангела, – сказал он.

– Неужели? Какого именно?

– Такого, который является лишь однажды, если не ошибаюсь, – сказал Мокриц.

– А, это хорошо. Что ж, мне кажется, здесь все ясно, – сказал Витинари и откинулся на спинку кресла. – Нечасто простому смертному удается пережить божественное откровение, но жрецы убедили меня, что такое бывает, и кому же знать, как не им? Любому, кто посмеет намекнуть, что деньги были... нажиты не самым честным путем, придется поспорить с

очень буйными жрецами, и не исключено, что впоследствии у них возникнут проблемы с кухонными ящиками. К тому же ты жертвуешь деньги городу, – он поднял руку, когда Мокриц открыл было рот, и продолжал: – А точнее, Почтамту, так что вопроса о личной выгоде стоять не может. Владельца денег нигде нет, хотя сейчас девятьсот тридцать восемь человек пытаются убедить меня, что деньги принадлежали им. Но таков уж Анк-Морпорк. Итак, господин фон Липвиг, тебе поручается восстановить Почтамт как можно скорее. Все будет оплачено, и так как деньги эти, в сущности, – дар божий, платить с них налог не придется. Похвально, господин фон Липвиг. Очень похвально. Не стану тебя задерживать.

Мокриц успел взяться за дверную ручку, когда голос у него за спиной произнес:

– Еще один момент, господин фон Липвиг.

Он повернулся. Лорд Витинари вернулся к своей партии.

– Да, милорд?

– Мне пришло в голову, что сумма, которая была нам столь щедро ниспослана, по чистой случайности совпадает со стоимостью трофеев, приписываемых одному печально известному преступнику, а их, насколько мне известно, так и не нашли.

Мокриц уставился в пол под ногами. *Почему этот человек правит только одним городом? – подумал он. Почему он не правит миром? Он со всеми так обращается? Чувствуешь себя марионеткой. Только он делает так, что ты сам дергаешь себя за ниточки.*

С каменным выражением лица Мокриц повернулся.

– Неужели? И кто этот человек? – спросил он.

– Некий Альберт Стеклярс.

– Он мертв, милорд, – сказал Мокриц.

– Уверен?

– Абсолютно. Я присутствовал при его казни.

– Отличная память, господин фон Липвиг, – сказал Витинари, передвигая гнома по доске.

Черт, черт, черт! – кричал Мокриц, но исключительно для внутреннего пользования.

Он зарабатывал эти деньги в поте ли... то есть банкиры и торговцы зараба... в общем, кто-то где-то когда-то зарабатывал эти деньги в поте лица, а теперь треть их оказалась... *украдена*, иначе это никак не назвать.

И Мокриц испытывал некоторое несправедное негодование по этому

поводу.

Естественно, он бы отдал *большую* часть Почтамту, ради этого все и затевалось, но за такие деньги можно и отличное здание отгрохать, и еще останется предостаточно, и Мокриц рассчитывал сберечь немного для себя.

Но все равно он чувствовал себя прекрасно. Может, это и было то самое «удивительное теплое чувство», о котором все говорят. Да и что бы он делал с этими деньгами? У него никогда не нашлось бы времени все потратить. Ну в самом деле, что купить криминальному гению? В мире наблюдался дефицит прибрежных участков с водопадами настоящей лавы и водоемом с пираньями, и миру уж точно не нужен был очередной Темный Лорд – Хват Позолот и так неплохо справлялся. Позолоту не были нужны крепости и войско из десяти тысяч троллей. Ему хватало гроссбуха и мозгов. Это было эффективнее, дешевле, а вечером он всегда мог отправиться на банкет.

Отдать все золото стражнику было трудно, но выбора у Мокрица в общем-то не было. Но он все равно держал их за жабры. Никто не мог взять и заявить, что боги тут ни при чем. Да, прежде они такого не устраивали, но с богами никогда не знаешь, чего ожидать. И наверняка после вечернего выпуска «Правды» перед храмами выстроятся очереди.

Это ставило перед жрецами философскую проблему. Они официально были против людей, накапливающих земные богатства, но не могли не признать, что аншлаг в храме, посетители в священных рощах, руки на застрявших ящиках и пальцы в аквариуме с крокодильчиками никогда не помешают. Поэтому все они, подмигивая, отрицали, что подобное может повториться, и в то же время намекали, что кто их знает, пути божеств неисповедимы, в конце-то концов. А просители, выстраивающиеся в очередь с письмами-мольбами о большом мешке денег, были готовы допустить, что *воздастся* скорее всего тому, кто сначала *сам даст*, особенно после того, как огребали по голове блюдом для пожертвований.

Даже госпожа Экстремелия Мюм, чей маленький универсальный храм над букмекерской конторой на Цепной улице вел земные дела нескольких десятков мелких богов, стала пользоваться успехом среди тех, кто решил дополнительно подстраховаться. Она повесила над входом плакат. Там было написано: «ЭТО МОГ БЫТЬ ТЫ».

Этого не могло произойти. Этого не должно было произойти. Но как знать... а вдруг все-таки произойдет.

Мокрицу была знакома эта надежда. Он зарабатывал ею на жизнь. Ты *знал*, что наперсточник обыграет тебя, знал, что в бедственном положении люди не продают бриллианты за гроши, знал, что жизнь вообще чаще

поворачивается к тебе не той стороной, знал, что боги не выбирают из толпы обычного недостойного обормота и не вручают ему состояние.

Но в этот раз ты ведь мог ошибиться, да? Это ведь могло случиться?

Это и было величайшее из всех сокровищ, имя которому Надежда. Хороший способ очень быстро стать беднее, чем раньше, и остаться бедным. Это мог быть ты. Но не будешь.

Сейчас Мокриц фон Липвиг шагал по улице Аттической пчелы, направляясь к Бесплатной больнице леди Сибиллы. Люди смотрели ему вслед. Оно и понятно: его имя уже несколько дней не сходило с первой полосы. Оставалось надеяться, что фуражка с крыльями и золотой костюм были лучшей маскировкой и люди замечали золото, а не лицо.

Больница, как это обычно и бывает, еще достраивалась, но у входа все равно тянулась очередь. Мокриц решил очередь игнорировать и направился сразу внутрь. За дверями стояли люди, чьей основной работой было говорить «Эй, ты!», когда посторонние проходили без очереди, но Мокрица окружала атмосфера, гласившая: «Я слишком важен, чтобы меня останавливать», – и у них так и не получилось выдать из себя нужные слова.

И конечно, как и в любом учреждении, стоило пройти мимо привратных демонов, и люди сразу считали, что у тебя есть право здесь находиться, и подсказывали дорогу.

Господин Грош был в палате один, табличка на двери гласила «НЕ ВХОДИТЬ», но Мокрица редко волновали такие мелочи.

Старик с мрачным видом сидел в кровати, но едва завидев Мокрица, сразу просиял.

– Господин фон Липвиг! Как я рад! Узнайте, пожалуйста, куда они дели мои штаны? Я сказал им, что здоров, как бык, сэр, а они взяли и спрятали мои штаны! Заберите меня отсюда, сэр, пока меня опять не унесли принимать ванну. *Ванну, сэр!*

– Тебя носят? – спросил Мокриц. – Толливер, ты что, не можешь ходить?

– Еще как могу, но я от них отбиваюсь, сэр, *отбиваюсь*. Ванну, сэр? Чтоб женщина смотрела там на мои карамельки? Срамота! Всем известно, что мыло убивает природный блеск, сэр! Ох, сэр! Они меня *в плену* держат! Они мне штаноктомию сделали!

– Прошу тебя, успокойся, господин Грош, – поспешно сказал Мокриц. Старик пошел красными пятнами. – Стало быть, с тобой все в порядке?

– Пустяки, царапина, вот, глядите... – Грош расстегнул пуговицы ночной рубашки. – Видите? – провозгласил он.

Мокриц чуть не свалился в обморок. Банши как будто в крестикинолики сыграл на его груди. А кто-то аккуратно все это заштопал.

– Хорошо сработали, надо отдать им должное, – нехотя сказал Грош. – Но мне пора вставать и за работу, сэр, за работу!

– Ты точно здоров? – спросил Мокриц, разглядывая беспорядочные рубцы.

– Совершенно здоров, сэр. Я говорил им, уж если банши не смог до меня добраться через мой нагрудник, то их мелкие невидимые кусачие черти подавно не смогут. Как там дела, пока Агги всем командует, а? Готов поспорить, все плохо! Готов поспорить, я вам позарез нужен, а?

– Это да, – сказал Мокриц. – Тебе дают лекарства?

– Ха, и они называют это лекарством! Сколько чепухи они мне на уши навешали о том, какое это чудо-юдо, но если хочешь знать, у него ни вкуса, ни запаха. Они говорят, что мне это поможет, а я им отвечаю: мне работа поможет, а не киснуть в мыле, пока юные девицы пялятся на мою погремущку. И они побрили меня. Сказали, что это негигиенично, сэр! Ни стыда, ни совести у людей. Подумаешь, шевелится иногда, но это же естественно. У меня эти волосы уже очень давно. Я привык к их причудам.

– Чи-то здесь происходит? – произнес голос, исполненный командирского возмущения.

Мокриц обернулся.

Если одним из правил, которым нужно учить молодое поколение, должно быть «Не связывайся с сумасшедшими девицами, которые дымят, как печные трубы», то другое должно гласить «Беги куда подальше от женщин, которые произносят «ч» в слове «что».

Эта женщина как будто вмещала в себе двух. Емкость определенно это позволяла, и поскольку одета она была вся в белое, то необычайно напоминала собой айсберг. Только холоднее. И с парусами. И в хрустко накрахмаленной шапочке.

Две женщины поменьше стояли прямо за ней, рискуя быть раздавленными, если она сдаст назад.

– Я пришел проведать господина Гроша, – проблеял Мокриц, а Грош что-то пролепетал и натянул на голову одеяло.

– Недопустимо! Я здесь заведующая, молодой человек, и вынуждена настаивать, чтобы ты немедленно покинул палату! Господин Грош очень слаб.

– Выглядит здоровым, – заметил Мокриц.

Он не мог не восхититься взглядом, которым наградила его заведующая. Она рассматривала Мокрица, как нечто прилипшее к подошве

ее башмака. Он невозмутимо посмотрел на нее в ответ.

– Молодой человек, он в *критическом* состоянии! – рявкнула она. – Я отказываюсь его освобождать!

– Мадам, болезнь – это не преступление! – заявил Мокриц. – Людей *выписывают* из больницы, а не *освобождают*!

Заведующая вытянулась и победоносно улыбнулась Мокрицу.

– Этого-то, молодой человек, мы и боимся!

Мокриц не сомневался, что доктора держат у себя в кабинетах скелеты специально для запугивания пациентов. *Ну-ну, мы знаем, что у вас внутри...* Он даже их одобрял. Он чувствовал в них единомышленников. Места, подобные больнице леди Сибиллы, встречались пока нечасто, но Мокриц думал, что и он мог с успехом носить белый халат, разглядывать пузырьки с микстурами и называть длинными заумными словами недомогания вроде соплей.

Сидящий напротив него доктор Газон – его имя было написано на табличке на столе, потому что доктора люди занятые и всего не упомнят – оторвался от карты Толливера Гроша.

– Любопытный случай, господин фон Липвиг. Впервые в жизни пришлось проводить операцию, чтобы снять с пациента одежду, – сказал он. – Ты случайно не в курсе, из чего были его припарки? Он так и не признался.

– Кажется, несколько слоев фланели, гусиный жир и хлебный пудинг, – сказал Мокриц, разглядывая кабинет.

– Хлебный пудинг? Seriously?

– Вроде да.

– Точно не живое? А то нам показалось, на ощупь как чья-то кожа, – сказал врач, листая страницы. – А, вот оно. Да, его штаны пришлось подвергнуть детонации после того, как взорвался один носок. Причины нам неизвестны.

– Он насыпает в них серу и уголь, чтобы сохранить свежесть ног, а штаны пропитывает в селитре – от комаларии, – сказал Мокриц. – Свято верит в народную медицину. Докторам он не доверяет.

– Да что ты говоришь? Значит, остались в нем еще крупички здравого смысла. А вот с медсестрами лучше не спорить. Я делаю так: бросаю шоколадку, и пока они отвлечены, убегаю в противоположном направлении. А господин Грош, стало быть, считает, что человек сам себе врач?

– Он сам готовит себе лекарства, – объяснил Мокриц. – Каждый день он начинает с четверти пинты джина, смешанного с азотистым спиртом,

серным порошком, можжевельником и луковым соком. Говорит, это прочищает желудочный тракт.

– Боги милосердные, кто бы сомневался. Он хотя бы курит?

Мокриц задумался.

– Нет. Но пар от него иногда поднимается, – сказал он.

– А его познания в алхимии?

– Отсутствуют, насколько мне известно, – сказал Мокриц. – Впрочем, он делает любопытные конфетки от кашля. Стоит пососать их пару минут, и сера сама вытекает из ушей. А на коленях он рисует смесью йода и...

– Хватит! – сказал доктор. – Господин фон Липвиг, бывают ситуации, когда мы, скромные адепты классической медицины, вынуждены в изумлении стоять в сторонке. Чем дальше, тем лучше в случае господина Гроша, и желательно за деревом. Забери его отсюда, пожалуйста. Вопреки всем ожиданиям, он на удивление здоров. Я понимаю, почему он перенес атаку банши с такой легкостью. Не исключено, что господина Гроша вообще нельзя убить традиционными методами, хотя я не рекомендовал бы ему танцевать чечетку. И парик с собой захвати. Мы пытались спрятать его в шкаф, но он вылез. Счет присылать на Почтамт?

– Здесь же написано «бесплатная больница» на входе, – заметил Мокриц.

– В широком смысле, да, – сказал доктор Лон. – Но те, кому боги ниспослали столько даров – сто пятьдесят тысяч, я слышал, – вряд ли нуждаются в дополнительной благотворительности, а?

И все томится в камерах Стражи, подумал Мокриц. Он залез в карман сюртука и извлек мятый лист зеленых анк-морпоркских долларовых марок.

– Марками возьмешь? – спросил он.

Иконография Пис-Писа, которого на руках выносит с Почтамта Мокриц фон Липвиг, попала на первую полосу «Правды», потому что сюжет, посвященный животному, несомненно, волновал всех читателей.

Хват Позолот смотрел на иконографию с непроницаемым лицом. Он перечитал сопровождающую ее статью, озаглавленную:

ЧЕЛОВЕК СПАСАЕТ КОТА

«Восстановим и Расширим!»

Обещание На Фоне Горящего Почтамта

Подарок Богов на \$150000

Волна Застрававших Ящиков прокатывается по Городу

– Издатель «Правды» наверняка сожалеет, что у него в газете есть только одна первая полоса, – заметил он сухо.

Люди, собравшиеся вокруг большого стола в кабинете Позолота, издали некий звук. Тот звук, который получается, когда никто на самом деле не смеется.

– Ты думаешь, он и впрямь склонил богов на свою сторону? – спросил Сдушкомс.

– С трудом себе это представляю, – сказал Позолот. – Он знал, где искать деньги.

– Думаешь? Если бы я знал, где лежит столько денег, я бы их выкопал.

– Не сомневаюсь, – тихо произнес Позолот, и Сдушкомсу сразу стало не по себе.

– *Двенадцать с половиной процентов! Двенадцать с половиной процентов!* – закричал Альфонс, раскачиваясь на жердочке.

– Нас выставляют дураками, Хват! – сказал Стоули. – Он знал вчера, что линия обвалится! С тем же успехом мог и божественное указание получить! Поток местных сообщений уже упал. И каждый раз, когда мы будем простаивать, он будет гонять почтовые кареты, хотя бы из чистого злорадства. Он на все готов пойти. Он превратил Почтамт в... цирк!

– Рано или поздно все цирки уезжают из города, – сказал Позолот.

– Но он смеется над нами, – не унимался Стоули. – Если Магистраль опять встанет, не удивлюсь, если он отправит карету до Орлеи!

– Туда ехать несколько недель, – заметил Позолот.

– Да, но так дешевле, и письма доедут. Вот что он скажет. И скажет это громко. Надо что-то делать, Хват.

– И что же ты предлагаешь?

– Например, потратиться один раз и привести в порядок все оборудование?

– Не выйдет, – сказал новый голос. – У вас нет людей.

Все повернули головы к человеку, сидящему на дальнем конце стола. Поверх его рабочего комбинезона был надет сюртук, а рядом на столе

лежал выдавший виды цилиндр. Его звали господин Пони, и он был главным инженером Магистрали. Он работал в компании с самого начала и оставался в ней потому, что в пятьдесят восемь лет, с больными суставами, больной женой и больной спиной дважды подумаешь, прежде чем решиться на широкий жест и захлопнуть за собой дверь. Впервые он увидел клик-башню три года назад, когда возникла первая компания, но он был способным, а инженерное дело есть инженерное дело.

В данный момент его ближайшими друзьями на всем белом свете были розовые кальки. Он сделал все, что мог, и не собирался за всех отдуваться, когда лавочка наконец накроется, и его розовые кальки должны были этому способствовать. Белую бумагу – председателю, желтую кальку – подшить, розовую – оставить себе. Теперь никто не скажет, что он их не предупредил.

Двухдюймовая стопочка свежайших калек лежала у него в папке. Чувствуя себя древним богом, высунувшимся из облаков посреди апокалипсиса с громогласным: «Я же говорил вам! Я же предупредил вас! Почему вы не послушались? Сейчас уже поздно!» – он произнес терпеливо и сдержанно:

– У меня шесть бригад техобслуживания. На той неделе их было восемь. Я письменно оповестил вас об этом – вот копии. У нас должно быть восемнадцать бригад. Половину рабочих приходится обучать прямо на ходу, а времени на обучение нет. Раньше в такой ситуации мы отправили бы куда надо ходячие башни, а сейчас у нас даже на это нет людей...

– Значит, это займет некоторое время, мы *поняли*, – сказал Сдушкомс. – Сколько времени тебе нужно, чтобы... нанять еще людей и пустить эти твои ходячие башни и...

– Вы вынудили меня уволить очень многих мастеров, – сказал Пони.

– Мы их ни увольняли, мы их «отпустили», – возразил Позолот.

– Провели сокращение, – вставил Сдушкомс.

– И весьма успешно, – сказал Пони. Он достал из одного кармана огрызок карандаша и потрепанный блокнот из другого.

– Желаете быстро, дешево или качественно? – спросил он. – При нынешнем положении вещей могу обещать только одно из трех...

– Как скоро можно наладить всю Магистраль? – спросил Сдушкомс, а Позолот откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Шевеля губами, Пони пробежал взглядом цифры.

– Девять месяцев, – сказал он.

– Ну, если люди будут видеть, что мы стараемся все исправить, еще девять месяцев перебоев... – начал Стоули.

– Девять месяцев полной остановки Магистральной, – сказал Пони.

– Не говори ерунды!

– Это никакая не ерунда, господин, – отрезал Пони. – Мне нужно набрать и обучить новых мастеров, потому что прежние не вернутся, сколько бы я им ни предложил. Если закрыть Магистраль, я смогу привлечь семафорщиков – они хотя бы ориентируются на своих башнях. Мы сделаем больше, если не придется таскать и настраивать ходячие башни. Начнем с чистого листа. Башни изначально не были на это рассчитаны. Ласска не ожидал такого потока. Магистраль нужно закрыть на девять месяцев, господа.

Ему хотелось, ах, как же ему хотелось сказать: *«Мастера. Знаете ли вы, что это значит? Это гордые люди, они развернутся и уйдут, когда им прикажут делать их дело наспех и кое-как, и неважно, сколько ты им заплатишь. Поэтому сейчас я нанимаю в «мастера» людей, чьего «мастерства» хватит разве что пол в мастерской подметать. Но вам-то все равно, лишь бы без дела не сидел, вы думаете, будто человек, семь лет проходивший в подмастерьях, ничем не отличается от какого-то прыща, который не знает, с какой стороны у молотка рукоятка»*. Он не сказал всего этого вслух, потому что люди в возрасте, хоть им и осталось намного меньше времени, чем двадцатилетним, обращаются с ним гораздо осторожнее...

– И никак нельзя побыстрее? – спросил Стоули.

– Господин Стоули, девять месяцев и есть «побыстрее», – сказал Пони, сосредоточившись. – Если вы не хотите закрываться, я могу попробовать уложиться в полтора года, если найду много рабочих, а вы потратите много денег. Но перебои будут происходить ежедневно. Это будет убожество, а не работа.

– Этот фон Липвиг пройдет у нас по головам за девять месяцев! – сказал Сдушкомс.

– Сочувствую.

– И во сколько это обойдется? – спросил Позолот мечтательно, не открывая глаз.

– Хоть так, хоть этак, господин Позолот, по моим подсчетам, тысяч в двести, – сказал Пони.

– Какой бред! Мы за Магистраль меньше заплатили! – взорвался Сдушкомс.

– Да, но, видишь ли, техобслуживанием нужно заниматься постоянно, господин. Башни обветшали. Ураган в сектобре и все эти беспорядки в Убервальде... у меня нет рабочей силы. Если не проводить

техобслуживание, маленькая неисправность быстро становится большой. Я посылал вам кучу отчетов, господа. А вы дважды урезали мне бюджет. Должен сказать, мои ребята творили чудеса с...

– Господин Пони, – тихо сказал Позолот. – Мне кажется, здесь имеет место конфликт разных культур. Будь любезен, подожди немного в моем кабинете. Игорь заварит тебе чаю. Премного благодарен.

Когда Пони ушел, Сдушкомс сказал:

– Знаете, что меня сейчас беспокоит?

– Не томи, – Позолот сложил руки на своем дорогом жилете.

– Отсутствие господина Кривса.

– Он приносит свои извинения. Неотложное дело, – сказал Позолот.

– Мы его крупнейшие клиенты! Что может быть важнее нас? А его здесь нет, потому что он предпочел быть где-то в другом месте! Чертов покойник чует беду, и его вечно нет, когда что-то идет не так. Кривс всегда выходит сухим из воды!

– Вода, по крайней мере, пахнет приятнее формальдегида, – сказал Позолот. – *Не паникуйте*, господа.

– Кто-то уже запаниковал, – сказал Стоули. – Только не говорите мне, что этот пожар был случайностью! Что, правда? И что случилось с бедным толстяком Слыпнем?

– Спокойствие, друзья мои, спокойствие, – сказал Позолот. *Они просто банкиры-акционеры*, подумал он. *Они не охотники – они стервятники. Они не видят перспективы.*

Он подождал, пока все успокоились и посмотрели на него тем странным и довольно пугающим взглядом, характерным для богатых людей, которые боятся остаться бедными.

– Я ожидал чего-то подобного, – сказал он. – Витинари хочет нас разорить, вот и все.

– Хват, ты же понимаешь, какие у нас будут неприятности, если Магистраль перестанет работать, – сказал Мускат. – У некоторых из нас есть... невыплаченные долги. Если Магистраль окончательно рухнет, люди станут... задавать вопросы.

О, эти паузы, подумал Позолот. *Хищение ведь такое сложное слово.*

– Многим из нас пришлось немало потрудиться, чтобы найти деньги, – сказал Стоули.

Да, делать невинное лицо перед клиентами непросто, подумал Позолот. Вслух он сказал:

– Думаю, нам придется заплатить, господа. Думаю, да.

– Двести тысяч? – сказал Сдушкомс. – И где же мы возьмем такие

деньги?

– Раньше доставали, – прошелестел Позолот.

– На что это ты намекаешь, скажи, пожалуйста? – сказал Сдушкомс, чуть-чуть переборщив с возмущением в голосе.

– Бедняга Криспин заходил ко мне накануне своей смерти, – сказал Позолот, невозмутимый, как ледяная глыба. – Нес какую-то несусветную чушь. Не стоит даже повторять. Ему казалось, что за ним следили. Однако он настоял, чтобы я забрал у него небольшой грессбух. Он, разумеется, надежно заперт.

В комнате воцарилось молчание, и тишина разрасталась и накалялась от такого количества отчаявшихся, лихорадочно соображающих людей. Они-то считали себя честными, в том смысле, что делали только то, что и все вокруг, и не оставляли за собой крови, но в этот момент они почувствовали себя рыбаками, под которым только что треснула льдина, вынесшая их в открытое море.

– Я уверен, что и меньшей суммы будет достаточно, – сказал Позолот. – Пони не дурак, чтобы не округлить.

– Об этом ты нас не предупреждал, Позолот, – сказал Стоули с обидой. Позолот помахал руками.

– Чтобы оставаться в выигрыше, нужно думать наперед, – сказал он. – Почтамт? Ловкость рук и немного мошенничества. О, у фон Липвига в голове полно идей, но больше у него нет ничего. Он поднял волну, но у него не хватит выдержки на долгий заплыв. В конечном итоге он еще и окажет нам услугу. Пусть мы немного возгордились, расслабились, но мы усвоим этот урок! Конкуренция сподвигла нас вложить несколько сотен тысяч...

– *Несколько сотен?* – воскликнул Сдушкомс.

Позолот жестом призвал к тишине и продолжил:

– ...несколько сотен тысяч долларов в трудоемкий, необходимый и многообещающий капитальный ремонт всей нашей системы, и мы продолжаем поддерживать и укреплять наше взаимодействие с обществом, которому имеем честь служить. Мы отдаем полный отчет в том, что наши поспешные попытки усовершенствовать недостатки перешедшей к нам в руки инфраструктуры не были полностью удовлетворительны, и мы надеемся и верим, что наши верные и уважаемые клиенты проявят понимание в грядущие месяцы, пока мы в синергетическом взаимодействии будем осуществлять контроль за изменениями в стремлении к самосовершенствованию. Такова наша миссия.

Повисло немое восхищение.

– И вот так мы снова на коне, – заключил Позолот.

– Но ты сказал: несколько со...

Позолот вздохнул.

– *Сказал*, – сказал он. – Поверьте мне, господа, это игра, а хороший игрок всегда знает, как обратить неблагоприятную ситуацию в свою пользу. Посмотрите, чего мы уже добились. Немного наличных и правильный подход поможет добиться и остального. Уверен, вы найдете еще денег, – добавил он. – Там, где никто не хватится.

Это была не тишина. Это было за гранью тишины.

– Что ты предлагаешь? – спросил Мускат.

– Хищение, воровство, превышение полномочий, перераспределение средств... люди бывают так жестоки, – сказал Позолот. Он раскинул руки, и широкая дружелюбная улыбка заиграла на его лице, как солнце, вышедшее из-за туч. – Господа! Я все прекрасно понимаю! Деньги должны работать, двигаться, расти, а не храниться запертыми в сейфе. Слыпень этого, увы, не понимал. Так за все волновался, бедняга. Но мы... мы с вами деловые люди. Мы понимаем такие вещи, друзья мои.

Он окинул взглядом лица людей, до которых только теперь дошло, что они сидели верхом на тигре. Примерно до прошлой недели они ехали спокойно. Соскочить с тигра не составляло труда. Соскочить они могли. Дело было не в этом. Дело было в том, что тигр знал, где они живут.

Бедный Слыпень... всякие ходили слухи. Совершенно ничем не подкрепленные, надо сказать, слухи, потому что господин Грайль был выдающийся мастер своего дела, когда обходилось без голубей. Он передвигался когтистой тенью, и хоть и оставлял за собой слабый запах, его никогда не было слышно за кровью. Для нюха вервольфа нет ничего сильнее крови. Но улицы Анк-Морпорка полнились слухами, как утренним туманом.

И тут одному, другому, третьему члену правления пришло в голову, что жизнерадостное «друзья мои» в устах Хвата Позолота, столь щедрого на угощения, подсказки, советы, шампанское, по гармонии и полутонам все больше начинало походить на слово «дружок» в устах человека, выскочившего на вас из подворотни с разбитой бутылкой в руке и угрозой провести вам пластическую операцию на лице, если вы откажетесь дать ему денег. Но ведь до сих пор с ними ничего не случилось, так, может, имеет смысл и дальше сопровождать тигра в его охоте? Лучше следовать у хищника на хвосте, чем убегать от него.

– Только сейчас заметил, какой поздний час на дворе, – сказал Позолот. – *Доброй ночи, господа. Во всем можете положиться на меня.*

Игорь!

– Йа, гофподин? – произнес Игорь у него за спиной.

– Проводи господ на выход и пригласи ко мне господина Пони...

Позолот наблюдал, как они уходят, с довольной улыбкой на лице, которая стала еще шире, когда в кабинет вошел господин Пони.

Диалог с инженером состоялся следующий.

– Господин Пони, – сказал Позолот. – Рад сообщить, что совет остался под впечатлением от твоей самоотдачи и трудолюбия и единогласно проголосовал за увеличение твоего оклада на пятьсот долларов в год.

Пони обрадовался.

– Большое спасибо, господин Позолот. Будет очень кстати...

– Однако, господин Пони, как представителя «Гранд Магистрали» – а мы относимся к тебе как к члену команды – мы вынужденно просим тебя не забывать о кассовом обороте. Мы не можем выделить на ремонтные работы больше двадцати пяти тысяч долларов в год.

– Но это же только семьдесят долларов на башню! – запротестовал инженер.

– Так мало? Я им сказал, что ты не согласишься, – сказал Позолот. – Господин Пони – человек принципов, сказал я. Он согласится только на пятьдесят тысяч и ни пенни меньше, чем пятьдесят тысяч, сказал я.

Пони был загнан в угол.

– Даже на это многого не сделаешь, господин Позолот. Допустим, можно отправить несколько бригад с ходячими башнями, но башни в горах и так на честном слове держатся...

– Мы рассчитываем на тебя, Джордж, – сказал Позолот.

– Что ж, постараюсь... можно ли хотя бы вернуть Мертвый Час?

– Мне очень не хотелось бы, чтобы ты использовал этот поэтический оборот, – сказал Позолот. – Он создает нехорошее впечатление.

– Извиняюсь, господин Позолот, – сказал Пони. – Но час все равно нужен.

Позолот побарабанил пальцами по столу.

– Ты много просишь, Джордж. Мы говорим о прибыли. Совет не обрадуется, если...

– Боюсь, я вынужден настаивать, господин Позолот, – сказал Пони, глядя в пол.

– И что ты можешь предложить взамен? – спросил Позолот. – Вот что захочет знать правление. Они скажут мне: «Позолот, вот мы даем старине Джорджу все, о чем он просит, а нам-то что с этого?»

Забыв на мгновение, что речь шла о четверти суммы, которую он

просил, старина Джордж сказал:

– Ну, можно будет подлатать, где надо, и совсем плохонькие башни привести в какой-никакой порядок, особенно 99-ю и 201-ю... вообще, работы непочатый край...

– Обеспечит ли нам это, скажем, год сносной службы?

Господин Пони мужественно поборол извечный инженерский страх брать на себя любую ответственность и выдавил:

– Ну, если рабочие останутся на местах, и зима не будет холодной – но всегда есть...

Позолот щелкнул пальцами.

– Черт подери, Джордж, уговорил! Я скажу правлению, что ты заручился моей поддержкой, и пропади они пропадом!

– Что ж, это, конечно, очень любезно с твоей стороны, – проговорил сбитый с толку Пони, – но это просто пластырь на трещины, если серьезно. Пока мы не перестроим все основательно, мы будем только накапливать проблемы...

– Через годик, Джордж, ты сможешь рассказать нам обо всех своих предложениях! – радостно объявил Позолот. – Твои мастерство и находчивость еще спасут нашу компанию! Однако я знаю, ты человек занятой, не буду тебя задерживать. Ступай и прояви чудеса экономии, господин Пони!

Господин Пони вывалился из кабинета сконфуженный, довольный собой и полный ужаса.

– Старый дурак, – сказал Позолот и открыл нижний ящик стола. Он достал оттуда капкан, с трудом установил его и встал в центре кабинета к нему спиной.

– Игорь! – позвал он.

– Йа, гофподин, – сказал Игорь сзади. Раздался хлопок. – Кажется, это твое, гофподин, – добавил Игорь, вручая Позолоту захлопнувшийся капкан. Позолот посмотрел вниз. Ноги Игоря были в порядке.

– Как ты... – начал он.

– О, мы, Игоря, привыкайт к любознательный хозяин, – сказал Игорь угрюмо. – Один гофподин фтановилса фпиной к яме, утыканной пиками. Большой был хохмач.

– Что же с ним стало?

– Однажды забывайт и фам туда упадайт. Такая вот хохма.

Позолот тоже рассмеялся и снова сел за стол. Такие хохмы были ему по душе.

– Игорь, мог бы ты назвать меня безумцем? – спросил он.

Игори не должны врать своим хозяевам. Это часть Кодекса Игорей. Он нашел спасение в строго лингвистической честности.

– Я бы не фмог назвать тебя так, гофподин, – ответил он.

– Наверное, я все же безумец. Или я, или все вокруг, – сказал Позолот. – У меня ведь все на виду: я показываю им крапленые карты, говорю, кто я есть... а они переглядываются, усмеваются, и каждый считает себя достаточно умным, чтобы вести со мной дела. Бросают деньги на ветер. Считают себя такими смекалистыми и в то же время сами идут на закляние как овечки. Как же мне нравятся их лица, когда они думают, что *коварствуют*.

– Ты прав, гофподин, – сказал Игорь. Он задумался, есть ли еще вакансии в новой больнице. Его кузен Игорь уже устроился туда и рассказывал, что там замечательно. Иногда нужно работать всю ночь! А еще тебе выдают белый халат и резиновые перчатки, которые можно жевать, а самое главное – тебя *уважат*.

– Это же... просто, – продолжил Позолот. – Делаешь деньги, пока они истощаются, потом делаешь деньги, накапливая их снова, потом можно сделать еще немного денег, управляя ими, а потом покупаешь все у себя самого, когда оно рушится. Одни только закладные стоят целое состояние! Дай Альфонсу орешков.

– *Двенадцать с половиной процентов! Двенадцать с половиной процентов!* – сказал попугай, воодушевленно переступая с лапы на лапу.

– Фей момент, гофподин, – сказал Игорь, достав пакетик из кармана, и с опаской подошел к попугаю. Клюв Альфонса был острее ножниц.

«Или, может быть, стать ветеринаром, как другой мой кузен, – подумал Игорь. – Это всегда была хорошая традиционная сфера деятельности. Правда, потом, к сожалению, становилось известно, что хомячок выбрался из клетки, откусил хозяину ногу и улетел, но это издержки Прогрешша. Главное было убраться до прихода толпы. Самое подходящее время наступало, когда твой господин, уставясь в пустоту, начинать вещать, какой он прекрасный».

– Надежда – это проклятие человечества, Игорь, – сказал Позолот, сложив руки за головой.

– Может быть, гофподин, – сказал Игорь, пытаясь увернуться от жуткого изогнутого клюва.

– Тигр не надеется поймать добычу, газель не надеется спастись от хищника. Они *бегут*, Игорь. Только бег имеет значение. Они знают, что нужно бежать. И мне пора бежать к милым сотрудникам «Правды», чтобы всем рассказать о нашем дивном новом будущем. Так что подай карету.

– Йа, гофподин. Ф твоего позволения я только фбегайт фебе за новым пальцем.

А лучше уеду обратно в горы, думал он, спускаясь в подвал. В горах чудовища хотя бы имеют совесть выглядеть соответственно.

Ночь искрилась огнями вокруг развалин Почтамта. Големам свет не был нужен, но он был нужен землемерам. Мокрицу удалось заключить хорошую сделку. Сами боги говорили с ним. Фирме пойдет на пользу привести в порядок этого архитектурного феникса.

В еще стоявшем его кусочке, на подпорках под брезентом, Почтамт, точнее сказать, работники Почтамта, всю ночь не смыкали глаз. По правде говоря, работы на всех не хватало, но все равно люди пришли помогать. Такая была ночь. Нужно было там быть, чтобы когда-нибудь потом можно было сказать: «... и я был там, в ту самую ночь...»

Мокриц понимал, что пора бы вздремнуть, но ему тоже нужно было там быть, жить и искриться. Было... замечательно. Люди слушали его, они делали для него все, бегали вокруг, как будто он был настоящим начальником, а не мошенником и плутом.

И еще были письма. Ах, какую боль они причиняли. Приходило все больше и больше писем, и все были адресованы ему. Новости расплзлись по городу. Об этом написали в газете. Боги *прислушивались* к этому человеку!

...доставим письма даже богам...

Он был человеком в золотом костюме и фуражке с крыльями. Люди обратили жулика в посланника небес и вывалили ему на обгоревший стол все свои страхи и надежды, записанные тупым карандашом или бесплатными почтовыми чернилами, разбрызганными по бумаге от спешки... и с чудовищной грамматикой.

– Они считают тебя ангелом, – сказала госпожа Ласка, которая сидела напротив и помогала ему разобраться в этих задушевных жалобах. Каждый час господин Помпа приносил все новые письма.

– Зря считают, – отрезал Мокриц.

– Ты говоришь с богами, и боги тебя слушают, – сказала она с усмешкой. – Они сказали тебе, где зарыт клад. Вот что я называю религией. Кстати, откуда ты знал, где искать?

– Ты совсем не веришь в богов?

– Разумеется, нет. Какие могут быть боги, когда такие люди, как Хват Позолот, дышат с нами одним воздухом. Нет никого, кроме нас самих. Так что деньги?..

– Не могу тебе сказать.

– Ты читал, что тут пишут? – спросила она. – Больные дети, умирающие жены...

– А некоторые просто хотят денег, – перебил ее Мокриц, как будто от этого было легче.

– А чего ты ожидал, Жук? Ты же человек, который смог состричь с богов пачку наличности!

– И что мне теперь делать со всеми этими... молитвами? – спросил Мокриц.

– Доставить их, разумеется. У тебя нет выбора. Ты посланник богов. И на письмах наклеены марки. Некоторые *целиком* обклеены марками! Это твоя *работа*. Отнеси их в храмы. Ты обещал!

– Я никогда не обещал...

– *Обещал, когда продавал им марки!*

Мокриц чуть не свалился со стула. Она пригрозила словами, как кулаком.

– Это даст им надежду, – добавила госпожа Ласска куда тише.

– Ложную надежду, – сказал Мокриц, собираясь с силами.

– Может быть, на сей раз нет. В этом весь смысл надежды, – она подобрала осколки, оставшиеся от послания Ангхаммарада. – Он нес это послание сквозь целое Время. Ты думаешь, тебе сейчас тяжело?

– Господин фон Липвиг?

Голос доносился из холла. Весь шум на заднем плане сразу опал как испорченное суфле.

Мокриц подошел туда, где некогда была стена. Скрипя опаленными досками под ногами, он выглянул оттуда прямо в холл. И мимоходом подумал: *Когда начнем строить, нужно будет сделать здесь большое панорамное окно. Вид отсюда такой, что словами не выразить.*

Послышались перешептывания и охи. Несмотря на ранний туманный час, на Почтамте было полно посетителей. Для молитвы никогда не поздно.

– Что-то случилось, господин Грош? – спросил он.

Грош помахал в воздухе чем-то белым.

– Утренняя «Правда», сэра! – прокричал Грош. – Только-только получили! Позолот во всю страницу, сэра! На вашем месте! Не понравится вам это, сэра!

Если бы Мокрица фон Липвига готовили к тому, чтобы стать клоуном, его бы водили на цирковые представления и показывали всяческие дурачества. Он восхищался бы элегантной дугой, описываемой кремовым

тортом, мотал на ус хитрости обращения со стремянкой и ведром побелки, внимательно следил за каждым беспечно подброшенным яйцом. Пока остальные зрители глазели бы на представление с соответствующими чувствами ужаса, раздражения или злости, он бы вел конспект.

Так и сейчас, как подмастерье, любующийся работой мастера, Мокриц читал слова Хвата Позолота на непросохшей газетной бумаге.

Это была ересь, но ересь, поданная мастером своего дела. О да. Как было не восхититься ловкостью, с которой совершенно невинные слова изваляли в грязи, осквернили. С которых содрали истинное значение и порядочность и заставили торговать собой ради Хвата Позолота. Впрочем, «синергетичность» всегда была продажной тварью. Проблемы «Гранд Магистрала», несомненно, были результатом загадочной вселенской судороги и ничего общего не имели с предумышленной алчностью, гордыней и тупостью. О, «Гранд Магистраль» принимала неправильные... пардон, «благонамеренные решения, которые, судя с высоты сегодняшнего дня, могли оказаться в каких-то аспектах несовершенными», но они, ясное дело, были приняты во имя исправления «фундаментальных системных ошибок», сделанных предыдущими владельцами. Никто ни в чем не раскаивался, потому что ни одна живая душа не сделала ничего дурного. Плохие вещи творились в результате их спонтанной аккумуляции в каком-нибудь диком, промозгом геометрическом иномирье, и «о них оставалось лишь сожалеть»^[10].

Репортер «Правды» пытался, но даже табун лошадей не остановил бы Хвата Позолота, так поглощен он был выворачиванием смыслов наизнанку. «Гранд Магистраль» была «для людей», и репортеру не удалось даже уточнить, что именно это значило. А этот материал, озаглавленный «Наша Миссия»...

Мокриц почувствовал во рту привкус до того кислый, что можно было плевками выкладывать узоры на листе железа.

Пустые, глупые слова, сказанные людьми, у которых не было ни опыта, ни ума, ни мастерства, если не считать умения разбавлять слова водой. О, за что только не выступала «Гранд Магистраль», от жизни и свободы до маминого домашнего расстройственного пудинга. Она выступала за все – и ни за что.

Сквозь алую пелену взгляд Мокрица выхватил фразу: «Безопасность – наш первый приоритет». Почему не расплавились свинцовые литеры, почему не воспламенилась бумага, чтобы не быть причастными к такому непотребству? Станок должен был искоробиться, валик – расколотся в щепки...

Это было ужасно. Но потом Мокриц увидел ответ Позолота на поспешный вопрос о Почтамте.

Хват Позолот *обожал* Почтамт до глубины своей души. Он был очень признателен за их содействие в трудную минуту и надеялся на дальнейшее сотрудничество, хотя, конечно же, в современной реальности почта никогда не сможет быть полноценным конкурентом за пределами самой узкой сферы. Но кому-то же надо и разносить счета, ха-ха...

Это было виртуозно... *мерзавец*.

– Эй... что с тобой? Может, хватит кричать? – сказала госпожа Ласска.

– Что? – пелена рассеялась.

Все в холле вытаращились на него, раскрыв рты. Жидкие чернила капали с почтамтских перьев, марки засыхали на языках.

– Ты кричал, – сказала госпожа Ласска. – Ругался на чем свет стоит.

Госпожа Макалариат с решительным лицом прокладывала себе путь в толпе.

– Господин фон Липвиг, очень надеюсь никогда больше не слышать в этих стенах подобных выражений! – сказала она.

– Все они были адресованы председателю «Гранд Магистрали», – сказала госпожа Ласска тоном, который у нее сходил за участливый.

– А, – госпожа Макалариат замялась, но вовремя опомнилась. – Тогда... не могли бы вы делать это чуть потише?

– Разумеется, госпожа Макалариат, – послушно согласился Мокриц.

– И постарайтесь обойтись без слова на букву Ж.

– Хорошо, госпожа Макалариат.

– А также без слов на букву «Б», «Т», обоих слов на «С», а еще на «В» и на «П».

– Как скажешь, госпожа Макалариат.

– «Поганый ползучий выродок», впрочем, приемлемо.

– Я запомню, госпожа Макалариат.

– Вот и славно, почтмейстер.

Госпожа Макалариат развернулась на каблуках и продолжила отчитывать кого-то за то, что он не использовал промокашку.

Мокриц показал газету госпоже Ласске.

– И ему это сойдет с рук, – сказал он. – Он просто говорит красивые слова. Магистраль слишком масштабна, чтобы прогореть. Слишком много вкладчиков. Он найдет еще денег, будет продолжать жить на волосок от катастрофы, а потом позволит всему рухнуть. Может, еще и перекупит компанию через другую фирму по дешевке.

– Я ничему не удивлюсь, – сказала госпожа Ласска. – Но ты так

уверенно говоришь.

– Так бы поступил я, – сказал Мокриц. – Э... если бы был таким, как он. Эта уловка стара как мир. Ты повышаешь ставку, а потом делаешь так, чтобы остальные игроки так увязли, что не посмели бы спасовать. Это иллюзия, понимаешь? Им кажется, если они останутся в игре, то все обязательно образуется. Они не смеют и подумать, что это всего лишь иллюзия. Говоришь им умными словами, что завтра все будет тип-топ, и они *надеются*. Но никогда не выигрывают. И они знают это в глубине души, но остальной организм слушать не желает. Заведение всегда выигрывает.

– И почему таким, как Позолот, все всегда сходит с рук?

– Я только что объяснил. Потому что люди надеются. Они верят, что кто-то продаст им за доллар настоящий бриллиант. Увы.

– Знаешь, почему я устроилась на работу в траст? – спросила госпожа Ласска.

Потому что с глиняными людьми общаться проще? – подумал Мокриц. *Потому что они не кашляют, когда ты с ними разговариваешь?*

– Нет, – ответил он.

– До этого я работала в одном банке в Сто Лате. Кооператив Капустных Фермеров...

– О, это тот, что на городской площади? С резной капустой на входе? – спросил Мокриц, вовремя не спохватившись.

– Ты знаешь это место? – спросила она.

– Да, как-то проезжал мимо...

О нет, подумал он, мысленно прокручивая разговор вперед. *Пожалуйста, только не это.*

– Неплохая была работа, – сказала она. – Наш отдел занимался чеками и векселями. Проверяли, нет ли подделок. И однажды я пропустила четыре подделки. Четыре! Банку это обошлось в две тысячи долларов. Четыре векселя, и все подписи были неотличимы. Меня уволили. Сказали, что они обязаны что-то предпринять, иначе банк потеряет доверие клиентов. Не очень весело, когда тебя считают воровкой. Вот что происходит с такими, как мы. А такие, как Позолот, всегда остаются на коне. Что с тобой?

– Хм-м?

– Ты какого-то... неправильного цвета.

Хороший был день, думал Мокриц. *Вплоть до этой минуты, хороший был день*. Он тогда остался очень доволен собой. Никогда не думаешь, что пересечешься потом с этими людьми. Черт побери Помпу и его среднеарифметические убийства!

Он вздохнул. Что ж, все должно было этим кончиться. Он знал, что так и будет. Он и Позолот, перетягивающие канат, чтобы проверить, кто выйдет бóльшим мерзавцем.

– Это региональное издание «Правды», – сказал он. – Городской номер уходит в печать только через полтора часа, на случай, если возникнут срочные новости. По меньшей мере, успею стереть ухмылку с его лица.

– Что ты собираешься делать? – спросила госпожа Ласка.

Мокриц поправил фуражку на голове.

– Предпринять невозможное, – ответил он.

Глава двенадцатая

Дятел

Вызов – Движущиеся горы – Многофункциональность капусты – Совет ведет обсуждение – Господин Липвиг падет ниц – Дымящийся Гну – Методом Дятла

Настало следующее утро.

Что-то ткнуло Мокрица в бок.

Он разлепил веки и проследил взглядом по длинной блестящей черной трости, вплоть до руки, обхватившей серебряный набалдашник в виде головы Смерти – и лица лорда Витинари. За спиной патриция в углу тлеи глаза голема.

– Не вставай, не стоит, – сказал Витинари. – Я слышал, ночь у тебя выдалась непростая.

– Извините, сэр, – сказал Мокриц, приняв вертикальное положение. Он опять заснул за столом. Во рту как будто переночевал Пис-Пис. Из-за плеча Витинари было видно, как Грош и Стэнли с беспокойством заглядывают в дверь.

Витинари сел напротив, предварительно стряхнув со стула пепел.

– Читал ли ты сегодняшнюю «Правду»? – спросил он.

– Стоял рядом, когда ее печатали.

У Мокрица в шее, казалось, возникли лишние кости. Он попытался повернуть голову прямо.

– Ну как же, как же. От Анк-Морпорка до Орлеи примерно две тысячи миль, господин фон Липвиг. И ты уверяешь, что доставишь туда послание быстрее, чем клик-башни. Бросаешь вызов Магистрали. Какая интрига.

– Да, сэр.

– Даже самая быстрая карета будет добираться туда около двух месяцев, господин фон Липвиг. И мне сообщили, что, если ехать без остановок, к концу пути почки будут выпрыгивать из ушей.

– Да, сэр. Я в курсе, – ответил Мокриц и зевнул.

– Прибегать к магии было бы неспортивно.

Мокриц опять зевнул.

– Я в курсе, сэр.

– Ты *посоветовался* с аркканцлером Незримого Университета, прежде чем предложить, чтобы он сочинил послание для этой любопытной

гонки? – требовательно спросил лорд Витинари, разворачивая газету. Мокриц перечитал заголовки:

ГОНКА: НА СТАРТ!

«Летучий Почтальон» против «Гранд Магистрالی»

– Нет, милорд. Я сказал, что послание должен подготовить уважаемый и неподкупный гражданин нашего города, *например* аркканцлер.

– И теперь он едва ли сможет сказать «нет», не правда ли?

– Хотелось бы в это верить. Во всяком случае, взятки от Позолота он брать не станет.

– Хм, – Витинари дважды стукнул тростью по полу. – Удивишься ли ты, если я скажу, что жители нашего города верят в твою победу? Магистраль никогда не выходила из строя дольше чем на неделю, клик достигает Орлеи за несколько часов, и тем не менее, господин фон Липвиг, люди верят в тебя. Не находишь ли ты это поразительным?

– Э...

– Но ты хозяин положения, господин фон Липвиг, – сказал Витинари, оживившись. – Ты золотой посланник! – его улыбка была змеиной. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Ты же знаешь, что делаешь, да, господин Липвиг?

– Вера горами движет, – сказал Мокриц.

– Их и впрямь предостаточно между нами и Орлеей, – сказал Витинари. – В газете сказано, ты отправляешься в путь завтра вечером?

– Верно. Еженедельной каретой. Но в этот раз мы поедem без пассажиров, чтобы не набирать лишний груз.

Мокриц посмотрел Витинари в глаза.

– И ты не дашь мне даже маленькой подсказки? – спросил патриций.

– Лучше будет обойтись без этого.

– Сомневаюсь, что боги закопали неподалеку высокоскоростного волшебного скакуна.

– Мне про это ничего не известно, – убедительно произнес Мокриц. – Хотя, пока не помолишься, никогда не узнаешь наверняка.

– Ну да-а, – протянул Витинари.

Он сверлит меня взглядом, подумал Мокриц. Но мы же знаем, как с этим обращаться, верно? Мы просто разрешим ему пройти насквозь.

– Позолоту, разумеется, придется принять вызов, – сказал Витинари. – Но он человек... изобретательный.

Мокрицу показалось, что это был осторожный способ сказать «коварный сукин сын». Он снова пропустил взгляд через себя.

Витинари встал.

– Тогда до завтрашнего вечера, – сказал он. – Нам ждать какой-нибудь церемонии, чтобы газетам было о чем писать?

– Об этом я пока не думал, сэр, – сказал Мокриц.

– Ну, конечно, не думал, – сказал лорд Витинари и наградил его тем, что можно назвать только... *взглядом*.

Примерно таким же взглядом Мокрица наградил Джим Врост, после чего сказал:

– Ну, можно бросить клич, попросить о помощи и поставить хороших лошадей на почтовые станции, господин фон Липвиг, но мы ездим только до Бонка. Оттуда придется сменяться. «Орлея-Экспресс» хорошие ребята. Мы их знаем.

– Точно хочешь нанять целую карету? – спросил Гарри, протирая лошадь. – обойдется недешево, потому что придется пускать вторую карету, пассажирскую. Популярный маршрут как-никак.

– В карете поедет только почта, – сказал Мокриц. – И охрана.

– А, думаешь, нападут? – спросил Гарри, выжимая полотенце насухо без видимых усилий.

– А вы как думаете?

Братья переглянулись.

– Ну, тогда я поведу, – сказал Джим. – Меня неспроста Трубой прозвали.

– К тому же, я слышал, в горах полно разбойников, – добавил Мокриц.

– Раньше было, – сказал Джим. – Сейчас не особо.

– Одним поводом для беспокойства меньше, – сказал Мокриц.

– Ну, как сказать, – ответил Джим. – Мы так и не знаем, что с ними случилось.

Не забывай, что люди, которые аплодируют твоей коронации, точно так же будут аплодировать твоей казни. Люди любят зрелища.

Люди любят зрелища...

...поэтому почта до Орлеи все прибывала, по доллару за письмо. Много почты.

Стэнли все объяснил. Несколько раз, потому что у Мокрица никак не

укладывалось в голове.

– Они вкладывают конверты с марками в конверты до почтовой станции в Орлее, чтобы первый конверт можно было отправить назад во втором конверте, – выстроенные в таком порядке, слова наконец обрели какой-то смысл для Мокрица.

– Они хотят получить конверты обратно? – спросил он. – Зачем?

– Потому что они использованы, сэр.

– Это делает их ценными?

– Примерно так, сэр. Как я уже говорил, людям кажется, что марки не будут настоящими, пока они не выполнят работу, для которой предназначались. Помните первый образец однопенсовых марок, которые пришлось вырезать ножницами? За конверт с такой маркой коллекционеры отдадут два доллара.

– В двести раз дороже, чем за марку?

– Получается, так, сэр, – сказал Стэнли с горящими глазами. – Люди отправляют письма сами себе, лишь бы получить проштемпелеванную марку. Чтобы она была использована.

– Хм... у меня в кармане есть пара грязных носовых платков, – сказал Мокриц озадаченно. – Как тебе кажется, купят ли их в двести раз дороже их цены?

– Нет, сэр!

– Так почему же...

– Марки вызвали большой интерес. Я подумал, можно выпустить комплект марок для крупных гильдий. Коллекционеры с руками оторвут. Что скажете, сэр?

– Очень хорошее предложение, Стэнли, – сказал Мокриц. – Обязательно сделаем. Марка для Гильдии Белошвеек будет лежать *внутри* простого бумажного конвертика, а? Ха-ха.

На сей раз озадачен был Стэнли.

– Не понял вас, сэр.

Мокриц откашлялся.

– Да ничего. Вижу, ты все схватываешь на лету, Стэнли.

Некоторые вещи, по крайней мере.

– Э... да, сэр. Э... не хотелось бы навязываться...

– Навязывайся, Стэнли, навязывайся, – подбодрил Мокриц.

Стэнли достал из кармана небольшую бумажную папку, раскрыл ее и благоговейно положил перед Мокрицем.

– Мне помогал господин Шпулькс, – сказал он. – Но в основном я все сделал сам.

Это была марка. Желто-зеленого цвета. На ней было изображено – Мокриц прищурился – капустное поле и дома на горизонте.

Он принялся. От марки пахло капустой. Да-да.

– Напечатано капустными чернилами с использованием клея из брокколи, – сказал Стэнли, преисполненный гордости. – «В Знак Признательности Капустной Индустрии Равнины Сто». Мне кажется, это может иметь успех. Капуста ведь так популярна, сэр. Из нее столько всего можно сделать!

– Да я уж вижу...

– Капустный суп, капустное пиво, капустный мусс, капустный торт, капустный крем...

– Да, Стэнли, ты вполне...

– ...квашеная капуста, кисель из капусты, салат из капусты, капуста вареная, капуста жареная...

– Да, можешь...

– ...жаркое из капусты, соус из капусты, капустный сюрприз, сосиски...

– Сосиски?

– Из капусты, сэр. Практически все можно сделать из капусты. Есть еще...

– Марки из капусты, – пресек его Мокриц решительно. – Пятьдесят пенсов штука, между прочим. У тебя есть скрытые таланты, Стэнли.

– И всем этим я обязан вам, сэр! – выпалил Стэнли. – Я перерос детский сад с булавками! Мир марок, который может столько поведать молодым людям об истории и географии, в то же время являясь здоровым, приятным, захватывающим и совершенно достойным занятием, которое станет увлечением длиною в жизнь, открылся передо мной и...

– Да, да, спасибо! – сказал Мокриц.

– ...и я поставил тридцать долларов, сэр. Все мои сбережения. Чтобы вы знали, что мы полностью вас поддерживаем.

Мокриц услышал слова, но пришлось подождать, пока они не обрели смысл.

– Поставил? – произнес он наконец. – Ты имеешь в виду *ставки*?

– Да, сэр. *Крупные* ставки, – довольно произнес Стэнли. – На вашу гонку с клик-башнями до Орлеи. Людям нравится. Многие букмекеры принимают ставки, так что господин Грош взялся все организовать. Но он говорит, что шансы невелики.

– Кто бы сомневался, – слабо проговорил Мокриц. – Никто в здравом уме не станет...

– Он сказал, что мы выиграем только один доллар на каждые восемь, которые поставим, но мы подумали...

Мокриц подскочил на месте.

– Восемь к одному на *победу*? – вскричал он. – *Букмекеры* думают, что я *выиграю*? Сколько вы все решили поставить?

– Э... когда считали последний раз, было около тысячи двухсот долларов. Это...

Голуби разлетелись с крыши от крика Мокрица фон Липвига.

– *Господина Гроша ко мне, срочно!*

Видеть лукавство на лице Гроша было невыносимо. Старик постучал себя по носу.

– Вы такой человек, сэр, что вам несколько богов деньги отдали! – произнес он с довольной улыбкой.

– Да, – согласился Мокриц в отчаянии. – Но если... предположим, я пошел на хитрость...

– Хороша была хитрость, – захихикал старик. – Ох хороша. Я уж думаю, если человек может самих богов обхитрить, то он на все способен!

– Господин Грош, никак невозможно карете добраться до Орлеи быстрее клика. Это же две тысячи миль!

– Понимаю, вам нельзя ничего говорить, понимаю. И у стен есть уши. Тс-с-! Но мы посоветались и решили: вы были к нам так добры, сэр, и вы так верите в Почтамт, что мы должны подкрепиться деньгами, сэр! – сказал Грош с легким оттенком неповиновения.

Мокриц открыл рот, закрыл и снова открыл.

– Ты хочешь сказать, подкрепить *слова* деньгами?

– Вас, сэр, как говорится, на кривой оглобле не объедешь. Как это вы пришли прямо в газету и сказали: помчимся наперегонки! Хват Позолот угодил прямо в вашу ловушку!

Стекляшка или бриллиант, подумал Мокриц. Он вздохнул.

– Ладно, господин Грош. Спасибо. Восемь к одному, говоришь?

– Нам еще повезло. Ставки возросли до десяти к одному, прежде чем их перестали принимать. Теперь принимают ставки на то, *как именно* вы выиграете.

Мокриц наострил уши.

– Есть интересные предложения? – спросил он.

– Я поставил один доллар на «обрушите огонь с небес». Кхех... может, намекнете?

– Пожалуйста, иди и работай, Грош, – резко сказал Мокриц.

– Да, сэр, конечно, извините за вопрос, – сказал Грош и засеменил прочь.

Мокриц уронил голову на руки.

Наверное, то же самое чувствуют альпинисты, подумал он. Покоряешь все более и более высокие горы и знаешь, что однажды какая-нибудь из них окажется слишком отвесной. Но ты все равно не остановишься, потому что там наверху та-а-ак хорошо дышится. И ты знаешь, что умрешь в падении.

Почему люди такие идиоты? Они словно цепляются за невежество, потому что у него знакомый запах. Хват Позолот вздохнул.

У него был свой кабинет в башне Тумп. Ему там не особо нравилось, потому что башня вечно тряслась из-за работы семафоров, но иначе пострадал бы его имидж. Зато отсюда открывался ни с чем не сравнимый вид на город. Одна эта панорама была достойна тех денег, что они заплатили за Магистраль.

– Почти два месяца, чтобы доехать до Орлеи на карете, – проговорил он, глядя на дворец, выглядывающий из-за городских крыш. – Допустим, ему удастся немного срезать. Клик-башням хватит нескольких часов. Тебя ничего не настораживает в этой картине?

– Что у него на уме? – спросил Сдушкомс. Члены совета сидели вокруг стола с обеспокоенными лицами.

– Не знаю, – сказал Позолот. – Мне все равно.

– Но боги на его стороне, Позолот, – сказал Мускат.

– Хотите поговорить о богах? – сказал Позолот. – Никому, кроме меня, не кажется странным это заявление? Боги не славятся такими незамысловатыми подарками. Особенно те, которые кусаются. Нет, в наши дни они ограничиваются благодатью, смирением и силой духа. Тем, что нельзя увидеть. Тем, у чего нет цены. Богам больше по душе знаки свыше, а не знаки денежные, ха-ха.

Его коллеги похлопали глазами.

– Немного недопонял тебя, старина, – сказал Стоули.

– Я сказал, знаки свыше, а не денежные, – повторил Позолот и махнул рукой. – Не забивайте себе голову, на письме должно смотреться лучше. Короче говоря, божественный дар господину фон Липвигу был большим сундуком золотых монет в мешках, удивительно похожих на банковские, и все в современной валюте. Не находите ли вы это странным?

– Да, но ведь даже старшие жрецы говорят...

– Фон Липвиг – артист, – сорвался Позолот. – Вы думаете, боги

потащат на себе его почтовую карету? Seriously? Это был фокус, понимаете? Фокус, который снова вывел его на первую полосу, вот и все. Не так уж и сложно уразуметь. У него один план: героически потерпеть поражение. Никто ведь не ждет всерьез, что он выиграет.

– Я слышал, на него охотно ставят.

– Люди охотно дадут себя обдурить, если процесс обещает быть увлекательным, – сказал Позолот. – Кто-нибудь знает хорошего букмекера? Я тоже сделаю небольшую ставку. Тысяч пять долларов, скажем.

В ответ на это раздались нервные смешки, и он продолжал:

– Господа, будем благоразумны. Никакие боги не придут на помощь нашему почтмейстеру. И никакие волшебники. Они не любят разбазаривать магию, так что мы очень скоро узнаем, пользуется он ею или нет. Он хочет огласки, в этом все дело. Впрочем, – Позолот подмигнул, – никогда не помешает укрепить свои позиции, как бы так выразиться, по обоим фронтам.

Они оживились. Такое им хотелось услышать.

– В горах ведь столько несчастных случаев, – сказал Сдушкомс.

– Не сомневаюсь, что так и есть, – ответил Позолот. – Однако я имел в виду «Гранд Магистраль». Поэтому я попросил господина Пони обрисовать нам план действий. Господин Пони?

Инженер поерзал на стуле. У него выдалась тяжелая ночь.

– Для протокола, господин Позолот, я настаивал на шестичасовом перерыве перед стартом, – сказал он.

– В протоколе также будет записано, как я сказал, что это совершенно исключено, – парировал Позолот. – Во-первых, это было бы непростительной потерей дохода, а во-вторых, отсутствие сигналов на наших башнях – само по себе неправильный сигнал.

– Тогда сворачиваемся за час до старта и расчищаем линию, – сказал Пони. – Каждая башня пошлет на Тумп сигнал своей готовности, закроет все порты и будет ждать. Ни входящих, ни исходящих. Мы перенастроим башни для двухуровневой трансляции – это значит, – перевел он для правления, – мы превратим нисходящую линию в дубль-восходящую, чтобы сообщение прошло в Орлею вдвое быстрее. Магистраль не будет передавать никаких посторонних сообщений до окончания, э, гонки. Даже по верхней частоте. И с того момента, как я отсюда выйду, мы прекращаем принимать сообщения с городских башен. Ни из дворца, ни даже из университета. – Он шмыгнул носом и удовлетворенно добавил: – Особенно от студентов. Кто-то повадился хулиганить с нами, господа.

– По-моему, ты перегибаешь палку, господин Пони, – сказал

Сдушкомс.

– Надеюсь, что так. Но мне кажется, кто-то нашел способ отправлять на башни вредоносные сообщения.

– Это невозмо...

Господин Пони хлопнул по столу.

– И откуда вы столько знаете, а? Может, это вы не сомкнули глаз всю ночь, пока пытались разобраться в том, что происходит? Может, вы разбирали дифференциальный барабан консервным ножом? Вы заметили, как арматура прессы начинает соскакивать с эллиптического подшипника, если нажать букву «Л» и отправить ее в башню с верхним адресом, но только в том случае, если перед этим нажать на «Й», когда пружина барабана закручена до упора? Это вы заметили, что клавишные рычаги тогда залипают, а пружина выталкивает рукоятку вверх, и от удара тебе вышибает зубы? Нет, это все я!

– Ты намекаешь на саботаж? – спросил Позолот.

– Как хотите, так и называйте, – сказал Пони, опьяненный тревогой. – Я зашел с утра на свалку и раскопал там старый барабан, который мы сняли с 14-й башни в прошлом месяце. Готов поклясться, там произошло то же самое. В основном поломки происходят наверху, в корпусе заслонок. Там...

– Значит, наш господин фон Липвиг стоит за попытками саботировать нас... – проговорил Позолот задумчиво.

– Я этого не говорил! – возразил Пони.

– Не будем называть имен, – согласился Позолот.

– Это просто несовершенство конструкции, – сказал Пони. – Я думаю, сначала кто-то обнаружил эту комбинацию случайно, а потом повторил ее, чтобы посмотреть, что будет. Они все такие, эти семафорщики. Дай им слаженный механизм, и они день напролет будут думать, как бы его сломать. Вся Магистраль – это какая-то временка, честное слово.

– И почему мы берем таких людей на работу? – удивился Стоули.

– А где еще найти таких психов, которые согласятся всю жизнь провести в башне, за много миль... отовсюду, нажимая на кнопки? – ответил Пони. – Им *нравится*.

– Но кто-то же должен сидеть в башне и жать на кнопки, которые... творят эти ужасы, – сказал Стоули.

Пони вздохнул. Они никогда не интересовались механикой. Для них это всегда был просто доход. Они не знали, как все *работало*. И теперь им вдруг стало интересно, а ему приходилось объяснять на пальцах.

– Семафорщики, как говорится, ведут сигнал, – сказал он. – Они следят за соседней башней и сразу же повторяют ее сообщение. У них нет

времени думать. Все, что поступает на башню, остается в дифференциальном барабане. Они только быстро бьют по клавишам и жмут на педали. Они любят эту работу. У них много своих приемчиков, чтобы повысить темпы. Я не хочу ничего говорить ни о каком саботаже, не сейчас. Просто отправим это сообщение, да побыстрее. Ребятам на башнях понравится.

– Красивая картинка, – сказал Позолот. – Темная ночь, башни замерли в ожидании, и тут одна за одной они оживают, и змейка огней мчится по Диску, гладко и беззвучно донося... что-то такое донося. Нужно будет заказать стихи какому-нибудь поэту.

Он кивнул господину Пони.

– Мы в твоих руках, господин Пони. Это твой план.

– У меня нет плана, – сказал Мокриц.

– Нет плана? – переспросила госпожа Ласка. – Ты хочешь сказать...

– Тише, тише! – зашипел Мокриц. – Я не хочу, чтобы все об этом узнали!

Они сидели в маленьком кафе около «Лавки булавок», в которой, как заметил Мокриц, совсем не было покупателей. Мокриц больше не мог оставаться на Почтамте, иначе его голова просто лопнула бы.

– Но ты бросил вызов «Гранд Магистралу»! Ты что, просто выступил с эффектной речью и надеялся, авось как-нибудь образуется? – уточнила госпожа Ласка.

– Это всегда срабатывало! Какой смысл обещать сделать возможное? Какой же это успех? – сказал Мокриц.

– Ты никогда не слышал, что нужно сначала научиться ходить, а потом – бегать?

– Слышать приходилось, да.

– Итак, правильно ли я поняла, – сказала госпожа Ласка. – Завтра вечером – это следующий день после сегодняшнего – ты отправишь карету – это такая штука с колесами, запряженная лошадьми, которая по хорошей дороге может ехать со скоростью четырнадцать миль в час – наперегонки с Гранд Магистралю – это все-все клик-башни, которые передают сообщения на расстояние в сто миль за час – до самой Орлеи – это такой город, который отсюда очень-очень-очень далеко?

– Да.

– И у тебя нет умопомрачительного плана?

– Нет.

– И зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что в данный момент ты единственный человек в этом городе, который может поверить в то, что у меня нет плана! – сказал Мокриц. – Я говорил Грошу – он только постучал пальцем по носу – зрелище, кстати, не для слабонервных – и сказал: «Ну конечно, вашеблагородь, а как же! Ха-ха-ха!»

– И ты просто надеялся, что как-нибудь обойдется? С чего ты это взял?

– Всегда как-то обходилось. Если ты хочешь, чтобы все как-нибудь обошлось, сначала попади в ситуацию, где нужно, чтобы все как-нибудь обошлось.

– А я чем могу тебе помочь?

– Твой отец построил Магистраль!

– Но не я же, – ответила она. – Я не бывала на башнях. Я не знаю о них ничего, только то, что они всегда готовы развалиться на части. Но это все знают.

– На меня ставят люди, которые не могут позволить себе проиграть! И чем больше я им говорю, чтобы они этого не делали, тем больше ставят!

– Тебе не кажется, что они сами виноваты? – спросила госпожа Ласка нежно.

Мокриц побарабанил пальцами по краю стола.

– Ладно, – сказал он. – Есть еще одна причина помочь мне. Это запутанная история так что я бы попросил тебя сидеть смирно и не делать резких движений.

– А что, есть такой риск?

– Да. Я подозреваю, что через несколько секунд ты захочешь меня убить. Хотелось бы заручиться обещанием, что этого не произойдет.

Она пожала плечами.

– Я заинтригована.

– Обещаешь?

– Хорошо. Надеюсь, это будет интересно, – госпожа Ласка стряхнула пепел с сигареты. – Рассказывай.

Мокриц сделал пару глубоких вдохов. Вот и все. Конец. Если всю жизнь менять взгляд людей на мир, рано или поздно поменяешь взгляд на себя.

– Это из-за меня ты потеряла работу в банке. Я подделал те векселя.

Глаза госпожи Ласки сузились, но в остальном ее выражение не изменилось. Она выдула струю дыма.

– Я же пообещала, так? – сказала она.

– Да. Прости.

– Я не скрестила пальцы?

– Нет. Я смотрел.

– Хм-м, – она задумчиво уставилась на тлеющий кончик сигареты. – Хорошо. Рассказывай все как есть.

Он рассказал все как есть. Все. Как есть. Госпоже Ласске очень понравился эпизод с повешением, и она попросила рассказать его еще раз.

Вокруг них происходил город. Между ними пепельница наполнялась пеплом.

Когда он закончил рассказ, госпожа Ласска некоторое время смотрела на него сквозь дым.

– Я не поняла про то, как ты отдал все украденные деньги Почтамту. Зачем ты это сделал?

– Я и сам не до конца понимаю.

– Ты ведь эгоцентричный негодяй с моральным уровнем, как у... э...

– ...крысы, – подсказал Мокриц.

– ...крысы, спасибо... и вдруг ты становишься любимцем всех религий, спасителем Почтамта, героическим наездником, во всех отношениях замечательным человеком, вертишь дули перед богатыми и власть имущими и, как же без этого, спасаешь кота из горящего здания. И двух человек в придачу, но все знают, что кот здесь важнее. Кого ты пытаешься обмануть, господин фон Липвиг?

– Себя, наверное. Я встал на прямой путь. Я твержу себе, что могу все бросить, как только захочу, но я не хочу. Но я знаю, что, если бы не мог бросить все, когда захочу, я бы ничего этого не делал. Э... есть и еще одна причина.

– Какая же?

– Я не Хват Позолот. Это как бы важный момент. Кто-то скажет, что разница небольшая, но я знаю себя, и я вижу, что разница есть. Примерно как голем, который не молоток. Пожалуйста, скажи. Как мне обойти «Гранд Магистраль»?

Госпожа Ласска смотрела на него пронзительным взглядом, пока ему не стало очень неудобно. Потом она заговорила отсутствующим тоном:

– Насколько хорошо ты знаешь Почтамт, господин фон Липвиг? Само здание?

– Пока оно не сгорело, видел большую часть.

– Никогда не поднимался на крышу?

– Нет. Не смог найти выход. Верхние этажи были забиты письмами, когда я... хотел... – Мокриц осекся.

Госпожа Ласска затушила окурок.

– Отправляйся туда сегодня вечером. Оттуда чуть ближе до неба.

Встань там на колени – и молись. Ты ведь умеешь молиться? Это просто: сложи ладони – и надейся.

Мокриц кое-как дотянул до вечера. Он занимался почтмейстерскими делами: поговорить с господином Шпульксом, накричать на строителей, проследить за нескончаемой уборкой, принять на работу новых почтальонов. В последнем, впрочем, он просто соглашался с Грошем и госпожой Макалариат – они лучше знали, что делать. Ему оставалось только присутствовать и принимать от случая к случаю решения.

– Как вы относитесь к вдовам машинистов? – госпожа Макалариат возникла у его стола.

Повисла напряженная пауза. Она породила много маленьких пауз, и каждая последующая смущалась еще больше своей родительницы.

– Никак не отношусь, – смог выдавить Мокриц. – Почему ты спрашиваешь?

– Барышня одна интересуется. Говорит, в «Гранд Магистрали» хорошо относятся.

– А! Думаю, она имеет в виду, как мы относимся к видовым меньшинствам, – сказал Мокриц, вспомнив исповедь Позолота в «Правде». – Только у нас на Почтамте к ним нет никакого особого отношения, потому что мы не знаем, что это значит. Мы возьмем на работу любого, кто умеет читать, писать и дотягивается до почтового ящика, госпожа Макалариат. Я приму вампира, если он состоит в Лиге Воздержания, тролля, если он научится вытирать ноги, а если у нас здесь появятся вервольфы, я буду счастлив взять на службу почтальона, который способен укусить в ответ. Кого угодно, лишь бы выполнял свою работу, госпожа Макалариат. Наша работа – почта. Утром, днем, вечером – мы разносим почту. Что-нибудь еще?

В ее глазах загорелся огонек.

– Я ничего не имею против тех, кто не стесняется своей природы, господин фон Липвиг, но вынуждена протестовать против гномов. Господин Грош нанимает гномов!

– Гномы отличные работники, госпожа Макалариат. Уважают написанное слово. Трудолюбивы, – быстро ответил Мокриц.

– Но они не говорят, что у них... как у них... какого... девочки они или мальчики.

– А, снова речь об уборных? – спросил Мокриц с поникшим сердцем.

– Я несу ответственность за нравственное здоровье молодежи под моим началом, – строго сказала госпожа Макалариат. – Улыбайтесь,

сколько хотите, почтмейстер, я не позволю со мной шутки шутить.

– Такая самоотдача делает тебе честь, госпожа Макалариат, – сказал Мокриц. – Этому будет уделено особое внимание при строительстве нового здания, и я распоряжусь, чтобы архитектор консультировался с тобой на каждом этапе.

Тщательно скрытый бюст госпожи Макалариат заметно приподнялся в ответ на неожиданно полученную власть.

– А пока что, увы, придется обойтись тем, что уцелело после пожара. Надеюсь, как член *руководства*, ты объяснишь всем сложившуюся ситуацию.

Очки мисс Макалариат вспыхнули чудовищной гордостью. Руководство!

– Ну конечно, почтмейстер, – выпалила она.

Но в основном Мокрицу хватало просто... быть там. От половины здания осталась лишь обугленная скорлупа. Вся работа сместилась на уцелевший пятачок. Почту и вовсе сортировали на лестнице. Дела шли лучше, когда он был рядом. Ему даже не нужно было ничего делать – просто быть с ними.

Он никак не мог выкинуть из головы пустой постамент, откуда сняли бога.

Когда на город опустился вечер, Мокриц был готов. Лестниц на Почтамте было полно, големам удалось расчистить даже верхние этажи. Все покрывала сажа, некоторые двери вели в сплошную черноту, но он шел наверх.

Он преодолел чердачные руины и через люк выбрался на крышу.

Крыши осталось немного. Упавший ливневый резервуар утащил за собой и основательную часть горящей кровли, и две трети центрального холла оказались под открытым небом. Но пожар не тронул левое крыло Почтамта, и крыша здесь выглядела довольно крепкой.

Тут находилась старая голубятня для почтовых голубей, и в ней кто-то жил. Ничего удивительного. В Анк-Морпорке хотело жить намного больше людей, чем было Анк-Морпорка. Они составляли в городе отдельную субкультуру – крыши, башенки, узорчатые своды, купола, трубы и...

...клик-башни. Как он мог забыть. Аккурат накануне того, как его жизнь приняла странный оборот, он видел здесь клик-башню и чей-то силуэт. Зачем в голубятне клик-башня? Не голуби же ею пользуются.

На башне обитали три горгульи. Им вообще нравились семафоры – горгульи любили высоту больше всего на свете, – и они органично вписывались в их сеть. Разумное, наблюдательное существо, которое в

состоянии записать сообщение, было находкой для любой башни. Горгульи даже не требовали платы, и им никогда не становилось скучно. Как что-то может наскучить существу, которое готово сидеть, уставившись в одну точку, долгие годы?

На городских клик-башнях зажигались огни. На ночь их башни не закрывались в университете, во дворце, в гильдиях и в резиденциях важных богачей (и главных параноиков), но основная башня на холме Тумп сверкала как страждественская елка. Она подмигивала узорами желтых клеточек. Беззвучные на таком расстоянии, искрящиеся сигналами, которые прорезали сумеречный туман, рисующие в ночи свои созвездия, башни были волшебнее волшебства, завораживали сильнее ворожбы.

Мокриц не мог отвести глаз.

Ведь магия – это то, что случается по щелчку пальцев. Где же в этом волшебство? Магия – это бормотание слов и странные рисунки в старинных книгах, в неправильных руках она представляет огромную опасность, и несравнимо большую – в правильных. Вселенная переполнена ею. Она зажигает звезды и позволяет ногам не отрываться от земли.

Но то, что он видел перед собой... это было *волшебно*. Обычные люди вообразили все это – и сделали возможным. Они построили башни на болотах и обледеневших горных хребтах. Они чертыхались – и даже хуже – они использовали логарифмы. Они переходили вброд реки и упражнялись в тригонометрии. Они не умели мечтать так, как мечтают другие, но они вообразили иной мир и изогнули вокруг него реальность. И из их пота, проклятий и математики родился этот... организм, передающий слова по всему миру с легкостью лунного света.

Она сказала молиться. В каком-то смысле боги были ему обязаны. А что? Они получали щедрые подношения и отличную небесную репутацию за то, к чему на самом деле не были причастны.

Госпожа Ласска сказала встать на колени. Она не шутила.

Мокриц опустил на колени, сложил руки и произнес:

– Обращаю эту молитву к любому богу, который...

В пугающей тишине зажглись огни клик-башни через дорогу. Большие квадраты один за одним просыпались ото сна. На мгновение Мокриц увидел на фоне одной заслонки силуэт фонарщика.

Он скрылся во тьму, и башня начала щелкать. Она была так близко, что осветила и крышу Почтамта.

На краю крыши стояли три темные фигуры и наблюдали за Мокрицем. Их тени плясали в такт переменчивому узору огней, дважды в секунду. В этом свете стало видно, что фигуры были человеческими – во всяком

случае, человекоподобными. И они приближались к нему.

Боги. Боги человекоподобны. И им не нравится, когда с ними шутят.

Мокриц прочистил горло.

– Я, конечно, рад встрече... – прохрипел он.

– Ты Мокриц? – спросила одна из фигур.

– Слушайте, я...

– Она так и сказала, что ты будешь на коленях, – сказал второй член троицы небожителей. – Чаю хочешь?

Мокриц не спеша поднялся на ноги. Это было не свойственное богам поведение.

– А вы кто? – спросил он. И добавил, осмелев от отсутствия молний: – И что вы делаете на моем Почтамте?

– Мы платим за аренду, – сказала фигура. – Господину Грошу.

– Он мне ничего о вас не рассказывал.

– Тут ничем не можем помочь, – сказала фигура посередине. – Да и вообще, мы вернулись только забрать оставшиеся вещи. Сочувствуем насчет пожара. Это не мы.

– Вы – это?.. – спросил Мокриц.

– Я Безумный Ал, это Разумный Алекс, а вот он Адриан, говорит, не безумен, но доказать нечем.

– Зачем вы снимаете крышу?

Троица переглянулась.

– Голуби? – предположил Адриан.

– Точно, голубей мы разводим, – сказала скрытая тенью фигура Разумного Алекса.

– Но ведь тут темно, – сказал Мокриц.

Они приняли это к сведению и задумались.

– Летучие мыши, – сказал Безумный Ал. – Мы выводим ручных летучих мышей.

– Сомневаюсь, что у летучих мышей есть домашний инстинкт, – сказал Мокриц.

– В этом-то и трагедия, – ответил Алекс.

– Приду сюда ночью, посмотрю на их пустые жердочки, и того и гляди разревусь, – добавил Неопределенный Адриан.

Мокриц поднял глаза на маленькую башенку. Она была раз в пять выше человеческого роста, с рычагами на блестящей консоли внизу. Казалось, ею часто пользовались, и пользовались профессионалы. И она была компактной.

– Не думаю, что вы здесь птиц разводите, – сказал Мокриц.

– Летучие мыши – млекопитающие, – сказал Разумный Алекс. Мокриц покачал головой.

– Вы прячетесь по крышам, у вас собственная клик-башня... вы Дымящиеся Гну...

– О, понятно, почему ты начальник Гроша, с такой-то головой на плечах, – сказал Разумный Алекс. – Так как насчет чаю?

Безумный Ал выудил из кружки голубиное перышко. Голубятня была полна размеренным, удушливым запахом застарелого помета.

– Нужно очень любить птиц, чтобы здесь жить, – сказал он, щелчком запустив перо в бороду Разумного Алекса.

– Тогда повезло, что вы их любите, – сказал Мокриц.

– Я этого не говорил. Да мы и не живем здесь. Просто крыша у вас хорошая.

В голубятне, откуда самих голубей давно прогнали, было тесно. Но всегда найдется один такой голубь, который прокусит любые проволочные сетки. Этот голубь смотрел на них из угла бешеными мелкими глазками, генетической памятью припоминая то время, когда он был гигантской рептилией, которая одним махом могла разгромить этих мартышкиных детей. Повсюду были разбросаны детали разобранных механизмов.

– Госпожа Ласка рассказывала вам обо мне? – спросил Мокриц.

– Она сказала, что ты не последняя скотина, – ответил Неопределенный Адриан.

– Для нее это комплимент, – пояснил Разумный Алекс.

– Еще она сказала, ты такой проныра, что того и гляди не вынырнешь, – добавил Неопределенный Адриан. – Но сказала с улыбкой.

– Это еще ничего не значит, – сказал Мокриц. – Откуда вы ее знаете?

– Мы работали с ее братом, – сказал Безумный Ал. – На башне Точка-2.

Мокриц слушал. Совершенно новый мир открывался перед ним.

Разумный Алекс и Безумный Ал были ветеранами семафорного дела – они занимались этим почти четыре года. А потом синдикат встал у руля, и их вышвырнули за порог «Гранд Магистрали» в тот самый день, когда Неопределенного Адриана вышвырнуло из трубы Гильдии Алхимиков, – их за то, что высказались вслух о новом правлении, а его за то, что не успел вовремя убежать, когда пробирка начала пузыриться.

Все трое в итоге стали работать над Второй Магистралью. Они даже вложили в нее свои деньги. И не только они. Многие они собирались усовершенствовать и сделать дешевле в использовании, и все было бы в

ажуре, в ситце и прочих замечательных текстильных материалах. А потом Джон Ласска, который всегда использовал страховочный трос, упал в капустное поле, и на том Второй Магистральной пришел конец.

Троица работала на любой работе, куда их, отвыкших от мира вокруг, соглашались взять, но каждую ночь высоко над головой мелькали клики на башнях. Так близко, так заманчиво, так... *доступно*. Все знали – в общих чертах, без подробностей, – что Гранд Магистраль была украдена, пусть бумаги и говорили обратное. Магистраль принадлежала врагу.

И они неофициально запустили собственное мелкое предприятие и использовали Магистраль без ведома самой Магистральной.

Это было немного похоже на воровство. Это было совсем как воровство. Это на самом деле было воровство. Но против него не было закона, поскольку никто не знал о существовании такого преступления, – ну и настоящее ли это воровство, если украденного никто не хватился? Воровство ли это, если крадешь у воров? Как говорится, вся собственность – воровство, кроме моей.

– И теперь вы, как это... крякеры? – сказал Мокриц.

– Точно, – ответил Безумный Ал. – Потому что мы можем крякнуть их систему.

– Не слишком ли громкое название, если вы просто лампы зажигаете?

– Слово «зажигалки» было уже занято, – сказал Разумный Алекс.

– Допустим, но почему «Дымящийся Гну»? – спросил Мокриц.

– Это наш профессиональный жаргон, значит кольцевую трансляцию по линии, – гордо объяснил Разумный Алекс.

Мокриц обмозговал это.

– Логично, – сказал он. – Если бы я был командой из трех человек, чьи имена начинаются на одну букву, именно такое название я бы и выбрал.

Они нашли способ влезть в семафорную систему, и способ был такой: в ночи все щелкающие башни невидимы. Видны только огни. И даже если ты превосходно ориентируешься на местности, единственный способ понять, от кого поступает сообщение, – это его код.

Инженеры знали много кодов. Очень много.

– Вы можете посылать клики *бесплатно*? – спросил Мокриц. – И никто не замечает?

Они самодовольно заулыбались.

– Это просто, – сказал Безумный Ал. – Если знать как.

– Как вы узнали, что башня должна была сломаться?

– Мы ее и сломали, – сказал Разумный Алекс. – Разладили дифференциальный барабан. На починку уходит несколько часов, потому

что операторам нужно...

Мокриц пропустил остальное мимо ушей. Невинные слова кружились в объяснениях, как щепки в водовороте, иногда выскакивая на поверхность и отчаянно зовя на помощь, пока их не утягивало обратно. Он несколько раз уловил «из», пока оно не утонуло, и даже «соединение» и «цепь», но кипучие технические многосложные термины нахлынули и поглотили их с головой.

– ...и на это уходит полдня, не меньше, – закончил Разумный Алекс.

Мокриц беспомощно посмотрел на остальных.

– И что все это значит? – спросил он.

– Если знать, что посылать, кликом можно сломать механизм, – объяснил Безумный Ал.

– Всю Магистраль?

– Теоретически да, – сказал Разумный Алекс, – потому что код выполнения...

Мокриц расслабился, когда волна нахлынула снова. Его не интересовала механика. Для него гаечный ключ был предметом, за который держится кто-то другой. Лучше всего было улыбнуться и переждать. Как это типично для техников: они все любят объяснять. Тебе оставалось ждать, пока они не достигнут твоего уровня понимания, даже если для этого им придется прилечь.

– ...уже все равно не можем этого делать, потому что они меняют...

Мокриц уставился на голубя, пока вновь не воцарилась тишина. А! Безумный Ал договорил, и, судя по всему, закончил он не на веселой ноте.

– Значит, не можете, – сказал Мокриц, упав духом.

– Не сейчас. Господин Пони, может, и ведет себя как старая баба, но если он сядет, то докопается до проблемы. Он весь день коды менял! Мы слышали от товарища, что у каждого сигнальщика отныне будет свой персональный код. Осторожничают. Знаю, госпожа Дора Гая надеялась, что мы сможем помочь тебе, но эта скотина Позолот все гайки закрутил. Он боится, что ты можешь выиграть.

– Ха! – отозвался Мокриц.

– Через недельку-другую мы найдем выход, – сказал Неопределенный Адриан. – Не сможешь отложить до тех пор?

– Не думаю.

– Жаль, – сказал Неопределенный Адриан. Он вертел в руках небольшую красную трубку, которая светилась красным светом. Когда он поворачивал ее, она начинала светиться желтым.

– Что это? – спросил Мокриц.

– Прототип, – сказал Неопределенный Адриан. – Это могло бы ускорить ночную трансляцию до трех раз. Тут использованы перпендикулярные молекулы. Но Магистраль слышать не хочет о новых идеях.

– Может, это потому, что они взрываются, если их уронить? – спросил Разумный Алекс.

– Не всегда же.

– Я бы не отказался подышать свежим воздухом, – сказал Мокриц.

Они вышли под ночное небо. В отдалении продолжала мигать башня Тумп, и пара городских башен работала в своих районах.

– Чья это? – спросил Мокриц, указывая пальцем на башню, как на созвездие.

– Гильдии Воров, – сказал Неопределенный Адриан. – Общие сигналы для членов гильдии. Я не могу их прочитать.

– А вон та? Кажется, это первая башня на пути в Сто Лат?

– Нет, это штаб-квартира Стражи у Пупсторонних ворот. Циркуляры для Псевдополис-Ярда.

– А кажется, что она далеко.

– Они используют заслонки меньшего размера, вот и все. А башню номер 2 отсюда не видно, университет загораживает.

Мокриц завороченно смотрел на огоньки.

– Я тут думал, почему не использовали заброшенную каменную башню на пути в Сто Лат, когда строили Магистраль? Она стоит в подходящем месте.

– Старая башня волшебников? Роберт Ласска использовал ее для самых первых экспериментов, но она чуть-чуть далековато, и стены там слабые. А еще, если провести там дольше суток, с ума сходишь. Это из-за древних заклинаний, въевшихся в камень.

Повисла тишина, и потом они услышали неуверенный вопрос Мокрица:

– Если бы вы *могли* завтра влезть в Магистраль, вы сумели бы как-нибудь застопорить ее?

– Да, но мы не можем, – сказал Неопределенный Адриан.

– Да, но если бы могли?

– Ну, есть тут одна идея... – сказал Безумный Ал. – Совсем еще сырая.

– Но башню вырубят? – спросил Мокриц.

– Точно стоит рассказывать ему об этом? – засомневался Разумный Алекс.

– А ты встречал еще человека, за кого Убийца замолвила бы доброе

слово? – сказал Неопределенный Адриан. – Теоретически это может вырубить *все* башни, господин Мокриц.

– Ты мало того что безумный, ты еще и ненормальный! – сказал Разумный Алекс. – Он же работает *на правительство!*

– Все башни по всей Магистрале? – спросил Мокриц.

– Ага. Одним махом, – сказал Безумный Ал. – Но это совсем сырая идея.

– Абсолютно *все* башни? – еще раз уточнил Мокриц.

– Может, и не *абсолютно* все, если сообразят вовремя, – признал Безумный Ал, как будто все, помимо тотального уничтожения, было небольшим личным позором. – Но многие. Даже если они сжульничают и верхом дадут сообщение на следующую башню. Мы называем это... *Дятел.*

– Дятел?

– Нет, не так. Нужно сделать, типа, паузу перед словом, для эффекта, вот так... *Дятел.*

– ...*Дятел*, – повторил Мокриц медленнее.

– Вот так. Но мы не можем пустить его на Магистраль. Они нас вычислили.

– Допустим, я смогу пустить его на Магистраль, – предложил Мокриц, рассматривая огоньки. Сами башни уже сливались с небом.

– Ты? Да что ты знаешь о клик-кодах? – сказал Неопределенный Адриан.

– Ничего, и я дорожу своим невежеством, – ответил Мокриц. – Но я знаю людей. Вы думаете о том, как словчить с кодами. Я думаю о том, что видят перед собой люди...

Они слушали. Они спорили. Они перешли на математику, а слова все летали в ночном небе у них над головами.

И Разумный Алекс сказал:

– Ладно, ладно. Теоретически это может сработать, но не все же на Магистрале идиоты, чтобы допустить такое.

– Но их головы будут забиты кодами, – возразил Мокриц. – А у меня хорошо получается делать из людей идиотов. Это моя работа.

– Я думал, ты почтмейстер, – сказал Неопределенный Адриан.

– Ах да. Тогда это мое призвание.

Дымящиеся Гну переглянулись.

– Совершенно безумная идея, – ухмыльнулся Безумный Ал.

– Рад, что тебе нравится, – ответил Мокриц.

Бывают ночи, когда никак не до сна. Но Анк-Морпорк не спал никогда. Он только дремал, и всегда подскакивал среди ночи, чтобы сходить за стаканом воды.

Все, что угодно, можно было купить в ночное время. Доски? Пожалуйста. В эту самую минуту вампиры-плотники где-то наверняка строгают свои вампирские табуретки. Парусина? Кто-то в городе ведь мог проснуться в это предрассветный час и решить: «Что мне сейчас нужно, так это тысяча квадратных ярдов парусины средней категории!» – и в доках как раз были открытые лавки, готовые к наплыву клиентов.

Когда они выехали к башне, моросило. Мокриц правил повозкой, а остальные сидели в кузове к нему спиной и спорили о тригонометрии. Мокриц пытался не слушать – его сбивало с толку, когда математика лишалась смысла.

Вывести Магистраль из строя... О, башни останутся стоять на своих местах, но месяцы уйдут на то, чтобы все их починить. Это нанесет компании непоправимый урон. Гну пообещали, что никто не пострадает – они имели в виду рабочих на башнях.

Магистраль стала чудищем, пожирающим людей. Стереть ее в порошок было заманчиво. Гну предлагали свои идеи, как все можно обновить, сделать быстрее, дешевле, проще, слаженнее и привлечь бесенят, специально выведенных для такой работы...

Но что-то не давало Мокрицу покоя. Позолот прав, чтоб его. Когда тебе нужно очень и очень быстро доставить сообщение за полтысячи миль – есть Магистраль. Когда ты хочешь перевязать конверт ленточкой – есть Почтамт.

Мокрицу нравились Гну. Они мыслили свежо и новаторски. Какие бы заклинания ни въелись в стены старой башни, они точно не повлияют на их головы – они привиты против сумасшествия собственным безумством. Сигнальщики по всей Магистрале были... особыми людьми. Они не просто *выполняли* свою работу, они жили ею.

Но Мокриц продолжал думать обо всем плохом, что может случиться без клик-башен. О, плохое случалось и задолго до их появления, но это же совсем другое дело.

Он оставил Гну в башне, вооруженных пилами и молотками, и вернулся в город в глубоком раздумье.

Глава тринадцатая

По кромке конверта

В которой мы знакомимся с теорией сукнистости пространства – Зигзаг Ключик – «Гранд Магистраль» горит – «Как бы не порезаться» – В поисках госпожи Ласски – Тонкости маскировки – Игорь увольняетфя «Пусть этот миг никогда не кончается» – Дебаты с Магистралью – Спустить паруса – Сообщение получено

Аркканцлер Незримого Университета Наверн Чудакулли опустил кий и тщательно прицелился.

Белый шар ударил по красному шару, и тот мягко закатился в лузу. Это было сложнее, чем могло показаться, потому что большая часть бильярдного стола служила аркканцлеру вместо картотеки^[11], и чтобы попасть в лузу, шару нужно было *миновать* несколько стопок с документами, кружку, череп с оплившей свечкой и горстки пепла с его трубки. Шар так и сделал.

– Прекрасно, Тупс, – сказал Чудакулли.

– Я называю это сукнистостью пространства, – гордо сообщил Думминг Тупс.

Каждая организация нуждается хотя бы в одном человеке, который понимал бы, что происходит и кто в этом виноват, и в университете таким человеком был Думминг Тупс, который частенько жалел об этом. Сейчас он занимал позицию заведующего кафедрой Нецелесообразного Применения Магии, и его стратегической задачей было сделать так, чтобы бюджет его кафедры утверждался без голосования. С этой-то целью пучок толстых трубок и тянулся из-под старого громоздкого бильярдного стола к дырке в стене, через лужайку до корпуса Высокоэнергетической Магии, где – Тупс вздохнул – этот маленький трюк поглощал сорок процентов рунного времени Гекса, университетской мыслительной машины.

– Хорошее название, – сказал Чудакулли, готовясь к следующему удару.

– По аналогии с зернистостью пространства, – пояснил Тупс с надеждой. – Когда шар вот-вот столкнется с препятствием, которое отлично от другого мяча, ГЕКС перемещает его в гипотетическое параллельное измерение, где перед ним свободная плоская поверхность с сохранением скорости и сопротивления до тех пор, пока шар нельзя будет вернуть в

наше измерение. Вообще-то это самое сложное и затейливое заклинание с использованием нереального времени...

– Да, да, замечательно, – сказал Чудакулли. – Ты еще что-нибудь хотел, Тупс?

Думминг Тупс заглянул в записи.

– У меня тут вежливое письмо от лорда Витинари... от лица города он интересуется, не планирует ли наш университет набирать на учебу, хм, до двадцати пяти процентов менее способных студентов.

Сквозь кипу университетских директив Чудакулли забил черный шар.

– Нельзя позволять всяким лавочникам и мясникам командовать нашим университетом, Тупс! – сказал он твердо, примеряясь к красному шару. – Поблагодари его за внимание и скажи, что мы планируем и впредь набирать сто процентов полных и бесповоротных олухов. Бери их тупыми – и делай острыми, таковы вековые принципы Незримого Университета! Еще что-нибудь?

– Послание для сегодняшней гонки, аркканцлер.

– Ах да, это. Что мне делать, господин Тупс? Говорят, люди ставят на Почтамт.

– Да, аркканцлер. Дескать, боги на стороне господина фон Липвига.

– И они тоже ставят? – спросил Чудакулли, с удовольствием наблюдая, как шар материализуется за недоеденным сэндвичем с ветчиной.

– Не думаю. Шансов на победу у него нет.

– Это он спас кота?

– Он самый, аркканцлер.

– Хороший малый. Что мы думаем о «Гранд Магистрали»? Кучка вымогателей, вот как о них говорят. Людей убивают на этих своих башнях. Мне тут как-то в кабаке рассказывали, что духи мертвых семафорщиков носятся по Магистрали. Играю розовый.

– Я тоже про это слышал. Мне кажется, это городская легенда, – сказал Думминг Тупс.

– Они носятся с одного конца Магистрали до другого. Не самый худший способ провести вечность. В горах такие замечательные виды.

Аркканцлер замер, и его крупное лицо исказила мысль.

– «Справочник спектра всех измерений» Гаруспика, – изрек он наконец.

– Прошу прощения, аркканцлер?

– Послание, – пояснил Чудакулли. – Никто же не говорил, что это должно быть письмо, да? – он провел рукой над кончиком кия, и тот покрылся свежим слоем мела. – Вручишь каждому по экземпляру новой

редакции. Отправь их нашему человеку в Орлее, как бишь его, смешное такое имя... пусть видит, что старый альма патер о нем не забывает.

– Его зовут Зигзаг Х. Ключик. Он изучает устричное сообщение в магических полях малой интенсивности для получения степени бак. маг. н.

– Боги правые, они что, умеют общаться? – воскликнул Чудакулли.

– Видимо, так, аркканцлер, однако до сих пор отказываются с ним разговаривать.

– Зачем только мы его туда отправили?

– Это же Зигзаг Ключик, аркканцлер, не помните? – подсказал Думминг Тупс. – Ужасный запах изо рта?

– Ах, так это Зигзаг Драконий Дых? – сообразил Чудакулли. – Тот, который мог продуть дыру в серебряной тарелке?

– Верно, аркканцлер, – терпеливо согласился Тупс. Наверн Чудакулли любил подступаться к новой информации с нескольких позиций. – Вы еще говорили, что на болотах от этого никто не пострадает? Помните, мы еще разрешили ему взять с собой небольшой омнископ?

– В самом деле? Дальновидно с нашей стороны. Свяжись с ним немедленно и расскажи, что у нас происходит.

– Хорошо. Но я лучше подожду несколько часов, в Орлее еще ночь.

– Это им так кажется, – сказал Чудакулли, выбрав новую цель. – Займись этим немедленно.

Огонь с небес...

Не секрет, что верхушки башен дрожали, когда сообщения порхали по Магистрали. Когда-нибудь кто-нибудь что-нибудь должен был с этим сделать. Все опытные семафорщики знали: если соединительный рычаг, контролирующий заслонки по нисходящей линии, толкнуть вверх, открывая заслонки *одновременно* с тем, как соединительный рычаг заслонок по восходящей линии потянуть вниз, закрывая заслонки с обратной стороны башни, вся конструкция накренится. Ее будет толкать с одной стороны и тянуть с другой – примерно тот же эффект производит рота солдат, маршируя по старому мосту. Ничего страшного, если только не повторять это снова и снова, раскачивая башню до опасного предела. Но как часто бывают такие совпадения?

Каждый раз, когда Дятел будет попадать к вам в башню, вот как. Он был сродни болезни, которая может заразить только слабого и уже больного. Болезнь не заразила бы старую Магистраль, потому что на старой Магистрали всегда были башенные капитаны, которые в ту же минуту отдали бы приказ об остановке и счистили зловерное сообщение с

барабана, зная, что их действия будут судить начальники, которые имеют понятие об устройстве башни и сами поступили бы точно так же.

Но против *новой* Магистралаи это должно было сработать, потому что там почти не осталось таких капитанов. Делай, что прикажут, иначе тебе не заплатят за работу, а если что-то пойдет не так – это не твои проблемы. Виноват будет тот, кто первым пропустил сообщение. Всем было все равно, и в управлении сидели сплошь кретины. Ты не виноват, тебя просто никто не стал бы слушать. Начальство даже пустило вход прием с «работником месяца», чтобы показать, что им не все равно. Вот настолько им было все равно.

И сегодня тебе приказали сигналить с максимальной скоростью, а ты же не хочешь, чтобы *тебя* обвинили в медленной трансляции, вот ты и следишь за соседней башней, пока не начнут слезиться глаза, и твои пальцы порхают по клавишам, как будто отбивают чечетку на раскаленных камнях.

Одна за другой башни ломались. Некоторые загорались, когда заслонки отваливались и разбивались о крышу рубки, разливая полыхающее масло. Потушить пожар в деревянном ящике в шестидесяти футах от земли невозможно, так что ты спускаешься по аварийному тросу и удаляешься на безопасное расстояние поглазеть на представление.

Горело четырнадцать башен, пока кто-то не додумался снять руки с клавиш. Но дальше что? Тебе дали приказ. Никаких – повторяем, никаких – сообщений на Магистралаи, пока не пройдет это. Что делать дальше?

Мокриц проснулся, и у него в голове полыхала «Гранд Магистраль».

Гну хотели все сломать, а потом склеить осколки, и он понимал почему. Но ничего бы у них не вышло. Где-нибудь на линии обязательно попадет неудобный инженер, который с риском для своей работы отправит вперед сообщение со словами: «Смертельно опасно, передавайте медленнее», – и тем все и кончится. И да, пусть сообщение будет добираться до Орлеи пару дней, а не часов, но у них в запасе были недели. А еще кто-нибудь обязательно догадается сверить финальное сообщение с исходным. Позолоту все сойдет с рук – нет, он нагреет на этом руки. Послание было саботировано, скажет он, и справедливо. Здесь должен быть другой подход.

Но кое в чем Гну были правы. Подмена сообщения была единственным выходом – вот бы только суметь все сделать правильно.

Мокриц открыл глаза. Он заснул за столом, и кто-то подложил ему под голову подушку.

Когда в последний раз он спал в нормальной постели? Ах да, той

ночью, когда его нагнал господин Помпа. Он успел пару часов провести на постоялом дворе, в кровати с матрацем, который не ползал и не был набит камнями. Благодать.

Его недавнее прошлое пронеслось перед глазами. Он застонал.

– С Добрым Утром, Господин Вон Липвиг, – сказал из своего угла Помпа. – Твоя Бритва Наточена, Вода Нагрета, И Чай Вот-Вот Принесут.

– Который час?

– Полдень, Господин Вон Липвиг. Ты Уснул Только На Рассвете, – добавил голем укоризненно.

Мокриц снова застонал. Шесть часов до начала гонки. И тогда он попадет в такую им самим вырытую яму, что оттуда солнца не увидать.

– В Городе Большое Воодушевление, – сообщил голем, пока Мокриц брился. – Было Решено, Что Старт Состоится На Саторской Площади...

Мокриц, не слушая, уставился на свое отражение. Он всегда повышал ставки, он делал это рефлекторно. Никогда не обещаешь возможного. Все могут сделать возможное. Обещаешь невозможное, потому что иногда оно возможно, если правильно к нему подступиться, и уж во всяком случае, всегда можно расширить границы возможного. А если ничего и не выйдет – что ж, это ведь было *невозможно*.

Но на сей раз он зашел слишком далеко. Нет ничего позорного в том, чтобы признать, что запряженная лошастью карета не может передвигаться со скоростью тысяча миль в час, но Позолот на этом сыграет, и Почтамт так и останется старомодной, отжившей свое мелкой сошкой, которой нечего тягаться с Магистралью. Позолот найдет способ сохранить «Гранд Магистраль», срежет еще больше углов, продолжит убивать людей ради денег...

– Ты В Порядке, Господин Вон Липвиг? – спросил голем у него из-за спины.

Мокриц уставился в собственные глаза в зеркале и в то, что горело в их глубине.

О боги...

– Ты Порезался, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа. – Господин Вон Липвиг?

Жаль, что не попал по горлу, подумал Мокриц. Но это была несущественная мысль, стушевавшаяся рядом с главной, тяжелой и мрачной, которая разворачивалась перед ним в зеркале.

Загляни в бездну, и ты увидишь, как что-то растет и тянется к свету. Оно шепчет: сделай это. Все получится. Верь мне.

О боги. Этот план должен сработать, подумал Мокриц. *Он простой*

и смертоносный, как бритва. Только беспринципному человеку может прийти такое в голову.

А с этим проблем не возникнет.

Я уничтожу тебя, господин Позолот. Уничтожу тебя нашим фирменным способом, методом крысы, лжеца и мошенника. Я заберу у тебя все, оставив лишь жизнь. Заберу твои деньги, твою репутацию, твоих друзей. Я наплету вокруг тебя столько слов, что ты запутаешься в паутине. Я ничего тебе не оставлю, даже надежды...

Он осторожно закончил бритье и вытер остатки пены с подбородка. Крови было не так уж и много.

– Я бы не отказался сейчас от плотного завтрака, господин Помпа, – сказал он. – Потом мне нужно сбегать по делам. А между тем найди, пожалуйста, метлу. Крепкую березовую метлу. И нарисуй на черенке звездочки.

Когда Мокриц спустился вниз, ко всем прилавкам тянулись очереди, но гвалт стих, стоило ему выйти в холл. Раздались бурные аплодисменты. Он кивнул, помахал рукой, и в ту же минуту его обступили люди, размахивающие конвертами. Он постарался подписать все.

– Целый вал писем до Орлеи, почтмейстер! – ликовал Грош, пробивая себе путь через толпу. – Никогда такого не видел, никогда!

– Счастье-то какое, – проворчал Мокриц.

– И письма богам отправились прямиком в поднебесье! – продолжал Грош.

– Рад слышать, господин Грош, – сказал Мокриц.

– Мы получили первые столатские марки! – крикнул Стэнли и помахал листами над головой. – Первые образцы *все в дефектах*, сэр!

– Поздравляю, – сказал Мокриц. – Но мне сейчас пора, меня ждут дела.

– Ага, ну конечно! – Грош подмигнул. – Дела, говорите? Ну, как скажете, сэр. Разойдитесь все, дорогу почтмейстеру!

Грош чуть ли не расталкивал посетителей, пока Мокриц, стараясь обходить людей, которые просили, чтобы он поцеловал их детишек или разрешил подержаться за его костюм на удачу, выбирался на улицу.

Поплутав дворами, Мокриц нашел местечко, где подавали вполне сносные двойные порции яичницы с беконом, сосками и поджаренным хлебом, в надежде на то, что еда заменит ему сон.

Все выходило из-под контроля. Люди выносили и устанавливали на Саторской площади палатки. Огромная текущая масса городского населения

пульсировала и струилась по улицам Анк-Морпорка, и к вечеру все это сожмется до размеров площадной толпы, которой можно будет продавать разные товары.

Мокриц набрался смелости и пошел к «Тресту Големов». Там было закрыто. Новое граффити прибавилось к слоям уже высохшей краски на заколоченном окне. Надпись была на уровне колен и выполнена мелком: «Голимы зделаны из какашк». Приятно было видеть, что старые добрые ханжеские традиции передаются младшему поколению – в самом неприятном смысле слова.

Сестрички Долли, соображал Мокриц лихорадочно. Остановилась у тети. Как зовут тетю, она не говорила?

Он бросился бежать.

Сестрички Долли когда-то были деревней, но потом до нее докатился город. Местные до сих пор считали себя *отдельной* от всего остального города частью, у них были свои собственные обычаи – Собачий Понедельник, День Иголок Вверх – и чуть ли не свой собственный язык. Мокриц ничего этого не знал. Он протискивался по узеньким улочкам, выискивая... что? Клубы дыма?

А вообще-то неплохая идея...

Он добрался до нужного дома восемь минут спустя и принялся колотить в дверь. К его облегчению, госпожа Ласска открыла и уставилась на него.

Она спросила:

– Но как?

– Табачный киоск, – сказал Мокриц. – Не всякая женщина выкуривает по сто сигарет в день.

– Ну и что же тебе нужно, господин Умник?

– Поможешь мне – и я смогу прижать Позолота за все, что он натворил, – сказал Мокриц. – Помогите мне. Пожалуйста. Даю слово бесчестного человека.

Это хотя бы вызвало мимолетную улыбку, которую тут же заменило обычное выражение глубокой подозрительности. В конце концов какая-то ее внутренняя битва разрешилась.

– Тогда тебе стоит зайти в гостиную, – сказала госпожа Ласска и открыла дверь шире.

Комната была маленькой, темной и тесной от своего благоприличия. Мокриц сел на краешек стула, стараясь ничего не задеть, и прислушался к женским голосам в коридоре. Потом в комнату скользнула госпожа Ласска и закрыла за собой дверь.

– Надеюсь, твоя семья не против, – сказал Мокриц. – Я...

– Я сказала им, что ты за мной ухаживаешь, – перебила госпожа Ласска. – Для этого и нужны гостиные. Отраднее было видеть слезы счастья и надежды в глазах моей матери. Что тебе нужно?

– Расскажи мне о своем отце, – попросил Мокриц. – Мне нужно знать, как «Гранд Магистраль» была перехвачена. У тебя остались бумаги?

– Это ничем не поможет. Законник все просмотрел и сказал, что будет сложно завести дело...

– Я обращусь к высшему суду, – сказал Мокриц.

– Но мы почти ничего не можем доказать, нет доказательств... – возразила госпожа Ласска.

– Мне это и не нужно.

– Законник сказал, много месяцев уйдет только на то, чтобы... – продолжала она, решительно выискивая подвох.

– За все заплатят другие, – сказал Мокриц. – У тебя остались книги? Гроссбухи? Что-нибудь?

– Что ты будешь с ними делать? – требовательно спросила она.

– Лучше тебе не знать. Правда. Я знаю, что делаю, Шпилька. Но тебе не стоит.

– Есть большая коробка с бумагами, – сказала госпожа Ласска неуверенно. – Думаю, я могла бы просто... оставить ее здесь, пока буду наводить порядок...

– Отлично.

– Я могу тебе доверять?

– В этом вопросе? Ни в коем случае! Твой отец доверился Позолоту, и посмотри, что из этого вышло! Я бы на твоём месте мне не доверял. Но на своём месте доверял бы.

– Самое забавное, господин фон Липвиг, чем больше ты говоришь, как тебе не стоит доверять, тем сильнее я доверяю, – сказала госпожа Ласска.

Мокриц вздохнул.

– Знаю, Шпилька, знаю. Грустно, не правда ли. И так по-человечески. Пожалуйста, принеси мне эту коробку.

Озадаченно хмурясь, она принесла.

На все ушло полдня, и даже тогда Мокриц ни в чём не был уверен, но он исписал заметками целый блокнот. Это было все равно что искать пираний в реке, густо заросшей водорослями. На дне лежало много костей. Но даже если иногда тебе казалось, что под водой промелькнуло что-то серебристое, нельзя было быть уверенным, что ты видел саму рыбу. Чтобы узнать это наверняка, нужно было прыгнуть в реку.

К половине пятого на Саторской площади яблоку негде было упасть.

Замечательным свойством золотого костюма и фуражки с крыльями было то, что когда Мокриц их снимал, он переставал быть собой. Он становился непримечательным человеком в непримечательной одежде, с лицом, которое вам, возможно, покажется смутно знакомым.

Он шел в толпе, направляясь к Почтамту. Никто не обращал на него внимания. Мало кто вообще смотрел в его сторону.

Мокриц был один, хотя раньше он никогда не задумывался об этом. Он всегда был один. Иначе ему было нельзя.

Но, как ни странно, ему не хватало золотого костюма. Да, это была маска. Но Человек в Золотом Костюме – хорошая маска. Он больше не хотел быть человеком, который почти ничем не отличался от тени. Которого легко забыть. В крылатой фуражке он мог творить чудеса, или хотя бы то, что казалось чудесами, – а это ничуть не хуже.

Через пару часов предстояло сотворить еще одно чудо – назад пути не было.

Ну что ж...

Он обошел Почтамт и собрался войти через черный ход, когда кто-то, притаившийся в тени окликнул его:

– Бзд!

– Ты имел в виду «псст»? – спросил Мокриц. Разумный Алекс вышел из тени. На нем была старая рабочая куртка «Гранд Магистрали» и огромный шлем с рогами.

– Мы не успеваем с полотном, – начал он.

– Зачем тебе шлем? – перебил Мокриц.

– Для маскировки, – сказал Алекс.

– Шлем с огромными рогами?

– Да. Я настолько выделяюсь из толпы, что никто не поймет, что я стараюсь остаться незамеченным, поэтому люди и не обратят на меня внимания.

– Только человек, очень одаренный интеллектом, может додуматься до такого, – сказал Мокриц осторожно. – Что-то случилось?

– Нам нужно больше времени, – сказал Алекс.

– Как? Гонка начнется в шесть!

– К тому времени еще не стемнеет. Мы успеем спустить парус к половине седьмого, в лучшем случае! Если мы высунемся за парапет раньше, нас заметят!

– Быть не может! Другие башни слишком далеко!

– Зато проезжающие по дороге близко, – заметил Алекс.

– Проклятье! – Мокриц и забыл про дорогу. Достаточно будет одного свидетеля, который скажет, что видел кого-то на заброшенной башне...

– Смотри, у нас все готово к спуску, – сказал Алекс, глядя ему в глаза. – Когда мы выйдем наверх, то сработаем быстро. Нам нужно просто полчаса по темноте, может, плюс пару минут.

Мокриц закусил губу.

– Ладно. Как-нибудь устрою. А теперь возвращайся и помоги остальным. Но не начинайте, пока я не приеду, понятно? Верь мне!

Я часто это говорю в последнее время, подумал он, когда парень убежал. Надеюсь, они верят.

Мокриц поднялся к себе в кабинет. Золотой костюм висел на вешалке. Он оделся.

У него была работа. Она была скучной, но ее нужно было сделать. И он взялся за работу.

В половину шестого заскрипели половицы, и в кабинет вошел господин Помпа, волоча за собой метлу.

– Гонка Скоро Начнется, Господин Вон Липвиг, – сказал он.

– Мне нужно сперва кое-что закончить, – сказал Мокриц. – Здесь письма от строителей и архитекторов, о, кто-то просит меня избавить его от бородавок... мне правда нужно разобраться с бумагами, Помпа.

А в это время в кухне Хвата Позолота, Игорь кропотливо выводил записку. В конце концов, есть же приличия, которые нужно соблюсти. Нельзя просто скрыться, как воришка в ночи. Надо прибраться за собой, убедиться, что кладовая забита продуктами, помыть посуду и взять из копилки точь-в-точь столько, сколько тебе причиталось.

Даже жалко. Хорошее было место. Позолот многого от него не требовал, и Игорю нравилось терроризировать остальных слуг. За редким исключением.

– Какая жалость, что ты нас покидаешь, господин Игорь, – сказала госпожа Светляника, повариха. Она промокнула глаза платочком. – С тобой здесь все заиграло новыми красками.

– Ничего не мочь поделайт, гофпожа Фветляника, – сказал Игорь. – Я буду фкучайт по твой пирог ф почками и по бифштекф, это да. Фердце мое поет при виде дамы, которая умеит приготовийт такую вкуфнятину из объедков.

– Вот, господин Игорь, это я для тебя связала, – повариха нерешительно протянула ему небольшой мягкий сверток. Игорь бережно

развернул его и достал красно-белую полосатую балаклаву. – Это чтобы твои болтики не замерзали, – сказала госпожа Светляника и покраснела.

Игорь не знал, что делать. Ему нравилась повариха, он уважал ее. Никогда прежде он не видел, чтобы женщина так управлялась с острыми ножами. Бывают случаи, когда приходится закрыть глаза на Кодекс Игорей.

– Гофпожа Фветляника, ты как-то говоришь, что у тебя быть фефтра в Щеботане? – спросил он.

– Да, господин Игорь.

– Фамый время поезжайт к ней в гофти, – сказал Игорь твердо. – Только не задавай вопрофы. Прощай, дорогая гофпожа Фветляника. Я ф нежнофть буду вфпоминайт твою печенку.

Было уже без десяти шесть.

– Если Выйти Сейчас, Как Раз Успеешь К Началу Гонки, Господин Вон Липвиг, – пророкотал голем, не выходя из угла.

– Это дела государственного значения, господин Помпа, – сказал Мокриц сурово, читая очередное письмо. – Я выполняю свой гражданский долг.

– Да, Господин Вон Липвиг.

Он протянул так до десяти минут седьмого, потому что до площади было пять минут спокойным шагом. Под конвоем голема Мокриц покинул Почтампт с чувством, прямо противоположным спокойствию.

Толпа на площади при виде его расступилась. Послышались возгласы и смех, когда люди заметили метлу у него на плече. На ней были нарисованы звезды – значит, метла была волшебная. На таких убеждениях и сколачиваются состояния.

В любом карточном фокусе есть своя наука. Первым делом надо научиться придерживать нужные карты в разложенной колоде – вот и весь секрет. И Мокриц выучился мастерски, но механические фокусы утомляли его, были ниже его. Были и другие способы манипулировать, отвлекать, злить. Злость всегда играет на руку. Разозли человека – и он скорее ошибется.

В центре площади был свободный пятачок, где ждала почтовая карета, на козлах которой гордо восседал Джим Труба. Кони лоснились, кузов сверкал при свете фонарей. В отличие от столпившейся вокруг публики.

Здесь была пара представителей «Гранд Магистрали», несколько волшебников и, конечно, иконографист Отто Шрик. Они повернулись в сторону Мокрица и на их лицах он увидел самые разные чувства, от облегчения до подозрительности.

– Мы уже подумывали о дисквалификации, господин фон Липвиг, – сказал Чудакулли строго.

Мокриц вручил метлу Помпе.

– Прошу прощения, аркканцлер, – сказал он. – Я рассматривал эскизы для марок и потерял счет времени. О, добрый вечер, профессор Пельц.

Профессор Патологической Библиомантии широко улыбнулся и показал ему банку.

– Со мной профессор Зобб, – сказал он. – Старик захотел посмотреть, из-за чего весь сыр-бор.

– А это господин Пони из «Гранд Магистрали», – сказал Чудакулли. Мокриц пожал инженеру руку.

– Ты без господина Позолота? – спросил он и подмигнул.

– Он, э, наблюдает из своего экипажа, – сказал Пони, нервно глядя на Мокрица.

– Раз все собрались, господин Тупс вручит вам обоим по экземпляру послания, – сказал аркканцлер. – Господин Тупс?

Им дали по свертку. Мокриц развернул свой и рассмеялся.

– Но это же книга! – воскликнул Пони. – Вся ночь уйдет на то, чтобы перевести ее в код. Тут еще и диаграммы!

Ну что же, поиграем, подумал Мокриц. Быстрым, как бросок кобры, движением он выхватил книгу у растерянного Пони, быстро пролистал, схватил несколько страниц и разом вырвал их под оханье толпы.

– Прошу, господин Пони, – сказал он, вручая ему страницы. – Вот оно, ваше послание! Страницы с семьдесят девятой по сто двадцать восьмую. Мы доставим вашу книгу, и получатель сможет вложить в нее эти страницы позднее, если они дойдут! – Он почувствовал на себе недовольный взгляд профессора Пельца и добавил: – Я уверен, что книгу подправят и она станет *как новая!*

Это был глупый жест, но широкий, зрелищный, веселый и жестокий, а Мокриц хорошо знал, как обратить на себя внимание толпы. Господин Пони попятился назад, сжимая в руках вырванные главы.

– Я не то имел... – попытался он, но Мокриц перебил его.

– В конце концов, наша карета слишком велика для такой маленькой книжки.

– Просто чтобы перевести рисунки в коды, нужно столько времени... – запротестовал господин Пони. К таким вещам он не привык. Механизмы с ним никогда не пререкались.

Мокриц изобразил на лице искреннее беспокойство.

– Действительно, нечестно, – сказал он и повернулся к Думмингу

Тупсу. – Тебе не кажется, что это нечестно, господин Тупс?

Волшебник удивился.

– Но когда они все закодируют, оно уже через два часа будет в Орлее!

– И все же, я настаиваю, – сказал Мокриц. – Нам не нужно нечестное преимущество. Джим, слезай, – крикнул он вознице. – Дадим кликам фору, – он повернулся к Думмингу Тупсу и Пони с самой честной услужливостью на лице. – Часа будет достаточно, господа?

Толпа взревела. *Боги, как же я хорош*, подумал Мокриц. *Как я хочу, чтобы этот момент никогда не заканчивался...*

– Господин фон Липвиг! – позвали из толпы. Мокриц посмотрел туда и увидел журналистку.

– А, госпожа Сахарисса! Карандаш наточила?

– Ты в самом деле собрался ждать, пока «Гранд Магистраль» не обработает свое послание? – спросила она, смеясь.

– Конечно, – сказал Мокриц, ухватившись за лацканы своего искрящегося сюртука. – Мы на Почтамте честные люди. Кстати, могу ли я воспользоваться возможностью и рассказать о нашей новой капустной марке?

– А ты не слишком далеко зашел?

– Планирую дойти до самой Орлеи, уважаемая! Я уже сказал, что марка со вкусом капусты?

Мокриц так разогнался, что уже не мог остановиться. Здесь было его сердце: он танцевал на краю пропасти, сочиняя мир на ходу, заставляя людей прислушаться к его словам и измениться. Ради этого он подкладывал стекло взамен бриллиантов, позволял картам порхать в его пальцах, с улыбкой стоял перед банкирами, изучающими поддельные чеки. Он жаждал этого чувства – неприкрытого, неподдельного восторга, когда идешь по самой кромке...

Хват Позолот проплыл по толпе, как акула среди мелкой рыбешки. Он посмотрел на Мокрица подчеркнуто бесстрастным взглядом и повернулся к господину Пони.

– Какие-то проблемы, господа? – спросил он. – Время идет.

В тишине, нарушаемой лишь редкими смешками из толпы, Пони попытался совладать с ситуацией и все объяснить.

– Понимаю, – сказал Позолот. – Тебе нравится шутить над нами, господин фон Липвиг? Уверяю тебя, мы в «Гранд Магистрале» ничем не рискуем, если ты отправишься в путь прямо сейчас. Мы можем себе позволить эти пару часов.

– О, разумеется, – ответил Мокриц. – Если тебе от этого будет легче.

– Еще как будет, – отрубил Позолот. – Чем дальше ты будешь отсюда, господин фон Липвиг, тем лучше.

Мокриц услышал намек, потому что ждал его. Позолот вел себя рассудительно и подобающе, но его глаз напоминал шарик темного металла, а в голосе звучали смертельные нотки.

А потом Позолот спросил:

– Как себя чувствует господин Грош? Меня огорчили новости о нападении на него.

– Нападении? Что ты, господин Позолот, на него доски с потолка упали, – ответил Мокриц. *И этот вопрос лишает тебя малейшего права на милосердие.*

– О, стало быть, меня дезинформировали, – сказал Позолот. – Теперь буду знать, что слухам доверять нельзя.

– Я передам господину Грошу привет, – сказал Мокриц.

Позолот приподнял шляпу.

– До свиданья, господин фон Липвиг. Желаю всего наилучшего в твоём доблестном порыве. На пути могут встретиться опасные люди.

Мокриц в ответ снял фуражку и ответил:

– Надеюсь в скором времени оставить их позади.

Ну вот, подумал он. Мы все сказали, и милая девушка из газеты думает, что мы добрые приятели или обычные конкуренты, которые стараются быть вежливыми друг с другом. Пора испортить кое-кому настроение.

– До свидания, дамы и господа, – сказал он. – Господин Помпа, будь другом, положи метлу на карету.

– Метлу? – Позолот резко повернулся к нему. – Эту метлу? Со звездами? Ты берешь с собой *метлу*?

– А вдруг мы сломаемся по дороге, – сказал Мокриц.

– Я протестую, аркканцлер! – заявил Позолот, развернувшись. – Этот человек собрался лететь до Орлеи!

– Ничего подобного, – возразил Мокриц. – Это гнусные инсинуации.

– Так вот почему ты так в себе уверен? – прорычал Позолот. И именно *прорычал* – вот они, первые трещины на фасаде.

На метле можно лететь с такой скоростью, что волосы сдует. Достаточно сломаться паре башен – а нам ли не знать, что они постоянно ломаются, – и метла обгонит семафоры, еще и потому, что летает она прямо, и ей не нужно следовать за извилистой дорогой, по которой ехали кареты и на которой стояла Магистраль. Магистрالی должно крупно не повезти, а человек на метле будет обморожен и, возможно, мертв, но за

сутки на метле можно было добраться из Анк-Морпорка до Орлеи. Этого могло хватить.

На лице Позолота застыло злорадство. *Теперь-то* он знал, что придумал Мокриц.

Кручу-верчу, запутать хочу...

В этом суть любой аферы. Жертва не должна быть ни в чем уверена, но ей можно позволить заблуждаться.

– Я требую, чтобы в карете не было никакой метлы! – заявил Позолот аркканцлеру, что было ошибкой. Нельзя ничего требовать от волшебников. Нужно *просить*. – Если господин фон Липвиг сомневается в своем средстве передвижения, – продолжал Позолот, – пусть признает свое поражение сейчас!

– Мы будем ехать одни по опасным дорогам, – заметил Мокриц. – Без метлы может и не обойтись.

– Однако вынужден согласиться с этим... господином, – сказал Чудакулли с некоторым неудовольствием. – Это как-то *неправильно*, господин фон Липвиг.

Мокриц вскинул руки.

– Как скажешь, не буду спорить. А жаль. Но могу ли я просить о равных условиях?

– В каком смысле? – спросил волшебник.

– При каждой башне есть лошадь на случай поломки, – сказал Мокриц.

– Это обычная практика! – огрызнулся Позолот.

– В горах – да, – спокойно отвечал Мокриц. – И то только в самых отдаленных башнях. Но сегодня, кажется, у каждой башни стоит по лошадке. Фактически «Пони-экспресс», без обид, господин Пони. Они обойдут нашу карету, даже не послав ни единого сигнала.

– Ты серьезно считаешь, что мы повезем послание верхом? – воскликнул Позолот.

– Ну, ты же считаешь, что я полечу, – сказал Мокриц. – Если господин Позолот сомневается в своем оборудовании, аркканцлер, пусть признает свое поражение сейчас.

Вот она промелькнула, тень на лице Позолота. Он был уже не просто раздражен, он ступил в тихие глубокие воды чистого животного бешенства.

– Давайте сойдемся на том, что это не гонка лошадей против метлы, – сказал Мокриц. – Это почтовая карета против клик-башен. Карета ломается – мы чиним карету. Башня ломается – вы чините башню.

– Вообще-то звучит справедливо, – согласился Чудакулли. –

Постановляю так. Однако хотел бы вынести предупреждение господину фон Липвигу с глазу на глаз.

Аркканцлер положил руку Мокрицу на плечо и завел его за карету. Там он наклонился к нему близко-близко и спросил:

– Ты же в курсе, что нарисованные звездочки на обычной метле не заставят ее подняться в воздух?

Мокриц заглянул в молочно-голубые глаза волшебника, невинные, как у ребенка – такого, который изо всех сил старается выглядеть невинным.

– В самом деле? – сказал он.

Волшебник похлопал его по плечу.

– Значит, оставим все как есть, – сказал он радостно.

Позолот улыбнулся Мокрицу, когда они вышли из-за кареты.

Искушение было слишком велико, и Мокриц даже не стал с ним бороться. Всегда повышай ставки. Испытывай удачу, потому что никто не сделает этого вместо тебя.

– Не хочешь заключить небольшое личное пари, а, господин Позолот? – спросил он. – Чтобы не было... скучно.

Позолот отреагировал достойно, вот только эти едва заметные знаки в его лице...

– Подумать только, а разве боги одобряют азартные игры? – усмехнулся он.

– Что наша жизнь? Лотерея, господин Позолот, – сказал Мокриц. – Скажем... сто тысяч долларов?

Это стало последней каплей. Мокриц увидел, как что-то лопнуло внутри Хвата Позолота.

– Сто тысяч долларов? И где ты найдешь такую сумму, фон Липвиг?

– Я просто помолюсь, господин Позолот. Я думал, это все знают, – сказал Мокриц, к всеобщей радости. Он отвесил председателю свою самую нахальную улыбку. – А вот где *ты* возьмешь сто тысяч долларов?

– Ха! Я принимаю пари. Посмотрим, кто будет смеяться последним, – сказал Позолот без обиняков.

– Жду не дождусь, – ответил Мокриц.

И теперь ты у меня в руках, подумал он про себя. *Ты взбешен. Ты делаешь ошибки. Ты идешь по доске.*

Он вскочил на подножку кареты и повернулся к толпе.

– В Орлею, дамы и господа. В Орлею, и будь что будет!

– Что-то точно будет! – сострили в толпе.

Мокриц поклонился и, выпрямившись во весь рост, встретился взглядом с Дорой Гаей Ласской.

– Выходи за меня, госпожа Ласска! – прокричал он.

Толпа ахнула, а Сахарисса дернула головой, как кошка, вынюхивающая новую мышку. Какая жалость, что в газете была только одна первая полоса.

Госпожа Ласска выдула колечко дыма.

– Не сейчас, – ответила она невозмутимо под восклицания и гул толпы.

Мокриц помахал рукой и вскочил на козлы рядом с возницей.

– Трогай, Джим!

Джим щелкнул хлыстом, и карета тронулась под возгласы зевак. Мокриц обернулся и увидел господина Пони, который сосредоточенным шагом двигался в сторону башни Тумп.

Потом Мокриц уселся поудобнее и стал разглядывать улицы, освещаемые огнями кареты.

Может, это золото проникало ему под кожу. Он чувствовал, как что-то наполняло его, какая-то дымка. Он поднял руку, и ему показалось, что за ней по воздуху протянулся след искорок. Он все еще летел.

– Джим, как я выгляжу? – спросил он.

– Не видать при таком-то свете, – сказал возница. – Можно вопрос?

– Валяй.

– Зачем ты оставил этим гадам только часть страниц?

– По двум причинам, Джим. Во-первых, это выставило нас молодцами, а их – маленькими нытиками. А во-вторых, это страницы со всеми цветными иллюстрациями. Целая вечность уйдет, пока они их перекодируют.

– А глаз у тебя острый, как бы не порезаться, господин фон Липвиг! А? Во!

– Лети, Джим, лети, как на крыльях!

– Ну, я-то знаю, как сделать все красиво, не сомневайся! Н-но! – хлыст снова щелкнул. Стук копыт эхом отскакивал от домов.

– *Шесть* лошадей, – заметил Мокриц, когда они прогремели про Брод-авеню.

– Ага. Пусть заодно и мое имя запомнят, – сказал возница.

– Сбавь ход, когда подъедем к старой башне волшебников. Мне нужно будет сойти. Ты взял с собой охрану?

– Четырех человек, – сообщил Джим. – Отлеживаются в карете. Уважаемые люди и профессионалы в своем деле, знаю их с малолетства: Гарри-Жвачка, Тап-Головолом, Вретт Тяжкийтелесный и Безносый Джо Тозер. Товарищи мои, так что не бойсь, им и самим не терпится отдохнуть

немного в Орлее.

– Ага, ведерками и лопатками мы запаслись, – прорычал голос из кареты.

– Они лучше дюжины стражников, – довольно сообщил Джим.

Карета тряслась по дороге, оставляя позади самые дальние пригороды. Дорога под колесами становилась хуже, но карета покачивалась и приплясывала, крепко держась на стальных рессорах.

– Когда высадишь меня, можно так не гнать. Спешить некуда, Джим, – сказал Мокриц через некоторое время.

В свете фонарей он увидел хитрую улыбку Джима.

– Таков твой план, да?

– И это замечательный план, Джим! – сказал Мокриц. *Осталось убедиться, что он не сработает.*

Фонари кареты скрылись из виду, и Мокриц остался один в холодной темноте. Вдали дым над Анк-Морпорком сливался в один большой, подсвеченный огнями, клубящийся гриб, закрывающий собой звезды. В кустах шуршало, и легкий ветерок разносил капустный запах по бесконечным полям.

Мокриц подождал, пока глаза не привыкнут к темноте. Стала видна башня – столб ночи, лишенный звезд. Оставалось только найти дорогу в густых зарослях сорняков и репейника...

Он крикнул сычом. Поскольку Мокриц не был орнитологом, его сыч кричал: «у-у».

Заросли разразились совиным уханьем. Эти совы гнездились в заброшенной башне, которая днем сводила людей с ума. На сов это никак не влияло, разве что кричали они на все голоса, которыми только могут кричать живые – или умирающие – существа. Среди них слышались и трубящий слон, и, кажется, вой гиены с нотками скрипящего матраца.

Когда их хор стих, голос в нескольких шагах от Мокрица прошептал:

– Все нормально, господин фон Липвиг, это я. Адриан. Дай мне руку и пойдем быстрее, пока остальные опять не перессорились.

– Перессорились? Из-за чего?

– Они друг от дружки уже на стену лезут! Нащупай веревку. Взял? Хорошо. Можно идти: дорожку мы расчистили и пометили веревкой...

Они быстро зашагали вдоль деревьев. Лишь с близкого расстояния сквозь развалившуюся дверь был виден свет – Неопределенный Адриан закрепил на стене несколько газовых ламп. Камни ходили ходуном у Мокрица под ногами, когда он лез наверх. Не обращая на них внимания, он

взлетел по винтовой лестнице с такой скоростью, что у него закружилась голова.

Безумный Ал схватил его за плечи.

– Не лети, – сказал он бодро. – У нас еще десять минут в запасе.

– Мы были бы готовы и двадцать минут назад, если бы кое-кто не посеял молоток, – проворчал Разумный Алекс, натягивая трос.

– Я? Я же положил его в ящик с инструментами, – сказал Безумный Ал.

– Ага, в отсек с гаечными ключами!

– И что с того?

– Какой нормальный человек станет искать молоток в гаечных ключах?

Далеко внизу снова заухали совы.

– Стойте, – сказал Мокриц. – Разве это важно? Вот сейчас?

– Он, – сказал Разумный Алекс, укоризненно тыкая в Ала гаечным ключом, – он безумен!

– Не так безумен, как некоторые, у кого гайки рассортированы по размеру в баночках из-под варенья, – не остался в долгу Безумный Ал.

– Это как раз разумно! – горячо возразил Разумный Алекс.

– Да ведь самый смак в том, чтобы в них ковыряться! К тому же...

– Готово, – перебил их Неопределенный Адриан.

Мокриц посмотрел вверх. Семафор Гну высился над ночной башней точь-в-точь как над крышей Почтамта. Прямо за ней со стороны города громоздилась реечная конструкция. Она смахивала на корабельную мачту – возможно, из-за всех веревок, на которых она держалась. Постройка подрагивала на ветру.

– Здорово ты их задел, – продолжал Адриан, когда остальные несколько присмирели. – Двадцать минут назад передали новую директиву, лично от Позолота. Сказали, что послание пойдет двухуровневой трансляцией, что нужно обратить предельное внимание и ничего не менять в коде, и чтобы никакой сторонней трансляции, пока Позолот лично не отправит обнуляющую команду, и еще он сказал, что собственноручно уволит всех с любой башни, которая не соблюдет инструкции в точности.

– Что в очередной раз доказывает, что «Гранд Магистраль» – компания о людях и для людей, – сказал Мокриц.

Неопределенный Адриан и Безумный Алекс подступили к большому каркасу и принялись раскручивать веревки на рейках.

Ах да, подумал Мокриц. *Теперь об этом...*

– Небольшое изменение в планах, – сказал он и набрал воздуха в

грудь. – Мы не станем пускать Дятла.

– В каком это смысле? – Адриан выронил веревку. – Это *и есть* наш план!

– Это уничтожит всю Магистраль, – сказал Мокриц.

– Да, точно, это и есть план, – сказал Ал. – Позолот разве что на штанах у себя не вышил «дайте мне пинка». Оно и так все разваливается, понимаешь? Это же начиналось как эксперимент! Мы отстроим все заново и в десять раз лучше!

– Как? – спросил Мокриц. – Где вы найдете деньги? Я знаю, как уничтожить компанию, не навредив башням. Их украли у Ласки и его партнеров. Я верну им все! Но единственный способ улучшить башни на линии – это оставить нетронутыми старые. Магистраль может работать!

– Ты заговорил как Позолот! – взорвался Ал.

– Но я прав, – сказал Мокриц. – Алекс, ты разумный человек, скажи ему! Если не выводить Магистраль из строя, башни можно заменить поочередно и не потерять ни одного сигнала! – Он махнул рукой в темноту. – Люди на башнях хотят гордиться своей работой! Это тяжелый труд, дешевый труд, но они живут этим. Компания сживает их со свету, а они продолжают сигналить!

Адриан потянул за веревку.

– Эй, полотно застряло, – объявил он. – Наверное, зацепилось, когда мы скручивали...

– Я не сомневаюсь, что Дятел сработает, – продолжил напирать Мокриц. – И надолго выведет из строя много башен. Но Позолот выкрутится. Вы это понимаете? Он обвинит нас в саботаже!

– Ну и что? – сказал Безумный Ал. – Через час мы погрузим это все на телегу, и никто не узнает, что мы здесь вообще были!

– Полезу наверх, распутаю, – сказал Неопределенный Адриан, дергая ткань.

– Я сказал же, ничего не выйдет, – отмахнулся от него Мокриц. – Послушай, Ал, огнем и мечом проблему не решить. Ее можно решить словами. Мы расскажем всему миру, что случилось с Магистралью.

– Убийца рассказала тебе об этом? – спросил Алекс.

– Да.

– Ты ничего не докажешь. Все было по закону.

– Сомневаюсь, – сказал Мокриц. – Но это и неважно. Мне не нужно ничего доказывать. Наша сила в словах, в том, как их можно исказить, как вложить их людям в голову, чтобы они думали так, как нам нужно. Мы пошлем свое собственное послание, и знаете что? Ребята на башнях сами

захотят его передать, а когда люди узнают, что там сказано, все захотят в это поверить, потому что все хотят жить в таком мире, где это было бы правдой. Мое слово против Позолота, а я владею словом лучше него. Я могу расправиться с ним одним предложением, Безумный Ал, не навредив ни единой башне. И никто не узнает, как это было сделано...

За ними послышалось краткое восклицание и звук быстро разворачивающегося полотна.

– Верьте мне, – сказал Мокриц.

– Нам никогда больше не выпадет такого шанса, – сказал Безумный Ал.

– Вот именно! – воскликнул Мокриц.

– На каждой третьей башне умирал человек, – сказал Безумный Ал. – Ты знал это?

– Вы же знаете, что пока Магистраль жива, они умерли не до конца, – сказал Мокриц. Это был рискованный ход, но он чувствовал, что попал в точку, и быстро продолжил: – Они не умрут, пока не останятся сигналы, они живут в них и вечно возвращаются домой. Хотите положить этому конец? Вы не можете! И я не могу. Зато я могу положить конец Позолоту. Верьте мне!

Полотно распустилось, как парус, словно кто-то вздумал уплыть на башне. Парус был восьмидесяти футов в высоту и тридцати в ширину и тихонько колыхался на ветру.

– А где Адриан? – спросил Мокриц.

Все посмотрели на парус и бросились к парапету. Они выглянули вниз, в темноту.

– Адриан? – позвал Безумный Ал нерешительно.

– Да? – отозвался голос снизу.

– А что ты делаешь?

– Да так... вишу. Мне на голову сова села.

Рядом с Мокрицем послышался треск. Разумный Алекс вспорол полотно.

– Вот и оно, – доложил он.

– Что? – спросил Мокриц.

– Послание! Его отправляют со второй башни! Посмотри сам, – сказал Алекс и отодвинулся в сторону.

Мокриц выглянул в щель полотнища, повернувшись в сторону города. Вдалеке сверкала башня.

Безумный Ал подошел к компактной клик-башне и взялся за рычаги.

– Ладно, господин фон Липвиг, послушаем твое предложение, – сказал

он. – Алекс, помогай! Адриан... повиси там пока, да?

– Она хочет засунуть мне в ухо дохлую мышь, – пожаловался голос снизу.

Мокриц закрыл глаза, собрался с мыслями, которые кипели в его голове вот уже несколько часов, и заговорил.

Огромного полотна за ним и над ним как раз хватало, чтобы скрыть из поля зрения друг друга соседние башни. Карликовая башня Гну была идеального размера, чтобы следующей башне на линии казалось, что она на самом деле больше и дальше. Ночью не было видно ничего, кроме огней.

Клик-башня перед ним тряслась от бешеного перестука заслонок. И вот новое послание было пущено по небу...

Всего пара сотен слов. Когда Мокриц договорил, заслонки отщелкали последние буквы и смолкли.

После небольшой паузы Мокриц спросил:

– Они передадут его дальше?

– О да, – отозвался Безумный Ал бесцветным голосом. – Передадут. Когда ты сидишь на башне в горах и вдруг получаешь такой сигнал, ты стряхнешь его со своей башни как можно скорее.

– Не знаю, руку тебе пожать или со стены сбросить, – протянул Разумный Алекс обиженно. – Это было жестоко. Кем же нужно быть, чтобы такое могло прийти в голову?

– Мной. Теперь давайте вытаскивать Адриана, – быстро продолжил Мокриц. – А потом я вернусь в город.

Омнископ – один из самых могущественных инструментов, известных волшебникам, и следовательно, один из самых бестолковых.

Он с легкостью может видеть все. Но чтобы заставить его увидеть *что-то*, требовались настоящие чудеса, потому что *все* так много (а надо уточнить, что *все* включает в себя все, что есть, будет, было, должно быть и может еще произойти во всех вероятных вселенных), что *что-то*, любое конкретное что-то, очень тяжело там обнаружить. Пока Гекс не выработал магалгоритмы, позволяющие за один день сделать такое, на что понадобились бы пятьсот волшебников и не меньше десяти лет, омнископы использовали в основном в качестве зеркал благодаря дивной черноте, которую они отображали. Просто «не на что смотреть» составляет подавляющее большинство вселенной, и многие волшебники предпочитали стричь бороды, глядя в черное сердце космоса.

Подвластных управлению омнископов было ужасно мало.

Производство их было очень долгим и очень затратным. Да волшебникам не очень-то и хотелось делать новые. Омнископы существовали для того, чтобы взирать на вселенную, а не для того, чтобы вселенная взирала на волшебников.

К тому же волшебники считали, что нечего облегчать людям жизнь. Если эти люди не волшебники, во всяком случае. Омнископ был предметом редким, ценным и деликатным.

Но сегодня был особый случай, и они распахнули двери перед богатейшими, чистейшими и вообще знакомыми с гигиеной представителями анк-морпоркского общества. Длинный стол был накрыл для Второго Чаепития. Ничего вычурного: несколько дюжин блюд с жареной дичью, пара блюд с холодной семгой, салатный бар в сто футов длиной, горы хлеба, пара бочек пива и, конечно, соусы, маринады и караван с пряностями, потому что одной тележки оказалось недостаточно. Люди накладывали себе полные тарелки, общались между собой и, самое главное, Присутствовали. Мокриц проскользнул внутрь и пока оставался незамеченным, потому что все не сводили глаз с самого большого университетского омнископа.

Аркканцлер Чудакулли постучал по нему рукой, и омнископ покачулся.

– Все еще не работает, господин Тупс! – загремел он. – Опять этот проклятущий огненный глаз!

– Но все же настроено, – сказал Думминг Тупс, ковыряясь в задней части большого диска.

– Это я, господа, Зигзаг Ключик, – сказал голос из омнископа. Огромный огненный глаз пропал, и вместо него появился огромный огненный нос. – Я нахожусь на конечной станции Магистральной в Орлее. Извините за красный цвет. У меня открылась аллергия на водоросли.

– Здравствуй, господин Ключик! – прокричал ему Чудакулли. – Как дела? Как продвигается...

– ...исследование моллюсков, – подсказал шепотом Думминг Тупс.

– ...исследование моллюсков?

– Да как-то так себе, аркканцлер, у меня обнаружилась...

– Хорошо, хорошо! Молодец! – кричал Чудакулли, сложив ладони у рта для громкости. – Я бы и сам не отказался посетить Орлею в это время года! Солнышко, море, волны, пляж, да?

– Тут на самом деле сейчас сезон дождей, и меня очень беспокоит плесень, которой начинает покрываться омни...

– Замечательно! – прокричал Чудакулли. – Ну, хватит уже нам

перетирать за жизнь, расскажи лучше, получил ли ты что-нибудь? Мы в нетерпении!

– Отойди, пожалуйста, на шаг, господин Ключик, – попросил Думминг Тупс. – И нет необходимости говорить так... громко, аркканцлер.

– Но он же далеко! – сказал Чудакулли.

– Не настолько, – поправил Думминг Тупс с наработанным терпением. – Господин Ключик, можешь продолжать.

Толпа за аркканцлером подалась вперед. Господин Ключик попятился назад. Это было слишком для человека, который проводил свои дни в компании двустворчатых.

– Хм, я получил сообщение с клик-башни, но... – начал он.

– Ничего от Почтамта? – спросил Чудакулли.

– Нет, аркканцлер. Ничего.

В зале послышались ахи, свист и смешки. Стоя в сторонке, Мокриц увидел рядом с Чудакулли лорда Витинари. Он нашел в зале и Хвата Позолота, который стоял в стороне и, как ни странно, совсем не улыбался. Позолот тоже его увидел.

Одного взгляда было достаточно. Он сомневался.

Знакомся, подумал Мокриц про себя, это – страх. Полная противоположность надежде. Ты знаешь, что ни в чем не ошибся, ты уверен, что не мог ошибиться...

Но вдруг ошибся?

Вот ты и попался.

Зигзаг Ключик откашлялся.

– Эм-м, только я сомневаюсь, что аркканцлер Чудакулли отправил это сообщение, – сказал он нервно, срываясь на писк.

– С чего ты взял?

– Потому что тут так сказано, – ответил Ключик дрожащим голосом. – Тут сказано, оно от мертвецов...

– Это что, старое сообщение? – спросил Чудакулли.

– Эм-м, нет, аркканцлер, эм-м... давайте я лучше вам прочитаю. Прочитать?

– Мы тут для того и собрались!

В большом стеклянном диске Ключик прочистил горло.

– *Кто прислушается к мертвым? Мы, погибшие во имя того, чтобы слова не прекращали свой полет, требуем правосудия. Вот в чем повинно правление «Гранд Магистрала»: хищение, растрата, убийство...*

Глава четырнадцатая

Избавление

Лорд Витинари призывает к тишине – Господин фон Липвиг падает духом – Новое задание господина Помпы – Обманываешь только себя – Птица – Вердикторий – Свобода выбора

Большой зал стоял на ушах. Большинство волшебников воспользовались случаем и оккупировали буфет, вокруг которого больше никто не толпился. Волшебники терпеть не могут стоять и ждать, пока впереди стоящие терзаются сомнениями по поводу капустного салата. Это буфет, восклицают они, и еда здесь соответствующая, будь здесь что-то диковинное, это был бы *неправильный* буфет, здесь *едят*, а не *смотрят*. Что вы хотели здесь найти? Рагу из носорога? Маринованную латимерию?

Профессор Современного Руноведения подкинул еще бекона в свою тарелку, искусно выложив сельдерейные подпорки и капустные бортики так, что глубина тарелки увеличилась раз в пять.

– Кто-нибудь тут знает, по поводу чего весь сыр-бор? – спросил он, перекрикивая гвалт. – Столько возмущения вокруг.

– Да все эти семафоры, – ответил завкафедры Современного Руноведения. – Никогда им не доверял. Бедный Ключик. Неплохой в общем-то парень. Моллюсками занимается. Попал в положение...

А положение было непростое. Зигзаг Ключик по ту сторону стекла хлопал ртом, как выброшенная на сушу рыба.

Перед ним багровел от гнева Наверн Чудакулли, что было обычным явлением при возникновении проблем.

– ...извините, господин Чудакулли, но так тут написано, а вы попросили зачитать, – возразил Ключик. – Тут дальше еще много...

– Это тебе семафорщики дали? – требовательно спросил аркканцлер. – Ты уверен?

– Да. Посмотрели на меня как-то странно, но точно это и дали! Мне-то зачем сочинять, аркканцлер? Я здесь только и делаю, что в аквариуме сижу! Скучном, скучном, одиноком аквариуме.

– Ни слова больше! – завопил Сдушкомс. – Запрещаю!

Стоявший рядом с ним господин Мускат расплескал свой напиток на несколько гостей сразу.

– Что ты сказал? Ты *запрещаешь*? – восторженно вскрикнул Чудакулли и

перенаправил весь свой гнев на Сдушкомса. – Я глава этого учреждения! Я не позволю, чтобы мной командовали в моем собственном университете! Если что-то здесь и будет запрещено, запрещать буду я! Спасибо большое. Продолжай, господин Ключик!

– Э, э, э... – Ключик часто задышал, мечтая умереть.

– Продолжай, говорю же!

– Э, э... да... *безопасности не стало. Чести не стало. Остались только деньги. Деньги стали всем, и все стало деньгами. Деньги обращались с нами как с вещами, и мы умирали...*

– Что за беззаконие здесь творится! Это же возмутительная клевета! – закричал Стоули. – Фокусы какие-то!

– Чьи же? – взревел Чудакулли. – Не намекаешь ли ты, что господин Ключик, молодой добросовестный волшебник, который, между прочим, проводит очень важную работу со змеями...

– ...моллюсками, – подсказал Думминг Тупс.

– ...моллюсками, решил нас разыграть? Да как ты смеешь! Господин Ключик, читай дальше!

– Я, я, я...

– Это приказ, доктор Ключик^[12]!

– Э... *кровью смазаны шестеренки «Гранд Магистрали», преданные работники платят жизнью за преступную глупость руководства...*

Снова поднялся гвалт. Мокриц увидел, что лорд Витинари обвел взглядом зал. Он не стал прятаться. Глаза патриция скользнули по нему, не задерживаясь, и кто знает, что было в них. Вопросительно вздернулась бровь. Мокриц отвернулся и поискал Позолота.

Его не было.

В омнископе нос Ключика пылал, как лампочка. Он мучился, ронял страницы, сбивался со строки, но продолжал читать с ослиным упрямством человека, который может целый день непрерывно наблюдать за устрицей.

– ...не что иное, как попытка очернить наши добрые имена перед лицом всего города! – возмутился Стоули.

– ...не понимают, чем за это заплатятся. Что нам сказать о тех, кто стал всему виной, кто восседал в удобных креслах и убивал нас одного за другим? Это...

– Я подам в суд на ваш университет! Я подам в суд! – кричал Сдушкомс. Он схватил стул и швырнул им в омнископ. На полпути к стеклу стул разлетелся стайкой голубей, которые в панике взметнулись под крышу.

– Да пожалуйста, подавай! – гремел Чудакулли. – У нас полон пруд таких умников, которые хотели судиться с университетом...

– Тихо, – сказал Витинари.

Слово не было громким, но, как капля чернил в стакане прозрачной воды, оно выпустило щупальца и усики, занимая собой все. Оно подавило весь шум.

Но всегда найдется кто-нибудь, кто не обратит внимания.

– И вообще, – не унимался Стоули, слишком погруженный в свой мирок праведного негодования и потому пропустивший мимо ушей воцарившееся молчание, – ясно как день...

– Я дождусь тишины.

Стоули заткнулся, огляделся и сник. Тишина воцарилась.

– Вот и хорошо, – сказал Витинари спокойно. Он кивнул командору Ваймсу из Городской Стражи, и тот шепнул что-то другому стражнику, который стал протискиваться к выходу.

Витинари повернулся к Чудакулли.

– Аркканцлер, я буду весьма признателен, если ты попросишь своего ученика продолжать, – продолжил он с тем же невозмутимым спокойствием.

– С удовольствием! Продолжай, профессор Ключик. Мы не торопимся.

– Э, э, э, э, дальше тут так: *Они присвоили себе власть над Магистралью, они провернули аферу, известную под названием «двойной рычаг», они использовали деньги, доверенные им клиентами, которые и не подозревали, что...*

– Прекратить чтение! – заорал Сдушкомс. – Это же просто смешно! Клевета на клевете и клеветой погоняет!

– Кажется, я уже высказался? – сказал Витинари.

Сдушкомс осекся.

– Спасибо, – сказал Витинари. – Здесь прозвучали очень серьезные обвинения. Хищения? Убийства? Уверен, господин – прошу прощения, профессор Ключик – человек честный, – в омнископе Зигзаг Ключик, новоявленный профессор Незримого Университета, горячо закивал, – и читает только то, что ему было передано, поэтому складывается впечатление, что обвинения эти проистекают из недр вашей собственной компании. *Серьезные* обвинения, господин Сдушкомс. Сделанные перед лицом этого благородного собрания. Не хочешь ли ты сказать, что я должен закрыть на это глаза? Весь город смотрит, господин Сдушкомс. О, господину Стоули, кажется, нездоровится.

– Здесь не место... – пискнул Сдушкомс, осознав, что под ним надломился лед.

– Здесь *идеальное* место, – возразил Витинари. – Мы на *публике*. В

сложившихся обстоятельствах, учитывая природу обвинений, не сомневаюсь, все захотят, чтобы я разобрался как можно скорее, хотя бы для того, чтобы доказать их абсолютную беспочвенность.

Он посмотрел по сторонам. Вокруг дружно с ним согласились. Даже верхние слои общества любили зрелища.

– Что ты на это скажешь, господин Сдушкомс? – спросил Витинари.

Сдушкомс не сказал ничего. Трещины расползались все дальше, и со всех сторон начинали откалываться куски льда.

– Вот и замечательно, – сказал Витинари и повернулся к стоящему рядом с ним человеку.

– Командор Ваймс, пожалуйста, отправь своих людей в конторы «Гранд Магистрали», партнерство Анк-Сто, холдинг равнины Сто, «Анк-Фьючерсы», и пусть обратят особое внимание на анк-морпоркский Меркантильный кредитный банк. Сообщи управляющему, господину Сырборо, что банк закрыт на ревизию, а я желаю с утра пораньше видеть его у себя в кабинете. Если кто-нибудь на территории этих организаций хоть одну бумажку тронет пальцем до прибытия моих ревизоров, он будет взят под стражу и назван соучастником в любом или во всех преступлениях, которые могут быть там обнаружены. Тем временем, ни один человек, связанный с «Гранд Магистралью», и ни один из ее сотрудников, не покинет это помещение.

– Это произвол! – бессильно запротестовал Сдушкомс, но силы покинули его. Господин Стоули рухнул на пол и обхватил голову руками.

– Я тиран, – сказал Витинари. – Этим мы и занимаемся.

– Что это? Кто я? Где я? – простонал Стоули, который решил, что самое время перестраховаться.

– Но нет же никаких доказательств! Волшебник все врет! Кого-то подкупили! – взмолился Сдушкомс. Лед мало того что раскололся – он остался один на один с большим голодным моржом.

– Господин Сдушкомс, – сказал лорд Витинари. – Еще один непрошенный всплеск эмоций с твоей стороны, и ты будешь взят под стражу. Надеюсь, я ясно выразился.

– На каком основании? – спросил Сдушкомс, собрав в кучку все оставшееся высокомерие.

– Оно не обязательно! – взмахнув подолом мантии, как краешком тьмы, Витинари повернулся к омнископу и Зигзагу Ключику, которому вдруг показалось, что две тысячи миль – это слишком мало. – Продолжай, профессор. Больше тебя не станут перебивать.

Мокриц наблюдал за публикой, пока Ключик, запинаясь и ошибаясь,

дочитал послание до конца. Там было много обобщений и мало конкретики, но прозвучали даты, имена и громогласные обличения. Ничего нового, ничего *принципиально* нового, но все было изложено хорошим языком и доставлено мертвыми.

Мы, погибшие на темных башнях, требуем от вас...

Ему должно быть стыдно.

Одно дело вкладывать слова в уста богов – жрецы делают это постоянно. Но здесь он зашел слишком далеко. Нужно быть негодяем, чтобы придумать такое.

Мокриц вздохнул свободнее. Порядочный гражданин не опустился бы до этого, но он стал почтмейстером не потому, что был порядочным. Для некоторых заданий нужен хороший крепкий молоток. Для других – крученный штопор.

Если повезет, если он очень постарается, он даже в это поверит.

Выпал поздний снег, и под ярким, суровым светом звезд ели вокруг башни 181 были покрыты белой коркой.

Все были сегодня здесь: Дедушка, Роджер, Большой Стиви, Охрип Полпериметр, который был гномом и подкладывал на сиденье две подушки, чтобы доставать до рычагов, и Принцесса.

Получив сообщение, они не смогли удержаться от тихих возгласов. Теперь все молчали, и только завывал ветер. Принцесса видела в воздухе их дыхание. Дедушка барабанил пальцами по дереву.

Потом Охрип сказал:

– Это было взаправду?

Облачка дыхания стали гуще. Все постепенно приходили в себя и возвращались в реальный мир.

– Все видели директиву, – сказал Дедушка, вглядываясь в темный лес. – Ничего не менять. Отправлять дальше. Нам так сказали, мы так и сделали. Еще бы мы не отправили его дальше!

– От кого оно было? – спросил Стиви.

– Не имеет значения, – ответил Дедушка. – Сообщение пришло, сообщение ушло, сообщение продолжает путь.

– Оно в самом деле... – начал Стиви.

– Черт возьми, Стиви, ты вообще не понимаешь, когда нужно заткнуться! – воскликнул Роджер.

– Я просто слышал про башню 93, где ребята погибли, а с башни потом ушел сигнал о помощи, сам по себе, – пробубнил Стиви. Он лихо управлялся с клавишами, но в общении с другими людьми не понимал

многого. А на башне такое может привести и к смерти.

– Мертвый Сигнал, – сказал Дедушка. – Такие вещи надо знать. Если клавиша застревает в пазу и после этого десять минут ничего не происходит, барабан опускает в паз жаккард, противовес падает, а с башни передается экстренный вызов, – отчеканил он слова, словно зачитывая их из руководства.

– Да, но я слышал, что жаккард на 93-й застрял и...

– Я так больше не могу, – проворчал Дедушка. – Роджер, пора нам возвращаться к работе, как считаешь? Местные клики уже заждались.

– Согласен. И на барабане кое-что собралось, – сказал Роджер. – Но Позолот же велел не начинать, пока...

– Да пошел он... – начал Дедушка, но вспомнил, что они не одни, и закончил: – Пониже спины. Ты же читал, что мы только что передали! Ты думаешь, этот зас... человек все еще здесь главный?

Принцесса оторвалась от окна.

– 182-я зажглась, – объявила она.

– Так! Зажигаемся и начинаем сигналить, – прорычал Дедушка. – Это наша работа! И кто нас остановит? Все, у кого работы нет, – выметайтесь. Мы запускаемся!

Принцесса выбралась на помост, чтобы не мешаться под ногами. Снег, похожий на сахарную пудру, лежал под ногами, а воздух колот ноздри иголками.

Посмотрев в горы, в направлении, которое она привычно называла про себя нисходящей линией, Принцесса увидела, что башня 180 тоже посылала свои сигналы. В этот момент щелкнули и застучали, открываясь и стряхивая выпавший снег, заслонки ее собственной 181-й башни. *Мы сигналим*, подумала она. *Это наша работа.*

Здесь, высоко на башне, глядя на перемигивающиеся, как звездочки, огни Магистрала в ясном прозрачном воздухе, она чувствовала себя частичкой неба.

И Принцесса задумалась, чего Дедушка боялся больше: того, что мертвые семафорщики могут посылать сообщения живым, или наоборот?

Ключик дочитал. Потом достал откуда-то платок и вытер зеленоватое нечто, которым начало обрастать стекло. Оно заскрипело.

Он нервно посмотрел на них сквозь разводы.

– Все в порядке, аркканцлер? – спросил он. – У меня не будет из-за этого проблем? А то я совсем близок к переводу брачного зова гигантского моллюска...

– Спасибо, профессор Ключик, отличная работа, молодец, можешь быть свободен, – отчеканил аркканцлер Чудакулли. – Выключай, господин Тупс.

Жгучее облегчение изобразилось на лице Ключика в последнюю секунду перед тем, как омнископ погас.

– Господин Пони, ты главный инженер «Гранд Магистрали», насколько мне известно, – сказал Витинари, пока гомон не успел начаться по новой.

Инженер, внезапно оказавшись центром всеобщего внимания, попятился назад и отчаянно замахал руками.

– Ваше сиятельство, умоляю! Я простой инженер, я ничего не знаю...

– Успокойся, пожалуйста. Тебе известно что-нибудь о душах умерших, которые странствуют по Магистрали?

– О да, ваше сиятельство.

– Это правда?

– Ну, э... – Пони загнанно посмотрел по сторонам. У него были его розовые кальки, и скоро все убедятся, что он простой человек, который *старался*, чтобы все работало, но сейчас на его стороне была только правда. Он нашел в этом утешение. – Не знаю, почему, но... иногда, когда поздно ночью поднимаешься на башню, заслонки стучат, ветер воет в арматуре... в общем, иногда кажется, что это правда.

– Если не ошибаюсь, существует традиция, которая называется «возвращением отправителю»? – сказал лорд Витинари.

Инженер удивился.

– В общем, да, но... – Пони решил, что нужно отдать должное и рациональному миру, в который в данный конкретный момент он не очень-то верил. – На Магистрали уже стемнело, прежде чем мы запустили сообщение, так что понятия не имею, как оно могло...

– Разве что это дело рук мертвецов? – закончил за него Витинари. – Господин Пони, чтобы не ставить под угрозу свое душевное и физическое здоровье, возьми с собой стражника и сейчас же отправляйся на башню Тупс. Разошлешь информацию по всей линии. Твоя задача: собрать бумажные свитки, также известные как барабаны, со всех башен Магистрали. Если не ошибаюсь, на них ведутся записи обо всех сообщениях, переданных с башни, и их нельзя подменить.

– На это же уйдут недели, ваше сиятельство! – возразил Пони.

– Тогда лучше выезжать на рассвете, – отрезал Витинари.

Господину Пони неожиданно пришло в голову, что некоторое время вдали от Анк-Морпорка пойдет ему на пользу. Он кивнул.

– Слушаюсь, сэр.
– Работа «Гранд Магистрали» на данный период времени будет приостановлена, – продолжал Витинари.
– Это частная собственность! – сорвался Сдушкомс.
– Не забываем: я тиран, – сказал Витинари почти шутливо. – Уверен, что ревизия поможет нам разрешить хотя бы некоторые аспекты этой загадки. Например, тот любопытный факт, что Хват Позолот отсутствует в наших рядах.

Все завертели головами.

– Наверное, у него была назначена еще одна встреча, – сказал Витинари. – Он покинул нас уже некоторое время назад.

До директоров «Гранд Магистрали» дошло, что их председатель отсутствует, а они, к сожалению, – присутствуют. Они сгрудились в кучку.

– Я думаю, гм, на данном этапе стоит обсудить возникшую ситуацию с глазу на глаз, ваше сиятельство, – высказался Сдушкомс. – С Хватом Позолотом было не просто вести дела.

– Он не был командным игроком, – выпалил Мускат.

– Кто? – сказал Стоули. – Что это за место? Кто эти люди?

– Он никогда с нами не советовался... – продолжил Сдушкомс.

– Ничего не помню... – сказал Стоули. – Мне нельзя давать показания в моем состоянии, вам любой доктор скажет...

– Я хочу заявить от лица всех нас, что мы с самого начала подозревали его...

– Ничего не помню. Ничегошеньки... как называется эта штука с пальцами... кто я...

Лорд Витинари посмотрел на них долгим взглядом, от которого им стало не по себе, постукивая себя по подбородку набалдашником трости. Он едва заметно улыбнулся.

– Ясно, – сказал он. – Командор Ваймс, будет неправомерно и дальше задерживать здесь этих господ, – сказал он. Когда господа выдохнули и позволили себе улыбнуться с надеждой (величайшим из всех сокровищ), Витинари добавил: – Проводи их в камеры, командор. Отдельные, если можно. Я загляну к ним с утра. А если к тебе от их имени заглянет господин Кривс, передай, что к нему у меня особый разговор.

Все шло... хорошо. Под нарастающий гвалт Мокриц двинулся к двери и почти успел выйти, когда слова Витинари отделились от месива голосов, как пущенная стрела.

– Уже уходишь, господин фон Липвиг? Подожди минутку. Я подброшу тебя до нашего любимого Почтамта.

На мгновение, на долю секунды, Мокриц задумался, не убежать ли. И не убежал. Какой смысл?

Толпа поспешно расступилась, когда Витинари направился к выходу. У него за спиной взялась за работу Стража.

В конечном итоге остается свобода отвечать за свои поступки.

Карета тронулась, и патриций откинулся на кожаную обивку.

– Какой удивительный вечер, – сказал он. – Не правда ли, господин фон Липвиг?

Следуя примеру внезапно повредившегося умом Стоули, Мокриц рассудил, что чем меньше он скажет, тем больше у него шансов на будущее счастье.

– Да, сэр, – сказал он.

– Интересно, удастся ли нашему инженеру доказать, что загадочное послание было пущено по Магистрали человеческими руками? – вслух задумался Витинари.

– Не знаю, ваше сиятельство.

– Не знаешь?

– Нет.

– А, – сказал Витинари. – Что ж, известны случаи, когда и мертвые разговаривали. Спиритические сеансы, столоверчение. Почему бы им не обратиться и к помощи семафоров?

– В самом деле, сэр.

– А ты явно получаешь удовольствие от своей новой профессии.

– Да, сэр.

– Это хорошо. С понедельника в твои обязанности будет входить управление делами «Гранд Магистрали». Город забирает ее себе.

Вот тебе и будущее счастье...

– Нет, ваше сиятельство, – сказал Мокриц.

Витинари вздернул бровь.

– У тебя есть другое предложение, господин фон Липвиг?

– Это действительно частная собственность. Магистраль принадлежит семье Ласка и всем, кто участвовал в ее строительстве.

– Ну и ну, вот же как бывает, – сказал Витинари. – Но видишь ли, в чем проблема: они разбирались в технике, но не в бизнесе. Иначе не стали бы доверять Позолоту. Свобода добиваться успеха идет рука об руку со свободой терпеть поражение.

– Их ограбили – не руками, а цифрами, – сказал Мокриц. – Сыграли в наперстки с их гроссбухами. У них не было шансов.

Витинари вздохнул.

– А ты суров в переговорах, господин фон Липвиг.

Мокриц, который не знал, что он ведет переговоры, промолчал.

– Так и быть. Вопрос о праве на собственность мы отложим на время, пока не расчистим всю грязь с этой историей. Но в первую очередь я имел в виду, что многие жизни зависят от работы Магистрали. Мы должны что-то с этим сделать – из чисто гуманистических соображений. Разобраться со всем, почтмейстер.

– Но у меня с одним Почтамтом забот полон рот! – возразил Мокриц.

– Надеюсь, так и есть. Как подсказывает мне опыт, если хочешь, чтобы работа была сделана хорошо, поручи ее человеку, который уже занят, – сказал Витинари.

– В таком случае я не дам Магистрали простаивать, – сказал Мокриц.

– В память о мертвых, быть может, – добавил Витинари. – Да. Как угодно. Тебе выходить.

Кучер открыл перед ним дверцу, и Витинари наклонился к Мокрицу.

– Кстати, рекомендую до рассвета сходить на заброшенную башню и убедиться, что там никого не осталось, – сказал он.

– Не понимаю, о чем вы, – ответил Мокриц. Он знал, что его лицо не выразило в этот момент ничего.

Витинари уселся поудобнее.

– Отличная работа, господин фон Липвиг.

Толпа у Почтамта приветствовала Мокрица, когда он подошел к дверям. Лил дождь, серая грязная изморось сродни туману, страдающему лишним весом.

Внутри его встретили сотрудники. Мокриц понял, что новости сюда еще не дошли. Даже круглосуточное сарафанное радио Анк-Морпорка не успело его обогнать.

– Что случилось, почтмейстер? – спросил Грош, заламывая руки. – Они победили?

– Нет, – сказал Мокриц, но ни от кого не укрылась резкость его тона.

– А мы выиграли?

– Это будет решать аркканцлер. Не раньше чем через несколько недель. Но семафоры закрывают. Прости, все запуталось...

Он оставил Гроша стоять и смотреть ему вслед, а сам пошел в кабинет, где в углу стоял господин Помпа.

– Добрый Вечер, Господин Вон Липвиг.

Мокриц сел и обхватил голову руками. Он победил, но не чувствовал

триумфа. Он чувствовал хаос.

Ставки? Если Джим Труба доберется до Орлеи, можно будет назвать это технической победой, но Мокриц подумал, что скорее всего ставки будут отменены. Что ж, все хотя бы останутся при своих.

Непонятно как, но теперь ему предстояло держать на плаву еще и Магистраль. Он ведь вроде как дал слово Гну. Удивительно, до чего люди стали полагаться на клики. Еще несколько недель он не получит даже весточки от Джима... даже Мойст уже привык к ежедневным новостям из Орлеи. Это было как лишиться пальца. Но Магистраль была неподъемным, неповоротливым чудищем – столько башен, столько людей, столько труда. Должен быть способ улучшить, наладить, удешевить... или она стала слишком громоздкой и никто не сумеет грамотно ею управлять? Может, Магистраль походила в этом на Почтамт и вся прибыль равномерно размазывалась по всему обществу?

Завтра он возьмется за это всерьез. Нужно налаживать почтовые доставки. Нанимать новых работников. Столько всего надо сделать, а сколько еще перед тем. Ничего больше не будет здорово, никто не будет показывать дулю – что бы это ни значило – большому злему дяде. Он победил, и теперь придется склеить осколки и постараться, чтобы все это работало. А потом прийти сюда на следующий день и повторить сначала.

Не так все должно было закончиться. Ты выигрываешь, кладешь деньги в карман – и уходишь. Так заканчивается любая игра... или нет?

Его взгляд упал на коробку с посланием Ангхаммарада на кривом оплавленном обруче, и он пожелал оказаться на дне океана.

– Господин фон Липвиг?

Мокриц поднял голову. Стукпостук стоял в дверях с другим секретарем на хвосте.

– Да?

– Извини за беспокойство, – сказал он. – Мы пришли к господину Помпе. Нужно немного поменять настройки, ты не против?

– Чего? А. Конечно. Пожалуйста. Валяйте, – Мокриц неопределенно махнул рукой.

Оба секретаря подошли к голему. После коротких приглушенных переговоров голем встал на колени, и они отвинтили ему верхнюю часть головы.

Мокриц в ужасе уставился на него. Он знал, что так все и делается, конечно, но видеть это собственными глазами было жутко. Последовало копошение, которого Мокриц не разглядел, и череп вернули на место, негромко стукнув глиной о глину.

– Извини за беспокойство, – сказал Стукпостук, и секретари удалились.

Помпа еще минуту постоял на коленях, а потом медленно встал. Красные глаза посмотрели на Мокрица, и голем протянул ему руку.

– Я Не Знаю, Что Значит Приятно, Но Уверен, Если Бы Знал, Работать С Тобой Было Бы Именно Так, – произнес он. – Теперь Я Должен Покинуть Тебя. У Меня Новое Поручение.

– Ты, э, ты больше не мой надсмотрщик? – удивился Мокриц.

– Верно.

– Секундочку, – догадался Мокриц. – Витинари отправляет тебя за Позолотом?

– Я Не Вправе Это Разглашать.

– Так и есть! И ты больше не будешь ходить за мной?

– Я Больше Не Буду Ходить За Тобой.

– Значит, я свободен?

– Я Не Вправе Это Разглашать. Спокойной Ночи, Господин Вон Липвиг, – Помпа остановился в дверях. – Мне Также Неизвестно, Что Такое Счастье, Но Я Думаю... Я Думаю, Что Счастлив Знакомству С Тобой.

И, пригнувшись под притолокой, голем ушел.

Остается только вервольф, успела подумать частичка Мокрица. А они не любят лодки и совсем никуда не годятся в море! На дворе ночь, Стража бежит по городу как ужасенная, все заняты, у меня есть немного денег, кольцо с бриллиантом да колода карт... кто меня заметит? Кому я нужен? Кто обо мне вспомнит?

Он мог отправиться куда угодно. Но обо всем этом на самом деле думал не он... лишь несколько клеток его мозга, рефлекторная реакция. Ему некуда было бежать – уже некуда.

Он подошел к большой дыре в стене и выглянул в холл. Хоть кто-нибудь уходил на ночь домой? Но нет, новости разошлись по всему городу, и если ты хотел, чтобы завтра хоть что-то куда-то доставили, нужно было идти на Почтамт. Даже в этот час тут было довольнолюдно.

– Чаю, господин фон Липвиг? – спросил у него за спиной Стэнли.

– Спасибо, Стэнли, – сказал Мокриц, разглядывая холл. Внизу госпожа Макалариат забралась на стул и прибавала что-то к стене.

– Все говорят, что мы выиграла, потому что семафоры закрылись, а директоров посадили. Говорят, что осталось только господину Вросту добраться до Орлеи, и все! А господин Грош говорит, что букмекеры все равно никому не заплатят. А еще король Ланкра хочет напечатать свои марки, но выйдет дороговато, потому что у них за год пишут не больше

десяти писем. Но все равно, мы им показали, а? Почтамт вернулся!

– Это плакат, – сказал Мокриц вслух.

– Простите, что?

– Э... ничего. Спасибо, Стэнли. Развлекайся с марками. Рад видеть, что ты так... крепко стоишь на ногах...

– Я как будто заново родился, – сказал Стэнли. – Мне пора идти, нужно помочь с сортировкой...

Плакат был неказистый. Он гласил: «СПАСИБО ГАСПАДИН ФОН ЛИПВИГ!»

Уныние накатило на Мокрица. Он всегда чувствовал себя паршиво после победы, но в этот раз было невыносимо. Несколько дней он летал как на крыльях, чувствовал себя живым. Теперь он ощущал пустоту. Они вешают для него такой плакат, а он обычный лжец и вор. Он обманул их всех, а они благодарят его за это.

Сзади с порога послышался тихий голос:

– Ребята мне все рассказали.

– Гм, – отозвался Мокриц, не оборачиваясь. *Сейчас она зажигает сигарету*, подумал он.

– Это был некрасивый поступок, – продолжала Дора Гая Ласска тем же ровным тоном.

– Красивый бы не помог, – ответил Мокриц.

– Хочешь сказать мне, что призрак моего брата вложил эту идею тебе в голову? – спросила она.

– Нет. Я сам все придумал.

– Хорошо. Если бы ты так сказал, то хромал бы до конца жизни, гарантирую.

– Спасибо, – медленно произнес Мокриц. – Это была обычная ложь, и я знал, что люди захотят в нее поверить. Обычная ложь. Я сделал это, чтобы помочь Почтамту и вырвать Магистраль из лап Позолота. Если захочешь, ты, наверное, сможешь вернуть ее себе. Ты и все те, кого Позолот оставил с носом. Я помогу, чем сумею. Но не нужно меня благодарить.

Он почувствовал, что она подошла ближе.

– Это не ложь, – сказала госпожа Ласска. – Это то, что должно быть правдой. Моя мать была рада.

– И она думает, что это правда?

– Она не хочет думать иначе.

Никто не хочет. Я этого не вынесу, подумал Мокриц.

– Я знаю, что я за человек, – сказал он. – Я не тот, кем меня все считают. Я просто хотел сам себе доказать, что я не такой, как Позолот. Как

ты говоришь, больше чем просто молоток? Но все равно я мошенник. Я думал, ты это понимаешь. Я так хорошо изображаю искренность, что даже сам путаюсь. Я пускаю им пыль в глаза...

– Ты обманываешь только себя, – сказала госпожа Ласска и взяла его за руку.

Мокриц вырвал руку, выбежал из здания, прочь из города, назад к прежней жизни, жизням, в постоянном движении, продавать стекляшки под видом бриллиантов, но почему-то все было не то, пропал вкус, прошел азарт, даже карты перестали работать как раньше, закончились деньги, и однажды зимой в трактире где-то в трущобах он отвернулся лицом к стене...

И ему явился ангел.

– Что это было? – спросила госпожа Ласска.

Может, иногда все-таки встречаешь их дважды...

– Просто мысль в голову пришла, – сказал Мокриц. Пускай золото сияет на нем и дальше. Он их всех провел, даже ее. Хорошо, что можно продолжать в том же духе и не нужно останавливаться. Нужно только время от времени напоминать себе, что он может бросить в любой момент. Раз он будет это знать, тогда и бросать ничего не придется. Рядом с ним была госпожа Ласска, без сигареты во рту, и стояла она всего в шаге от него. Он наклонился...

За спиной послышался громкий кашель. Это оказался Грош, который держал в руках большую посылку.

– Извините, что помешал, но вам только что пришло, – сказал он и неодобрительно принялся. – Посыльный не из наших. Я подумал, что лучше принести вам не откладывая, а то там что-то шевелится внутри.

Еще в коробке были отверстия для воздуха, заметил Мокриц. Он осторожно поднял крышку и успел вовремя отдернуть руку.

– *Двенадцать с половиной процентов! Двенадцать с половиной процентов!* – закричал попугай и сел Грошу на фуражку.

Записки не было, на коробке значился только адрес.

– Кому пришло в голову прислать вам попугая? – удивился Грош, не страшась поднести руку ближе к кривому птичьему клюву.

– Это попугай Позолота, – сказала госпожа Ласска. – Он подарил тебе птицу?

Мокриц улыбнулся.

– Похоже на то. Эй, пиастры!

– *Двенадцать с половиной процентов!* – крикнула птица.

– Унеси ее отсюда, пожалуйста, – попросил Мокриц. – И научи

говорить... говорить...

– «Верь мне»? – предложила госпожа Ласска.

– Отлично! – сказал Мокриц. – Да, Грош, сделай это.

Когда Грош ушел с радостно подпрыгивающим у него на плече попугаем, Мокриц повернулся к ней.

– А завтра, – сказал он, – я *точно* верну сюда люстры!

– Что? Здесь потолка практически нет, – рассмеялась госпожа Ласска.

– Всему свое время. Верь мне! А там кто знает? Может, я даже отыщу полированные прилавки! Нет ничего невозможного!

А в оживленной суетящимися людьми скорлупе Почтамта с неба посыпались белые перья. Это могли быть перья ангела, хотя скорее всего дело было в голубе, которого потрошил под крышей ястреб. И все же это были *перья*. Всегда нужно держать марку.

Иногда правда находится, когда складываешь всю ложь воедино и вычитаешь ее из общей суммы известных фактов.

Лорд Витинари стоял на самом верху лестницы большого дворцового зала и с высоты смотрел на ревизоров. Для вердиктория был отведен целый этаж.

Круги, квадраты, треугольники рисовались мелом прямо на полу. Внутри фигур чрезвычайно аккуратными стопками были разложены документы и гроссбухи. Ревизоры были повсюду: одни работали внутри меловых фигур, другие бесшумно перемещались от одной фигуры к другой, неся перед собой бумаги, как священные писания. Время от времени прибывали ревизоры и стражники с новыми бумагами, которые с серьезным видом изымались, изучались и добавлялись к соответствующему сектору.

Отовсюду доносились щелчки счетов. Ревизоры ходили туда-сюда, а иногда встречались посреди треугольника и, склонив головы, тихо что-то обсуждали. После этого они могли разойтись в новых направлениях или, чем дальше, тем чаще, кто-то из них отходил в сторону и рисовал новую фигуру, которая начинала заполняться бумагами. А иногда фигуру освобождали от бумаг и стирали, распределяя содержимое по другим секторам.

Ни один колдун, ни одна ведунья не очерчивали магического круга с такой болезненной тщательностью, как здесь, где на полу выносился вердикт. Час за часом, с терпением, которое сначала ужасало, а потом надоедало. Это была война ревизоров – их набег на врага совершались

посредством сводок и цифр. Мокриц умел читать слова, которых не было, зато ревизоры умели находить цифры, которых не было, или они были дважды, или не там, где надо. Они никуда не спешили. Отшелуши ложь за ложью, и на свет появится правда, голая, пристыженная, которой негде спрятаться.

В три часа ночи прибыл господин Сырборо, запыхавшийся, заплаканный, и увидел, что его банк превратился в ворох бумаг. Он привел с собой своих бухгалтеров, в ночных рубашках, торопливо заправленных в брюки, и они встали на колени рядом с ревизорами и достали еще больше бумаг, заново сверяя данные в надежде, что, если смотреть на цифры достаточно долго, они рано или поздно дадут другой результат.

А потом пришла Стража с маленьким красным грессбухом, который положили в отдельный круг, и вскоре весь узор сконцентрировался вокруг него...

Ночь близилась к рассвету, когда прибыли серьезные люди. Они были старше, толще, лучше одеты – но это никогда не выставлялось напоказ – и передвигались тяжеловесно, наводя на мысль об очень больших деньгах. Они тоже были финансистами, и богатством превосходили королей (которые нередко оказывались бедняками), но за рамками ближайшего окружения мало кто в городе знал их и вряд ли обратил бы внимание на улице. Они тихо поговорили с Сырборо, обращаясь с ним как с человеком, пережившим большую утрату, потом посоветовались между собой и золотыми автоматическими карандашами заставили цифры плясать и прыгать через обручи в своих блокнотах. Затем они пришли к тихому соглашению и пожали друг другу руки, что в этом кругу имело несравнимо больше веса, чем подписанный документ. Костяшке домино не дали упасть. Столпы, на которых держался мир, перестали содрогаться. Кредитный банк откроется утром, и когда это произойдет, долговые обязательства будут исполнены, жалованья выплачены, а город – накормлен.

Они спасали город золотом с большей легкостью, чем любой герой сталью. Правда, это было не совсем золото, даже не обещание золота, а скорее мечта о золоте, иллюзия, что оно есть, там, где кончается радуга, и всегда там будет – если, конечно, ты не додумаешься отправиться на его поиски.

Это и называлось Финансами.

На пути домой, где его ждал непритязательный завтрак, один из них заскочил в Гильдию Убийц поздороваться со своим старым приятелем лордом Низзом, и в течение этого визита нынешняя ситуация лишь упоминалась. А Хват Позолот, где бы он ни пропал, стал величайшим

страховым риском на свете. Те, кто охраняет радугу, не любят людей, которые заслоняют собой солнце.

Эпилог

Некоторое время спустя...

У человека, сидящего на стуле, не было ни длинных волос, ни повязки на глазу. У него не было и бороды – точнее, у него не было намерения иметь бороду, но он не брился уже несколько дней.

Человек застонал.

– А, господин Позолот, – сказал лорд Витинари, отвлекаясь от партии. – Уже проснулся. Прошу меня извинить за то, каким образом тебя доставили сюда, но некоторые весьма влиятельные люди желают твоей смерти, и мне показалось, лучше нам встретиться до того, как их желание будет исполнено.

– Впервые слышу это имя, – сказал человек. – Меня зовут Рэндольф Штрих, и у меня есть соответствующий документ...

– И какой замечательный документ, господин Позолот. Но довольно. Сейчас я бы хотел поговорить с тобой об ангелах.

Хват Позолот, то и дело морщась от боли (когда голем три дня тащит тебя на плече, это дает о себе знать), с нарастающим недоумением слушал рассуждения лорда Витинари об ангелах.

– ...вот к чему я, господин Позолот. Монетный двор нуждается в принципиально новом подходе. Он устарел, совсем не то нам нужно в нынешний Век Анчоуса. Нам есть куда расти. За последние месяцы знаменитые марки господина фон Липвига стали неофициальной валютой в городе. Они легкие, их удобно носить с собой и даже можно посылать почтой! Интереснейшая вещь, господин Позолот. Люди постепенно начинают свыкаться с идеей, что деньгам необязательно блестеть. Любопытный факт: однопенсовая марка переходит с рук на руки до двенадцати раз, пока ее наконец не приклеят и не используют по назначению. Монетному двору нужна рука человека, который понимает *иллюзию* денег. Тебе будет положено жалованье и, если не ошибаюсь, форменный головной убор.

– *Вы предлагаете мне работу?*

– Да, господин Штрих, – сказал Витинари. – А чтобы ты не сомневался в серьезности моего предложения, позволю себе указать на дверь прямо за тобой. Если в какой-то момент ты решишь, что хочешь уйти, достаточно лишь переступить за порог, и ты больше никогда меня не увидишь...

Некоторое время спустя в кабинет вошел Стукпостук. Лорд Витинари

читал рапорт о тайном собрании САМОГО узкого круга Гильдии Воров, состоявшемся прошлой ночью.

Секретарь бесшумно собрал со стола документы и встал рядом с Витинари.

– Десять ночных кликов, – сообщил он. – Хорошо, что Магистраль снова функционирует.

– Это верно, – сказал Витинари, не поднимая головы. – Иначе как люди узнают, что именно они должны думать? Почта из-за рубежа есть?

– Стандартные посылки, милорд. Конверт из Убервальда явно был вскрыт.

– Ах, милая леди Марголотта, – улыбнулся Витинари.

– Я взял на себя смелость снять марки для своего племянника, милорд, – продолжил Стукпостук.

– Ну разумеется, – Витинари махнул рукой.

Стукпостук обвел взглядом кабинет и посмотрел на доску, где шел нескончаемый бой маленьких каменных армий.

– Поздравляю с победой, милорд, – заметил он.

– Да, нужно будет взять гамбит на вооружение.

– Я вижу, господина Позолота нет...

Витинари вздохнул.

– Человек, который *до такой степени* верит в свободу выбора, не может не вызывать восхищения, – сказал он, глядя в открытую дверь. – Увы, он не верил в ангелов.

notes

Примечания

Дурвильский Безритмический Рифмованный Жаргон. Миру известны самые разнообразные рифмованные сленги, обогатившие язык такими выражениями, как «фрукт не овощ» (помощь), «куд-кудах» (страх) и «шишел-мышел» (Общая Теория Относительности). Дурвильский уличный рифмованный сленг отличается от прочих известных тем, что в нем, парадоксальным образом, ничего не рифмуется. Никто не знает этому причин, но были выдвинуты следующие теории: 1) это сложный диалект, подчиняющийся на деле множеству никому не известных законов, 2) название ему очень подходит и 3) его сочинили, чтобы действовать на нервы иностранцам, что справедливо для подавляющего большинства подобных сленгов.

Внешность, конечно, бывает обманчива. Несмотря на выражение лица – как у поросенка, которого озарила удачная идея, – и манеру поведения – как у мелкой, сопящей, нервной, но безумно дорогой шавки, – господин Слыпень вполне мог оказаться добрым, великодушным и благочестивым человеком. Точно так же, как человек в маске и полосатом комбинезоне, торопливо вылезавший из вашего окна, возможно, просто заблудился по дороге на маскарад, а человек в парике и мантии на входе в зал суда, возможно, обычный трансвестит, который заглянул сюда, прячась от дождя. Скоропалительные выводы бывают так несправедливы.

В регионах, где преобладают другие сельскохозяйственные культуры и влияние капусты на общественный уклад не так сильно, дело происходило бы, разумеется, у черта на куличках.

4

В тайных обществах всегда серьезная нехватка женщин.

5

Опять.

Многие культуры в шуме и суете современного мира не практикуют последние из вышеупомянутых добродетелей, потому что напрочь забыли, что они означают.

Например, что краденых лошадей под покровом ночи разбирают на запчасти, а потом они объявляются где-нибудь перекрашенные и с двумя разными ногами. Еще рассказывали, что была в Анк-Морпорке одна лошадка, у которой от головы до хвоста тянулся продольный шов, потому что ее сшили из двух других лошадей, которые попали в ужасную дорожную аварию.

8

Было бы очень больно.

Чаще всего это половник, но не обязательно: это может быть лопатка или механическая взбивалка для яиц, причастность к покупке которого отрицают все домочадцы. Отчаянный дикий лязг и вопли: «Как оно могло так закрыться, что теперь не открывается? Кто это купил вообще? Кто этим пользуется?» – славят Анунайю. Еще она пожирает штопоры.

10

Еще одна подлая фраза, которая всегда приходит на выручку проходимцам, когда их припрут к стенке.

Чудакулли систематизировал документы по принципу Первой Подвернувшейся Поверхности.

Аркканцлер всегда считал повышение действенным административным наказанием. Гражданскому лицу ругать волшебника было непозволительно. Это была работа аркканцлера.